

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ

№ 12 2021 (ДЕКАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

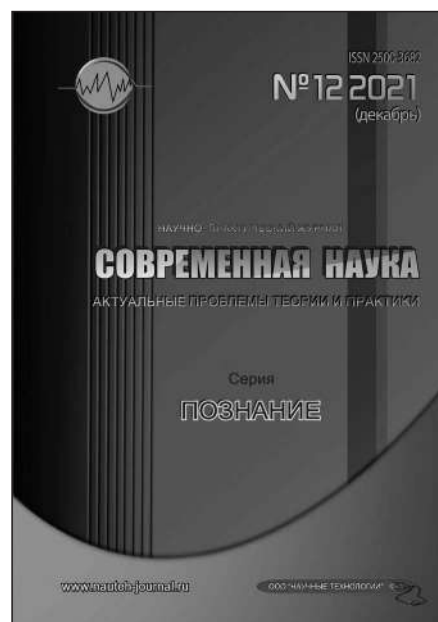
Подписано в печать 24.12.2021 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №12 (декабрь) 2021 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Алиева З.Э.** – Особенности исполнения сонат для скрипки соло И. Хандошкина
Alieva Z. – Features of the performance of sonatas for solo violin by I. Khandoshkin 6
- Кириллова Н.Б.** – Мануэль Кастельс: стратегия интернет-культуры информационной эпохи
Kirillova N. – Manuel Castels: strategy of the internet culture of the information age..... 15
- Коломыц Д.М., Коломыц О.Г.** – Цивилизационный подход в изучении истории и культуры: евразийское видение
Kolomyts D., Kolomyts O. – The civilizational approach to the study of history and culture: Eurasian vision..... 20
- Куличенко Т.В.** – Семантические шкалы: анализ сакрально-профанного зонирования культурного ландшафта города (на примере г. Саратов)
Kulichenko T. – Semantic scales: analysis of sacral-profane zoning cultural landscape of the city (on the example of city Saratov)..... 25
- Мухаммад Л.П., Алымов М.А.** – Универсальное, национально-специфическое и уникально-личностное в русскоязычных переводах стихов туркменского поэта Махтумкули Фраги
Muhammad L., Alymov M. – Universal, nationally specific and uniquely personal in Russian translations of poems by the Turkmen poet Makhtumkuli Fragi..... 31
- Писаревская Н.С.** – Самоидентификация субъектов массовой культуры в условиях общественных трансформаций
Pisarevskaya N. – Self-identification of mass cultural subjects in the conditions of social transformation..... 36

Психология

- Афиногенова В.А.** – Речевые провокации в повседневном интернет-взаимодействии: варианты реализации и развитие диалога
Afinogenova V. – Speech provocations in everyday internet interaction: variants of realization and dialogue development..... 39
- Бюндюгова Т.В.** – Визуальный компонент организационной культуры: сравнительный психологический анализ
Bundyugova T. – Visual component of organizational culture: comparative psychological analysis..... 45
- Дубовик Е.Ю., Тарасова С.И.** – Психопрофилактика тревожности в структуре эмоционального неблагополучия подростков, оставшихся без попечения родителей
Dubovik E., Tarasova S. – Psychoprophylaxis of anxiety in the structure of emotional distress of adolescents left without parental care 52
- Жакупова Я.Т., Овчинников М.В., Мокина Я.В.** – Возможности комплексного патопсихологического исследования расстройств органического спектра
Zhakupova Ya., Ovchinnikov M., Mokina Ya. – The possibilities of a comprehensive pathopsychological study of organic spectrum disorders..... 58
- Игнатов К.А.** – Совершенствование коммуникативных навыков у подростков с ментальными нарушениями
Ignatov K. – Improving communication skills in adolescents with mental disabilities 63
- Кожевина А.П., Дубровина С.В., Айдарова Е.Д.** – Взаимосвязь стиля лидерства с индивидуальными особенностями личности у сотрудников МЧС
Kozhevina A., Dubrovina S., Aydarova E. – The relationship of leadership style with individual personality characteristics of the employees of the Ministry of Emergency Situations..... 67

- Печковская Е.М.** – Изменение трудоспособности и трудовой деятельности преподавателей высших учебных заведений при переходе на дистанционное обучение
Pechkovskaya E. – Changes in the ability to work and work activity of teachers of higher educational institutions during the transition to distance learning 72
- Степанова Н.А., Максимова Д.А.** – Социальный интеллект как предиктор личностной безопасности подростков с умственной отсталостью
Stepanova N., Maksimova D. – Social intelligence as a predictor of personal safety of adolescents with mental retardation 76
- Шевеленкова Т.Д.** – Социальная фрустрированность и выраженность невротических состояний у молодых людей – активных пользователей игровыми интернет-порталами
Shevelenkova T. – Social frustration and expression of neurotic states in young people – active users of game internet portals 81
- Философия
- Агафонов Е.А.** – Постмодернистская трактовка языка как онтологической сущности
Agafonov E. – Postmodern interpretation of language as an ontological essence 91
- Бернацкий В.О., Макухин П.Г.** – Клинамен как понятие и важное дополнение в диалектике необходимости и случайности
Bernatskiy V., Makuhin P. – Clinamen as a concept and an important complement in the dialectic of necessity and chance 94
- Девлетов О.У., Гвоздева К.И., Сазбандян Т.В.** – Корпоративная культура сотрудников компании в сфере логистики в условиях пандемии COVID-2019
Devletov O., Gvozdeva K., Sazbandyan T. – Corporate culture of the company's employees in the field of logistics in the context of the COVID-2019 pandemic 100
- Извекова Т.Ф.** – Философская концепция Ф.М. Достоевского решения проблемы соотношения веры и знания в познавательном процессе
Izvekova T. – Fyodor Dostoevsky's philosophical concept of solving the problem of relationship of faith and knowledge in the cognitive process 105
- Коваленко Н.Г.** – Базовые ценности в символическом поле духовной культуры России
Kovalenko N. – Basic values in the symbolic field of spiritual culture of Russia 111
- Логинова Е.Г., Гвоздева Е.Н.** – Коммуникация в глобальном мире: экзистенциально-ценностный аспект
Loginova E., Gvozdeva E. – Communication in the global world: existential and axiological aspect ... 117
- Миронова Н.Г.** – Проблемы информационной безопасности персональных данных учащихся при обучении с использованием цифровых образовательных платформ
Mironova N. – Problems of information security of students' personal data when teaching using digital educational platforms 121
- Муфтахова А.Н.** – Неравенство в удовлетворении жилищной потребности среди жителей мегаполиса Санкт-Петербурга
Muftakhova A. – Inequality in the satisfaction of housing needs among residents of the megapolis of St. Petersburg 128
- Саврей В.Я.** – Становление герменевтики и новые горизонты в диалоге интерпретаций
Savrey V. – The formation of hermeneutics and new horizons in the dialogue of interpretations 135
- Саврей В.Я.** – Философия хрупкого мира: человечество на пороге новой глобальной реальности
Savrey V. – Philosophy of a fragile world: humanity on the threshold of a new global reality 142
- Скопа В.А.** – Единство природного и культурного в человеке в условиях современных трансформационных процессов общества

Skopa V. – The unity of natural and cultural in a person in the context of modern transformational processes of society148

Федяшкин М.В. (иеромонах Тихон) –

Семиотическая мимикрия в синкретических религиозных организациях на примере «Михайловской обители» г. Пензы

Fedyashkin M. (hieromonk Tikhon) – Semiotic mimicry in syncretic religious organizations on the example of the st. Michael’s monastery in Penza152

Фролов А.С. – Пошлость как явление в сфере образования и культуры

Frolov A. – Vulgarity as a phenomenon in the field of education and culture156

Чугунов С.В. – Проблема свободы воли в отечественной философии

Chuginov S. – The problem of freedom of will in domestic philosophy162

Информация

Наши авторы. Our Authors167

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале169

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ СОНАТ ДЛЯ СКРИПКИ СОЛО И. ХАНДОШКИНА

Алиева Зарема Эбазеровна

*Заслуженный работник образования Республики Крым, Профессор, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»
selsebil@inbox.ru*

FEATURES OF THE PERFORMANCE OF SONATAS FOR SOLO VIOLIN BY I. KHANDOSHKIN

Z. Alieva

Summary: The article is dedicated to the composer and performer Ivan Khandoshkin. The famous Russian virtuoso violinist had a noticeable influence on the formation of the national instrumental style. The article presents a panorama of Russian music of the 18th century. in various forms of its existence. The characteristic features of the emerging national style in the synthesis of European forms, genres and characteristic features of Russian music are determined. Three violin solo sonatas - the pinnacle of Ivan Khandoshkin's virtuoso instrumental style - are viewed as a single microcycle.

In this article, the author proposes the concept of a metacycle of three sonatas by Ivan Khandoshkin for solo violin, united by a series of arched themes. Khandoshkin reformed the principles of development and textured resources, combining the laws of classical and baroque variations, meticulous craftsmanship, imitation of Bach's polyphonic music.

By combining the skills and methods of performance accumulated in violin schools in Germany, Italy and France, Khandoshkin developed his own style of playing and opened up new possibilities for combination. The author comes to the conclusion that in each sonata and in the entire metacycle there is a process of accumulating technical complexity from the beginning to the end of the piece.

Keywords: Khandoshkin, violin, solo, sonata, metacycle, structure, leitmotif, stroke combinations, concept.

Аннотация: Статья посвящена композитору и исполнителю Ивану Хандошкину. Знаменитый российский скрипач-виртуоз оказал заметное влияние на формирование национального инструментального стиля. В статье представлена панорама русской музыки XVIII в. в различных формах ее бытования. Определены характерные черты нарождающегося национального стиля в синтезе европейских форм, жанров и характерных особенностей русской музыки. Три скрипичные сольные сонаты - вершина виртуозного инструментального стиля Ивана Хандошкина - рассматриваются как единый микроцикл.

В этой статье автор предлагает концепцию метацикла трех сонат Ивана Хандошкина для скрипки соло, объединенных серией арочных тем. Хандошкин реформирует принципы развития и фактурные ресурсы, сочетая законы классических и барочных вариаций, скрупулезного мастерства, имитации полифонической музыки Баха.

Объединив, навыки и методы исполнения, накопленные в скрипичных школах Германии, Италии и Франции, Хандошкин разработал свой собственный стиль игры и открыл новые возможности для комбинирования. Автор приходит к выводу, что в каждой сонате и во всем метацикле происходит процесс накопления технической сложности от начала до конца произведения.

Ключевые слова: Хандошкин, скрипка, соло, соната, метацикл, структура, лейтмотив, комбинации штрихов, концепция.

Три сольные скрипичные сонаты (1781 г.) демонстрируют выразительную силу скрипки как самостоятельного полифонического инструмента. Эти сонаты также можно рассматривать как попытку воспроизвести звучание народного ансамбля. Стиль данных произведений полифоничен и часто содержит важные присутствующие полифонии элементы [2].

Весьма интересны Хандошкину были особенности игры цыганских скрипачей. Хотя они не совсем относятся к исполнителям в России. Это один из характерных фрагментов мотива Хандошкина, близкий к мотивам венгерских народных танцев.

Цель исследования – рассмотреть особенности технического исполнения для скрипки соло И. Хандошкина.

Задачи исследования:

- Отдельно проанализировать сонаты И. Хандошкина для скрипки соло;
- Проанализировать весь метацикл как комплексную структуру.

Предметом исследования выступает – специфика исполнения сонат И. Хандошкина.

Методология исследования. В данной работе был использован историко-сравнительный и метод комплексного исследования фольклора.

Вариации Хандошкина бросили вызов современным скрипачам, создав ему славу непревзойдённого мастера. Неудивительно, что современники говорили Хандошкину: «Его песни нельзя играть» [1].

Смычковая техника Хандошкина так же вызывает интерес. В его вариациях мы находим редкие удары и различные варианты использования стаккато в скрипичной практике 18-го века, особенно тонкие техники рывков.

Русская камерная инструментальная музыка XVIII столетия долгое время оставалась на периферии магистрального пути исследований музыкальной науки. Одна из причин - повышенное внимание историков музыки к музыкальному театру и хоровому концерту, наиболее ярко заявившим о себе в то время. Кроме того, сама форма бытования камерной музыки как прикладного жанра, призванного к увеселению или украшению домашних празднеств аристократии и просвещенных горожан, не способствовала появлению ценных в художественном отношении произведений. Музыка, исполнявшаяся в быту, в основном принадлежала танцевальным жанрам. Неприязательность «пользователей» камерного инструментального жанра оказывала известное влияние на простоту изложения и фактурную безыскусность инструментальных пьес той поры. Велико было значение и русской народной песни. Музыканты-любители и композиторы, владеющие в той или иной степени канонами европейского классического стиля, способами разработки мелодического материала, обрабатывали для заинтересованной аудитории самые разные мелодии русских народных песен и плясок. Публика и музыканты-исполнители охотно включали в свой культурный обиход многообразные инструментальные вариации на народные темы. Тем самым закладывалась важнейшая составляющая национального инструментального стиля. На протяжении десятилетий XVIII в. постепенно, шаг за шагом, шло развитие инструментального исполнительства, одно за другим появлялись произведения русских музыкантов в камерно-инструментальном жанре.

Российские музыканты с огромным интересом изучали инструментальный европейского симфонического оркестра и специфику исполнения на нем. Учились на известных образцах западной музыки, осваивали различные музыкальные формы, включались в общеевропейскую традицию. Это были, как правило, выходцы из социальных низов российского общества, поскольку в XVIII в. светская музыка не воспринималась чем-то серьезным, а лишь служила развлечением или украшением быта. Из крепостных происходил Дегтярев, из солдат – Фомин, из ремесленников - Хандошкин [1, с. 137].

Штриховое разнообразие связано с необычайно богатым ритмом музыки Хандошкина. Это разнообразие проистекает из характера музыкального содержания, а не из внешних навыков исполнителя.

Вариации Хандошкина – максимально насыщенные и законченные произведения русского композитора XVIII

века в этом жанре [6].

Важное место в развитии русского национального сольного письма наряду с клавириными сонатами Д. Бортнянского занимают скрипичные сонаты И. Хандошкина [5].

Хандошкин – исполнитель и композитор, привлекающий широкую публику. И так, другое направление в его стиле игры, импровизация и великолепные концертные выступления, а главное – богатое использование народных песен в его произведениях [5].

В скрипичных сонатах Хандошкина эти типы инструментальной музыки независимы и разнообразны.

Примечательно то, что сонаты по-разному представлены для двух скрипок, сольной скрипки, скрипки и баса. Тематически сонаты Хандошкина не имеют прямого отношения к фольклору. Но широта и мелодичность партии, мягкость и теплота музыки, несомненно, являются результатом благотворных влияний фольклора [7].

Возможно, что «Six sonates a deux violons», изданные в Амстердаме в 1781 году и являющиеся наиболее ранней из известных нам публикаций сочинений Хандошкина, построены на народнопесенных элементах подобно его «русским песням» для двух скрипок [6].

Сольная скрипичная соната Хандошкина, не зависящая от аккомпанемента, подчеркивает выразительную мощь и технические средства скрипки [5]. Поэтому в фактуре преобладают аккорды и двойные ноты. [6].

В этом отличие его сонат от соло для скрипки И.С. Баха. Соната Хандошкина состоит из трех частей. Распределение частей-медленно-быстро-быстро или медленно-быстро-медленно. «В них есть вкус к идеям, темперамент и субъективизм. Великолепная утонченность и риторика уступают место внутреннему значению. Это стиль концертного зала, а не парикмахерской» [6].

Практика домашнего музицирования, исполнения новой музыки русских и зарубежных мастеров постепенно готовила и слушателя к восприятию произведений камерного инструментального жанра самодовлеющей художественной ценности. Медленное и постепенное вхождение в европейскую инструментальную традицию связано еще с одной особенностью русской жизни. Несколько столетий и быт, и повседневную жизнь, и праздники сопровождала народная песня - сольная или ансамблевая и, конечно, хоровая музыка церковных служб. Инструментальная же музыка, звучание европейских оркестровых инструментов долгое время не воспринималось как нечто важное. Такое же отношение было и к русским музыкантам, стремившимся освоить

выразительные и виртуозные возможности европейского инструментария. До 80-х гг. XVIII в. в кругах русской аристократии в основном пользовалась успехом музыка итальянских композиторов. Первые же образцы русской камерной инструментальной музыки относятся к концу столетия. Эта замечательная музыка связана с именами Дмитрия Бортнянского и Ивана Хандошкина. Именно их творчество заложило основы отечественной камерной инструментальной музыки, принесшей богатейшие плоды уже в XIX и XX веках. Бортнянский и Хандошкин представляют своим искусством как бы два полюса национального камерного стиля. Это стиль галантного утонченного рафинированного искусства Бортнянского и концертный виртуозный демократичный по своим устремлениям стиль Хандошкина. Бортнянский оставил после себя значительное количество сочинений в самых разных жанрах, Хандошкин ограничил себя исключительно скрипичным искусством, но поднял его на почти недостижимую высоту.

В конце XVIII столетия в обеих русских столицах началась довольно интенсивная концертная жизнь. В дни Великого поста, когда закрывались все театры, наступала пора камерной музыки. Очевидец сообщает в своих записках о 1789 году: «Никогда еще так много не утешались всеми своими музыками, как в тогдашнее спокойное и приятнейшее в году время. Все они доведены были уже до довольно совершенства, и нам оставалось только или утешаться, чего мы и не упускали делать и нередко музыкантов и певчих доводили даже до усталости. Редкий день проходил, в который бы не доходило у нас до оных дело» [2, с. 68]. Театры открывали свои двери для музыкантов и слушателей камерной музыки. Звучали в основном произведения современных композиторов. За исключением ораторий Генделя, Телемана и некоторых других авторов первой половины XVIII в., репертуар состоял из новой музыки, в том числе и русских композиторов [2, с. 71].

Камерная музыка, отраженная в рукописных сборниках XVIII в., представлена в основном музыкой клавирной. Так же, как и в Европе, семейство клавишных инструментов становится привычным в домашнем музыкальном обиходе России. К концу столетия молоточковое фортепиано вытесняет клавикорд. Клавирные сонаты Дмитрия Бортнянского были написаны уже для нового инструмента. Певучий звук фортепиано как нельзя лучше вписался в национальный инструментальный стиль, изначально тяготевший к русской песне. Еще более естественным оказался звук скрипки, способный со свойственной ей теплотой передать дух народной песни. Скрипка включалась в то время в самые разные составы камерных ансамблей. Можно с уверенностью сказать, что великая русская симфоническая традиция имела своим началом камерную инструментальную му-

зыку XVIII века. Его прообразом стала музыка, написанная и исполнявшаяся ансамблями, включавшими в себя европейские оркестровые инструменты, среди которых скрипка, как правило, играла главенствующую роль.

Большое значение для формирования русского скрипичного исполнительства имели итальянские музыканты: Джованни Веронаи, Луиджи Мадонис, Доменико Далольо, Антонио Лолли, Джузеппе Виотти, Джузеппе Тартини. Последний оказал заметное влияние на выдающегося композитора эпохи Ивана Хандошкина. Так, М.Р. Габдуллин отмечает наиболее существенные аспекты воздействия итальянского скрипача и композитора на искусство своего русского коллеги - это «тяготение к итальянскому стилю *concitato* (в частности, использование диссонансирующих интервалов); опора на особенности оперного речитатива; воплощение специфики оперного стиля *lamento*; передача вокальной природы народной мелодики; балансирование между четкой структурной организацией (с глубокими контрастами разделов) и сквозным развитием; расширение технических возможностей правой руки (обогащение штрихов)» [3, с. 97].

Иван Хандошкин, названный современниками «Нашим Орфеем», всецело посвятил себя камерному инструментальному жанру. Как и другие композиторы того времени, он писал музыку в основном в форме вариаций. Его трактовка жанра выходит далеко за пределы обихода домашнего музицирования. Самое масштабное сочинение в форме вариаций - 40 вариаций на тему песни «Калинушка». По масштабу это сочинение можно сравнить лишь с тартиниевским «Искусством смычка». Автор монографического очерка о Хандошкине Г.Ф. Фесечко называет вариационный цикл композитора «энциклопедией разнообразных приемов вариационной разработки русских народных песен» [4, с. 62]. Техническая изобретательность автора никогда не противоречит духу русской песни, положенной в основу вариаций. «Хандошкина как композитора вариаций, - пишет В.А. Цуккерман, - отличает прежде всего искусство сохранять дух темы в любых, даже самых развитых и оживленных ее преобразованиях; интонации темы почти всегда сквозят через ткань вариаций. Поразительны свобода рисунка, живость и разнообразие ритмики. В вариациях Хандошкина фигурация служит композитору, а не он ей» [5, с. 237].

Его совершенное владение скрипкой стало главным подспорьем масштабного виртуозного стиля как во множестве вариаций на русские темы, нескольких дуэтах для струнных инструментов, так и в трех сольных скрипичных сонатах. Фактура этих сочинений не просто сложна, а изощрена. Она изобилует самыми разными виртуозными приемами и штрихами, полна аккордовой техникой и избытком двойных нот. Как известно, жанр соль-

ной скрипичной сонаты достиг своего расцвета в эпоху барокко, особенно в творчестве И.С. Баха. Хандошкин, хорошо знакомый с европейской традицией, прежде всего с музыкой итальянцев, создает, однако, свои сочинения в этом жанре на совершенно иных основаниях, нежели европейские мастера. Был ли знаком Хандошкин с сольными скрипичными сонатами Баха, доподлинно неизвестно. Из немецких композиторов наиболее близок Хандошкину почти не исполняющийся сегодня, а в то время достаточно известный немецкий композитор Вильгельм Фридрих Руст. Скрипичные сольные сонаты и немецкого, и русского композиторов основываются на старинной сонате, но в некоторых чертах приближаются к сонатной форме венских классиков. Ю.В. Келдыш считает, что Хандошкин «культивирует форму скрипичной сонаты соло в последних десятилетиях XVIII века, когда на Западе она была уже почти забыта и вышла из творческого обихода композиторов» [6, с. 107]. Сонаты Хандошкина заимствуют форму старинной сонаты-сюиты от итальянцев. Но в своем творчестве он идет дальше: развивает мелодику и фактуру. Хандошкин почти не прибегает к использованию полифонических приемов. Фактура его скрипичных сонат, за редким исключением, гомофонна. И. Ямпольский в этом видит принципиальное отличие от скрипичных сочинений Баха: «...применяя аккорды и двойные ноты, достигая разнообразия и полноты звучания, Хандошкин остается в рамках чисто гомофонного стиля. В этом – отличие его сонат от сонат и партит И.С. Баха для скрипки соло» [7]. Наличие разработки и репризы сонатного *allegro* в сонате соль минор сближает форму с классическим каноном сонаты. Стройная архитектура скрипичных сонат Хандошкина – одно из их неоспоримых достоинств. По мнению Г.Ф. Фесечко, «Хандошкин обнаруживает не только композиторское мастерство в отношении преобразования тематизма и тематического развития, но и замечательное чувство музыкальной формы в целом» [4, с. 64].

В скрипичных сонатах Хандошкин обнаруживает редкую изобретательность в использовании приемов различных предшествующих, современных и только нарождающихся стилей. С.И. Нестеров так пишет об этом свойстве композитора Хандошкина: «Он ни разу не повторяется в структуре цикла, свободно комбинирует части классических сонат и сюит, церковной сонаты и барочной партиты, вариаций. Все три сонаты для скрипки соло представляют собой метацикл из трех циклических образований, что подтверждают прямые тематические связи первой и третьей сонаты. Третья соната композиционно неустойчива. И равновесие формы поддерживается ее только «репризностью» по отношению к первой сонате. Во всех сонатах есть вариации, в которых использованы орнаментальные классические модели. Композитор использует виртуозные приемы игры на скрипке, идущие преимущественно от Моцарта и Тарти-

ни. Это обеспечивает синтез в его творчестве барочных и классических тенденций. Возникает диалог стилей.» [4, с. 9].

По тому, сколько много технических приемов и трудностей встречается в сонатах для скрипки соло, можно судить и о техническом мастерстве автора, и о скрипичном исполнительстве того времени. Еще до явления на европейской сцене великого Никколо Паганини Иван Хандошкин потрясал своих слушателей своим искусством концертного скрипача. Очевидец пишет: «при неопределимо смелых скачках и пассажах, какие он с истинно русской удалью исполнял на своей скрипке, так ноги слушателей и слушательниц сами собой начинали невольно подпрыгивать» [7, с. 33]. Хандошкин играл и на одной струне, и на перестроенном инструменте. Примечателен текст объявления в «Санкт-Петербургских ведомостях» о концерте, в котором надлежало играть русскому виртуозу: «В четверток 12 числа сего месяца, на здешнем немецком театре будет дан музыкальный концерт, в котором г. Хандошкин играть будет соло на расстроенной скрипке» [7, с. 33]. И. Ямпольский считает, что «широкое использование Хандошкиным приема скордатуры характерно для связей его исполнительского искусства с искусством народных скрипачей. Скордатура, прием, обычный для народного скрипача, беспрестанно изменяющего строй скрипки в соответствии с тональностью исполняемой песни. Благодаря этому приему скрипач получает возможность, не выходя за пределы первой позиции, извлекать из своего инструмента сочетания звуков, которые при нормальном строе извлечь невозможно» [6]. Игра мастера была не только головокружительно виртуозна, но и чрезвычайно проникновенна в певучей музыке. «Слушая «Адажио» Хандошкина, никто не в силах был удержаться от слез», – свидетельствует слушатель [7, с. 34]. Музыкант не чурался в ярмарочный день выйти на площадь и играть перед простым людом. Может, еще и поэтому его стиль называют концертным, он стал как бы предчувствием широкой демократизации музыкального искусства, предощущением того времени, когда музыка высокой традиции выйдет из дворцов и аристократических гостиных и станет достоянием многих.

Каждая из сольных скрипичных сонат представляет собой маленький шедевр. Они образуют и некое подобие цикла, объединяясь тематическими или мотивными связями. Строение их идентично некоторым образцам раннеклассического стиля. Это медленная первая часть, менуэт с трио или сонатное *allegro* второй части и стремительный финал с некоторыми чертами весьма подвижного характерного танца.

Первая соната соль-минор выделяется исследователями как безусловный шедевр национального камерно-

инструментального искусства. В ней, наряду с обилием ярчайших проявлений концертно-виртуозного стиля, можно отметить и монументальность формы, и напряженность патетического высказывания, и тонкость лирических тем. Ее начало – редкий в жанре сольной скрипичной сонаты траурный марш. Его иногда называют маршем-эпитафией за рельефную речитативную выразительность интонации. Музыка здесь почти буквально подражает патетической речевой декламации. Так много здесь контрастной громкостной динамики, мелких мотивных делений фразы, самых разных штрихов, много кратких экспрессивных усиления и пассивных затуханий звука. Есть здесь и некоторые черты диалога. Он проявляется и в параллельном движении нижнего голоса, и в ответах «баска» на патетические возгласы темы (Рис. 1).

Стремительная вторая часть написана в форме сонатного allegro. Здесь можно усмотреть связь как со старинной сонатной формой, так и с раннеклассической сонатой. Заметны здесь и элементы двухтемности. Непрестанное движение восьмых в очень быстром темпе прерывается речитативными реминисценциями и ка-

денциями, предусмотренными автором как импровизации солиста (Рис. 2).

Финал сонаты представляет собой вариации на песенную тему печально-элегического характера. Музыка темы финала связана с темой траурного марша первой части. Шесть последующих вариаций являют динамизацию темы. Каждая новая вариация вместе с тематическим развитием вносит новые фактурные решения, сопровождаемые усложнением приемов скрипичной игры. Принято считать, что финал первой скрипичной сонаты Хандошкина – один из самых трудноисполнимых опусов во всей скрипичной литературе (Рис. 3).

Вторая соната Си-бемоль мажор написана в моцартовском духе. Автор, как и в других своих сочинениях, вкладывает в европейскую классическую форму характерную напевность русской народной песни. Изысканность мелодического рисунка, слегка украшенного прихотливой орнаментикой группетто, мордентов и форшлагов, галантные завершения мотивов отнюдь не мешают проявлению русского мелоса (Рис. 4).

Рис. 1.

Рис. 2

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Менуэт второй части несет в себе и черты галантно- придворного танца, и патетического речитативного высказывания, и всепроникающего песенного начала

(Рис. 5).

Трио менуэта приводит с собой «тьень» минорного лада. Автор следует по разным тональностям, неизмен-

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

Рис. 10.

Рис. 11.

но держась минорного оттенка в гармонии, и завершает менуэт все в том же параллельном основной тональности до миноре (Рис. 6).

Моторное финальное рондо, по выражению И. Ямпольского, своеобразно преломляет идею «перпетуумности» [7]. Явно слышны здесь и отголоски народной пляски. На память приходят и некоторые «колена» Камаринской (Рис. 7).

Ремарка *Maestoso*, предпосланная первой части третьей сонаты, относит нас к Сонате № 1 соль минор, к ее траурному маршу. Но мажорный лад и общий светлый колорит этой музыки говорят об абсолютно противоположном образе. Есть, правда, некоторое сходство в довольно заметном разговоре будто двух персонажей, один из которых ведет пространную речь, другой сопровождает. Так же, как и в траурном марше, есть некий «собеседник» темы, отвечающей краткими репликами. Начало темы с доминантового звука к тонике по-своему оппонирует подобному затакту марша первой сонаты, где горестный вопрос «задается» от тонического звука к доминантовому (Рис. 8).

Завершается первая часть эпизодом в манере органной токкаты в одноименном минорном ладу. Здесь автор, отмечая два места ферматами, предполагает каденции солиста. Можно только предполагать, с каким искусством импровизировал сам Хандошкин в этих местах (Рис. 9).

Без перерыва *attacca* вступает грациозный менуэт второй части сонаты. И здесь, так же как в менуэте Мибемоль мажорной сонаты, галантность соединяется с напевностью, так свойственной многим народным темам (Рис. 10).

Венчает весь цикл лаконичный финал. Его отличает смелая виртуозность, изобилие разнообразнейших приемов на такой короткой «дистанции», энергичные аккорды и головоломные броски пассажей с использованием и *staccato*, и *legato*, грация мелких мотивов, собранных «певучей» линией фразы. Роль второго «скрипача» в дуэте более заметна, чем ранее (Рис. 11).

И здесь перед финальным проведением темы Хан-

дошкин ставит фермату на «ля» малой октавы, как бы приглашая скрипача-виртуоза высказаться в каденции, в импровизации выразить свое отношение к этой прекрасной, яркой и вместе с тем тонкой и чрезвычайно обаятельной музыке.

В сонатах для скрипки соло Иван Хандошкин явил себя как выдающийся композитор эпохи, обладающий своим узнаваемым лицом; явил себя и как недюжинный и редкий тип исполнителя-виртуоза. И в том, и в другом роде профессиональной деятельности он обогатил русскую музыку и в своих произведениях. В исполнительском искусстве открыл богатейшие ресурсы русской народной песни, показал универсальные возможности европейских музыкальных форм и способов разработки материала на поле национального русского мелоса, ввел некоторые черты народного певческого искусства (такие как подголосочная полифония) в ткань своих сочинений. Великий русский симфонизм и камерная инструментальная музыка последующих эпох опираются на прекрасные образцы камерного жанра конца XVIII столетия, заложившие прочные основы русского национального стиля, на произведения мастеров, до сегодняшнего дня сохранивших свою оригинальность и свежесть музыкальной мысли. Среди музыкантов той поры имя Ивана Хандошкина занимает одно из важных и почетных мест.

Во всех произведениях композитора Хандошкина мы видим воплощение самобытной личности русских художников, своеобразие музыкального мышления, выраженное через неповторимую национальную интерпретацию скрипки. Хандошкин заимствовал художественные традиции народного творчества, развил и обогатил скрипичную технику, создал законченный образец русской скрипичной музыки XVIII века [7].

Выводы

Иван Евстафьевич Хандошкин – основоположник русского скрипичного исполнительства. Талантливый музыкант – самоучка.

Хандошкин одним из первых использовал и блестяще обработал русские крестьянские и городские народные песни в своих произведениях для скрипки и других

инструментов. Он приобрел известность и как собиратель народных песен. Имя Хандошкина было популярно в России. Талантливый композитор, с ярко выраженным национальным складом дарования, создатель русской скрипичной литературы и один из основоположников русского скрипичного стиля, блестящий скрипач, виртуозно владевший игрой на гитаре и балалайке, дирижер и педагог – таков разносторонний круг деятельности это-

го замечательного творца.

В произведениях композитора Хандошкина сохранен весенний колорит русской народной музыкальной культуры. Несомненно, этот великий русский скрипач не одинок в своем первоначальном поиске. Возможно, дальнейшие исследования откроют много неизвестных скрипичных произведений забытых мастеров, окружавших этого выдающегося деятеля искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Л., Григорьев В. История скрипичного искусства. Вып.1. М.: Музыка. 1990. 348 с.
2. История русской музыки: в 10 т. М.: Музыка. 1985. Т. 3. 424 с.
3. Калошина Г. Проблемы драматургии и цикла в симфониях Г. Канчели // Памяти учителей: А. Сохор и Л. Хинчин. Ростов-н/Д: РГК им. С.В. Рахманинова. 1996. С. 48–64.
4. Калошина Г. Проблема концепции и становление «интонационной фабулы» в поздних симфониях Антона Брукнера // Южно-Российский музыкальный альманах. Ростов-н/Д: РГК им. С.В. Рахманинова. 2006. С. 159–168.
5. Левашова О., Келдыш Ю., Кандинский А. История русской музыки. Т. 1. изд. 3-е. М.: Музыка. 1972. 506 с.
6. Паукнер Е. Русское скрипичное искусство последней трети XVIII века и деятельность И. Хандошкина: автореф. . . . канд. иск. Ростов-н/Д: РГК. 2013. 25 с.
7. Ямпольский И. Русское скрипичное искусство. Очерки и материалы. М., Л.: Музгиз. 1951. 515 с.

© Алиева Зарема Эбазеровна (selsebil@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

МАНУЭЛЬ КАСТЕЛЬС: СТРАТЕГИЯ ИНТЕРНЕТ-КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ

Кириллова Наталья Борисовна

Д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
urfo@bk.ru

MANUEL CASTELS: STRATEGY OF THE INTERNET CULTURE OF THE INFORMATION AGE

N. Kirillova

Summary: 2021 marks the 20th anniversary of the publication of the monograph «Galaxy Internet: Reflections on the Internet, Business and Society» by the famous American sociologist, analyst of the information age and network society Manuel Castells, which immediately became a scientific bestseller, popular in many countries of the world. Castells wrote his book in the initial period of the Internet civilization, which caused enormous changes in various spheres of society: politics, business, culture. The analysis of the new socio-cultural human environment conducted by the scientist, far from direct prophecies and forecasts, remains as relevant and in demand, logically continuing the problems of many fundamental studies of media communications and media culture of the information age, previously presented in the works of V. Benjamin, R. Barth, J. Baudrillard, G.M. McLuhan, E. Toffler, etc. Analyzing and generalizing socio-cultural, philosophical and communicative concepts of M. The author substantiates the emergence and development of new alternative cultures existing in the Galaxy of the Internet, in social networks, in the modern communication and digital space and predicts their prospects.

Keywords: Manuel Castels, information age, media communications, media culture, «Galaxy Internet», virtual reality, Internet culture.

Аннотация: В 2021 году исполнилось 20 лет со дня выхода монографии «Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе» известного американского социолога, аналитика информационной эпохи и сетевого общества Мануэля Кастельса, ставшей сразу научным бестселлером, популярным во многих странах мира. Свою книгу Кастельс писал в начальный период интернет-цивилизации, вызвавшей колоссальные изменения в разных сферах жизнедеятельности общества: политике, бизнесе, культуре. Анализ новой социокультурной среды обитания человека, проведенный ученым, далекий от прямых пророчеств и прогнозов, остается по-прежнему актуальным и востребованным, логически продолжая проблематику многих фундаментальных исследований медиакоммуникаций и медиакультуры информационной эпохи, ранее представленную в трудах В. Беньямина, Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Г.М. Маклюэна, Э. Тоффлера и др. Анализируя и обобщая социокультурные, философские и коммуникативные концепции М. Кастельса, автор обосновывает появление и развитие новых альтернативных культур, бытующих в Галактике Интернета, в социальных сетях, в современном коммуникационно-цифровом пространстве и прогнозирует их перспективы.

Ключевые слова: Мануэль Кастельс, информационная эпоха, медиакоммуникации, медиакультура, «Галактика Интернет», виртуальная реальность, интернет-культура.

Введение

Современную эпоху принято называть информационной, обусловленной формированием глобальной медиасреды, основанной на новейших цифровых технологиях, что доказывает ее воздействие на все сферы социально-культурной деятельности. Сегодня никто не будет оспаривать американского футуролога и социолога Э. Тоффлера, который определил в конце XX века новые параметры устройства общества, «базирующиеся не на богатстве или насилии, а на интеллекте и знании, которые дает информация» [17, с. 8].

Известно, что каждая эпоха порождает новые лидирующие формы культуры, которые наиболее эффективно удовлетворяют интересы и потребности человека, то есть оказываются наиболее действенными как с точки зрения выполнения своих социальных функций, так и с точки зрения взаимопонимания и консолидации членов общества. И в этой связи, вслед за Ю.М. Лотманом, мож-

но констатировать, что «культура – это явление социальное» [11, с. 5].

Особый смысл в информационную эпоху приобрел термин «медиа» (от лат. *medium* – средство, посредник), введенный канадским социологом Г.М. Маклюэном, который стал использоваться для обозначения средств массовой коммуникации (*mass media*). А концепт «медиакультура», ставший феноменом информационной эпохи, дал возможность Маклюэну пересмотреть историю и теорию культуры, используя новую терминологию [12].

Немалую роль в исследовании данного феномена в мировой медианауке в разные периоды сыграли также труды таких теоретиков, как Р. Арнхейм, А. Базен, Р. Барт, В. Беньямин, Ж. Бодрийяр, Н. Больц, Ж. Деррида, Ж. Делёз, Г. Маркузе, М. Кастельс, Н. Луман, Л. Манович и др.

Одной из ключевых фигур в процессе переосмысления бытия культуры XX в., создателем соответствующе-

го концептуального языка считается Вальтер Беньямин. Он еще в 1930-х гг. обозначил суть проблем, с которыми столкнулись, с одной стороны, гуманитарная наука, а с другой – практическая сфера культуры, в которой наиболее знаменательным событием стали возможности технического репродуцирования, исчезновение онтологических и социальных границ между копией и оригиналом, разрушение «ауры» произведения. Более того, репродукционная техника вывела репродуцируемый предмет из сферы традиции, заменила его уникальное существование массовым – вместо индивидуального восприятия культура стала предлагать все более разнообразные и изощренные формы массового потребления [3, с. 36].

И все же одним из первых медиатеоретиков по праву считается Герберт Маршалл Маклюэн, создатель уникальной культуртипологии. Посвятив свои работы анализу коммуникативных каналов в культуре, он исследовал повседневную жизнь человека в информационном обществе – мире, созданном новейшими средствами массовой коммуникации. Маклюэн воспринимал технические новации как метафоры: «Все средства коммуникации – действующие метафоры»; «Язык медиа, как и любой другой язык, – это технология»; «Лишь художнику дано право быть антенной нации»; «Быть художником – значит управлять метафорами». Таков манифест Маклюэна, ставший стержнем главной его работы «Понимание медиа: Внешние расширения человека» [12, с. 135].

Роль медиа – в объекте внимания и книги Ролана Барта «Мифологии». Вместо термина «медиа» Барт использует термин «современные мифы», однако в его понимании миф теряет функцию толкования и приобретает способность маскировки идеологии. Бартовские мифы служат не разрешению, не изживанию противоречий, а их «натурализации» [2, с. 233-234]. По Барту «миф» и «медиа» – это синонимы, так как оба по-своему интерпретируют реальность.

Информационный взрыв рубежа XX–XXI вв., связанный с новыми информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), привел к появлению иного типа реальности – виртуальной, пространство которой стало новой социокультурной средой обитания человека. Понимание «виртуальности» как инобытия и ее осмысление предпринималось еще в античности. А в конце 1990-х гг. понятия «виртуальная реальность», «киберпространство», «виртуализация культуры» и др. стали настолько модными трендами, что сегодня без них трудно представить социокультурную сферу – будь то теоретические исследования или реальная жизнедеятельность.

Массовая одержимость «экранами» виртуальной

реальности привела к критическому отношению к ИКТ. Многие исследователи вслед за французскими постструктуралистами, в частности, Жаном Бодрийяром, стали воспринимать новые медиа как «симулякры» физической реальности [4, с. 5-7], оказывающие негативное воздействие на жизнедеятельность индивида или, по методу Р. Барта, как «семиотическую систему мифологизации реальности» [2, с. 271].

Точки над *i* в данном вопросе расставил Мануэль Кастельс сначала в своем трехтомном труде «Информационная эпоха: Экономика, общество и культура» написанном в 1996-2000 гг. [5], а затем в монографии «Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе», изданной в 2001 г. [6], а в 2004 переведенной на русский язык [7]¹.

Материалы и методы исследования

Поскольку работа носит междисциплинарный характер, то она объединяет в себе общетеоретические, культурологические и социологические методы, позволяя автору рассматривать весь комплекс взаимосвязей между медиасферой, включая Интернет-пространство, обществом и личностью и множественностью траекторий духовного бытия человека как объекта и субъекта интернет-культуры.

Среди общетеоретических подходов к исследованию автор использует методы анализа, синтеза и обобщения. *Культурно-исторический метод* дал возможность, опираясь на монографию М. Кастельса, рассмотреть Интернет-пространство как особое культурное пространство и источник социального развития, в процессе которого индивид осваивает социокультурный опыт.

Метод социально-аналитический, используемый М. Кастельсом в своем исследовании, помог проследить процесс интернетизации общественного и индивидуального сознания в постиндустриальную эпоху и влияние Интернета на образование и жизнедеятельность человека.

Результаты исследования

Монография «Галактика Интернет: Размышление об Интернете, бизнесе и обществе» [6], написанная 20 лет назад, стала не просто академическим изданием, а научным бестселлером, т.е. своеобразной вехой в истории культуры и современной информационной цивилизации. Автор статьи в ряде своих работ рассказал о вкладе Мануэля Кастельса в медианауку [8, 9, 10], хотя специального анализа проблемы интернет-культуры, исследование которой было проведено М. Кастельсом, автор

¹ Здесь и далее цитирование идет по русскоязычному изданию книги «Галактика Интернет».

представляет впервые.

Отмечая особенность Интернета в период его появления, социолог подчеркивает, что даже в стадии своего первоначального существования он не подвергался жесткой цензуре, будучи закрытой сетью, коммуникации в которой были доступны только узкому кругу военных, студентов и преподавателей. В новом тысячелетии интернет-пространство каждой страны в той или иной степени подвластно ее законодательству, в число норм которого входит и контроль над нелегальным распространением запрещенных товаров. Однако полностью «подконтрольным» Интернет не может быть изначально по своей технологической природе.

В книге «Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе» М. Кастельс называет Интернет «универсальным социальным пространством свободной коммуникации», а также «ключевой технологией информационной эпохи», считая его воплощением «культуры свободы и личного творчества» [7, с. 3-4]. Как его использовать, каково его наполнение – все это зависит от воли самих пользователей. В культуре Интернета Кастельс выделяет четыре равноценных субкультуры: культура техноэлиты, культура хакеров, культура обывателей и культура предпринимателей, из которых «самыми свободными» социолог называет техноэлиту, то есть разработчиков [7, с. 55-57]. Можно поспорить с мнением автора, но совершенно очевидно, что Интернет как «технология свободной коммуникации» для ее осуществления требует специальных навыков. Чем шире их арсенал, тем свободнее доступ к информации.

Специфику новой интернет-культуры Кастельс вслед за исследователями, такими как Packer R. и Jordan K. [15], определяет как новую модель коммуникации на основе одновременного осуществления следующих пяти процессов: 1. *Интеграции*: комбинированием художественных форм и технологий с образованием гибридной формы выразительности; 2. *Интерактивности*: способности пользователя манипулировать и непосредственно воздействовать на его восприятие медиа, а также общаться через медиа с другими людьми; 3. *Гипермедиальности*: связывание отдельных элементов медиа друг с другом для создания шлейфа индивидуальных ассоциаций; 4. *Погружения*: опыт симуляции модели трехмерного окружения; 5. *Повествовательности*: эстетические и формальные стратегии нелинейных форм повествования и репрезентации [7, с. 234-235].

Называя интернет-культуру «культурой виртуальной реальности», Кастельс подчеркивает, что она является виртуальной, «поскольку строится, главным образом, на виртуальных процессах коммуникации, управляемых электроникой». Вместе с тем «она является реальной (а не воображаемой), потому что это наша фундаменталь-

ная действительность, физическая основа, с опорой на которую мы планируем свою жизнь, создаем свои системы представительства, участвуем в трудовом процессе, отыскиваем нужную информацию, формируем свое мнение... Эта виртуальность и есть наша реальность. Вот что отличает культуру информационной эпохи: именно через виртуальность мы в основном и производим наше творение смысла» [7, с. 237].

Используя материалы первых социологических исследований Интернета, Кастельс поднимает вопрос о социальной реальности в виртуальном пространстве Интернета, доказывая, что Интернет является «материальной основой сетевого индивидуализма» [7, с. 156] ибо, как констатирует социолог, «в Интернете вы будете тем, кем или чем вы себя назовете, поскольку именно на основе этого ожидания со временем создается сеть социального взаимодействия» [7, с. 157]. Более того, по мнению Кастельса, «сетевой индивидуализм является социальной структурой, а не собранием изолированных индивидуумов... Благодаря гибкости и коммуникационным возможностям Интернета онлайн-социальное взаимодействие играет все возрастающую роль в общественной организации в целом» [7, с. 158].

Автора данной статьи как культуролога и медиамеджера привлекает и отношение социолога к роли Интернета в вопросах демократии и информационной политики. Хотя за несколько лет до этого Кастельс дал негативный ответ на данный вопрос [5, Vol. 2, с. 195]. Его вывод в «Галактике Интернет» еще более жесткий «... использование Интернета ведет к углублению кризиса политической легитимности в результате предоставления более широкой стартовой площадки для политики скандалов. Проблема здесь не в Интернете, а в характере той политики, которой следует наше общество» [7, с. 186].

Определяя стратегию безопасности в эпоху Интернета Кастельс вводит такое понятие как «ноополитика» в противовес «реальной политике» - термин, предложенный Дж. Аркиллом и Д. Ронфельдтом [1] в связи с возникновением глобальной информационной среды («ноосферы»), охватывающей киберпространство и все остальные медийные системы. Стратегическими терминами по Кастельсу являются также «роение» и «кибервойна» как спектры конфликтов и противоречий эпохи глобализации и цифровизации [7, с. 193].

Интернет-культура, как составная часть медийной культуры, полифункциональна. С одной стороны, как доказал М. Кастельс, она является одной из основ, на которых строится современная глобальная культура: это средство производства, обмена и хранения информации, самое полное, доступное и быстрое; это коммуникатор и посредник, источник познания и релаксации, опережающий в конкуренции печать, радио, телевиде-

ние. С другой стороны, Интернет – это «пространство свободы», трибуна общественного мнения, платформа для творческого самовыражения, то есть инструмент современной социокультурной деятельности.

Реальность, созданная телевидением, отличается от интернет-реальности тем, что в одном случае зритель имеет дело с «имитацией» реальности, а в другом – с «симуляцией». Однако симуляция, как видно из анализа, проведенного М. Кастельсом, предполагает не просто изображение реально существующего объекта, но и создание собственного – «киберреальности». У виртуальной реальности нет образца. Телевидение, что особенно видно сегодня на примере формата реалити-шоу, стремится как можно более правдоподобно и убедительно изобразить настоящий мир. В этом плане виртуальная реальность оказывается более самостоятельной и творчески доступной.

Вопрос оценки влияния социокультурного пространства Интернета на современного человека и общества в целом остается одним из самых актуальных и проблемных. С одной стороны, компьютер и Интернет открывают новые возможности для общения, обучения, проведения досуга. Пользование интернет-ресурсами позволяет значительно сократить физические и экономические расходы. С другой стороны, Интернет, погружая человека в иную реальность, привлекает к иным формам общения, что зачастую негативно влияет на его способность устанавливать контакты и взаимодействовать с объектами мира физического. Во многих технологически развитых странах получил распространение феномен, в Японии названный «хиккомори», а в англоязычных странах – «*neet*». Это целое поколение молодых людей, которым пользование Сетью позволяет проживать жизнь, не выходя из комнаты, – они пользуются исключительно онлайн-магазинами, казино, кинотеатрами, форумами и живут настолько насыщенной электронной жизнью, что в физическом плане становятся настоящими затворниками [16, с. 339–341]. Это одна из актуальных проблем, над решением которой работают представители психологии и медиапедагогики.

Вот почему, предвзято многие негативные проблемы, связанные с развитием Интернета, М. Кастельс в Заключении книги говорит о необходимости развивать способности «к обработке информации и генерации знаний в каждом из нас, в том числе и в каждом ребенке». Под этим исследователь подразумевает «не грамотность в использовании Интернета в его эволюционирующих формах, что самой собой разумеется». Речь идет, как отмечает Кастельс, «об образовании, но в его более широком, фундаментальном смысле, т.е. приобретении интеллектуальной способности к обучению, к тому, чтобы учиться на протяжении всей своей жизни» [7, с. 318].

Появление и изучение Интернет-культуры, благодаря М. Кастельсу, привело к функционированию и триумфу новых медиа, о специфике которых стали писать Л. Манович, Т. Нельсон, И. Сазерленд, У. Рассел Ньюман, Э.Л. Шапиро, Н. Негропonte и др. Развитие новых медиа, основанных на слиянии традиционных средств массовой коммуникации, таких как кино, изображение и музыка, устное и письменное слово с интерактивной мощью компьютерных и коммуникативных технологий, вызвало невиданный эффект. У новых медиа появился синоним – «социальные медиа», т.к. в них стала интегрироваться публичная и частная информация.

Как отмечает Л. Манович, цель появления новых медиа состояла в том, чтобы создать новую среду с новыми свойствами и формами коммуникации, которая позволила бы людям общаться, учиться и творить по-новому. Существуют ли формы, характерные исключительно для информационного общества, учитывая, что компьютерные сети переопределяют само понятие формы? Здесь можно согласиться с Л. Мановичем в том, что «в конечном счете новые формы уже не являются стабильными, определенными, конечными и ограниченными в пространстве и времени – зачастую они варьируются, возникают спонтанно, они размыты, их нельзя наблюдать непосредственно» [13, с. 78]. Более того, взаимодействие человека и компьютера, обработка информации, интернет-коммуникации – это динамические процессы, свидетельствующие о том, что информационные структуры современности достигли таких сверхчеловеческих масштабов, которые индивидуум не в состоянии в полной мере воспринять и познать.

А еще ранее в своей книге 2001 года «Язык новых медиа» Манович отметил, что компьютер, «как новая универсальная медиамашинка, производит новые дискурсы и новые термины, а, значит, и новый язык» [14].

Более того, появление нового медиаязыка на фоне трансформации информационной среды обитания человека позволило исследователям создать современную информационно-семиотическую теорию культуры, которая «раскрывает новые горизонты культурологии как науки и новые практико-прикладные инструменты и механизмы для социально-культурной практики» [18, с. 8].

Словом, Мануэль Кастельс вольно или невольно, благодаря своим исследованиям, активизировал медианауку XXI века.

Выводы

Подводя итоги, хотелось бы отметить следующее: как бы ни были различны оценки, связанные с отношением к Интернету, к влиянию виртуализации культуры на образ

жизни и мышление человека, сам факт этого воздействия очевиден. Многие из мыслей Мануэля Кастельса остаются актуальными в изучении роли Интернета. У интернет-культуры за последние годы появились свои синонимичные понятия: «виртуальная культура», «киберкультура», «цифровая культура», которые уже давно перестали быть неологизмами. Это доказывает правоту выдающегося исследователя в том, что Интернет – не просто формат обмена информацией, это настоящее поле жизнедеятельности, предоставляющее суррогатные решения

практически всех социально-культурных потребностей человека. Виртуальный мир компьютерной реальности и сети Интернет стал важнейшим фактором культуры XXI века. В отличие от традиционных медиа, Интернет, как и новые медиа (социальные сети), способствует активному самостоятельному выстраиванию индивидуального информационно-коммуникационного поля, что делает его не просто средством хранения и передачи информации, а универсальной платформой социально-культурной деятельности и творческой активности личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Arquilla J., Ronfeldt D. *The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy*. Santa Monica, CA: RAND National Defense Research Institute, 1999.
2. Барт Р. Мифологии / Пер. с франц. С. Зенкина. Москва: Академический проект, 2008. 352 с.
3. Беньямин В. Произведения искусства в эпоху его технической воспроизводимости : Избр. эссе. Москва: Медиум, 1996. 240 с.
4. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. Москва: Академический проект, 2007. 335 с.
5. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*, Vol. 1. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell. Vol. 1. (1996); Vol. 2 (1997); Vol. 3 (2000).
6. Castells M. *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business and Society*. Oxford University Press, 2001.
7. Кастельс Мануэль Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
8. Кириллова Н.Б. Медиакультура от модерна к постмодерну. Москва: Академический проект, 2005. 448 с.
9. Кириллова Н.Б. Медиакультура: теория, история, практика. Москва: Академический проект, 2008. 496 с.
10. Кириллова Н.Б. Медиалогия. Москва: Академический проект, 2015. 424 с.
11. Лотман Ю.М. Об искусстве. Санкт-Петербург: Искусство, 1998. 704 с.
12. Маклюэн Г.М. Пониманием медиа: Внешние расширения человека. Москва-Жуковский: КАНОН-Пресс-Ц, 2003. 464 с.
13. Manovich L.Z. *Media after Software*//Journal of visual Culture, Vol. 12 (1), 2013, P. 30-37.
14. Manovich L. *The Language of New Media*. Cambridge. Massachusetts/London. The MIT Press, 2001. 354 p.
15. Packer R., Jordan K. (ed.) *Multimedia: From Wagner to Virtual Reality*. New York: W.W. Norton, 2001.
16. Тео А.В. Social isolation associated with depression: A case report of hikikomori // Int. J. Soc. Psychiatry. 2013. № 59 (4). P. 339–341.
17. Тоффлер Э. *Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века*. Москва: Изд-во АСТ, 2003. 669 с.
18. Тхагапсоев Х.Г., Астафьева О.Н. и др. *Информационно-семиотическая теория культуры. Введение*. Санкт-Петербург: Астерион, 2020. 208 с.

© Кириллова Наталья Борисовна (urfo@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ: ЕВРАЗИЙСКОЕ ВИДЕНИЕ

Коломыц Дмитрий Михайлович

*К.полит.н., доцент, Казанский федеральный университет
kolomits@list.ru*

Коломыц Ольга Григорьевна

*К.и.н., доцент, Казанский федеральный университет
olgakolomyc793@gmail.com*

THE CIVILIZATIONAL APPROACH TO THE STUDY OF HISTORY AND CULTURE: EURASIAN VISION

**D. Kolomyts
O. Kolomyts**

Summary: The article is devoted to the consideration of the civilizational approach presented in the Eurasian theory. The methodologies of behaviorism, Freudianism and postmodernism, which were widespread in social science at the end of the XX and the beginning of the XXI century, do not allow us to draw deep conclusions about the ways of social development. The scientific potential is preserved by Marxist and civilizational methodology. In this case, we will talk about the civilizational approach, namely its Eurasian vision. Eurasianism has developed some provisions of the civilizational approach about the self-sufficiency of civilizations, their life as a system of interaction of material and spiritual components.

Keywords: theory of knowledge of civilization, civilizational approach, methodology, Eurasianism, Slavophilism, patterns, historical development.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению цивилизационного подхода в изучении истории и культуры, представленного в евразийской теории. Распространённые в общественности в конце XX - начале XXI века методологии бихевиоризма, фрейдизма и постмодернизма не позволяют сделать глубокие выводы о путях общественного развития. Научный потенциал сохраняет марксистская и цивилизационная методологии. В данном случае речь пойдёт о цивилизационном подходе, а именно о его евразийском видении. Евразийство развило некоторые положения цивилизационного подхода о самодостаточности цивилизаций, их жизни как системы взаимодействия материальных и духовных составляющих.

Ключевые слова: теория познания цивилизации, цивилизационный подход, методология, евразийство, славянофильство, закономерности, историческое развитие.

В конце XX, начале XXI века распространены методологии бихевиоризма, фрейдизма и постмодернизма, которые раскрывают частные гуманитарные закономерности. Но попытки расширить области применения этих методологических подходов приводят к глубоко ошибочным выводам. В этой связи, утрачивая научность, данные подходы всё более решают идеологические задачи. Исследование истории постоянно сталкивается с политическим давлением. Результаты научных исследований часто не отвечают целям государственных и политических идеологий. Поэтому по отношению к обществоведческой науке присутствует двойственность. Важнее оказываются политические интересы, которые должны быть поддержаны научнообразными выводами.

Научный потенциал сохраняет марксистская и цивилизационная методологии. В данном случае речь пойдёт о цивилизационном подходе.

Цивилизационный подход основан на положении, что природные условия – климат, наличие рек и морей, лесов и степей, являясь основой общественного хозяйства, влияют на развитие языка, обычаев, религии, и обязательно дополняется историческими условиями жизни

народа – наличием соседей, переселением народов и уровнем их развития, выливающиеся в войны, торговлю, ассимиляцию, интеграцию, сосуществование и т.д. В этой связи в развитии обществ материальные и духовные составляющие действуют одновременно.

Методологии изучения истории, культуры и общества включает изучение хозяйственной жизни, природной среды, общественного устройства, политической жизни, мировоззрения (включающие культуру, религию и верования), национально-этнической жизни, международных отношений. Каждому направлению свойственна собственная совокупность методов.

Цивилизационный подход в российской науке можно с достаточной долей условности разделить на социально-географическое направление (П.П. Семёнов-Тянь-Шаньский, Д.И. Менделеев, П.И. Мечников), военно-стратегическое направление (Д.А. Милютин, Н.М. Пржевальский) и евразийство. Создатели этих направлений использовали свою методологию применительно к геополитике. В отличие от двух первых евразийское направление несёт на себе ещё и значительную мифологическую нагрузку, особенно в философии «туранства», представленного Г.В. Вернадским [2,

3], Н.С. Трубецким [16, 17], П.Н. Савицким [11] и Л.Н. Гумилёвым [6], и идеализации русских духовных традиций. При этом надо понимать, что эта мифология опирается на действительные отличия духовной культуры народов, но не выявляет никаких закономерностей, ни их развития, ни их изучения.

Евразийство как научное направление опиралось на изучение международных отношений, природной среды, хозяйственной жизни, национально-этнических отношений. В данной статье речь пойдёт о цивилизационном подходе евразийского направления.

Наиболее успешным можно считать применение цивилизационного подхода, описывающего и объясняющего те закономерности, которые опускаются при применении марксистской методологии. В России цивилизационный подход зародился как итог диалектического развития движения славянофилов, начало которому положили русские писатели-славянофилы.

Цивилизационный подход направлен на изучение закономерностей взаимодействия природы и духовной жизни, особенностей миропонимания и мировоззрения, их влияния на развитие культуры, а через неё на экономическую и политическую жизнь общества [7, 9, 11, 18, 19].

С другой стороны, цивилизационный подход позволяет привлечь к изучению общественных отношений методы исторической науки, этнографии и культурологии. В связи с этим использование формационного универсалистского подхода, определяющего общие закономерности социально-экономического развития, дополненные изучением особенностей исторического развития различных цивилизаций, даёт возможность определять общее, особенное и единичное в общественном развитии, выявлять необходимое, закономерное и случайное (как вмешательство иной закономерности) в историческом процессе.

Развитие цивилизационных подходов затруднялось тем, что их одностороннее применение приводило к жёсткой идеологизации выводов и служило только политическим целям. Особенно это касалось использования этого подхода в геополитике стран империализма, где он превращался в способ идеологического утверждения той или иной концепции (Ратцель, Мэхэн, Хантингтон и пр.).

Согласно цивилизационному подходу, исторические отличия, влияющие и даже определяющие развитие народа, заключаются в особенностях исторического развития, связывающих природные и духовные особенности [7].

Идея отдельности цивилизаций, разрабатывавшаяся евразийцами, сама по себе не нова. Она нашла отражение ещё в теории развития исторических цивилизаций от Древнего Египта до цивилизаций Азии XIX века. Что касается положения дел в XXI веке, то она отстаивается теми государствами и народами, которые стремятся к политической и духовной независимости, ощущая угрозу собственным устоям и самостоятельности со стороны утверждаемых Атлантической цивилизацией универсалистских концепций развития государств и культур.

Методология евразийцев сочетала в себе несколько подходов. Прежде всего, они касались вопросов, позволяющих найти основания для различения цивилизаций. Относительно внутреннего развития государств большое распространение получила органическая методология государства, в которой оно сравнивалось с живым организмом, функционирующим благодаря наличию внутренних связей между структурами управления и народными слоями так же, как в живом теле эти связи действуют между органами. Начало использования данной методологии положил основатель евразийства Н.Я. Данилевский. Он использовал «органическую теорию» как методологию при создании своей социологической концепции. Согласно органической теории, сущность отдельного тела совпадает с сущностью природы, а планета напоминает организм. Сторонников этой теории было достаточно много (О. Конт, Э. Дюркгейм, Г. Спенсер и др.). Сама органическая методология имеет отношение к философскому осмыслению строения мира. Причины внутреннего развития евразийцы равно видят в материальных условиях и духовных составляющих общественной жизни.

При рассмотрении цивилизационного подхода со стороны евразийцев надо учитывать, что они видели мир через сопоставление и изучение противоречий между Россией и Западным миром. Но выводы, которые они делали, оказались шире собственно предмета изучения, и позволяют использовать евразийскую теорию для геополитики, а методологический подход для изучения всех цивилизаций.

Можно утверждать, что по содержанию евразийство питается всеми соприкасающимися теориями, используя их как обоснование особого пути России, так и направленности дальнейшего развития. В отличие от предшественников, евразийцы обратились к поиску, в том числе и материальных условий, отличающих русскую цивилизацию от всех иных.

М. Раев, осмысливая опыт евразийства, написал, что одним из этих условий, отличия русской цивилизации, была сама история евразийского материка, которая определялась борьбой степи и леса и победой леса, олицетворяемого Русью [10]. По их мнению, наследие

степеней в русской истории заметно, но сущность её раскрывается в христианстве. Большевицкая революция также оказалась восстанием Евразии против чуждого влияния. Поэтому культура России в виде противостоящего католицизму православия, так и большевизма, приобрела антизападную направленность. Главное отличие заключено в чуждости Запада духу России. И эта чуждая, отторгаемая культура насильственно навязывалась России Петром Великим [10].

Евразийцы и почвенники утверждали, что Русская цивилизация и Западная разделены на уровне чувств. Это различие переходит на уровень качественных различий в миропонимании. Н.С. Трубецкой писал, что Россию и Запад разделяет «гнев иностранцев на “славянскую душу” и русское “варварство” [10]. Это заключение очевидно сделано на основе наблюдения. Мифотворчество в сознании человека Западного мира начинается с поиска рациональных причин, почему Россия так ему ненавистна. Именно миропонимание окончательно в исторически наблюдаемой перспективе развело цивилизации.

Но, определяясь геополитически, евразийцы видели сосуществование цивилизаций как неизбежность, поэтому предложили начальной точкой всякого исследования считать цивилизации самодостаточными единицами мировой истории. «Славяне не предназначены обновить весь мир,- писал по этому поводу Н.Н. Страхов, - найти для всего человечества решение исторической задачи; они суть только особый культурно-исторический тип, рядом с которым может иметь место существование и развитие других типов» [5].

Отталкиваясь от данного положения, Данилевский указывал, что история славянства даёт пример другого подхода к истории [15]. И с этой точки зрения, славянофильство защищает самобытность и национальный быт и сознание, особенно в условиях захвата, подчинения и разрушения самосознания со стороны носителей чуждой культуры [5]. Главная опасность состоит в давлении Западного мира на Россию, поэтому российское западничество – «пагубное заблуждение», которое возникло из-за «смешения понятия частной европейской, или германо-романской цивилизации с цивилизацией Общели, правильнее, Всечеловеческой» [7]. Звучит вполне современно и для XXI века в отношении представлений о Западном мире как всеобщего, при видении других цивилизаций даже не как особенного, а как некоего отклонения от единственного, представляемого, как всеобщее.

Цивилизационная методология опирается на разницу условий жизни народов и поэтому позволяет изучать историю цивилизаций, будучи свободной от общих схем и предопределённостей. В трудах К.Д. Карсавина, Вяч. Иванова, Н. Бердяева, отличие Европы от России со-

стоит в совокупности отличий духовной жизни [9; 2; 8; 14]. Вяч. Иванов опирался на философское положение о превосходстве духовной жизни над материальной. «Есть особенности народной психологии, есть черты национального характера и гения, которые надлежит принять как типический феномен и внутренне неизбежный двигатель судеб страны. Как бы мы ни объясняли их – географическими и этнографическими условиями и данными материального исторического процесса или причинами порядка духовного, - мы равно должны признать их наличность, действительность, быть может, провиденциальность в развитии народа» - писал он в своей статье «Русская идея» [8] В данном высказывании философ утверждает, и наличие материального начала в культуре наравне с духовным, и вроде бы, указывает на их равенство, но в дальнейшем своём анализе опирается исключительно на религиозное сознание как основу народной культуры.

Вклад евразийцев в данном вопросе в том, что они свели в систему исторические, географические и культурные составляющие общественной жизни. Можно не соглашаться с некоторыми сделанными ими выводами, но важность такого подхода очевидна. Понятия 'культурно-исторический тип', 'культурно-историческая единица', используемые первыми евразийцами, говорит о системности их подхода.

Ещё одно методологическое суждение евразийцев утверждает самодостаточность цивилизаций. Их существование не нуждается в подпитке извне. Данилевский видел преимущество и особенность России в том, что она «прошла первые формы своего развития в отдалении от возмущающего влияния чуждой западной жизни» [7]. Бестужев-Рюмин считал, что цивилизацию нельзя «привить», и России нельзя «отречься от своей простой жизни» (по Чаадаеву). Европа и Россия, по его мнению, равные культурно-исторические единицы [1]. Этому суждению противостоит Западничество, распространённое среди пишущего слоя. К.И. Бестужев-Рюмин писал в 1888 г., что «русские литераторы (почти без исключений)... отрицают возможности самостоятельной русской или, скорее, всеславянской культуры» [1]. Схожие мысли он находит в работах философа В.С. Соловьёва. Творчество В.С. Соловьёва приобрело широкую известность в российском обществе. Его точку зрения объединяет с почвенничеством отрицательное отношение к духовному состоянию современной ему Европы. Бестужев-Рюмин приводит мысль Соловьёва, что в петровское время Россия от «цельного инстинктивного творчества перешла к сомнениям, проверке, критике», перенятым с Запада, но обращённые к себе, и очень мало к самой Европе. Критика своего, «старого», свойственна, по Бестужеву-Рюмину, обществу (т.е. интеллигенции)», в то время как народ – «хранитель непочатых сил» [1].

Диалектика развития получается следующая: никто из славянофилов не думал «возвращаться к старине в том виде, в котором она существовала; им нужно было уяснить основные начала; но этого не понимала публика, постоянно смешивающая основное со случайным». Бестужев-Рюмин называет предрассудком господствующее мнение, что «культура только одна, непрерывно развивающаяся», а иные культуры – ступени этого развития, представленные Европой [1]. Таким образом, евразийцы выступили с важным методологическим тезисом о множественности равнозначных культур, отвергающим европейскую исключительность.

Ещё одним важным методологическим положением стало утверждение евразийцев о неразрывности самой духовной культуры. Они были против идущего ещё от первой научной революции стремления к механистическому разделению явлений. Начиная с аристотелевской традиции систематизации, положенной в основу позитивистской науки до декартовского окончательного отделения духовного от материального, продолжая идти путём дробления, европейская мысль стала систематизировать человеческую душу, противопоставляя одну её часть другой. Ярче всего критика такого положения вещей присутствует у В.С. Соловьёва. Его концепция является, прежде всего, религиозной. Но она сближается с евразийством и предоставляет доказательства применимости цивилизационного подхода для изучения культурных различий между народами. Противоположность Запада и Востока у Соловьёва происходят из различия места религии в жизни [13]. Запад, начавшийся с эллинизма, в конечном итоге совершенно отделил веру от познания, создав «чистую философию и чистое ис-

кусство» [12.]. На Востоке же религиозная точка зрения «единственно законная при оценке явлений восточной жизни», и такое мирозерцание составляет основу поиска бога и всего восточного познания [12]. Запад «верил и поклонялся человеческому началу» [12]. Он «... обоготворил произвол, т. е. собственную волю человека», но эта воля оказалась «пустой и лишённую всякого нравственного содержания» [12]. Идеал Соловьёва – соединение «вечного и божественного» Востока и «самодетельность человека (через власть и через свободу)» Запада [12].

Таким образом, можно выделить следующие методологические положения цивилизационного подхода на основе Евразийства:

- самодостаточность цивилизаций;
- цивилизации есть система, которая складывается под влиянием природных условий и исторического взаимодействия с другими народами, влияющих на духовную жизнь;
- духовная жизнь состоит из религий и традиций, оказывающих решающее влияние на цивилизационное миропонимание;
- природные условия и сложившаяся духовная жизнь определяют всю жизнь цивилизации;
- цивилизации борются и сосуществуют друг с другом, и выбор в пользу сосуществования должен быть завоёван силой цивилизации.

Так, Евразийство совместило методологические установки органической теории, теорию географического детерминизма и теорию культурной исключительности цивилизаций, сделав значительный вклад в разработку цивилизационного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бестужев-Рюмин К.И. Теория культурно-исторических типов. С. 432–462 / Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. – СПб.: Изд-во С.-Пет.-го ун-та; «Глаголь», 1995. – 552 с.
2. Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. С. 43–271 / Россия и русская философская культура. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – 528 с.
3. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. – Пермь: ЛЕАН; М.: Аграф, 2000. – 480 с.
4. Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Кн. 5. – Париж, 1927. С. 153 – 164
5. Галактионов А. Органическая теория как методология социологической концепции С. V–XX / Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. – СПб.: Изд-во СПб ун-та; Изд-во «Глаголь», 1995. – 552 с.
6. Гумилёв, Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1993. – 782 с.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. – СПб.: Изд-во СПб ун-та; Изд-во «Глаголь», 1995. – 552 с.
8. Иванов Вяч. Русская идея. С. 226 – 240 / Русская идея. – М.: Республика, 1992. – 496 с.
9. Карсавин Л.П. Основы политики. С. 174–216 / Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М.: Наука, 1993. – 368 с.
10. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 296 с.
11. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства. С.297–304 / Основы Евразийства. – М.: Арктогея – Центр, 2002. – 800 с.
12. Соловьёв В.С. Великий спор и христианская политика. С. 99 - 167/ Соловьёв В.С. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Правда, 1989. – 688 с.
13. Соловьёв В.С. Грехи России. С. 207 - 211/ Соловьёв В.С. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Правда, 1989. – 688 с.

14. Степун С.А. Россия между Европой и Азией // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. - М.: Наука, 1993. - 368 с., С. 307 – 327
15. Страхов Н.Н. Жизнь и труды Н.Я. Данилевского. С. XXI-XXXIV / Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. – СПб.: Изд-во СПб ун-та; Изд-во «Глаголь», 1995. – 552 с.
16. Трубецкой Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Основы Евразийства. - М.: Арктогея - Центр, 2002. - 800 с. С. 208–265
17. Трубецкой Н.С. Мы и другие / Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. - М.: Наука, 1993. - 368 с. С. 77-89.
18. Фёдоров Н. Вопрос о братстве или родстве, о причинах небратского, неродственного, то есть немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства: записка от неучёных к учёным, духовным и светским, к верующим и неверующим. – М.: АСТ Москва: Хранитель, 2006. – 539 с.
19. Флоровский Г.П. Евразийский соблазн. С. 237 – 265 / Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. - М.: Наука, 1993. - 368 с.

© Коломыц Дмитрий Михайлович (kolomits@list.ru), Коломыц Ольга Григорьевна (olgakolomyc793@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Казанский федеральный университет

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ШКАЛЫ: АНАЛИЗ САКРАЛЬНО-ПРОФАННОГО ЗОНИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г. САРАТОВ)

Куличенко Татьяна Васильевна

Доцент, Саратовский Государственный Технический
Университет имени Ю.А. Гагарина
archi_tk@mail.ru

SEMANTIC SCALES: ANALYSIS OF SACRAL-PROFANE ZONING CULTURAL LANDSCAPE OF THE CITY (ON THE EXAMPLE OF CITY SARATOV)

T. Kulichenko

Summary: The process of formation of the cultural landscape of the city of Saratov is considered using axiological and structural-semiotic approaches in the analysis of semiotic texts, the understanding of which includes the structural organization of the conditional model of the city «frame - fabric - plasma». The results of the analysis made it possible to visualize the model and identify sacral-profane zoning in its structure using the developed system of semantic scales. The proposed method of analysis can serve as a tool in the humanization of the cultural landscape both at the level of theoretical research and at the level of design and aesthetic activity.

Keywords: cultural landscape of the city of Saratov; axiological approach; structural-semiotic approach; semiotic body; archetype; semiotic text; visualization; semantic scales; sacred; profane; humanization.

Аннотация: Рассмотрен процесс формирования культурного ландшафта города Саратов с использованием аксиологического и структурно-семиотического подходов в анализе семиотических текстов, в понимание которых включена структурная организация условной модели города «каркас – ткань – плазма». Результаты анализа позволили выполнить визуализацию модели и выявление сакрально-профанного зонирования в её структуре при помощи разработанной системы семантических шкал. Предложенная методика анализа может служить инструментом в гуманизации культурного ландшафта как на уровне теоретических исследований, так и на уровне проектно-эстетической деятельности.

Ключевые слова: культурный ландшафт города Саратов, аксиологический подход, структурно-семиотический подход, семиотическое тело, архетип, семиотический текст, визуализация, семантические шкалы, сакральное, профанное, гуманизация.

Современный городской культурный ландшафт перенасыщен информацией и цифровизированным пространством. С точки зрения технологий, цифровая трансформация городов основана на нескольких ключевых направлениях развития сферы информационных технологий – социальные коммуникации, большие данные и предсказательная аналитика, облачные технологии, искусственный интеллект, мобильность, «интернет вещей», технологии обеспечения кибербезопасности, цифровые платформы.

В то время, как комфортный для проживания человека «умный» город, должен отвечать целому ряду требований: самое главное – понимать, что город предназначен, прежде всего, для горожанина, его удобной и безопасной жизнедеятельности, направленной прежде всего на достижение личных возможностей, интересов и ценностей в профессиональной, досуговой и бытовой сферах. Каждому городу присущи свои идентичные признаки, идентификационные черты и образные характеристики, хотя процессы современного общества стремительно стирают эту идентичность. Человек в приоритете, всё остальное – вторично и на любом этапе трансфор-

мации необходим комплекс мероприятий по гуманизации культурного ландшафта, одним из которых является предложенный нами метод семантических шкал.

Учитывая факт «расширения культурного поля жизни, порождения новых смыслообразующих центров, изменения образа мышления и шкалы приоритетов», [1, с.4] выявление принципа формирования новых приоритетов общества требует рассмотрения образа жизни современного человека с точки зрения аксиологического подхода, где также необходимо учитывать общие и индивидуальные для каждой из социальных групп характеристики.

При анализе современного пространства культуры общими характеристиками для любого человека, любой этнической и социальной принадлежности является активная динамика ритма жизни в пространстве и времени и, соответственно, необходимость обеспечения психологического, эргономического и эстетического комфорта в быстро сменяющихся внешних условиях «жизненного сценария». Данные признаки применимы к обществу XXI века в целом и формируют образ жизни

информационного общества и человека, в частности.

Вектором исследования в данном анализе является выявление характера трансформации сакрально-профанных зон архетипического основания города как на ментальном уровне, так и на уровне реально существующих пространств.

Предлагаемые семантические шкалы основаны на принципе семантического дифференциала и призваны выявить характер взаимосвязи и трансформации в процессе развития исследуемой структуры одной из базовых онтологических оппозиций – «сакральное-профанное», которая является базовой для любой семантической структуры. Сакральное и профаническое наряду с дискретным—конт—инуальным и имманентным—трансцендентным выступает инвариантным структурным фундаментом всякой семантической структуры в культуре, генетически производным от первоначальной метаоппозиции «я — другое» [5].

Кроме этой базовой оппозиции, нами рассматривается оппозиция «антропоморфное – космогоническое» в рамках смены парадигмы мышления в системе «человек-среда» изучаемого культурного ландшафта, поскольку в основе семантики любого градостроительного образования она является фундаментальной. С данных позиций соотношение этой оппозиции нами понимается и визуализируется как роль и место человека в мировосприятии.

А.В. Иконников предполагает, что фундаментальную основу архитектурных языков и ценностных предпочтений составляет система архетипов, сложившихся в до-языковой период из коллективного бессознательно (по Юнгу), закрепленная в мифах и пространственных формах ру—котворной среды [2]. Архетипы определяют строение архитектурного пространства и несут в себе культурные значения, отражающие ценностные установки людей, их экзистенциальную позицию. При этом автор различает символику антропоморфных (очеловеченных) архетипов и сменяющих их по мере развития земледелия и усложнения общественных структур космогонических (небесных) архетипов.

«Космогонические мифы» - мифы о творении, мифы о происхождении космоса из хаоса, основной начальный сюжет большинства мифологий. Начинаются с описания хаоса (пустоты), отсутствия порядка во вселенной, взаимодействия изначальных стихий. Служат для объяснения происхождения «мира и жизни на Земле» [3].

Антропогонические мифы - мифы о происхождении (сотворении) человека (первочеловека), мифических предков народа, первой человеческой пары и т. п.,

составная часть космогонических мифов [4].

Взаимодействие сакрального и профанного в культуре мало исследовано. Сакральное и профанное — термины, имеющие универсальное применение в разных дисциплинах: философии, социологии, религиоведении, теологии, психологии. Долгое время они употреблялись в контексте других понятий и четко не выделялись для отдельного изучения. Между тем, вычленение из контекста и специальное рассмотрение сакрального и профанного (иными словами оппозиции священного и мирского, божественного и мирского) позволяет по-новому взглянуть на процессы, происходящие в человеческом обществе. Более точно понять возникновение и функционирование таких социальных феноменов как миф, религия, идеология, которые являются фундаментальными и базовыми по отношению ко всей совокупности феноменов социума. Рассмотрение заявленных феноменов поможет выявить, различить и четко проанализировать основные социальные и мировоззренческие формы воплощения сакрального и профанного, их взаимопретворения, чего ранее сделано не было из-за сложности вычленения и разделения этого во многом синкретичного феномена. Учитывая, что данные аспекты оказывают постоянное воздействие на социум (и на отдельного человека) в таких его важнейших аспектах как власть, мировоззрение и менталитет, а значит и поведение людей, можно четко заявить об актуальности заявленной темы [5].

В оценке характера сакральности или профанности, их соотношения в системе ценностей общества определяющую роль играет взаимоотношения человека и среды, понимаемой в самых различных смыслах (социокультурной, общественной, жилой, материальной и т.д.). Функционирование этой системы в зависимости от исторических, социокультурных и прочих условий, протекает по-разному с точки зрения места и роли в ней человека.

Так, в определённые периоды развития человеческого образа человека можно описать различными терминами – человек-герой (Древняя Греция, Возрождение), человек-титан (XX век), человек-песчинка (Др. Египет) и т.д. Применение таких терминов «масштабирования» визуализирует столь сложную смысловую конструкцию как сакрально-профанное отношения. В такой форме подачи информации этот предельно абстрактный смысл становится доступным для восприятия абсолютно всеми. Самый первый и наиболее точный уровень восприятия в этом случае – ассоциативный, который «схватывает» информацию в форме визуального сопоставления с базовыми образами подсознания – с базовыми архетипами, используя при этом маркеры масштабирования. Следовательно, если такой подход позволяет визуализи-

зировать «масштаб» какого-либо образа, то возможно и масштабное сопоставление таких образов между собой. Именно этот феномен послужил для нас основанием использования его в качестве основного принципа семантических шкал.

Предлагаемая система семантических шкал основана на принципе визуализации предельно абстрактных понятий при помощи условных пространственно-временных границ и принципа масштабирования – апелляции к базовым архетипам пространственности. В этом аспекте временной параметр обозначен хронологическим течением «событий» по горизонтали, а пространственный – в трёх измерениях высоты, ширины и глубины.

В структурной организации шкал отсутствуют промежуточные градации, кроме того «шага», который условно обозначает границы и нулевую точку перехода «1 – 0 – 1». Это обусловлено тем, что в границах данных исследований в первую очередь имеет значение транс-

формация сакрально-профанных отношений в хронологической последовательности их промежуточных состояний.

В обозначении смысловых границ шкал определяющей является система человек – среда, где человек обозначен нами как маркер масштабирования, а среда как пространство бытия сакрально-профанных ценностей.

И в профанной, и в сакральной шкале границы имеют значения: плюса в верхней части и минуса в нижней границе.

Оценка системы «человек – среда» в границах оппозиции «сакральное профанное» нами выполнена на примере культурного ландшафта города Саратов. Предварительный анализ в данном аспекте позволил выявить три основных цикла развития в данных границах и определить значения границ и условной высоты шкал.

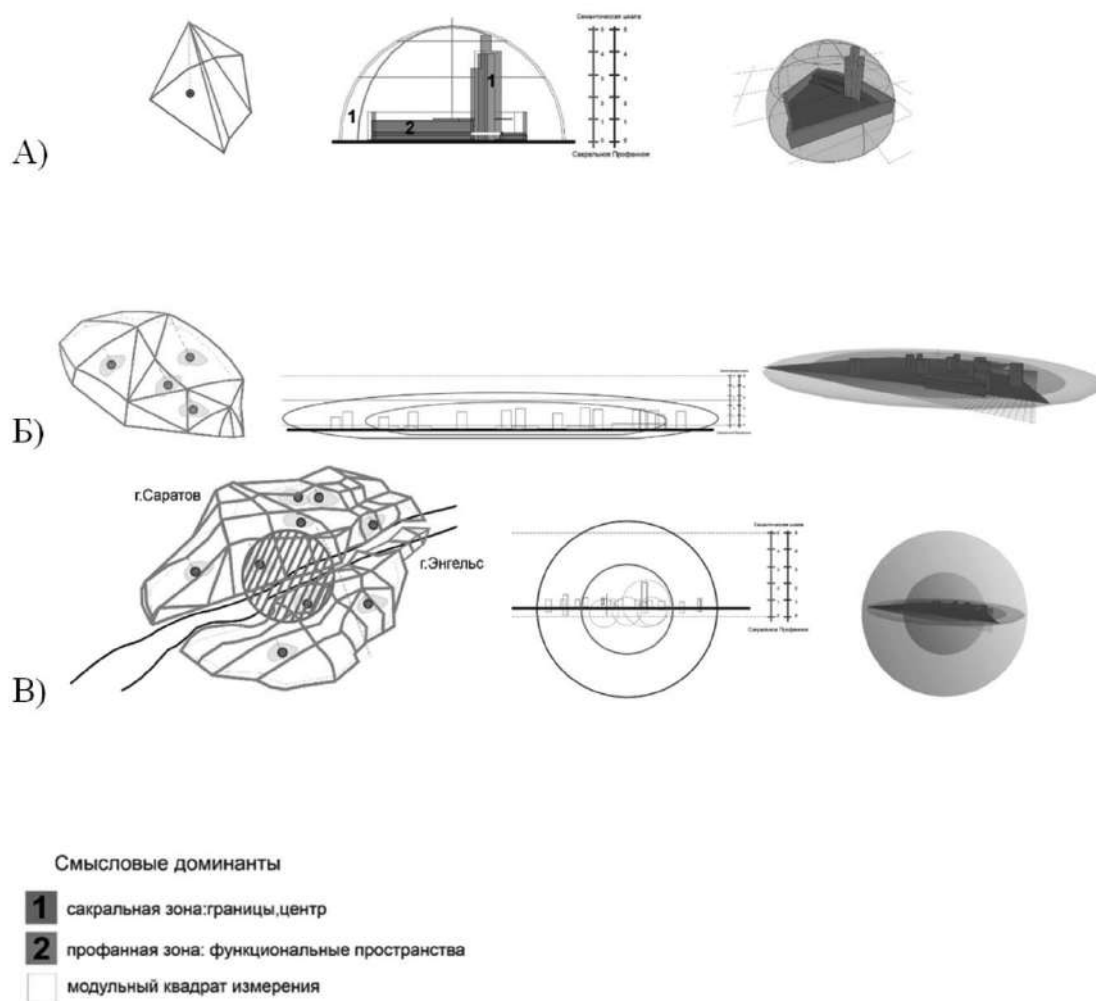

Рис. 1. Масштабирование смысловых доминант архитектурного пространства культурного ландшафта в границах оппозиции сакральное-профанное: а – первый цикл (1590 г. – 1650 г.); б) – второй цикл (1650 г. – 1750 г.); в) – третий цикл (1750 г. – 1890 г.).

За основу в обозначении «высот» семантического пространства культурного ландшафта нами определено условное соотношение значимости архитектурных объектов как смысловых доминант в границах обозначенной оппозиции. Для осуществления данного анализа выполнено предварительное моделирование семантического тела культурного ландшафта на каждом из этапов его формирования (рис. 1. А, Б, В)

Так, в данном контексте профанная оппозиция обозначена такими границами как «Производственная среда – жилая среда», где производственная среда является высшей точкой проявления профанного и выполняет функцию верхней границы, а жилая среда – наименьшей формой выражения профанного, так как границы личного пространства для человека всегда являются сакральными границами профанного пространства.

В рамках сакральной шкалы храмовая среда обозначает высшую точку сакральности как для общественной среды, так и для личной. Светская среда в обозначении шкалы фиксирует низшую степень божественной сакральности, перетекающей в сферу «бытовой» духовности. Нулевой (или центральной) точкой в условном делении шкал является общественная среда, где вектора крайних точек сакрально-профанных отношений, стремясь к нулю, гасят друг друга (рис. 2).

Организованная таким образом система семантических шкал позволила визуализировать процесс

трансформации содержания сакрально-профанных ценностей в культурном ландшафте города Саратов в хронологических границах с 1590 г. по 1890 г. и с опорой на анализ архитектурной среды. В анализе архитектурной среды ориентирами в определении смысловых доминант семиосферы и, соответственно, соотношением сакрального – профанного культурного пространства служили соотношения храмовых, светских, производственных и жилых сооружений. Данные соотношения коррелировались с господствующими моделями общественного мировосприятия на каждом из исследуемых периодов.

Так, анализ процесса трансформации сакральных ценностей на протяжении исследуемых периодов продемонстрировал изменения не только условных пространственных, но и содержательных характеристик (рис 3).

Эти изменения можно описать как вымещение господствующего в первом периоде космогонического начала из сферы сакрального в сферу профанного. Этот процесс протекал поэтапно. Первый цикл формирования культурного ландшафта характеризуется доминированием сакрального в архитектурной среде по условной (сакральные высоты в теле семиосферы) и реальной высоте сакральных объектов (храмовые сооружения). Данный период характеризуется доминированием космогонического мировоззрения.

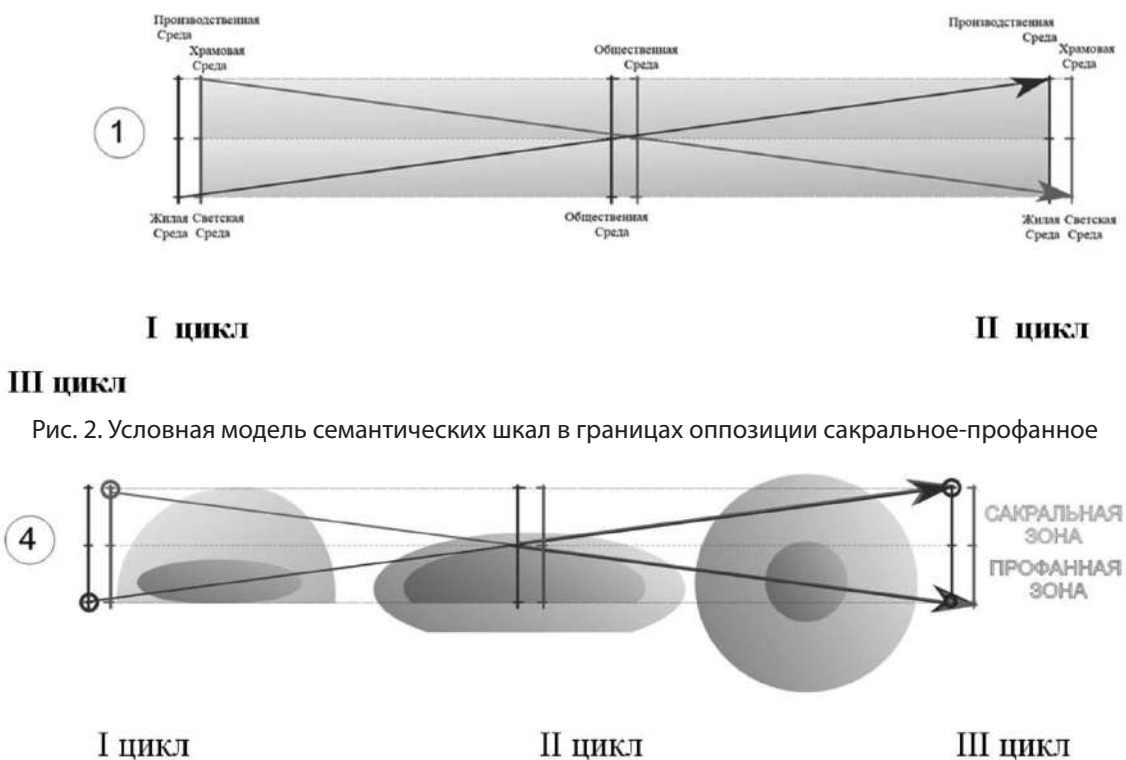

Рис. 2. Условная модель семантических шкал в границах оппозиции сакральное-профанное

Рис. 3. Процесс трансформации сакрально-профанных зон семиотического тела культурного ландшафта г. Саратов

На втором этапе происходит сближение зон по сакрально-профанной значимости, которое выражается в дроблении сакрального пространства архитектурной среды на храмовые и светские объекты, и в разрастании и слиянии профанных зон.

Завершающий этап в структурном анализе трансформации семиотического тела культурного ландшафта представлен сжатием сакральной зоны в ядро и расширением профанной зоны до верхних границ, обозначающих уровень сакральности.

Условным «маркером масштаба» в соизмерении шкал служит модель Человека в виде условной фигуры, изменения параметров которого визуализируют характер изменения образа человека, его места и роли в сакрально-профанной отношениях в тот или иной временной период (рис 4).

Помещённая в систему семантических шкал условная модель человека позволяет сформулировать ментальную модель масштабирования в системе «человек-среда».

Так, в первом цикле сакральные ценности максимально доминируют и транслируют космогонические мифы. Профаные ценности (или антропоморфное начало) в масштабном изображении находятся на нуле и заключаются в обыденном – в обеспечении процессов ежедневного бытия. Обеспечение безопасности города-крепости, осуществляемое за счёт оборонительных стен и сооружений, относится к сакральным ценностям. В данных отношениях сакрально-профанного и антропоморфно-космогонического образ человека представляет собой образ «человека-воина».

Второй цикл визуализирует сближение сакрально-профаных начал и концентрацию в сфере общественной среды как пространства с равной значимостью космогонического и антропоморфного мировоззрения, проявляющееся в доминировании общественных и жилых сооружений, пространств. Развитие научно-технического прогресса привело к трансмутации содержательной части сакрального и его перемещения из зоны

храмовых сооружений архитектурной среды в сферу производственной и жилой. Образ человека в условном масштабировании семантических шкал обозначен как человек производственный.

Третий период визуализирован как всё то же соотношение сакрально-профанного, но их содержание качественно изменилось – сакральным становится антропоморфное начало, а космогоническое – призвано обеспечить иные семантические начала. Доминирование в пространстве культуры цифровой виртуальной реальности принципиально изменило качественные характеристики сакрально-профаных отношений и образ человека в этой системе. Так в зоне сакрального находятся не столько сам человек, сколько его потребности в обеспечении комфорта в условиях виртуальной реальности. В данных условиях теряют значение прежде доминанты и это проявляется в архитектурной среде, визуализирующей ценностные ориентиры общества. Материальное пространство бытия города на данном этапе представляет собой пёструю картину разновременных пластов, разнообразных форм и смещение акцентов с формы на изменчивость содержания. Причём восприятие содержания в динамичном контексте, когда главное значение имеет постоянное движение.

Прежние сакральные ценности уходят в глубь семиотического тела, формируя его ядро, которое окружено профанной средой, расширяющейся до условных границ сакральной зоны. Сакральное ядро, находясь в профанной зоне, хранит космогоническое начало, выполняя роль архетипического основания. Потребности современного человека и общества выносятся на поверхность семиотического тела антропоморфное начало и моделируют профанную зону, выросшую до масштаба сакральной сферы. Образ человека вырастает до масштабов условной модели «человек интеллектуальный», где внутреннее содержание доминирует над внешней формой и подавляет её значимость. Интеллект претендует на самостоятельное значение, теряя идентификационные признаки личности конкретного человека и сливаясь в единое с искусственным интеллектом информационное облако. Он становится коллективным интеллектом, кол-

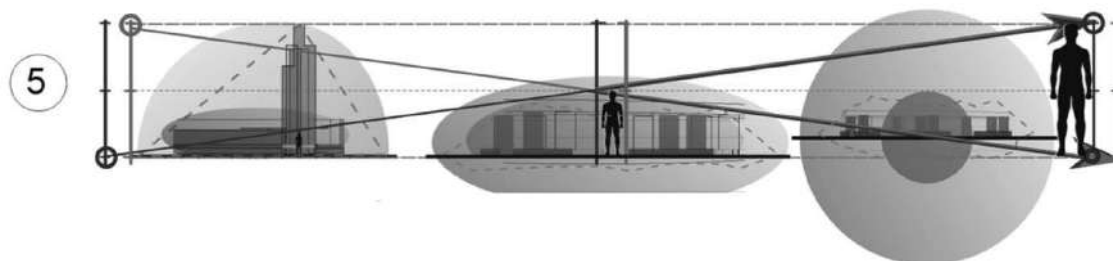

Рис. 4. Образ человека в границах сакрально-профанного: «Человек-воин» в I-ом цикле, «Человек-индустриальный» во II-ом цикле и «Человек-интеллектуальный» в III-ем цикле

лективным разумом, высшей сакральной ценностью.

Выявленные тенденции в формировании сакрально-профанного зонирования культурного ландшафта г. Саратов во многом являются частью общемировых процессов, но всё же, соответствуют идентификационным признакам прамодели исследуемого ландшафта. Данный подход к исследованию семиосферы города позволил определить не только общие тенденции, но и, благодаря моделированию семиотического тела, выявить конкретные пространственные координаты сакральных и профанных зон. Обозначение такого зонирования позволит выполнить ряд конкретных мероприятий по гуманизации культурного ландшафта.

В целом использование предлагаемой системы семантических шкал и методики «масштабирования» может быть полезной не только в исследованиях, направленных на архетипическую прамодель пространства культурного ландшафта, но и в более частных и узких проявлениях этого процесса.

Таким образом, метод с использованием семантических шкал может послужить основой для формирования нового вектора культурологических исследований в сфере гармонизации и гуманизации системы человек-среда, а также в практических мероприятиях по выявлению профанно-сакральных зон и их гармонизации в границах архитектурного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Л.Д. Культура Виртуальной коммуникации: Автореф. дис. канд. филос. наук — Челябинск, 2009. — 26 с.
2. Иконников А.В. Художественный язык архитектуры. — М.: Искусство, 1985. — 175 с.
3. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. — М.; СПб.: Университетская книга, 2001. — 280 с.
4. Лосев А.Ф. Знак, символ, миф. — М., 1982. — 245 с.
5. Таранова Т.Н. Генезис, онтологический статус, сущность, структура и функции аксиосферы культуры [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2924 (дата обращения: 29.11.21)
6. Федоровских А.А. Трансформация сакрального и профанного в обществе: миф-религия-идеология: дис. ... канд. филос. наук. — Екатеринбург, 2000. — 142 с.

© Куличенко Татьяна Васильевна (archi_tk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина

УНИВЕРСАЛЬНОЕ, НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ И УНИКАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЕ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ СТИХОВ ТУРКМЕНСКОГО ПОЭТА МАХТУМКУЛИ ФРАГИ¹

UNIVERSAL, NATIONALLY SPECIFIC AND UNIQUELY PERSONAL IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF POEMS BY THE TURKMEN POET MAKHTUMKULI FRAGI

L. Muhammad
M. Alymov

Summary: The article is devoted to the poems of the Turkmen poet Makhtumkuli fragi in the aspect of intercultural communication.

The relevance of the research lies in the reading and study of the poetic population of Makhtumkuli fragi, presented in the translations of Russian poets, which is interpreted as intercultural communication of representatives of the Turkmen and Russian ethnocultures.

The purpose of the work is to identify the universal and differential components of a literary text, assessed from the standpoint of intercultural communication: communication between representatives of Russia and Turkmenistan.

The novelty of the work lies in the identification of the universal, nationally specific and uniquely personal in the verses of the Turkmen poet translated into Russian.

Keywords: intercultural communication, Turkmen poet, Makhtumkuli frags, poems and translations, universal and differential.

Мухаммад Людмила Петровна

д.п.н., профессор, Московский государственный лингвистический университет; Российский университет дружбы народов
ludmilamuh@yandex.ru

Алымов Мухаммед Атамуратович

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация: Статья посвящена стихам туркменского поэта Махтумкули фраги в аспекте межкультурной коммуникации.

Актуальность исследования состоит в чтении и изучении поэтического наследия Махтумкули фраги, представленного в переводах русских поэтов, что интерпретируется как межкультурная коммуникация представителей туркменской и русской этнокультуры.

Цель работы заключается в выявлении универсального и дифференциального компонентов художественного текста, оцениваемого с позиции межкультурной коммуникации: коммуникации между представителями России и Туркменистана.

Новизна работы состоит в выявлении универсального, национально специфического и уникально-личностного в переведённых на русский язык стихах туркменского поэта.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, туркменский поэт, Махтумкули фраги, стихи и переводы, универсальное и дифференциальное.

Актуальность исследования состоит в чтении и изучении поэтического наследия Махтумкули фраги, представленного в переводах русских поэтов, что интерпретируется как межкультурная коммуникация представителей туркменской и русской этнокультуры.

Цель работы заключается в выявлении универсального и дифференциального компонентов художественного текста, оцениваемого с позиции межкультурной коммуникации: коммуникации между представителями России и Туркменистана.

Новизна работы состоит в выявлении универсального, национально специфического и уникально-личностного в переведённых на русский язык стихах туркменского поэта.

Формирование нового общества невозможно без

формирования культуры отношений и общения, что предполагает глубокое проникновение в культуру других стран, приобщение к ценностям других людей, иными словами то, что составляет основу межкультурной коммуникации (далее: МКК).

В современной жизни МКК является наиболее уязвимой сферой отношений в мультикультурном обществе, поскольку предполагает процесс коммуникативного взаимодействия между представителями разных национальностей и этнокультур.

Актуальность исследования состоит в чтении и изучении художественного текста контактирующих народов, в познании культуры этих народов, их традиций и самобытности.

Цель работы – выявление особенностей художе-

1 Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19 – 013 – 00627

ственного текста в МКК представителей России и Туркменистана на материале русскоязычных переводов поэтических произведений уникального туркменского поэта Махтумкули фраги.

Предмет исследования – стихи туркменского поэта Махтумкули фраги в аспекте МКК.

Методологическую основу исследования в процессуальном плане определяет *межкультурный подход*, иные же его компоненты интегрированы на базе этого подхода. Так, применяя данный подход возможно выявить как универсальные, так и дифференциальные информативные единицы, представляющие две (или более) культуры/этнокультуры. Согласно избранному подходу, исследователь и интегрирует, и дифференцирует, и концептуализирует разноуровневые компоненты целостного произведения [1; 3; 4; 15]. Однако ядро данного подхода составляют три базовых принципа антропологической науки (лингводидактики): *антропологический, коммуникативный и когнитивный*; причём центральную часть фрейма первого (базового) принципа составляет концепт *человека, личности* выработанный антропологической философией [1; 10]. Разумеется, *этический компонент* включён в выстраиваемую модель как её конституирующее ядро [3; 4; 7].

В качестве **теоретических работ** к исследованию привлекались работы таких ученых, как Д. Бхавук, Г. Триандис, Н.А. Мартыновой, А.П. Садохина, И. Сафоновой, Е.Ф. Тарасова, Тер-Минасовой и других [3; 4; 5; 9; 11; 12; 13; 14].

Опираясь на вышеперечисленные работы, представим базовое определение: понятие *межкультурной коммуникации* мы можем определить на основе понятий *общение/коммуникация*. Так, Е. Ф. Тарасов и Н. А. Мартынова склоняются к тому, чтобы воспринимать данные термины как синонимы [11; 5, с. 148].

В данной работе, опираясь на мнение выше, а также на мнения других учёных [8] мы всё же **дифференцируем** понятия *межкультурное общение* и *межкультурная коммуникация*. Мы, вслед за Л.П. Мухаммад, Обид Хайдером, Линь Сяюе, считаем, что понятие *межкультурное общение* предполагает ситуацию, когда имеет место обратная связь [8], в то время, как понятие *межкультурная коммуникация* может отражать, в том числе, и ситуацию, когда обратная связь по тем, или иным причинам отсутствует. В любом случае понятие *межкультурная коммуникация* шире, оно может и включать, и не включать в свой состав феномен *межкультурное непосредственное, контактное по своей природе, общение* [8].

С точки зрения поставленной нами цели нам также необходимо рассмотреть понятие *межкультурная компетенция*. Понятие *межкультурная компетенция* пред-

ставлено в работе А.П. Садохина, который полагает, что *межкультурной компетенцией*, в идеале, должен владеть человек, вступающий в межкультурную коммуникацию и предполагающий завершить её благополучно [9]. Вслед за А.П. Садохиним мы считаем, что явление *межкультурной компетенции* имеет иерархическую структуру и охватывает социокультурные знания и способности, прежде всего умение соотносить и анализировать элементы культуры, языка, коммуникативных стратегий, и опыт владения языком, используемым для межкультурного общения [9]. В дополнение к сказанному добавим, что в соответствии с концепцией культурных стандартов *межкультурная компетенция* понимается как «способность и готовность интегрировать иностранные культурные стандарты в свою собственную модель восприятия, мышления, оценки и действий» [9].

В контексте всего сказанного мы думаем, что акт обращения, например, русского поэта к художественному наследию поэта иной культуры и, как результат, создание успешного перевода охватывает как феномен МКК, так и феномен межкультурной компетенции, ибо именно успешный перевод является неопровержимым доказательством способности поэта-переводчика завершить акт результативно. Более подробно рассмотрим сказанное на примере переводов поэзии уникального туркменского поэта Махтумкули фраги русскими поэтами-переводчиками, прежде всего Ю. Гордиенко, Г. Шенгели, А. Тарковским.

Как известно, феномен человеческого опыта возможно *четко определить в чётко очерченных социальных пространствах*, которые как с точки зрения различных этнокультур, так и с точки зрения эпох различны [15]. Таким образом, события и явления, оригинальные авторские идеи и самого автора, объекта и субъекта определённого континуума, следует интерпретировать в одной связке с этим континуумом: *временным*, а также *пространственным*.

У каждой нации есть свои величайшие поэты. В Туркмении таким поэтом по праву считается Махтумкули фраги.

Общеизвестно, что ещё с древних времён поэты осмысливали себя и своё место в мире, в народной памяти. В этом плане в культурном пространстве России мы обнаруживаем стихи М.В. Ломоносова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина. С детства всем русским людям известны строчки: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Союзны русским стихам и стихи туркменского поэта Махтумкули фраги:

Куда бы дороги туркмен не вели,
Расступятся горные кряжи земли.
Потомкам запомнится Махтумкули,
Поистине станет устами Туркмении.

Махтумкули фраги родился в 1733 году в Хаджи – Говшане, к востоку от Кумбажовуза Атракского района, в селе Гызылбаир (ныне Шарлавук) в семье классика туркменской литературы Довлетмаммада Азади (1700-1760).

С раннего возраста он читал книги на арабском и персидском языках и был обязан этому богатой библиотеке отца.

После окончания учебы в Медресе Идрис-Баба в Гызыл-Аяге Бухарского ханства, а также в знаменитом Медресе Кекилдаш в Бухаре он через Узбекистан, Таджикистан и Афганистан отправился в северную Индию, и в Хиву, один из научных центров того времени с множественностью Медресе.

Личная жизнь Махтумкули была полна трагедий. В 1754 году трое членов его семьи - его сестра Ханманлы, его младший брат Джанасан и его жена Байрам умерли в один день, что оставило 21-летнего Махтумкули, его отца Азада и его мать в глубоком горе.

Несчастья Махтумкули (Махтумкули) продолжались и в будущем: выходит замуж за другого девушка, которую он страстно любил: *«Я крепость строил – рухнула стена. В свою же мне попасться сеть пришлось. Махтумкули, по воле волн, плыви, Нет берегов, страдалец, у любви...»*.

Время идёт, а Судьба продолжает испытывать теряющего силы поэта на прочность: умирают два его старших брата... , в молодом возрасте умирают оба его ребенка:

Кёроглу, рвение единственное оставил,
Я стар, я потерял силы,
Я потерял двоих детей – свое детище,
Поцарды не было, удача моя черная (из стихотворения «Моя удача черная»).

Удача «чёрная» отражена и в стихах Махтумкули, написанных на смерть отца: *«Где имам? Я стою, как пустая мечеть. Где луна? Небесам не дано просветлеть»*.

В 1760 году Махтумкули путешествует по Мангышлаку, Астрахани, Азербайджану, а оттуда отправляется на Ближний Восток. Путешествия и их изображение в стихах является поэтической традицией Востока. Не случайно в своих стихах Махтумкули часто отсылает читателя к столпам персидской поэзии – Хайяму, Хафизу, Низами и Фирдоуси. Таким образом, известность Махтумкули в Средней Азии объяснима не только географическим фактором, но и самой поэтической традицией, в рамках которой он работал: стихотворения Махтумкули (в соответствии с поэтической традицией) отразили тот мир, который предстал в глазах поэта во время его путешествий: в стихах упомянуто много стран, провинций, го-

родов, сел. Например, говоря об Иосифе, поэт не мог не упомянуть Ханаан (ныне Палестину) и Египет.

В стихотворной традиции того времени поэт представляет как посещённые им страны, так и далёкие, существующие в его поэтическом воображении:

«Двенадцать тысяч деревьев чайной Индии,
Шесть тысяч деревьев дорога-Румистан,
Четыре тысячи Саклаб, Санджаб, четыре тысячи Зангистан,
Как будто этот мир - потоп.
Четыре тысячи ярдов от Йемена, тысяча от Болгарии,
Земля может быть как греческой, так и одинарной хазарской,
Тысяча деревьев - дорога горная, великан,
Тогда этот мир уйдет ...
Три тысячи триста деревьев - это люди ислама,
Ирак, Азербайджан, Египет, Дамаск,
Полно в Хорасане, Персии, Безиркухе,
Когда он исчезает, этот мир превращается в скандал»
(из стихотворения поэта «Этот мир»).

В свете исламских традиций территория 15 стран оформлена деревьями, водой, болотами, горами, безлюдными местами, пустынями и т.д.

Стихи Махтумкули о путешествиях и о дальних, ещё не посещённых, странах как будто заживляют почти иссохшую в страданиях душу поэта, благодаря творческому воображению и стихам он впитывает в себя живую исцеляющую влагу. Вместе с тем рождаются те абсолютно новые смыслы, которые, по мнению русского писателя Н.В. Гоголя, могут родиться только в душе, пережившей невероятные страдания. Так, в таких стихах, как «Аджаб айям гильмеди», «Мохтадж эйлема», «Агларам», «Гозлер», «Донду», «Килди», «Бичарайам» появляются на свет такие феномены, как *мужество-богатство, бедность-богатство, ложная правда, вор-правда*.

В Европе первые сведения о Махтумкули Фраги стали появляться в середине XIX века. В Лондоне польским литератором и ученым Л. Ходзько-Борейко была опубликована на английском языке краткая биографическая справка о Махтумкули и три его стихотворения.

На русском языке стихи Махтумкули появились в 1872 году в переводах Ф. Бакулина: посредством подстрочного перевода были представлены первые два стихотворения.

Однако пика славы творчество Махтумкули фраги достигло в XX веке в условиях СССР. Наряду с учеными, академиками и профессорами Н. А. Остроумовым, А.Н. Самойлович, Е.Э. Бертельс Б. Каррыевым, М. Косаевым, З. Мухаммедовой большой вклад в изучение творчества

Махтумкули внесли такие замечательные российские литераторы и переводчики, как Ю. Гордиенко, Г. Шенгели и А. Тарковский. Последний как блистательный мастер именно стихотворного перевода сыграл особую роль в распространении творчества Махтумкули фраги:

Добро и зло

«Народу – сила, мир, беседа,
Семейных очагов тепло;
Джигиту – битва и победа,
Булат и крепкое седло.
Ложь предоставь на все готовой
Мирской молве. Не надо слова
Ни раздраженного, ни злого:
Народ мой ненавидит зло...»

Общеизвестно, что у хорошего переводчика поэт как бы заново рождается в другом языке. Так случилось и с жизнью стихов Махтумкули фраги в пространстве русской культуры и русского слова. С точки зрения универсального, дифференциального и уникально-личностного это стихотворение можно разделить на три части:

1. Несомненно, что разделение всего, что происходит в мире на добро и зло – главная и универсальная часть поэтического произведения. К универсальной части отнесём и начальные строчки «Народу – сила, мир, беседа, Семейных очагов тепло».

2. В строчках «Джигиту – битва и победа, Булат и крепкое седло» мы определяем как универсальную, так и национально специфическую части: 1) **к универсальной** части отнесём: а) *мужественного человека*, потенциального бойца, субъекта действий по защите Родины (в стихе он обозначен номинацией «джигит»); б) *победу* как предпочтительный результат в битве, на войне; в) *средство, инструмент*, при помощи которого побеждают («булат и ... седло»); г) *качество инструмента* (крепкое седло); 2) к национально специфической части (причём являющейся универсальной для целых регионов) можно отнести явления, обозначенные безэквивалентными лексическими единицами (ЛЕ): а) «джигит» (субъект действия); б) «битва и победа» (исторически обусловленное, силой традиции предписанное джигиту «предназначение»); в) «Булат и крепкое седло» (средства, инструмен-

ты, без которых и понятие «джигит» в его первичном значении – пусто); г) «крепкое седло» - словосочетание (метонимия), под которым понимается целый комплекс снаряжений (средств, инструментов) джигита: боевой конь вместе с его снаряжением: крепким седлом, булатом и т.д.

3. Третья часть «Ложь предоставь на все готовой Мирской молве. Не надо слова Ни раздраженного, ни злого» - отражение субъективного мира поэта, его восприятия «на все готовой Мирской молвы», где ей спокойно, без суеты, в силу традиции отводится удел лжи (причём, по контексту, лжи злой). И вдруг ... неожиданный поворот: переосмыслив стереотипную номинацию «злое слово» как в принципе зло, поэт поднимается выше стереотипов традиционного сознания и заключает: «народ мой ненавидит зло».

В поэзии Махтумкули фраги мотивы отчуждения, одиночества, ссылки, разлуки и лишений весьма часто одариваются неожиданным счастьем наслаждения красотой мира, чаще всего мира природы. Однако случается и наоборот: величественный дворец из базилика, вершин и тумана, каким ощущает себя поэт, в миг превращается в руины, свидетельствующие о великой человеческой трагедии:

«Я был базиликом в Ираме,
Я был зеброй на родине,
Я был стар и храбр,
Я был в тумане на вершине горы,
Разница в том, что я был в безопасности,
Теперь я разрушенный дворец» (из стихотворения «Я беден»).

Великий русский поэт А. Блок писал: главной отличительной чертой настоящего поэта является пройденный им путь. Стихи Махтумкули фраги являются несомненными свидетелями пройденного поэтом пути: от национально специфического – к универсальному, а затем уже к личному, субъективному и уникальному. В качестве примера такого личного, уникального, можно назвать и представленное выше стихотворение «Я беден», где (казалось бы) занимающее очень маленькое пространство поэтическое произведение засверкало сокровищами его богатой и цельной души.

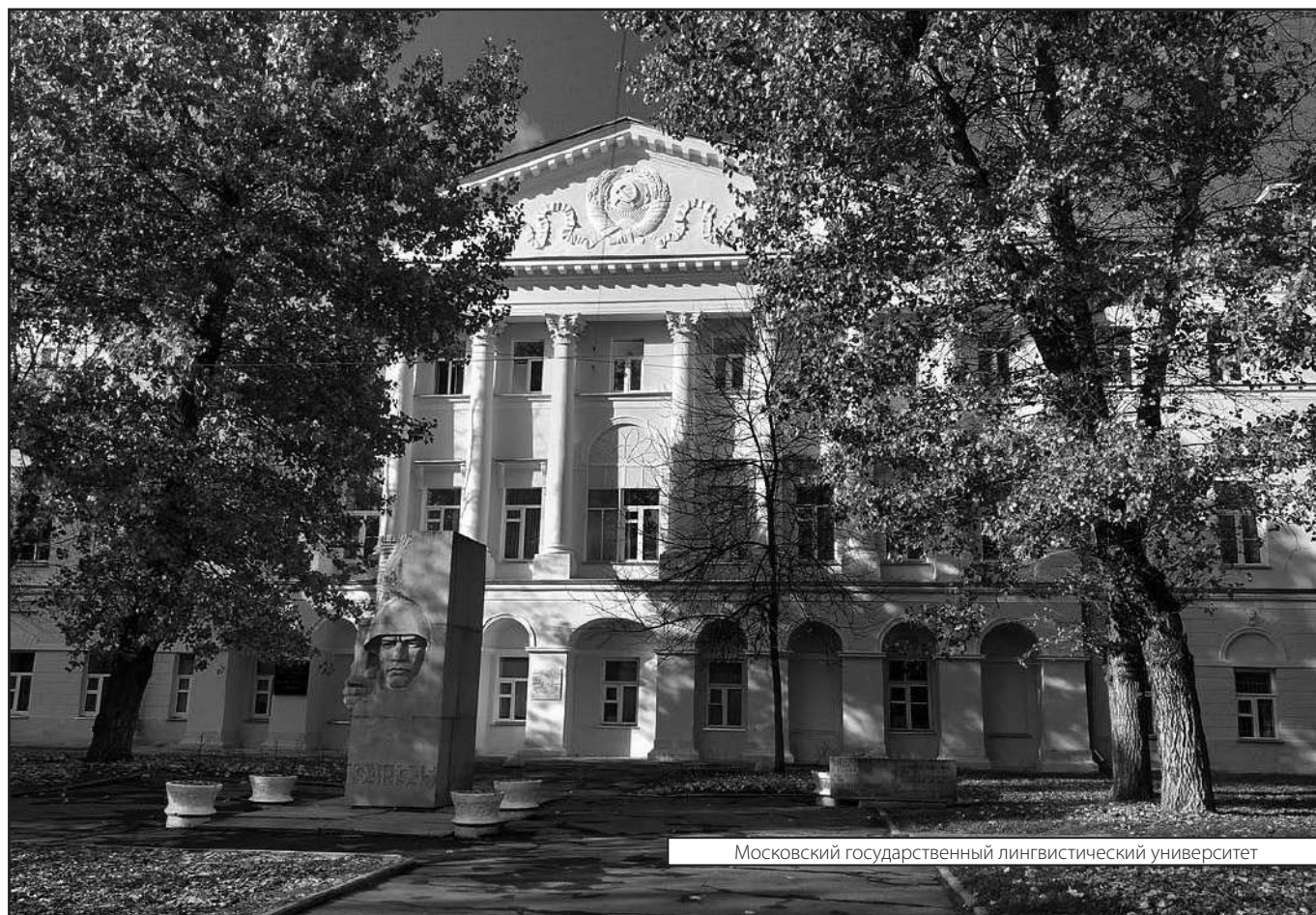
ЛИТЕРАТУРА

1. Ашчи М., Мухаммад Л.П., Татаринова Н.В. Межкультурная коммуникация как компонент антропологической лингводидактики. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 2. С. 143-156.
2. Бхавук Д., Триандис Г., Роль теории культуры в изучении культуры и межкультурного обучения//ред. В.Д. Лэндис и Р.В. Брислин. Справочник по межкультурному обучению. Thousand Oaks: Sage. 1996. С. 17-34.
3. Казмир Фред. Строительство третьей культуры: смена парадигмы международного и межкультурного общения. Ежегодник коммуникаций, № 16, 1993. 428 с.

4. Казмир Фред. Основы изучения межкультурной коммуникации на основе модели построения третьей культуры. Международный журнал межкультурных отношений, № 23(1), 1999. С. 91-116.
5. Мартынова Н.А. Межкультурная коммуникация как особый вид общения. Омский научный вестник. № 2 (54). 2007. С. 148-151.
6. Махтумкули (Фраги). Избранное. Перевод А. Тарковского, М. Тарловского, Г. Шенгели и др. , 1974. 342 с.
7. Мухаммад Л.П., Мухаммад Х.И.А., Хетагурова Н.Н. Антропологический аспект разработки понятия субъективности в советском и постсоветском пространстве. В сборнике: Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. 2007. С. 222-226.
8. Мухаммад Л.П., Обид Х.О., Линь С. О понятии «общение как деятельность» применительно к обучению иностранцев в соответствии с антропологическим принципом гуманитарных наук. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 104-109.
9. Садохин А.П.П. Межкультурная компетентность. Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Том X. № 1. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kompetentnost-ponyatie-struktura-puti-formirovaniya>.
10. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для вузов. М.: Школа-Пресс, 1995. 384 с.
11. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания// Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 7 – 22.
12. Busch, Dominic (2009). The notion of culture in linguistic research . Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research, 10(1), Art. 50, [Электронный ресурс], режим доступа: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs0901508> (Дата обращения 20.12.2020 г.).
13. Erickson F. Métodos cualitativos de investigación sobre la enseñanza. In Merlin Wittrock (Ed.), La investigación de la enseñanza, II. Métodos cualitativos y de observación. Barcelona: Paidós/M.E.C.1989 -195-301 p.
14. Casmir F. Third-culture building: A paradigm shift for international and intercultural communication. Communication Yearbook, 16, 1993. P. 407- 428.
15. Chubarova O.E., Stoletova E.K., Starodubova O.Yu., Muhammad L.P. Polylogue of cultures and epochs in the course of reading a literary text in a foreign audience Revista Género e Direito. 2020. T. 9. № 1 S1. С. 505-522.

© Мухаммад Людмила Петровна (ludmilamuh@yandex.ru), Алымов Мухаммед Атамурадович.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный лингвистический университет

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТОВ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Писаревская Наталья Сергеевна

*К. филол. н., доцент, Московский
международный университет
n-pisarevsk@mai.ru*

SELF-IDENTIFICATION OF MASS CULTURAL SUBJECTS IN THE CONDITIONS OF SOCIAL TRANSFORMATION

N. Pisarevskaia

Summary: Interest in the phenomenon of mass culture arose more than a hundred years ago, reflected in many studies in various fields of social and humanitarian knowledge. The main groups acting as subjects of mass culture since the 20th century, in the era of globalization and in many respects the unification of the cultural space, the elite and the masses are considered, since it is they who have a direct impact on the processes taking place in modern society and are active in the field of transformations. Today, comprehension of the ways of self-identification of subjects of mass culture in the context of social transformations, their mutual influence, both at the conscious and unconscious levels, is acquiring special relevance.

Keywords: self-identification, mass culture, subject, mass, elite, transformation.

Аннотация: Интерес к феномену массовой культуры возник более ста лет назад, отразившись во множестве исследований в различных областях социального и гуманитарного знания. Основными группами, выступающими в качестве субъектов массовой культуры, начиная с XX в., в эпоху глобализации и во многом унификации культурного пространства, считают элиту и массу, поскольку именно они имеют непосредственное влияние на процессы, происходящие в современном обществе, и проявляют активность в сфере преобразований. Сегодня особую актуальность приобретает осмысление способов самоидентификации субъектов массовой культуры в условиях общественных трансформаций, их взаимовлияние, как на сознательном, так и на бессознательном уровне.

Ключевые слова: самоидентификация, массовая культура, субъект, масса, элита, трансформации.

Демократические преобразования индустриальной эпохи обернулись к XX веку формированием «массового общества», которое впоследствии рассматривалось в контексте массового производства, массового потребления, массовой коммуникации и информации и т.д. Особое место в этом ряду заняли исследования массовой культуры и массового искусства с точки зрения их трансформации на протяжении двадцатого столетия.

Противоречивость феномена массовой культуры стала предметом исследования представителей различных областей социально-гуманитарного знания: философии, социологии, искусствоведения и культурологии. Актуальным для XX века стал критический анализ массовой культуры в свете парадигмы экзистенциализма (К. Ясперс, К.Г. Юнг и др.) [17,18], в аспекте тоталитаризма (Х. Ортега-и-Гассет, Г. Маркузе и др.) [12,13], в перспективе перехода к постиндустриальному обществу (А. Тоффлер, Ж. Бодрийяр, Д. Белл и др.) [3,4,16].

В этот же период формируется противоположность классического и неклассического понимания субъекта и субъективности. Классическому пониманию субъекта И. Канта [9], К. Маркса [11] и др. была предложена альтернатива стирания границ между субъектом и объектом в постмодернизме (Ж. Делез, Ф. Гваттари и др.) [7]. Свое

понимание формирования субъекта в обществе было сформировано в социологии XX века (Э. Дюркгейм и др.) [8]

Методологические основы культурно-исторического понимания личности и ее социализации и самоидентификации были заложены в психологии Л.С. Выготским [6] и получили дальнейшее развитие в трудах психологов и философов. Проблему взаимосвязи индивидуального и коллективного углубленно исследовали отечественные психологи Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский и др. [1,5,15]

Основными группами, выступающими в качестве субъектов массовой культуры в эпоху глобализации, считают элиту и массу, поскольку именно они имеют непосредственное влияние на все процессы, происходящие в современном обществе, и проявляют активность в сфере социокультурных преобразований. Субъект по определению должен обладать не просто активным, но и творческим началом. В философии, психологии и теории культуры от субъекта неотделимы не только характеристики активности и деятельности, но и творчество как созидание новых форм социального и духовного бытия.

В процессе общественных трансформаций XX-XXI

вв. складываются противоречивые формы самоидентификации субъектов массовой культуры на уровне массового индивида и элиты. Парадоксальная логика этих трансформаций выразилась в формировании «человека массы» как «псевдоличности». Основанием суррогатных форм его самореализации является произвол, смысл которого не в творческом самосовершенствовании, а в удовлетворении случайной прихоти. При этом случайно-произвольное отклонение в стандартном поведении отличается от творческого преобразования себя и мира.

Самоидентификация формирует и корректирует стиль жизни и поведения, определяет способы общения и культурное пространство, в которые включается индивид. Однако личностная самоидентификация современного человека есть не только соотношение себя с другим, группой, человечеством, но и осознание своего своеобразия и самоидентификации в различных формах - от самопереживания до самосознания и самоанализа.

Самосознание в трактовке классической философии сугубо рационально, самоидентификация в теории культуры и психологии, помимо рационального представления о собственном Я, предполагает иррациональное самоощущение и переживание индивидуального и группового субъекта, вплоть до сознательно-бессознательных реакций индивида и группы, через которые происходит их самоидентификация в массовой культуре. Как пишет Д. Майерс «Мы настолько проникаемся групповым сознанием (отождествляем себя с группой), что не упускаем ни единой возможности думать о себе как о группе и, следовательно, демонстрируем предрасположенность в пользу своей группы» [10, с.358].

Самосознание представителя элиты в качестве творческой индивидуальности является более отрефлексированной рациональной установкой, которая, тем не менее, в сочетании с конформистским приспособлением к потребностям массы, есть превратно-противоречивый способ его деятельной самоидентификации. Тем самым элита выступает как свое иное массы в качестве субъекта массовой культуры. При этом бессознательный выбор в пользу конформизма при условии сознательных отсылок к своей уникальности и оригинальности – характерный признак самоидентификации субъектов массовой культуры, как на уровне массы, так и элиты.

Искажение процессов самоидентификации и самореализации в массовой культуре обусловлено формированием такого способа самоутверждения у стандартизированного «человека массы», при котором за индивидуальную творческую исключительность и духовную составляющую жизни выдается культивирование прихотей на фоне стереотипов потребления, а также транслирование этих стереотипов на все измерения культуры, посредством которых он проявляет свою субъектность.

Если интеллектуальная и, преимущественно, творческая деятельность делает современную элиту антиподом массы, то замена гуманистического служения высоким идеалам материальным благополучием, социальным статусом и удовлетворением амбиций сближает элиту с массой. Эта взаимодетерминация вкусов и ценностных ориентиров массы и элиты – результат трансформации субъекта культуры. Элита «как бы» детерминирует мировосприятие человека массы, но это не воздействие, а взаимодействие между массой и элитой. Массовая культура определяется всеилием «средних» людей, которые способны диктовать условия элите. На сознательном уровне массовый человек мнит себя уникальной личностью, вербально обособляясь от окружающих, но посредством вовлечения в конформистско-стереотипное поведение, он оказывается выразителем групповой идентичности, в чем проявляется противоречивый способ его сознательно-бессознательной самоидентификации.

На почве массового потребления, которое поддерживается массовой культурой, сегодня происходит взаимодействие элиты и массы как субъектов массовой культуры. При этом представители, как массы, так и элиты становятся «винтиком» в системах, где в основу их субъектности закладывается потребительская идеология. Теперь и элита руководствуется массовыми стандартами. Высший слой общества, выделившийся по принципу обогащения, также начинает потреблять то, что ему предлагается, считая, что именно степень приобретения и качество товара и делает ее элитой. Разница заключается в том, что продукты ее потребления значительно дороже и престижнее, чем то, что имеет масса. Так, наиболее обеспеченные представители общества превращаются в «...потребительскую элиту (группу «А»), служащую моделью для большинства, еще не располагающего соответствующим роскошным набором (спортивный автомобиль, стереосистема, вторичная резиденция), без которого нет европейца, достойного этого имени» [4, с. 98]. Таким образом, представители элиты тоже начинают жить по принципам потребления и коллекционирования, при этом претендуя на уникальность за счет обладания.

Парадоксы самоидентификации субъектов современной массовой культуры связаны с характером деятельности, в которой преобладает рутина, а ее односторонним дополнением становится развлечение. Рутинный труд индустриальной и даже постиндустриальной эпохи компенсируется культурой развлечений, которые целенаправленно и профессионально организуются массовой культурой, транслирующей позитивную сторону консьюмеризма, что преобразуется в суррогатность созидательной самореализации субъекта: «Восприятие окружающего мира искажается, приобретаемая ярко выраженный экономический подтекст. Люди перестают отделять свои индивидуальность и уникаль-

ность от материального благополучия и как следствие приобретаемых ими товаров. А утрата личностной уникальности в контексте слияния с обществом на основе потребления ведет к тому, что индивиды сливаются в массу» [14, с.70].

Таким образом, в результате общественных трансформаций, сегодня в роли субъектов массовой культуры можно рассматривать массу, личность, претендующую на статус уникальной индивидуальности и элиту, дифференцирующуюся по материальному признаку. При этом современная творческая элита, претендуя на исключи-

тельность в творческом плане, фабрикует стереотипы массового потребления, поддерживая существование массовой культуры. Как следствие самоидентификация субъекта массовой культуры как творца оказывается мнимой по причине доминирования материальной потребности над стремлением к идеалу. Капризы вкуса человека массы, с одной стороны, и следование им из меркантильных соображений, с другой, – основа превратной субъектности и массы и элиты, где внешнее противостояние скрывает принципиальную их внутреннюю взаимообусловленность, включая способы самоидентификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. – 2-е издание. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 272 с.
2. Арндт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт - Москва, ЦентрКом, 1996. - 672 с.
3. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. / Д. Белл – М., 2004. – 170 с.
4. Бодрийяр, Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: Республика: Культурная революция, 2006. – 269 с.
5. Брушлинский, А.В. Психология субъекта / А.В. Брушлинский. – СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.
6. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1983. – 3 Т.
7. Делез, Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М.: ИНИОН, 1990.–107 с.
8. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана.- М.: Канон, 1995.- 352 с.
9. Ильенков, Э.В. Что же такое личность? // Психология личности. Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 288с.
10. Кант, И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского– М.: Эксмо, 2011.— 736 с.
11. Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс - СПб.: Питер, 1997. - 688 с.
12. Маркс, К. Сочинения. 2-е изд. / К. Маркс – М.: Издательство политической литературы, 1960. – 23 Т.
13. Маркузе, Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 526 с.
14. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс: [Пер. с исп.] / Хосе Ортега-и-Гассет – М.: АСТ, 2001. – 509 с.
15. Писаревская, Н.С. Потребление как основа мировосприятия массового человека / Международный научно-исследовательский журнал, № 1-4 (32), 2015 - С.69-70
16. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн – СПб.: Питер, 2000. – 713 с.
17. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер – М.: АСТ, 2003. – 557 с.
18. Юнг, К.Г. Феномен духа в искусстве и науке. / К.Г. Юнг – М.: «Ренессанс». 1992.– 320 с.
19. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

© Писаревская Наталья Сергеевна (n-pisarevsk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕЧЕВЫЕ ПРОВОКАЦИИ В ПОВСЕДНЕВНОМ ИНТЕРНЕТ-ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: ВАРИАНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ И РАЗВИТИЕ ДИАЛОГА

Афиногенова Виктория Алексеевна

К.псих.н., н.с., ФГБУН Институт психологии РАН (Москва)

AfinogenovaVA@ipran.ru

SPEECH PROVOCATIONS IN EVERYDAY INTERNET INTERACTION: VARIANTS OF REALIZATION AND DIALOGUE DEVELOPMENT

V. Afinogenova

Summary: This research continues series of studies associated with illocutionary mechanism of dialogue development and turned to study speech provocations as a destabilizing form of interlocutors' communication initiative in process of Internet interaction. We analyzed discussions of information messages about COVID-19 vaccination on various Internet sites. The study showed that interlocutors' replicas realizing speech provocations dominated in Internet discussions. 17 categories of provocative intentions were revealed. Intentions aimed at referential object «Interlocutor» had the response more often among them. Several variants of dialogue development at appearance of speech provocations were described, its structure was characterized.

Keywords: everyday Internet interaction, illocutionary mechanism of dialogue development, interlocutors' communication initiative, speech provocations, provocative intentions, intent-analysis.

Аннотация: Исследование продолжает серию работ, посвященных изучению иллокутивного механизма развития диалога, и обращено к изучению речевых провокаций как дестабилизирующей формы проявления коммуникативной инициативы в процессе интернет-взаимодействия. Материалом для исследования стали обсуждения информационных сообщений о вакцинации от COVID-19 на различных интернет-площадках. Показано, что в интернет-обсуждениях преобладают реплики коммуникантов, реализующих речевые провокации. Обнаружено 17 категорий провокативных интенций, среди которых чаще обнаруживают отклик интенции, направленные на референциальный объект «Собеседник». Описано несколько вариантов развития взаимодействия при появлении речевых провокаций, охарактеризована его структура.

Ключевые слова: повседневное интернет-взаимодействие, иллокутивный механизм развития диалога, коммуникативная инициатива собеседников, речевые провокации, провокативные интенции, интент-анализ.

Проблема речевых провокаций получает особую актуальность в современном информационном обществе и активно разрабатывается учеными [7, 8, 9, 10, 11, 17, 21, 22 и др.]. Так, В.Н. Степанов использует термин «провоцирование» для описания взаимосвязи реплик в диалоге, полагая, что инициирующая реплика определенным образом провоцирует ответную реплику. Автор считает, что «провокационная речь, или речевая провокация, изображает и передает определенное психологическое состояние для его собеседника и как бы «заряжает» его, а цель этого – вызвать желаемое внутреннее состояние, возбудить в нем коммуникативную активность, основанную на желании соответствовать предъявляемым собеседником коммуникативным требованиям» [16, с.161]. В.Н. Степанов полагает, что речевая провокация может иметь различную эмоциональную окраску, в том время как А.А. Штеба, В.О. Кузнецов, И.М. Дзялошинский, Р.В. Жолудь отмечают, что ее важным признаком является негативный характер последствий для вовлеченного в провокацию адресата [7, 11, 21].

В социальных медиа данный феномен может трансформироваться в троллинг, который связан с прояв-

лением вербальной агрессии и травлей отдельных пользователей [1, 6, 12, 20, 23 и др.]. Под троллингом в социальных сетях подразумевается написание провокационных сообщений с целью вызвать флейм и конфликты между участниками, а значит – дестабилизировать сетевое общение [1]. Успешная троллинг-атака изменяет тональность дискуссии, которая превращается в место спора (нередко – с включением нецензурной лексики) и зарождения конфликта [6]. Явление троллинга может быть рассмотрено как форма агрессивного социального воздействия в рамках дискурсивного пространства интернета [12, 15].

В нашем исследовании предполагается обращение к изучению речевых провокаций как одной из форм проявления коммуникативной инициативы. Вслед за О.С. Иссерс мы определяем речевую провокацию как коммуникативный сбой, организованный говорящим для достижения определенных целей, который побуждает партнера к таким речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия [10]. Автор относит этот феномен к речевым стратегиям (наряду со стратегией критики, самопрезентации и т.п.),

которые понимает как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [9, с. 104]. О.С. Иссерс отмечает, что речевая стратегия обладает гибкостью: она может быть реализована через различные речевые тактики, выбор которых определяется коммуникативными целями говорящего. Конкретная речевая тактика реализуется в коммуникативных (речевых) ходах. Они связывают реплику говорящего и реплику слушающего по принципу иллокутивного вынуждения. Реплики собеседников, в свою очередь, содержат актуальные для них интенции, которые служат реализации той или иной речевой тактики [2, 3, 4, 5, 14 и др.].

Как протекает диалог после появления речевой провокации? Какое интенциональное состояние вызывает такая дестабилизация взаимодействия? Какие формы принимает речевая провокация в Интернете? На эти и другие вопросы предстоит ответить в рамках исследования.

Цель настоящего исследования – изучение речевых провокаций в процессе интернет-взаимодействия.

Гипотезы исследования: 1. Комментарии коммуникантов, реализующих речевые провокации, содержат одну или несколько интенций провокативного характера. 2. Комментарии коммуникантов, реализующих речевые провокации, всегда получают ответный отклик партнеров. 3. Появление речевых провокаций изменяет текущую линию взаимодействия.

Методика

Участники исследования. 109 человек (по данным в открытых интернет-источниках, 71 мужчина, 38 женщин).

Материал исследования. 4 информационных сообщения о вакцинации от COVID-19 и их обсуждение (215 комментариев, $M = 54$, $\min=22$, $\max=83$) в новостной ленте (Яндекс.Дзен, zen.yandex.ru), в личном блоге ЖЖ (nemihail.livejournal.com). Отбирались популярные (имеющие более 1000 просмотров, по данным в открытых интернет-источниках) сообщения указанной тематики, получившие более 20 комментариев, которые были опубликованы в январе-феврале 2021 г.

В качестве основного метода оценки психологического содержания речи выступал метод интент-анализа [14], который позволяет реконструировать стоящие за речью интенции субъектов общения и выявлять элементы интенционального содержания, сопряженные с

текущим взаимодействием, коммуникативными тактиками, риторическими приемами и др. При квалификации интенций учитывались языковые и речевые маркеры, данные о цели коммуникантов, их статусно-ролевых позициях и пр., вытекающие из анализа контекста, а также ответные реакции собеседника, обнаруживающие его понимание сказанного.

Результаты и их обсуждение

Проведенный интент-анализ позволяет обнаружить 17 категорий провокативных интенций, присущих диалогическому интернет-взаимодействию. Опираясь на представление О.С. Иссерс о речевой провокации [8, 10], мы относим к провокативным интенции, побуждающие партнера к таким речевым действиям (коммуникативным ходам¹), которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия. Критерий отнесения интенции к провокативным – ее негативный перлокутивный эффект², который выражается, в том числе, в дестабилизации эмоционального состояния.

Как видно из таблицы 1, наиболее частотными (> 20 случаев реализации) среди них оказываются такие категории, как «унизить» («*Не ври много, от вранья глаза косыми станут!*»), «Интеллект у тебя не более чем на 2х2³»), «выразить иронию» («*Выжить последние деньги – хорошо сказал!*»), «выразить сарказм» («*Сейчас в тренде супер пупер мега лекарство – апрели – арпели – тьфуты – фуфловир*»), «оскорбить» («*Вы бараны смотрите зомби ящик и носите маски*»), «Одни нытики кругом»), «выразить возмущение» («*Да что вам так завидно, что людям по 10000 дали?!*»), «*Как можно завидовать несчастному человеку хотя бы и с грин картой?!*»).

Обнаружено, что провокативные интенции реализованы в 171 комментарии (80% общего числа комментариев), при этом в 44% таких реплик обнаружено 2 и более подобных интенций, что усиливает эффект провоцирования. Представленные факты подтверждают первую эмпирическую гипотезу.

Как показывает сравнительный анализ, в повседневном оффлайн-взаимодействии [3, 4, 13] только 14% высказываний содержат провокативные интенции (n=215). Иными словами, провокативный характер диалога можно считать отличительной особенностью повседневного интернет-взаимодействия.

Дальнейшее исследование показало, что лишь 24%

1 Под коммуникативным ходом понимается единство реплики говорящего и слушающего, которые организованы по принципу иллокутивного вынуждения.

2 Перлокутивный эффект – эффект, который достигается в результате реализации высказывания с определенным намерением (иллокутивной целью).

3 Здесь и далее в речевых примерах сохранены авторская орфография и пунктуация.

Таблица 1.

Представленность провокативных интенций в интернет-взаимодействии

№ п/п	Категории провокативных интенций	Определение категории ⁴	Частота реализации
1	унизить	Оскорбить чью-то гордость, чувство собственного достоинства	57
2	выразить иронию	Выразить тонкую, скрытую насмешку	53
3	выразить сарказм	Выразить язвительную насмешку, злую иронию	37
4	оскорбить	Крайне обидеть, причинить моральный ущерб	30
5	выразить возмущение	Выразить сильное раздражение, негодование	24
6	критиковать	Указывать на недостатки кого-либо / чего-либо	17
7	обвинить	Счесть виновным, укорить кого-либо	16
8	побудить к действию	Склонить к какому-либо действию	15
9	выразить недовольство	Выразить раздраженность, отрицательное отношение	14
10	обесценить	Лишить ценности	13
11	выразить пренебрежение	Выразить высокомерное, лишенное уважения отношение к кому-либо / чему-либо	7
12	возразить	Заявить о своем несогласии	5
13	осудить	Выразить строгое неодобрение кому-либо / чему-либо	4
14	выразить презрение	Выразить подчеркнутое безразличие, подчеркнуть подлость и ничтожность кого-либо / чего-либо	3
15	упрекнуть	Выразить кому-либо неодобрение, неудовольствие	2
16	намекнуть	Иметь ввиду кого-либо / что-либо, говоря намеками	1
17	убедить	Заставить поверить чему-либо, уговором склонить к чему-либо	1
		Σ	299

реализованных провокативных интенций получают отклик коммуникантов (n=299): собеседники при желании могут оставить обращенные к ним интенции, в том числе, провокативные, без ответа и не развивать потенциально конфликтный диалог. Это факт указывает на значительную гибкость повседневного интернет-взаимодействия. Чаще (> 5 раз) обнаруживают реакцию такие категории, как «унизить» (n=19), «оскорбить» (n=12), «выразить сарказм» (n=7), «критиковать» (n=6), «обвинить» (n=6), «выразить иронию» (n=5).

Как показывает проведенный анализ, чаще получают отклик провокативные интенции, направленные на референциальный объект «Собеседник» (66,7% случаев отклика на провокативные интенции, n=72) («Как вы докатились до такой медицины? Ведь триллионы нефтедолларов! А всё бабло по офшорам разошлось с вашего-быдлоэлектротат-попустительства» – «Стесняюсь спросить, почему вы так переживаете за «быдлоэлектротат»?»): партнер стремится ответить на адресованную ему речевую провокацию, что указывает на диалогичность повседневного интернет-взаимодействия.

Реже обнаруживают отклик провокативные интенции, направленные на объекты:

- «Российская власть» (12,5%) («Одно не пойму – если путинская вакцина такая эффективная, то почему российские морги переполнены, мест в больнице нет и даже насквозь лживая российская статистика констатирует рост заболеваемости» - «Путинская вакцина настолько эффективная, что ее до сих пор перепроверяют не в силах поверить в такую ох*** эффективность!»),
- «Сообщество» (9,7%) («Я не врач, но это не мешает мне видеть весь бред, который сейчас несет из высших сфер, и помогает мне в этом – РАЗУМ, которым, увы, очень многие не научились пользоваться! Главное, не терять здравый смысл никогда!» – «Про ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ – это Вы более чем точно. Я предлагаю вспомнить старинную немецкую поговорку «Потеряешь БДИТЕЛЬНОСТЬ (в смысле ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ) – потеряешь ДЕВСТВЕННОСТЬ»),
- «Россияне» (8,3%) («Пока сытый сохнет худой сдохнет, как поговаривали на России крепостные предки крепостных» – «Со своим ответом ты по-

4 Для определения категорий использованы Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (под ред. Н.Ю. Шведовой), Толковый словарь русского языка: в 4 томах (под ред. Д.Н. Ушакова).

хож на залупу сумасшедшего хохла»);

— крайне редко – на объект «Государственные структуры (МЧС, ДЗ и др.)» (2,8%) («Если в России нет системы здравоохранения, то и лечить то некому как правило. Препараты против конкретно 19-го не найдены, поэтому лечат, как обычный грипп. Нет четкой стратегии, как при СССР» – «Какой вы враг! В России как раз сохранена система»).

Все эти интенции адресованы неперсонализированным объектам в отличие от объекта «Собеседник», который предусматривает обращение к конкретным участникам диалога. Обнаруженные в подобных случаях отклики свидетельствуют о том, что коммуникант предполагает свою принадлежность к обозначенным структурам и воспринимает себя как адресата интенций.

Выделено несколько вариантов развития текущей линии взаимодействия при появлении провокативных реплик⁵ (n=208). В одних случаях (44,2%) провокативные реплики обнаруживают ответный отклик коммуниканта:

А: Какой пугающий бред гуляет по сети... про сто мрак. От так называемых «врачей». Надеюсь, воздастся таким «врачам» по их заслугам однажды. Ни мозгов, ни совести!

Б: Среди каких ужасных людей мы живем, проклинающих врачей! прям как проклятье звучит! Ужас какой! Сколько злобы в ответ на предостережение! Да воздастся таким клянущим им по заслугам и не однажды!!!

В других случаях (22,1%) партнеры игнорируют провокацию, обращая внимание на другие интенции собеседника:

А: А при чем тут вообще люди и их поведение?! Полностью уничтожить экономику было распорядили ВОЗа. Так же как и постоянное запугивание из СМИ.

Б: ВОЗ тоже лишь исполнитель, заказчик - Всемирный банк.

В третьих (33,7%) - коммуниканты оставляют провокативный комментарий без ответа, продолжая текущую линию разговора:

А: Это у вас есть серьезнейший повод задуматься о вашем психическом здоровье, ну а по поводу воспитания можете не задумываться, в связи с его полным отсутствием. Но главное, о чем стоит сожалеть, так это об отсутствии здравого смысла.

Б: Один опытный доктор, профессор медицинских наук и всякое такое, сказал мне следующую фразу почти дословно: «Ковид не убивает, убивает страх перед ковидом».

Два последних варианта демонстрируют коммуникативную неудачу провокатора: его намерение не получает соответствующего отклика. Полученные данные указывают на то, что вторая эмпирическая гипотеза подтверждается частично.

Итак, реализованная речевая провокация в части случаев (n=92) приводит к изменению речевого поведения собеседника, а значит и изменению текущей линии взаимодействия (что подтверждает третью эмпирическую гипотезу). Рассмотрим подробнее эти ситуации.

Реакция партнера на провокацию может осуществляться в форме подчинения или, наоборот, сопротивления. Обнаружено лишь несколько случаев подчинения (n=6), которое реализуется в интенциях «выразить согласие», «солидаризоваться» («Не забивайте голову дурными мыслями. Все умрём» – «**Это так**»): зачастую коммуниканты имеют свою позицию и редко поддаются вынуждению провокатора.

Наиболее многочисленны случаи сопротивления речевой провокации (n=86): коммуниканты противостоят намерению провокатора изменить их речевое поведение. Можно выделить так называемое конструктивное сопротивление, которое обнаруживает возможность компромисса и может служить прекращению конфронтации собеседников. Оно реализуется в таких интенциональных категориях, как «напомнить», «посоветовать», «выразить иное мнение», «защитить (себя / другого)» и др., однако выявляется не часто, лишь в 15% случаев («То то наши (прим. – МЧС РФ) пока не съездили к ним (прим. – в Италию) и не помыли там все смертность у них зашкаливала!» - «**На севере «зашкаливала», а на бедном юге была на минимуме! И потом вы же наверняка помните высказывание Дизраэли: «есть ложь, наглая ложь и статистика!»**»).

Более типичны случаи так называемого деструктивного сопротивления (85% случаев), которое реализуется во взаимной провокации и, напротив, приводит к обострению конфронтации. При этом реализуются такие интенции, как «выразить сарказм», «унизить», «обесценить», «оскорбить» и др. («Надо мозгами быть не очень богатым, чтобы покупать квартиру в таком клоповнике в 30 этажей. Чем такие люди думают, интересно?» - «Мы живем в этом доме с 1983 года! И рядом построил Олигарх Доронин 50 этажный дом, и здесь все продано. Мы то в Советское время получали бесплатно. **Так что**

5 Провокативная реплика – высказывание, содержащее одну или несколько интенций провокативного характера.

по себе не мерьте!»; «А вы, я так понимаю, не российское быдло, а дочь Рокфеллера. И за вами обязательно пришлют самолёт. И это хорошо, умрёте в специализированной клинике» - «**Вы мне завидуете? Получайте green card и умрите по людски а не засанном матрасе в подсобке**»). Собеседники обнаруживают активное сопротивление партнеру-провокатору и невозможность мириться со сказанным, стремление защитить свою позицию, что приводит к эскалации спора.

Структуру интернет-взаимодействия в условиях речевых провокаций можно характеризовать как разветвленную узловую: в «узле» находится комментарий, получивший множество откликов собеседников. Один из этих откликов может стать началом новой линии диалога, который таким образом значительно разветвляется.

Выводы

Проведенный интент-анализ повседневного интернет-взаимодействия выявил 17 категорий провокативных интенций, наиболее частотными среди которых оказались «унизить», «выразить иронию», «выразить сарказм», «оскорбить», «выразить возмущение».

В интернет-обсуждениях преобладают реплики коммуникантов, в которых реализованы одна или несколько

провокативных интенций, что указывает на провокативный характер повседневного интернет-взаимодействия.

Лишь 24% выраженных провокативных интенций получают отклик собеседников, что указывает на значительную гибкость интернет-взаимодействия и возможность продолжать диалог без нежелательной конфронтации. При этом чаще обнаруживают отклик интенции, направленные на референциальный объект «Собеседник», что свидетельствует о диалогичности такого взаимодействия.

Выделено несколько вариантов развития текущей линии взаимодействия при появлении провокативных реплик. В одних случаях такие реплики обнаруживают ответный отклик коммуниканта, реализуемый в форме подчинения или сопротивления (конструктивного / деструктивного); в других случаях намерения провокатора не получают соответствующего отклика, обнаруживается его коммуникативная неудача.

Структура повседневного интернет-взаимодействия в условиях речевых провокаций характеризуется как разветвленная узловая: в «узле» находится комментарий, получивший множество откликов, один из которых может стать началом новой линии диалога и привести к его разветвлению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулич М.М. Троллинг в социальных сетях: возникновение и развитие // Вестник РУДН. Серия Социология. 2012. №3. С.30-37.
2. Афиногорова В.А. Функционирование механизма иллокутивного вынуждения в речевом взаимодействии собеседников // Вестник МГОУ (электронный журнал). 2019. №3.
3. Афиногорова В.А. Иллокутивное вынуждение и коммуникативная инициатива в речевом взаимодействии собеседников // Психологические исследования: Выпуск 10. / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенковой. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С.30-39.
4. Афиногорова В.А. Последовательное развертывание диалога и коммуникативная инициатива собеседников (на материале повседневного дискурса взрослых и детей) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. №9. С.18-21.
5. Афиногорова В.А. Иллокутивный механизм развития диалога: результаты исследования // Жизнь языка в культуре и социуме – 8. Материалы международной научной конференции. Москва, 28 – 29 мая 2021 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин, Е.С. Ощепкова, О.В. Балясникова, Д.В. Маховиков. – М., 2021. С. 199-200.
6. Воронин А.Н., Ковалева Ю.В. Изменение субъектности сетевого сообщества в процессе троллинга // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. №3 (15). С.25-61.
7. Дзялошинский И.М., Жолудь Р.В. Провокация в системе коммуникационных технологий // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т.2. №2. С.62-81.
8. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. – М.: Ленанд, 2021. 272 с.
9. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Ленанд, 2017. 308 с.
10. Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. №2 (18). С.92-104.
11. Кузнецов В.О. «Провокация» как экспертное понятие в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т.15. №3. С.6-18.
12. Немыка А.А., Ушаков А.А. Дискурсивное пространство текста: троллинг как элемент некооперативной речевой стратегии современной интернет-коммуникации // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2012. № 4. С. 68-71.
13. Павлова Н.Д., Афиногорова В.А., Гребенщикова Т.А. Речевое взаимодействие собеседников в неформальном повседневном дискурсе: интенциональный аспект // Психологический журнал. 2017. Т.38. №5. С.41-54.
14. Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А. Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 151 с.
15. Психология дискурса: проблема детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. - М.: Изд-во

- «Институт психологии РАН», 2016. 315 с.
16. Степанов В.Н. Провокационный вопрос с точки зрения прагмалингвистики // Московский лингвистический журнал. 2003. Т.6. №2. С.157-180.
 17. Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации: монография. – СПб.: Роза мира, 2008. 268 с.
 18. Толковый словарь русского языка: в 4 томах / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: АСТ, 2009. 848 с.
 19. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.
 20. Фетисова Т.А. Агрессивное поведение в интернет-коммуникации // Культурология. 2018. №4 (87). С.185-197.
 21. Штеба А.А. Лингвистические признаки провокации // Litera. 2017. №1. С. 120-128.
 22. Magu R., Hossain N., Kautz H. Analizing uncivil speech provocation and implicit topics in online political news // Computers and society. 2018. preprint.
 23. McCosker A. Trolling as provocation: YouTube's agonistic publics // Convergence. 2014. №20 (2). P. 201-217.

© Афиногенова Виктория Алексеевна (AfinogenovaVA@ipran.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт психологии РАН

ВИЗУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Бюндюгова Татьяна Вячеславовна

К.псих.н., доцент, Южный университет (ИУБиП)

tach_29@mail.ru

VISUAL COMPONENT OF ORGANIZATIONAL CULTURE: COMPARATIVE PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

T. Byundyugova

Summary: The paper contains the results of a study of the organizational culture of enterprises. The article considers the idea of the visual component of organizational culture as a key factor in analyzing the possibilities of its transformation, since it is reflected in the internal consciousness of employees and management, has a pronounced affective content, which contributes to a more complete and conscious acceptance of organizational culture. The purpose of the study is to compare the types of culture in an organization by the criterion of the severity of the visual component, to study the ideas of ideal and real culture, taking into account the personal parameters of employees. Research objectives: to select methods for measuring different components of culture in an organization for comparative analysis; to measure the components of culture in organizations with different severity of the visual component within its translation (symbols, images, infographics). The main idea is related to the fact that the level of acceptance and division of organizational culture is related to the number of visual components in its design and translation, which are understandable to employees and coincide with their values, meanings and ideas. It was revealed that respondents with different levels of coincidence of ideas about the existing and preferred culture have different levels of loyalty and social trust, which affects the effectiveness of the introduction of a new organizational culture. Of great importance is the assessment of the cognitive construct «culture in my organization», which is part of the inner world of the individual, containing values, norms and rules related to behavior in the organization and in work processes.

Keywords: organizational culture, values, cognitive construct, visual components of culture, values, semantic content of culture.

Аннотация: Работа содержит результаты исследования организационной культуры предприятий. В статье рассмотрена идея о визуальном компоненте организационной культуры как ключевом факторе анализа возможностей ее трансформации, поскольку именно он отражается во внутреннем плане сознания сотрудников и руководства, имеет выраженное аффективное содержание, что способствует более полному и осознанному принятию организационной культуры. Цель исследования – сравнить типы культуры в организации по критерию выраженности визуального компонента, изучить представления об идеальной и реальной культуре с учетом личностных параметров сотрудников. Задачи исследования: подобрать методики для измерения разных составляющих культуры в организации для сравнительного анализа; измерить составляющие культуры в организациях с разной выраженностью визуального компонента в рамках ее трансляции (символы, образы, инфографика). Основная идея связана с тем, что уровень принятия и разделения организационной культуры связан с количеством визуальных компонентов в ее оформлении и трансляции, которые понятны сотрудникам и совпадают с их ценностями, смыслами и представлениями. Было выявлено, что респонденты с различным уровнем совпадений представлений о существующей и предпочитаемой культуре обладают разным уровнем лояльности и социального доверия, что оказывает влияние на эффективность внедрения новой организационной культуры. Большое значение имеет оценка когнитивного конструкта «культура в моей организации», который является частью внутреннего мира личности, содержащей ценности, нормы и правила, связанные с поведением в организации и в рабочих процессах.

Ключевые слова: организационная культура, ценности, когнитивный конструкт, визуальные компоненты культуры, ценности, смысловое содержание культуры.

В настоящее время в организациях наблюдается множество тенденций, которые ведут к трансформациям, реорганизации, быстрому перестроению управленческих функций, работе с персоналом, внедрению инновационных практик в работу. Все эти факторы повышают интерес к использованию в качестве ключевого фактора таких преобразований организационную культуру, поскольку она оказывает существенное воздействие на эффективность, развитие и стабильное существование организации.

Культура позволяет реализовать максимально есте-

ственно и эффективно стратегию развития организации, она определяет общие цели, миссию, систему ценностей, паттернов поведения сотрудников, на основе транслируемых руководителем идей и ключевых посылов, сосредоточенных в визуальном формате (как правило) [2].

В настоящее время многие организации проходят сложный период, связанный с ситуацией пандемии, высоким уровнем неопределенности, постоянно меняющихся условий работы. Поэтому все более актуальным для них становится объединение сотрудников вокруг ценностей, миссии, которые должны быть системно и

грамотно оформлены и понятны большинству тех, кто работает в организации. В современных исследованиях отмечается низкий приоритет развития культуры в организации, оценка ее как социальной формы нематериальной мотивации в лучшем случае, при этом фокус внимания смещен на меры экономии, сокращение сотрудников, мощностей, производств, услуг. При этом развитие целенаправленное формирование и развитие культуры может быть более целесообразным способом проживания кризисных и сложных ситуаций в организации [4].

Одна из ключевых современных управленческих проблем – непонимание руководством возможностей преодоления сложных периодов за счет сильно развитой культуры. Низкий уровень развития культуры в организации может стать причиной эмоциональной напряженности между сотрудниками, ростом неконструктивных способов решения конфликтов и споров, в целом, их увеличением, повышением тревожности и профессиональных стрессов. Все это подтверждает необходимость учета существующей культуры, ее типа и уровня, а также целенаправленное развитие [6].

Общее понятие организационной культуры, основанное на разработках Х. Шварца, С. Шекшня, Б. Дэвиса, С. Филпа, Г. Латфуллина, О. Громова, Э. Шейна, может быть систематизировано следующим образом: смысловая система, которая транслируется с помощью языка, символов, знаков с целью презентации особого ощущения организационной реальности сотрудниками. Привитие культуры может быть реализовано в директивном или аффективном ключе [5].

Термин «организационная культура» не имеет единого значения как в отечественной, так и зарубежной теории и практике. Единство состоит в понимании многомерности и сложности данного конструкта, которое часто неоднородно воспринимается сотрудниками, при этом влияя на их поведение и профессиональную деятельность.

С целью повышения эффективности фокус исследования организационной культуры должен быть смещен в пространство внутренней психологической реальности: необходимо более четкое понимание алгоритмов того, как отдельные компоненты культуры воспринимаются сотрудниками, отражаются в их сознании и вписываются в их внутренний мир и впоследствии разделяются ими. Для этого требуется проанализировать то как описывают и понимают сотрудники окружающее физическое пространство организации, какой когнитивный конструкт она образует в пространстве их внутреннего плана сознания. Непротиворечивость понимания ценностей и норм, общий внутренний сленг, алгоритмы поведения в различных профессиональных и рабочих

ситуациях достигаются за счет целенаправленно сформированной культуры организации. За счет этого проявляется и развивается «общая психология группы», глубинное коллективное мышление, систему оценок и чувств. Все это позволяет транслировать определенные мысли и ценности в своей работе, усиливая ее эффективность и конкурентоспособность организации [1].

Чем больше сотрудники разделяют общие положения культуры, тем эффективнее они осмысливают рабочие задачи, профессиональное окружение, собственные действия и решения в интересах организации.

Все это позволяет говорить о некотором «системном образе» культуры как когнитивном конструкте о процессах в организации и взаимоотношении сотрудников, решении стратегических задач. Организационная культура – процессуальный когнитивный конструкт, который трансформируется, создается, развивается постоянно, не оставаясь в статичном состоянии.

Ключевая характеристика восприятия когнитивного конструкта «культура организации» – целостность – как система высокого уровня единства и совпадения представлений отдельных сотрудников о ее функционировании и развитии, разделения ими идей, которые существуют в глубинных и поверхностных ее пластах. Здесь важно отметить два ключевых фактора непротиворечивости данного конструкта:

- большую часть когнитивного конструкта «организационная культура» разделяет и одинаково понимает большинство сотрудников;
- нет противоречий между представлениями об идеальной и реально существующей культуре организации [7].

Необходимость изучения когнитивного конструкта «организационная культура» как системы представлений очевидна, поскольку внешние его презентации часто несут мало определяющей информации, бессистемной и иногда противоречивой. Они позволяют проанализировать верхний уровень культуры организации. Для изучения глубинных уровней организационной культуры необходимо анализировать систему символов и смыслов, их сложнее дифференцировать и выразить количественно, но именно визуальные знаки дают о ней наиболее четкое представление [2].

Помимо этого, необходимо анализировать ценности, которые содержит культура, поскольку именно они отражают истинное системное положение дел относительно функционирования организации. Это сложно дифференцировать и описать только с помощью наблюдения, при этом можно интерпретировать описания организационной культуры сотрудниками разного уровня, а также проанализировать разницу между представлениями

об идеальном типе организационной культуры и реально существующей ее форме.

Исследование типов организационной культуры и дифференциации между реально существующим типом и представлениями о ее идеальной форме проводилось на базе двух производственных предприятий г. Таганрога (предприятия из примерно одинаковой сферы, что позволило более точно сравнить полученные данные и результаты).

Цель исследования – сравнить типы культуры в организации по критерию выраженности визуального компонента, изучить представления об идеальной и реальной культуре с учетом личностных параметров сотрудников.

Задачи исследования:

- подобрать методики для измерения разных составляющих культуры в организации для сравнительного анализа;
- измерить составляющие культуры в организациях с разной выраженностью визуального компонента в рамках ее трансляции (символы, образы, инфографика).

Предмет исследования: сравнительный анализ эффективности визуального компонента культуры в разных организациях.

Гипотеза исследования: уровень принятия и разделения организационной культуры связан с количеством визуальных компонентов в ее оформлении и трансляции.

Исследование проводилось с участием 215 человек, из них 95 мужчин и 120 женщин в возрасте от 24 до 55 лет, участники исследования работают в одной и той же организации больше 3 лет в одной и той же организа-

ции, 69% с высшим образованием, 31% – со средним.

В исследовании использовались следующие методики:

- анкетирование;
- беседа в свободной форме по вопросам восприятия организационной культуры и желания участия в ее развитии;
- тест определения типа организационной культуры (К.Камерон; Р. Куинн);
- шкала оценки межличностного доверия Дж. Роттера;
- шкала оценки организационной лояльности Н. Аллен - Дж. Мейера.

Также был использован корреляционный анализ и анализ различий.

Все респонденты принимали участие в исследовании добровольно, исследование было согласовано с руководством, организовано на базе предприятий 1 и 2 в свободное от работы время, чтобы снизить уровень отвлекаемости и стресса от участия.

Результаты исследования

По методике определения типа организационной культуры были выделены особенности культур, существующие на двух предприятиях, на предмет типа культуры и совпадения представлений об имеющейся и желаемой культуре среди сотрудников.

На предприятии 1 представление о культуре реальной и желаемой совпадают практически полностью (рисунок 1).

По данным рисунка 1 можно говорить о том, что на предприятии 1 как существующая отмечена бюрократическая культура, а как предпочитаемая – рыночная куль-

Рис. 1. Выраженность типов организационной культуры и соотношения существующей и предпочитаемой культуры сотрудников предприятия 1

Рис. 2. Выраженность типов организационной культуры и соотношения существующей и предпочитаемой культуры сотрудников предприятия 2

тура, которая сфокусирована на получении конкретных результатов, ключевая стратегическая задача – получить желаемый итог в работе. Руководители проявляют строгость, высокие требования и не сомневаются в принятых решениях. При выраженности такого типа культуры в организации важно достигать результатов и находиться в ситуации выигрыша. Ключевая идея культуры – сохранить определенный имидж успешного предприятия, причем на это ориентированы усилия всех участников. Важно реализовывать конкретно задекларированные задачи и цели. Все это связано с растущими требованиями к конкурентоспособности организаций, их развитию, проявлению максимальной финансовой независимости. Высшее руководство и начальники подразделений это замечают и понимают раньше, чем рядовые сотрудники.

Результаты совпадения существующей и предпочитаемой культуры среди сотрудников предприятия 2, а также доминирующий тип культуры представлены на рисунке 2.

По данным рисунка 2 видно, что среди высшего руководства и начальников подразделений как существующая реально описан тип бюрократической культуры, так же, как и предпочитаемая, что может быть объяснимо тем, что руководство меньше ориентировано на развитие конкурентоспособности, изменение управленческих функций, стратегическое развитие, поэтому и сконцентрированы на выполнении традиционных обязанностей, отмеченных в инструкциях, что не требует усилий или мотивации перемен. Но количество этой группы руководителей велико, поэтому важно учитывать их мнение и видение ситуации, чтобы внесение корректив в существующую культуру было более эффективным.

Необходимо отметить, что для внедрения изменений в существующую организационную культуру необходимо учитывать не только тип культуры, его совпадение с предпочитаемым типом, должность сотрудника, но и

личностные и поведенческие компоненты культуры, а именно: уровень социального доверия, базовые адаптивные реакции сотрудников и уровень организационной лояльности. По результатам анализа различных работ и исследований, представленных в теоретической части работы, именно они были выделены нами среди тех, которые оказывают влияние на возможность внесения изменений в существующую культуру.

По результатам оценки реально существующей и предпочитаемой организационной культуры респондентов в каждом предприятии удалось разделить на три условные группы (таблица 1).

Таблица 1.

Группы респондентов в соответствии с оценкой культуры

Тип группы	Предприятие 1	Предприятие 2
группа с максимальным совпадением реальной и предпочитаемой культуры	13% респондентов	83% респондентов
группа со средним уровнем совпадения реальной и предпочитаемой культуры	34% респондентов	10% респондентов
группа с низким уровнем совпадения реальной и предпочитаемой культуры	53% респондентов	7% респондентов

Можно сделать выводы, что среди сотрудников предприятия 1 большая часть с низким уровнем совпадения существующей и предпочитаемой культуры, что говорит о том, что отдельные компоненты, нормы, правила не разделяются, практически не поддерживаются даже на формальном уровне, а не искренне, «по внутренним убеждениям». Среди сотрудников предприятия 2 большая часть с высоким уровнем совпадения существующей и предпочитаемой культуры, что говорит о том, что отдельные компоненты, нормы, правила разделяются,

поддерживаются на формальном и личностном уровнях, искренне, «по внутренним убеждениям».

В зависимости от уровня совпадения существующей и предпочитаемой культуры в организации, представлены результаты оценки личностных особенностей и особенностей поведения сотрудников, которые взаимосвязаны с возможностями внедрения изменений в существующую или новую культуру, а именно: уровня доверия, организационной лояльности.

Результаты оценки уровня социального доверия по методике «Шкала межличностного доверия» Дж. Б. Роттера представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Уровень социального доверия* в группах респондентов с разным уровнем представления об организационной культуре

	Предприятие 1	Предприятие 2
Низкий уровень доверия	64% (75,4 – ср.балл)	10% (26,7 – ср.балл)
Средний уровень доверия	20% (98,3 – ср.балл)	12% (45,2 – ср.балл)
Высокий уровень доверия	16% (70,4 – ср.балл)	78% (34,5 – ср.балл)

*- 25-67 – низкий уровень доверия; 68-108 – средний уровень доверия; 109-125 – высокий уровень доверия

По данным таблицы 2, сотрудников предприятия 2 можно описать как группу имеющую высокий уровень доверия. Им будущее кажется многообещающим, они доверяют разным категориям людей, которые их окружают, в общем, считают, что большинство людей сделают то, что говорят. Они ожидают, что окружающие будут вести себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепринятыми нормами, правилами, нравственными ценностями и этикой поведения. Высокий уровень доверия основан на ощущении, что партнер по взаимодействию делает все на основе этических убеждений и высокой моральности действий, также он проявляет доброту, открытость в решении профессиональных и общественных целей и задач.

Сотрудников предприятия 1 можно охарактеризовать как тех, кому будущее не кажется многообещающим, они не доверяют людям, которые их окружают, считают, что большинство людей не делают то, что говорят и обещают. Они не ожидают, что люди будут вести себя нормально и честно, проявлять готовность к взаимопомощи в соответствии с общепринятыми нормами, традициями, обычаями, соблюдать общие этические ценности. Низкий уровень доверия основан на ощущении, что партнер по взаимодействию делает все не с помощью этических убеждений и высокой моральности действий,

также он не проявляет доброту, открытость в решении профессиональных и общественных целей и задач. Чем больше совпадает представление о существующей и предпочитаемой организационной культуре, тем выше уровень доверия респондентов (данные проверены с помощью критерия Спирмена).

Еще одна методика, предложенная респондентам, была «Шкала организационной лояльности». Данные представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Уровень лояльности* в группах респондентов с разным уровнем представления об организационной культуре

	Предприятие 1	Предприятие 2
Аффективная лояльность	12,4 – ср.балл	36,7 – ср.балл
Нормативная лояльность	10,3 – ср.балл	35,2 – ср.балл
Текущая лояльность	13,4 – ср.балл	38,9 – ср.балл

* 7-14 – низкий уровень лояльности, 15-29 – средний уровень лояльности, 30-42 – высокий уровень лояльности

По данным таблицы 3 можно сделать вывод о том, что в группе респондентов предприятия 2 с высоким совпадением существующей и предпочитаемой культуры высокий уровень аффективной, нормативной и текущей лояльности. Что говорит о том, что у респондентов есть эмоциональная привязанность к организации, она имеет для сотрудника большое значение, он рассматривает свою принадлежность к ней как принадлежность к семье и желает в дальнейшем принадлежать к ней, воспринимают проблемы этой организации как свои собственные, испытывают теплые чувства к ней, организация много значит для них. Также респондентов этой группы связывают с организацией морально-этические убеждения, чувство обязательства по отношению к организации, не чувствуют себя вправе ее покинуть, даже если это будет выгодно для них, считают, что организация заслуживает их преданность. Продолжают работать в этой организации не только по желанию, но и по необходимости. Считают, что много вложили в организацию, поэтому не рассматривают работу в другом месте, считают, что, уйдя из этой организации, лишатся многих возможностей.

В группе сотрудников предприятия 1 с минимальным совпадением представлений о существующей и предпочитаемой культуре выражен средний уровень нормативной и низкий уровень аффективной и текущей лояльности. Это говорит, что у респондентов низкий уровень эмоциональной привязанности к организации в отдельных аспектах, она не имеет для сотрудника большого значения, он не чувствует свою принадлежность к ней. Сотрудники не воспринимают проблемы организации как свои, не испытывают к ней теплые чувства чаще, чем

негативные. У респондентов этой группы с организацией не связаны никакие морально-этические убеждения, нет чувства обязательства по отношению к ней. Они могут и стремятся покинуть организацию, даже если это может не быть выгодным для них, не считают, что она заслуживает их преданности. Продолжают работать в этой организации по необходимости, а не по желанию. Не считают, что много вложили в организацию, поэтому всегда рассматривают работу в других местах, считая, что, если уйдут из данной организации, у них появятся определенные возможности.

Таким образом, респонденты с разным уровнем совпадений представлений о существующей и предпочитаемой культуре обладают разным уровнем лояльности и социального доверия, что оказывает влияние на эффективность внедрения новой организационной культуры.

Помимо оценки совпадения реальной и идеальной культуры, проявления доверия и лояльности, большое значение имеет оценка когнитивного конструкта «культура в моей организации», который является частью внутреннего мира личности, содержащей ценности, нормы и правила, связанные с поведением в организации и в рабочих процессах.

В результате анкетирования и описания данного конструкта в свободной форме, получились следующие результаты:

- на предприятии 2, где выявлено высокое совпадение реальной и идеальной культуры, когнитивный конструкт «культура в моей организации» содержит позитивные оценки, у сотрудников выражена высокая мотивация разделять нормы и правила организации, ценности, которые совпадают с тем, что транслирует руководство; сотрудники легко перечисляют ключевые позиции того, что «принято» и «не принято» в организации, выражают согласие с тем, что это правильно. Так же у них много визуальных образов, которые описывают культуру, в которой они находятся и работают: это цветочные, предметные ассоциации; также сотрудники легко находят метафоры для описания культуры и внутренних процессов в организации;
- на предприятии 1, где выявлено низкое совпадение реальной и идеальной культуры, когнитивный конструкт «культура в моей организации» содержит нейтральные или негативные оценки, у сотрудников выражена низкая мотивация разделять нормы и правила организации, ценности, которые транслирует руководство организации; сотрудникам сложно перечислить ключевые позиции того, что «принято» и «не принято» в организации, они не согласны с тем, что это правильно. У них мало визуальных образов, которые описывают культуру, в которой они находятся и работают: это в основном, просто описание символики и фирменных цветов организации; сотрудники не могут найти метафоры для описания культуры и внутренних процессов в организации.

Все это подтверждает идею о том, что визуальные формы, которые содержатся во внутреннем мире человека и связаны с конструктом «культура организации», позволяют ее принимать как собственную базовую ценность. Следовательно, визуализация как форма трансляции и переработки данных, может быть эффективным способом для развития и поддержания различных трансформаций в культуре организации.

С помощью критерия Манна-Уитни было выявлено, что представления о существующей и идеальной культуре в организации значительно отличаются, ($U_{\text{эмп}} = 857,3$, $U_{\text{кр}} = 270$, при $p < 0,01$), не смотря на то, что на предприятиях 1 и 2 придерживаются строгих правил, форм работы, там редко встречается творческий подход и конкуренция в отношениях, а также разнообразие в используемых правилах и нормах.

Идея о том, уровень доверия и лояльность сотрудников взаимосвязаны с желанием сотрудников участвовать в формировании и развитии организационной культуры, было проверено с помощью корреляционного анализа. Данные представлены в таблице 4.

Таблица 4.

Связи между доверием и лояльностью сотрудников и желанием создавать новую организационную культуру

Шкала	Корреляционный показатель
Социальное доверие и желание участвовать в создании культуры в организации	$r_{\text{эмп}} = 0,201 > r_{\text{кр}} = 0,47$ при $p \leq 0,01$
Текущая лояльность и желание участвовать в создании культуры в организации	$r_{\text{эмп}} = 0,321 > r_{\text{кр}} = 0,47$ при $p \leq 0,01$
Аффективная лояльность и желание участвовать в создании культуры в организации	$r_{\text{эмп}} = 0,312 > r_{\text{кр}} = 0,47$ при $p \leq 0,01$
Нормативная лояльность и желание участвовать в создании культуры в организации	$r_{\text{эмп}} = 0,129 > r_{\text{кр}} = 0,47$ при $p \leq 0,01$

По данным таблицы 4 можно увидеть значимые связи между отдельными типами лояльности, социальным доверием и желанием участвовать в создании организационной культуры. Что говорит о том, что при наличии данных компонентов есть вероятность эффективного формирования организационной культуры нового типа, поскольку они тесно связаны с функционированием персонала.

Таким образом, культура в организации постоянно

трансформируется, что делает ее достаточно сложным конструктом для изучения, поэтому необходимо не только опрашивать сотрудников на предмет их оценки типа организационной культуры, но и анализировать ее по глубинным признакам, связанным с личностными проявлениями персонала: лояльностью, доверием, а также в целом изучать то, как они анализируют данный когнитивный конструкт. Все это необходимо для выработки алгоритмов трансформации организационной культуры максимально естественным путем без принуждения, сопротивления среди персонала.

В ходе эмпирического исследования были получены данные о типе организационной культуры. Были выявлены существующая и предпочтительная организационная культура в двух предприятиях со схожей сферой деятельности. Реальная и идеальная типы культур – совпадают на одном предприятии и почти противоположны на втором, что объясняется тем, что нет типичного

стиля организации работы, ценностей и норм даже на схожих предприятиях.

По результатам оценки реальной и идеальной организационной культуры всех участников исследования удалось разделить на условные группы: группа с максимальным совпадением существующей и предпочитаемой организационной культуры (83% сотрудников предприятия 2); группа с минимальным уровнем совпадения существующей и предпочитаемой организационной культуры (53% сотрудников предприятия 1). Респонденты с высоким уровнем совпадений представлений о реальной и идеальной культуре обладают высоким уровнем лояльности и социального доверия, а респонденты с низким уровнем совпадений представлений о реальной и идеальной культуре, наоборот, обладают невысоким уровнем лояльности и социального доверия, что оказывает влияние на эффективность внедрения новой организационной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вихорева М.В., Ершова К.Н. Соотношение понятий организационной и корпоративной культуры // Экономика и бизнес: теория и практика. – 10-1 (80). 2021. – С. 128-130. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-10-1-128-131
2. Кудинова А.В., Лаво Р.С., Морозов С.А. Креативность и организационная культура в арт-бизнесе // Вестник Академии знаний. – № 45(4). – 2021. – С. 142-146. DOI: 10.24412/2304-6139-2021-11347
3. Лапшова, О.А. Управление персоналом: учебник и практикум / О.А. Лапшова [и др.]; под общ. ред. О.А. Лапшовой. – М.: Юрайт, 2019. – 406 с
4. Раренко А.А. Роль организационной культуры в управлении персоналом российских организаций // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2021. – № 1. – С. 138-157. DOI: 10.31249/rsoc/2021.01.09
5. Смирнова, В.Г. Организационная культура: учебник и практикум / В. Г. Смирнова [и др.]; под ред. В.Г. Смирновой. – М.: Юрайт, 2019. – 306 с.
6. Тульчинский, Г.Л. Бренд-менеджмент. Брендинг и работа с персоналом: учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 255 с.
7. Фролова А.А., Захарова Л.Н. Особенности организационной культуры в IT сфере // Journal of Economy and Business. – Vol. 10-2 (80). – 2021. – С. 127-130 DOI:10.24412/2411-0450-2021-10-2-127-130

© Бюндюгова Татьяна Вячеславовна (tach_29@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОПРОФИЛАКТИКА ТРЕВОЖНОСТИ В СТРУКТУРЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ ПОДРОСТКОВ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

PSYCHOPROPHYLAXIS OF ANXIETY IN THE STRUCTURE OF EMOTIONAL DISTRESS OF ADOLESCENTS LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

**E. Dubovik
S. Tarasova**

Summary: The article considers the problem of anxiety as an indicator and manifestation of emotional distress of adolescents left without care; presents the results of a study of personal and situational anxiety, school anxiety of adolescents left without parental care; describes the program of psychoprophylaxis of anxiety as an indicator of emotional distress and presents the dynamics of anxiety indicators confirming its effectiveness.

Keywords: emotional distress, anxiety, emotional disorders, psychoprophylaxis, adolescents left without parental care.

Дубовик Евгения Юрьевна

К.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева», Красноярск
duevur2015@mail.ru

Тарасова Светлана Ивановна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева», Красноярск
tsvetlana_i@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема тревожности, как показателя и проявления эмоционального неблагополучия подростков, оставшихся без попечения; представлены результаты исследования личностной и ситуативной тревожности, школьной тревожности подростков, оставшихся без попечения родителей; описана программа психопрофилактики тревожности как показателя эмоционального неблагополучия и представлена динамика показателей тревожности, подтверждающая ее эффективность.

Ключевые слова: эмоциональное неблагополучие, тревожность, эмоциональные нарушения, психопрофилактика, подростки, оставшиеся без попечения родителей.

Подростковый период, является одним из центральных для личностного становления. Л.С. Выготский указывал на значимость эмоциональной сферы в становлении личности. Именно интенсивное эмоциональное развитие подростков актуализирует проблему возникновения в данном возрасте эмоционального неблагополучия [2].

Современный ритм жизни, социальные изменения, обусловленные информатизацией приводят к эмоциональным нагрузкам, возникновениям различных стрессовых ситуаций, что в подростковом возрасте приводит, по мнению И.В. Фаустовой к возникновению эмоционального неблагополучия [12].

Подростковый возраст характеризуется множественными эмоциональными нарушениями, такими как тревожность, депрессии, эмоционально-поведенческими отклонениями. Нарушения в эмоциональной сфере подростков, по мнению О.И. Шмыревой, обусловлены физиологическими трансформациями, когнитивным развитием, «чувством взрослости», изменениями во взаимоотношениях со взрослыми и сверстниками, представленные отношениями зависимости-независимости [14].

В исследовании А.С. Бомба было выявлены основные эмоциональные нарушения в подростковом возрасте. К доминирующим эмоциональным нарушениям были отнесены страхи, депрессия, тревожность, агрессия, эмоциональная неустойчивость и эмоциональное напряжение [1].

Теоретический анализ литературных источников показал, что проблема эмоционального благополучия и эмоциональных нарушений в подростковом возрасте является достаточно разработанной, однако проблема эмоционального неблагополучия подростков, оставшихся без попечения родителей в психолого-педагогических исследованиях представлена недостаточно, в большинстве исследований изучается эмоциональное благополучие детей, оставшихся без попечения родителей (С.М. Петрова, И.В. Коткова [8], Н.Н. Толстых, А.М. Прихожан [11], и др.)

Дети и подростки, оставшиеся без попечения родителей имеют особенности эмоционального развития, характеризующееся переживанием эмоционального дискомфорта, чувства незащищенности. Этому способствует специфика жизнеустройства детского дома (В.Н. Ослон [7]), которая заключается в ограниченном количестве контактов вне предела детского дома (Е.Ю. Кри-

воносова [5]), разрыв детско-родительских отношений, лишение семьи (К.М. Мымрикова [6]), отсутствие опоры ближайшего окружения (С.М. Петрова, И.В. Коткова [8]), групповая форма проживания подростков (Мымрикова К.М. [6], Г.А. Якубова [15]), различными видами деприваций, в которых отсутствует удовлетворение базовых психологических потребностей (С.А. Дмитриева [4], К.М. Мымрикова [6], Г.А. Якубова [15] и др.).

В качестве показателя эмоционального неблагополучия тревожность выступает в исследованиях А.М. Прихожан, С.С. Степанова, С.Л. Соловьевой Е.Н. Герасимовой, И.В. Фаустовой, С.Н. Гамовой, О.И. Шмыревой и др.

В исследованиях Е.Н. Герасимовой, С.Н. Гамовой, И.В. Фаустовой под эмоциональным неблагополучием понимается отрицательно окрашенная эмоциональная оценка собственного самочувствия, что проявляется переживании отрицательных состояний тревоги и страхов [3, 13].

Тревожность С.Л. Соловьева и относит к первичному показателю переживания эмоционального неблагополучия, когда фрустрируются удовлетворение потребностей, именно тревожность является реакцией на данную угрозу [9]. На возникновение тревожности как реакции на ожидание угрозы, опасности указывает А.М. Прихожан, подчеркивая эмоциональный дискомфорт и негативные переживания, как характеристики этого ожидания [10].

Тревожность Шмырева О.И. кладет в основу эмоционального неблагополучия в подростковом возрасте, которое проявляется в форме тревожно-фобического расстройства [14].

Поэтому актуальным является изучение тревожности как показателя эмоционального неблагополучия подростков, оставшихся без попечения родителей, и организации психопрофилактики ее возникновения.

Для выявления тревожности как показателя эмоционального неблагополучия подростков, оставшихся без попечения родителей и разработки программы психопрофилактики тревожности как показателя эмоционального неблагополучия было организовано экспериментальное исследование на базе Красноярского детского дома. В исследовании принимали участие 50 подростков в возрасте 12-16 лет, оставшихся без попечения родителей.

Для выявления проявлений в исследовании были использованы методики тест школьной тревожности Б. Филипса, методика Ч.Д. Спилбергера на выявление личностной и ситуативной тревожности.

Исследование тревожности позволило получить данные о личностной и ситуативной тревожности. По уровням личностной тревожности подростки, оставшиеся без попечения родителей распределились следующим образом: низкий уровень имеют 8% подростков, средний уровень – 40% подростков и высокий уровень – 52% подростков. Согласно полученным результатам более половины подростков, оставшихся без попечения родителей, имеют высокий уровень личностной тревожности. Следовательно, для подростков личностная тревожность уже стала устойчивой индивидуальной характеристикой. Подростки, оставшиеся без попечения родителей предрасположены воспринимать угрозу различных ситуаций для собственной самооценки и жизнедеятельности, и под стрессовым воздействием у подростков появляется выраженная тревога.

По уровням ситуативной тревожности подростки, оставшиеся без попечения родителей, распределились следующим образом: низкий уровень имеют 10% подростков, средний уровень – 54% подростков и высокий уровень – 36% подростков. Согласно полученным результатам, более половины подростков, оставшихся без попечения родителей, имеют средний уровень ситуативной тревожности, около трети подростков – высокий уровень ситуативной тревожности. Следовательно, в условиях стрессовой ситуации подростки, оставшиеся без попечения родителей, демонстрируют эмоциональное напряжение и беспокойство, выраженное в умеренной или выраженной интенсивности.

Эмоциональное неблагополучие подростков, оставшихся без попечения родителей в различных ситуациях учебно-образовательного процесса и во взаимодействии с учителями и сверстниками в ситуациях, связанных с осуществлением учебной деятельности, было изучено через исследование проявлений школьной тревожности и страхов, связанных с процессом учения (по методике Б. Филипса). Основные результаты

Согласно данным, представленным в таблице 4 и на рисунке 5 тревожность подростков, оставшихся без попечения родителей, по факторам, связанным с образовательным процессом, характеризуется следующими показателями.

По шкале «Переживание социального стресса» повышенную тревожность проявляют 14% подростков, высокую тревожность – 24% подростков, в рамках нормативного проявления тревожности находятся 62% подростков. Отрицательное эмоциональное состояние, связанное с взаимоотношениями со сверстниками, переживают 38% подростков, оставшихся без попечения родителей.

По шкале «Фрустрация потребности в достижении

успеха» повышенную тревожность проявляют 30% подростков, высокую тревожность – 18 % подростков, в рамках нормативного проявления тревожности находятся 58% подростков. При высоком уровне по данной шкале у подростков преобладающим является неблагоприятный психический фон, препятствующий удовлетворению потребности в достижении учебных успехов. Подростки с повышенным уровнем тревожности по данной шкале способны самостоятельно или с помощью других преодолеть факторы образовательного процесса, фрустрирующие потребность в достижении учебных успехов.

По шкале «Страх самовыражения» повышенный уровень выраженности имеют 30% подростков, высокий уровень – 20% подростков, в рамках нормативного проявления страхов находятся 50% подростков. Следовательно, половина исследуемых подростков, оставшихся без попечения родителей переживают негативные эмоции постоянно или в некоторых ситуациях, в которых необходимо раскрыться, показать себя и продемонстрировать свои качества, способности и другое необходимо самораскрытия, предъявления себя другим, демонстрации своих возможностей.

По шкале «Страх ситуации проверки знаний» повышенный уровень выраженности имеют 24% подростков, высокий уровень – 26% подростков, в рамках нормативного проявления страхов находятся 50% подростков. Половина подростков испытывают страх в случаях проверки знаний, который может вызываться негативными отметками, низкой уверенностью в своих знаниях, умениях, навыков, способностей, поэтому и вызывает тревогу само ожидание проверки знаний.

По шкале «Страх не соответствовать ожиданиям окружающих» повышенный уровень выраженности имеют 24% подростков, высокий уровень – 28% подростков, в рамках нормативного проявления страхов находятся 48% подростков. Более половины подростков, оставшихся без попечения родителей ориентируются на оценку себя, мыслей, своей деятельности, поведения другими (в подростковом возрасте – чаще на оценку со стороны сверстников), поэтому ожидание негативных оценок со стороны других вызывает тревогу у подростков, имеющих высокий и повышенный уровень страха не соответствовать ожиданиям окружающих.

По шкале «Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу» повышенный уровень выраженности имеют 26% подростков, высокий уровень – 16% подростков, в рамках нормативного физиологического сопротивления стрессу находятся 58% подростков. Следовательно, около трети подростков, оставшихся без попечения родителей в различных учебных стрессовых ситуациях, демонстрируют неадекватные эмоциональ-

ные реакции, что связано с низкой стрессоустойчивостью.

По шкале «Проблемы и страхи в отношениях с учителями» повышенный уровень выраженности имеют 38% подростков, высокий уровень – 18% подростков, в рамках нормативного проявления страхов находятся 46% подростков. По данной шкале получены наиболее высокие показатели отклонения от нормативного переживания страхов и тревожности. Следовательно, 56% подростков, оставшихся без попечения родителей испытывают негативные переживания по отношению их взаимодействия с учителями, по отношению к учителю, что в свою очередь сказывается на успешности освоения образовательной программы.

В целом, по шкале «Общая тревожность в школе» повышенную тревожность проявляют 26% подростков, высокую тревожность – 22% подростков, в рамках нормативного проявления школьной тревожности находятся 52% подростков. Таким образом, у 48% подростков общее эмоциональное состояние подростка, характеризуется проявлениями негативных переживаний разной интенсивностью и длительностью, или отрицательным эмоциональным фоном в различных ситуациях учебно-образовательного процесса и во взаимодействии с учителями и сверстниками в ситуациях, связанных с осуществлением учебной деятельности.

Полученные результаты позволили определить психолого-педагогические условия психопрофилактики тревожности как показателя эмоционального неблагополучия подростков, оставшихся без попечения родителей:

- большие психологические игры;
- настольные трансформационные игры;
- программа арт-терапии;
- техники МАК (метафорические ассоциативные карты);
- тренинг снижения тревожности подростков.

Для отреагирования негативных переживаний были использованы большие психологические игры «Эмоциональные загадки», «Чувства животных», «Объясняю, понимаю» и др., направленные на развитие осознание негативных эмоциональных проявлений, снижение эмоциональной нестабильности.

Трансформационная игра позволяет актуализировать и осознать эмоции, которые на текущий момент, позволяет трансформировать деструктивную эмоцию в ресурсную, отреагировать ее. С целью снижения личностной и ситуативной тревожности использованы игры «Путешествие души» (автор М. Будякова), «Маленький принц» (автор Ю. Осадчая), «Сила» (автор А. Шкляева), «Сатори» (автор К. Типпинг). Игры позволяют повысить

уверенность в себе, отработать умения совершать выбор и действовать без страха, тревоги.

Разработка программы арт-терапии, направленной на снижение тревожности как показателя и проявления неблагополучия исходила из следующих положений. В процессе творчества подросток выражает свои негативные эмоции и чувства, происходит перестройка отношения к ситуации и окружающим, снижение переживания угрозы, опасности, связанных с неприятными и травмирующими образами. Обсуждение с психологом продукта творческой деятельности (рисунка, песочной картины, истории (сказки) и др.), подросток учится преодолевать тревогу, бороться со страхами. Во время обсуждений действительно снижаются симптомы негативных переживаний.

Программа арт-терапии включает 10 занятий, продолжительность каждого занятия примерно 1,2-1,5 часа. Основные цели занятий: снижение самооценочной тревожности, развитие адекватного уровня притязаний; коррекция эмоциональных нарушений страхов и тревожности подростков; формирование позитивного опыта, усвоению групповых норм и ценностей; снижение уровня тревожности и повышение стрессоустойчивости; релаксация, снятие внутреннего контроля, развитие воображения, спонтанное самовыражение, снятие эмоционального напряжения; проработка эмоции страха; проработка и коррекция негативных переживаний, развитие уверенности в себе, самопознание и самосовершенствование; развитие самоинтереса, повышение самооценки, рефлексия различных «Я-схем», развитие креативности; развитие способности к взаимопониманию; повышение степени эмоциональной открытости участников.

Использование метафорических ассоциативных карт было направлено на помощь подросткам в осознании и отреагировании негативных эмоциональных переживаний тревоги. Использовались техники «У меня ничего не получается!» (автор Н. Борисова), техники «Линейка эмоций» с использованием карт «Anibi» (Автор: Макеева А.С.), техники «Сочинение сказки».

С целью снижения школьной тревожности у подростков до уровня «мобилизующей» тревоги применялся тренинг, включающий в себя 12 занятий, направленных на: осознание наличия тревожности у участников группы, на определение школьных ситуаций вызывающих тревожность; разрядку тревожности, связанной с различными учебными ситуациями и взаимодействия с учителями, отреагирования негативных переживаний; развитие навыков общения, повышение самооценки подростков, создание мотивации успеха в учебной деятельности.

Содержание тренинга составляют ситуационно-ролевые и развивающие игры, упражнения с игровыми элементами, психотерапевтические приемы (вербализация, визуализация, обратная связь, арт-терапевтические, сказкотерапевтические техники), групповое обсуждение, дискуссии, психогимнастические упражнения, направленные на снижение психоэмоционального напряжения и раскрепощение подростков.

Для проверки эффективности психопрофилактики тревожности, как показателя эмоционального неблагополучия подростков, оставшихся без попечения родителей, была проведена повторная диагностика.

После реализации модели психопрофилактики произошло снижение личностной тревожности: показатель высокого уровня снизился на 28%, а показатель низкого уровня повысился на 30%. После реализации модели подростки, оставшиеся без попечения родителей, имеют средний и низкий уровни личностной тревожности (по 38% подростков на каждом уровне).

Подростки стали в меньшей степени воспринимать угрозу различных ситуаций для собственной самооценки и жизнедеятельности, и под стрессовым воздействием у подростков может появляться умеренная тревога. Однако данная динамика не является статистически значимой, следовательно выборки подростков по уровню личностной тревожности являются схожими.

По шкале «ситуативная тревожность» также произошла статистически значимая положительная динамика уровня тревожности, показатель высокого уровня снизился на 26%, показатель низкого уровня повысился на 44%. И после реализации модели психопрофилактики у подростков преобладает низкий уровень ситуативной тревожности - 54% подростков. Высокую тревожность в стрессовой ситуации демонстрируют только 10% подростков. Данные различия являются статистически значимыми на уровне $p < 0,024$.

Следовательно, в условиях стрессовой ситуации подростки, оставшиеся без попечения родителей, демонстрируют эмоциональное спокойствие или беспокойство умеренной интенсивности.

Сравнение показателей школьной тревожности подростков, оставшихся без попечения родителей до и после реализации модели психопрофилактики эмоционального неблагополучия с помощью критерия U – Манна-Уитни позволил определить статистически значимые различия по факторам школьной тревожности:

- общая тревожность ($U=246$; $p < 0,029$);
- страх самовыражения ($U=290$; $p < 0,001$);
- страх несоответствия ожиданиям окружающих ($U=196$; $p < 0,024$);

— проблемы и страхи в отношениях с учителями ($U=268$; $p < 0,021$).

Рассмотрим статистически значимое изменение показателей школьной тревожности подростков, оставшихся без попечения родителей после реализации модели психопрофилактики эмоционального неблагополучия.

По шкале «Страх самовыражения» после реализации модели психопрофилактики эмоционального неблагополучия произошло снижение показателя повышенного уровня на 14%, высокого уровня – на 12%, в рамках нормативного проявления страхов находятся 76% подростков. Следовательно, у преобладающего большинства подростков, оставшихся без попечения родителей (76% подростков) снизился страх самовыражения, самораскрытия, отсутствуют, либо выражены незначительно негативные переживания в ситуациях, в которых необходимо показать себя и продемонстрировать свои качества, способности, демонстрации своих возможностей.

По шкале «Страх не соответствовать ожиданиям окружающих» после реализации модели психопрофилактики эмоционального неблагополучия произошло снижение показателя повышенного и высокого уровня тревожности на 24%, в рамках нормативного проявления страхов находятся 62% подростков. Произошло снижение у подростков ожидания негативных оценок со стороны других, тревожности и страхов не оправдать ожидания окружающих.

По шкале «Проблемы и страхи в отношениях с учителями» после реализации модели психопрофилактики эмоционального неблагополучия подростков, оставшихся без попечения родителей произошло снижение показателя повышенного уровня на 12%, высокого уровня – на 10%. Показатель нормативного переживания тревожности повысился на 18% и после психопрофилактики в рамках нормативного проявления страхов находятся 64% подростков. Произошло снижение негативных переживаний при взаимодействии с учителями, страхи по отношению к учителю отсутствуют либо выражены незначительно.

В целом, по шкале «Общая тревожность в школе» после реализации модели психопрофилактики эмоционального неблагополучия подростков, оставшихся без попечения родителей наблюдается статистически значимая положительная динамика. Произошло снижение повышенного и высокого уровня на 20% и находятся в рамках нормативного проявления школьной тревожности 66% подростков. Таким образом, произошло снижение негативного эмоционального состояния подростков, оставшихся без попечения родителей, связанных с ситуациями учебно-образовательного процесса, снизи-

лось количество негативных переживаний и страхов и во взаимодействии с учителями и сверстниками в учебных ситуациях.

По показателю личностной и ситуативной тревожности:

- снизилась степень восприятия угрозы различных ситуаций для собственной самооценки и жизнедеятельности, и под стрессовым воздействием у подростков появляется умеренная тревога.
- преобладает низкий уровень ситуативной тревожности. В условиях стрессовой ситуации подростки, оставшиеся без попечения родителей, демонстрируют эмоциональное спокойствие или беспокойство умеренной интенсивности.

По показателю школьной тревожности:

- снизился страх самовыражения, самораскрытия, в ситуациях, в которых необходимо показать себя и продемонстрировать свои качества, демонстрации своих возможностей.
- произошло снижение у подростков ожидания негативных оценок со стороны других, тревожности и страхов не оправдать ожидания окружающих;
- произошло снижение негативных переживаний при взаимодействии с учителями, страхи по отношению к учителю отсутствуют либо выражены незначительно.
- произошло снижение негативного эмоционального состояния, связанных с ситуациями учебно-образовательного процесса, снизилось количество негативных переживаний и страхов и во взаимодействии с учителями и сверстниками в учебных ситуациях.

В заключение проведенного экспериментального исследования можно сделать следующие выводы:

1. Проявление негативных эмоциональных переживаний и беспокойства, такого как тревожность, составляют основу эмоционального неблагополучия личности.
2. Психопрофилактика тревожности в структуре эмоционального неблагополучия способствовала:
 - снижению степени восприятия угрозы различных ситуаций для собственной самооценки и жизнедеятельности, и под стрессовым воздействием у подростков появляется умеренная тревога.
 - преобладанию низкого уровня ситуативной тревожности. В условиях стрессовой ситуации подростки, оставшиеся без попечения родителей, демонстрируют эмоциональное спокойствие или беспокойство умеренной интенсивности.
 - снижению страха самовыражения, саморас-

крытия, в ситуациях, в которых необходимо показать себя и продемонстрировать свои качества, демонстрации своих возможностей.

- снижению у подростков ожидания негативных оценок со стороны других, тревожности и страхов не оправдать ожидания окружающих;
- снижению негативных переживаний при взаимодействии с учителями, страхи по отноше-

нию к учителю отсутствуют либо выражены незначительно.

- снижению негативного эмоционального состояния, связанных с ситуациями учебно-образовательного процесса, снизилось количество негативных переживаний и страхов и во взаимодействии с учителями и сверстниками в учебных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бомба, А.С. Проблема эмоциональных нарушений в подростковом возрасте / А.С. Бомба // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2018. – № 7(23). – С. 83-89.
2. Выготский Л.С. Психология развития ребенка. – М.: Эксмо, 2005. – 320 с.
3. Герасимова Е.Н., Фаустова И.В. Изучение эмоционального неблагополучия современных детей старшего дошкольного возраста // Психология образования в поликультурном пространстве. – 2011. – Т. 2. – № 14. С. 43–47.
4. Дмитриева С.А. Психологическая коррекция эмоциональной сферы воспитанников детского дома // Вестник ТОГИРРО. – 2012. – № 2. – С. 1-165.
5. Кривоносова Е.Ю. Риски безопасности психологической среды в условиях детского дома // NovalInfo.Ru. 2018. – Т. 1. – № 90. –С. 268-271.
6. Мымрикова К.М. Эмоциональная депривация как условие развития социально - психологических трудностей общения у детей, воспитывающихся в детском доме // Матрица научного познания. – 2018. – № 4. – С. 126-129.
7. Ослон, В.Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006. – 368 с.
8. Петрова С.М., Коткова И.В. Коррекция эмоционального состояния детей - воспитанников детского дома в целях обеспечения их эмоционального благополучия и психологической безопасности // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2019. – № 2. –С. 500-511.
9. Прихожан А.М. Изучение тревожности как переживания в контексте культурно-исторической концепции // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2006. – № 1. – С. 99-115.
10. Соловьева С.Л. Тревога и тревожность: теория и практика // Медицинская психология в России. 2012. № 6(17). С. 14.
11. Толстых Н.Н., Прихожан А.М. Психология подросткового возраста: Учебник и практикум / Н.Н. Толстых, А.М. Прихожан. – М.: ЮРАЙТ, 2020. – 406 с.
12. Фаустова И.В. Особенности психокоррекционной работы по преодолению эмоционального неблагополучия детей старшего дошкольного возраста // Психология образования в поликультурном пространстве. 2009. Т. 2. № 3-4. С. 71-76.
13. Фаустова И.В., Гамова С.Н. Эмоциональное благополучие ребенка как предпосылка развития его эмоциональной устойчивости // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. С. 34-38
14. Шмырева О.И. Психологическая модель преодоления эмоционального неблагополучия в подростковом возрасте // Мир психологии. 2007. № 1 (49). С. 240-245.
15. Якубова Г.А. Психологические особенности пассивности эмоционального общения детей с депривацией из детских домов // Paradigmata poznani. 2017. № 2. С. 28-35.

© Дубовик Евгения Юрьевна (duevur2015@mail.ru), Тарасова Светлана Ивановна (tsvetlana_i@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЗМОЖНОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РАССТРОЙСТВ ОРГАНИЧЕСКОГО СПЕКТРА

THE POSSIBILITIES OF A COMPREHENSIVE PATHOPSYCHOLOGICAL STUDY OF ORGANIC SPECTRUM DISORDERS

*Ya. Zhakupova
M. Ovchinnikov
Ya. Mokina*

Summary: The article presents the results of the pathopsychological diagnosis of mental disorders in patients suffering from organic spectrum disorders. Demonstrated the possibilities of a comprehensive pathopsychological study necessary for a clinical psychologist to further develop psychological rehabilitation programs and improve the quality of life of patients with psycho-organic syndrome.

Keywords: methods of pathopsychological research, organic spectrum disorders, endogenous-organic pathopsychological syndrome, exogenous-organic pathopsychological syndrome.

Жакупова Яна Тураровна

*К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
г. Челябинск
ps-gold@yandex.ru*

Овчинников Михаил Владимирович

*К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», г. Челябинск
ovtmv@mail.ru*

Мокина Яна Валерьевна

*Заведующая отделением, врач-психиатр, Челябинская областная клиническая специализированная психоневрологическая больница №1, г. Челябинск
vale1205@yandex.ru*

Аннотация: В статье представлены результаты патопсихологической диагностики психических нарушений у больных, страдающих расстройствами органического спектра. Продемонстрированные возможности комплексного патопсихологического исследования, необходимого клиническому психологу для дальнейшей разработки программ психологической реабилитации и повышения качества жизни пациентов с психоорганическим синдромом.

Ключевые слова: методы патопсихологического исследования, расстройства органического спектра, эндогенно-органический патопсихологический синдром, экзогенно-органический патопсихологический синдром.

Введение

Комплексное патопсихологическое исследование, направленное на решение диагностических или экспертных задач, предоставляет возможность медицинскому психологу провести оценку психики пациента как целостной системы. Выявление «точек» распада психики и ее сохранных сторон определяет дальнейший характер построения и проведения психологом программы реабилитации. По мнению Б.В. Зейгарник, именно такой подход отражает специфику патопсихологического эксперимента, поскольку определение любого психического расстройства требует от диагноста тщательного изучения условий, причин его развития и выявления механизмов симптомообразования [1].

При осуществлении диагностической работы, проводимой в рамках экспериментально-патопсихологических исследований необходимо помнить о специфике выбора и применения методов исследования. Назовем некоторые из них.

1. Отличие патопсихологического исследования от процедур общепсихологической диагностики заключается в тщательном анализе диагностом

всех компонентов поведения испытуемого: реакции на инструкцию к выполнению и содержание предлагаемых заданий; трудности, возникающие в процессе их выполнения; динамику протекания психической деятельности и пр. Очень важен для исследования показатель заинтересованности пациента в своих результатах. С.Я. Рубинштейн утверждала, что, «...чем сохраннее личность, тем обычно глубже выражена эмоциональная реакция на исследование в целом ... безучастное отношение к факту исследования наблюдается при глубоком распаде личности либо при очень глубокой депрессии» [2, с.174].

2. Правомерность утверждения о снижении когнитивных функций может присутствовать в патопсихологическом заключении лишь тогда, когда их сформированность соответствовала возрасту, полученному образованию и социальному статусу пациента еще до первых клинических проявлений заболевания, что обязательно должно быть указано в анамнезе больных.
3. При использовании методов диагностики аффективной сферы, а также личностных особенностей пациентов с расстройствами органического

спектра, следует учитывать наличие сочетанной патологии (например, заболевания головного мозга экзогенно-органического происхождения и депрессивные невротические расстройства), а также некоторых форм психических заболеваний.

4. Вариативность проявлений патопсихологической картины при расстройствах органического спектра позволяет увидеть психологу дифференциальная диагностика, в процессе которой отграничиваются органические расстройства от патологий иного характера (форм умственной отсталости, эпилепсии, возрастной незрелости и пр.) (автореф. Королев Возможности). Выявление своеобразных дискриминативных маркеров способствует преодолению дифференциально-диагностических трудностей и возможности более точного распознавания сочетанной и органической патологии в связи с часто схожими патопсихологическими нарушениями, проявляющимися при указанных расстройствах.
5. У пациентов, страдающих психическими заболеваниями, могут наблюдаться повышенная утомляемость и истощаемость психических процессов, низкий уровень умственной работоспособности, что напрямую отражается в продолжительность проведения патопсихологического исследования.
6. В отличие от психологического эксперимента, где диагност не имеет право влиять на ход исследования, патопсихологический эксперимент представляет собой взаимную деятельность экспериментатора и испытуемого. Как отмечает Б.В. Зейгарник «как бы жестка ни была инструкция, часто взгляд экспериментатора, его мимика могут изменить ситуацию эксперимента, отношение больного», что приведет к изменению его действий, установок и мотивации [1, с. 42].
7. В результате комплексного патопсихологического исследования определяется патопсихологический синдром как «патогенетически обусловленная общность внутренне взаимообусловленных и взаимосвязанных признаков психических расстройств» [3, с. 34]. что позволяет выявить системную природу патологии психической деятельности.

Многообразие встречающихся нарушений при расстройствах органического спектра в современной клинической психологии отражены в понятии «психоорганический синдром» (далее – ПОС). Именно использование этого термина позволяет по совокупности расстройств оценить степень и глубину органических изменений личности, их характер и выраженность. Клинико-патопсихологические характеристики данного синдрома сформировались в представления о ПОС, как жесткой структуре следующих признаков – состоянии общей психической беспомощности с нарушениями па-

мяти, интеллекта, выраженном эмоциональном недержании (так называемая триада Н. Walter-Buel).

По классификации С.Л. Соловьевой, психоорганический синдром выступает в двух вариантах: экзогенно-органическом и эндогенно-органическом [4, с. 80].

Заболевания головного мозга травматического генеза входят в группу нозологий, составляющих основу патопсихологического экзогенно-органического синдрома, где степень психических нарушений (особенно когнитивных) зависит от степени травматизации больного. Так, состояние легкого когнитивного расстройства характеризуется начальными признаками снижения когнитивной продуктивности (сужением объема внимания, снижением его концентрации и устойчивости; возникновением постоянной забывчивости, нарушением продуктивности оперативной памяти, селективности, целенаправленности и категориальности мышления), а также появлением психической истощаемости. При более глубоком уровне нарушений названные расстройства приобретают характер грубых расстройств интеллектуальной деятельности, что приводит к значительному ухудшению в социальной и профессиональной деятельности и частичной либо полной потере сохранности повседневных видов активности.

В клинике эндогенно-органического синдрома присутствуют эпилепсия и психические расстройства при первичных дегенеративных (атрофических) процессах головного мозга.

Для психических расстройств, встречающихся при первичных атрофических процессах характерно медленное, прогрессивное течение, переходящее в хроническую форму. В начале болезни выявляются слабо-выраженные когнитивные и личностные изменения, постепенно нарастающие и достигающие стадии полного распада всех психических процессов, включая нарушения высших корковых и подкорковых функций.

Психические нарушения при эпилепсии, в большинстве своем, связаны с изменениями личности (напряженность и вязкость аффектов), находящими отражение в торпидности психических процессов (восприятии, внимании, памяти) и приводящие некоторых больных к специфическому (концентрическому) слабоумию [5, с. 165].

Цель исследования – определение клинико-психологических особенностей пациентов, страдающих ПОС в связи с задачами дифференциальной диагностики.

Материалы и методы

Возможности применения комплексного патопси-

хологического исследования при расстройствах органического спектра различного генеза представлены в контексте следующих индивидуальных клинических случаев. В исследовании использованы все группы методов патопсихологического исследования: клинико-психологический (анализ контакта с пациентом, наблюдение за поведением, клиническая беседа), клинико-биографический (изучение анамнеза) и экспериментально-психологический (патопсихологический эксперимент). Экспериментальные методики, использованные в ходе исследования: «Запоминание 10 слов» (А.Р. Лурия); таблицы Шульте, «Толкование метафор и пословиц» (С.Я. Рубинштейн), «Исключение понятий» (С.Х. Сафонова), «Классификация предметов» (К. Гольдштейн в модификации Л.С. Выготского и Б.В. Зейгарник), Миннесотский многофакторный личностный опросник (MMPI). Кроме того, для анализа психической деятельности были использованы данные электроэнцефалографического исследования головного мозга (ЭЭГ).

В исследовании принимали участие пациенты Челябинской областной клинической специализированной психоневрологической больницы №1.

Результаты и обсуждение

Клинический случай №1. Пациент А. Возраст: 57 лет. Пол: М.

Диагноз: Органический галлюциноз. Эпилепсия.

Работал механиком на ремонтном заводе, был женат, в браке родилась дочь. Несколько лет назад получил производственную травму, после которой изменилось поведение и появились когнитивные проблемы («почувствовал что-то не то»). Развелся, в настоящий момент проживает с матерью. С коллегами и друзьями контакты утрачены.

Общается неохотно, на вопросы отвечает в плане заданного после некоторой паузы. Ответы односложные, отмечаются трудности вербализации, забывания слов. Жалоб на свое самочувствие не высказывает, считает себя здоровым, демонстрирует недовольство проводимым исследованием. Мотивация к работе с психологом снижена, к достижению положительного результата при выполнении заданий не стремится. Эмоциональный фон неустойчивый, легко раздражается, критикует содержание методик, внешние обстоятельства обследования (процедуру проведения, шум посторонних в отделении, «тусклое» освещение). При выполнении заданий испытывает затруднения в понимании и осознании инструкции, для ответа требуется достаточное количество времени (среднее латентное время ответа – 3 сек). Отмечаются трудности сосредоточения внимания на выполняемом задании, постоянная отвлекаемость на происходящее

вокруг (поворачивается при появлении новых звуков, движений экспериментатора), при возвращении к выполнению заданию необходимо время для повторного включения в работу. К концу исследования сообщает об усталости.

Данные ЭЭГ: зафиксированы признаки выраженной дезорганизации биоэлектрической активности головного мозга по типу гиперсинхронизации всех ритмов. Зафиксирована эпилептиформная активность – при ГВ – комплексы «острая-медленная волна» в префронтальных областях с 2-х сторон без генерализации (локальные очаги возбуждения). Для пациента свойственна выраженная неустойчивость функционального состояния при нагрузках.

При исследовании динамики мыслительной деятельности отмечается инертность (вязкость) мышления, что в свою очередь приводит к снижению операций обобщения и отвлечения. Так, в пробе «грабеж, кража, землетрясение, поджог, нападение» (методика «Исключение понятий») испытуемый, прежде чем выбрать лишнее слово, подробно объяснял негативные последствия каждой ситуации. В конце пробы зачеркнул все слова, объяснив это тем, что «все они плохие и ему бы не хотелось оказаться в такой ситуации».

При выполнении методики «Классификация предметов» обнаружены негрубые нарушения мышления с последующим чередованием групп обобщенных и конкретно-ситуационных карточек (в начале работы пациент начал верную раскладку карточек по обобщенному принципу – одежда, мебель, животные, растения, но в процессе дальнейшего исследования стал испытывать трудности с отнесением мелких групп карточек в более укрупненные группы, например, фрукты и овощи в группу растений)

При выполнении методики «Запоминание 10 слов» у испытуемого выявляется резкое снижение объема памяти, особенно, к концу эксперимента: 5,4,2,1,1.

При выполнении методики «Таблицы Шульте» выявлены выраженные изменения темпа психической деятельности: снижение способности к концентрации и устойчивости внимания, колебания работоспособности, признаки повышенной истощаемости. При отыскивании чисел по таблицам показал следующее время: 1 мин. 30 с.; 1 мин. 50 с.; 2 мин. 58 с.

При исследовании операциональной стороны психической деятельности наблюдается тенденция к непосредственности представлений и конкретности суждений, что может свидетельствовать о низком уровне обобщения. При выполнении методики «Толкование пословиц» незнакомый материал не поясняет, ссылаясь

на незнание. Однако при интерпретации знакомых поговорок пациент демонстрирует искаженное понимание скрытого смысла с последующим переходом в резонанс. Так, при работе с поговоркой «Цыплят по осени считают», первой реакцией пациента оказалась жалоба на затруднение в понимании задания. При повторном прочтении было высказано предположение что, «после осени идет зима, а зимой цыплята вырастут в больших куриц. Не все цыплята могут пережить зиму, поэтому их будут считать только следующей осенью. Там урожай большой, цыплятам не всем хватает на корм, вот поэтому курицу потом и продают».

Эмоционально-личностная сфера. По результатам методики MMPI профиль пациента достоверный, признаков аггравации, симуляции и рентной установки не выявлено (показатели шкал L и F располагаются в нормативном диапазоне от 50 до 70 баллов). Наблюдается подъем по шкале достоверности F, что может быть вызвано влиянием астеничной симптоматики на выполнение большого количества заданий опросника.

Выявлен значительный подъем по шкалам «невротической триады» (Hs 75, D 76, Hy 70), что проявляется в чрезмерной фиксации пациента на собственных болезненных переживаниях, инертности в принятии решений, астеничности, недостаточности побуждающих действий. Зафиксированный пик по четвертой шкале (Pd 68) с незначительным подъёмом по шкале 9 (Ma 63) указывает на присутствие в аффективной сфере пациента агрессивных тенденций, что является характерным признаком заболеваний, имеющих экзогенно-органическую природу. Раздражительность, враждебность, недоверчивость и повышенной требовательность к окружению – все это демонстрировал испытуемый во время проведения исследования.

Несмотря на демонстрируемые в процессе исследования признаки недовольства при объявлении окончания обследования пациент поблагодарил психолога и выразил заинтересованность в его результатах.

Клинический случай №2. Пациент В. Возраст: 44 года. Пол: М.

Диагноз: Органическое шизофреноподобное расстройство. Галлюцинаторный синдром. Состояние отмены, при синдроме зависимости от алкоголя.

После демобилизации из армии устроился работать в вагон-ресторан официантом. В одном из рейсов был выброшен на полном ходу из поезда группой подвыпивших пассажиров. Был найден обходчиками, от медицинской помощи отказался. От родных (проживал с матерью и сестрой) случившееся событие скрыл («чтобы не расстраивать»). По истечении года после перенесенной травмы,

со слов матери, родственники стали замечать «странное поведение сына»: обвинение родных в желании его отравить, подкладывании в пищу ядов; свою комнату, желание спрятать столовые принадлежности (ножи, вилки) в своем письменном столе; неоднократный поджог дома (семья проживала в частном секторе).

На момент исследования пациент находится в ясном состоянии сознания. Ориентирован в месте, времени и собственной личности. В беседе жалуется на снижение памяти, замедленность реакций. Эмоциональные проявления выражены слабо, голос ровный, при появлении зрительного контакта взгляд не отводит. Отмечаются стереотипные покачивания ноги, стереотипные движения рук (перебирание пальцами). Говорит не спонтанно, на вопросы экспериментатора отвечает в плане заданного, но кратко и формально. К исследованию проявляет слабый интерес, испытывает затруднения в осознании содержания заданий, среднее латентное время ответа 5 сек. Реакция на ошибки, возникающие во время исследования – адекватная.

Данные ЭЭГ: наблюдаются признаки выраженной дезорганизации биоэлектрической активности головного мозга с тотальной десинхронизацией альфа-ритма. Локальной и пароксизмальной активности не выявлено. Зафиксировано снижение уровня межполушарного взаимодействия по всем областям коры, снижение уровня внутриполушарного взаимодействия в правой лобно-височной области.

Динамика мыслительной деятельности. При выполнении методики «Таблицы Шульце» при отыскивании чисел в таблицах тратил более 1,5 минут на каждую (1 мин. 30с.; 1 мин 45с.: 1 мин. 50 с.), наблюдалась формальность мотива исследования и сильная отвлекаемость на внешние раздражители.

При выполнении методики «Запоминание 10 слов» был зафиксирован феномен «плато» (3/5/7/7/6). Нарушен мотивационный компонент памяти, испытуемый не желал запоминать слова, предлагал заняться чем-нибудь другим, утверждая, что выполнял эту методику ранее.

Операциональной стороны психической деятельности.

При выполнении методики «Толкование метафор и поговорок», отмечается непонимание переносного смысла выражений, тенденция к разноплановости суждений, актуализация конкретных и слабых латентных признаков. Ошибочные суждения не корректирует, ошибок не видит. Так, значение фразеологизма «Вбить себе в голову» испытуемый объяснил «наполненным комком в голове». При толковании выражения «Яблоко от яблони недалеко падает» пациент сначала стал вспоминать

характеристики плодов, впоследствии переводя рас- суждения на тему «первородного греха Адамы и Евы. Метафору «Душа ушла в пятки» испытуемый объяснил, как неверное суждение, потому что считает, что «душа уходит из человека через голову».

Низкий уровень обобщения и абстрагирования на- блюдается при выполнении методики «Исключение лишнего». Прослеживаются мотивационные нарушения в виде разноплановости суждений, не отличающихся единым характером; наряду с категориальными при- знаками присутствует актуализация латентных. Пациент, просматривая стимульный материал заострял внимание на особенностях формулировок в постановке вопросов. При выполнении задания присутствовал феномен со- скальзывания (в пробе «дряхлый, маленький, старый, из- ношенный, ветхий» не увидел ни одного лишнего слова, однако пояснил, что так «говорят про гномов»).

Эмоционально-личностная сфера

По результатам методики ММРІ профиль пациента достоверный, признаков аггравации, симуляции и рен- той установки не выявлено (показатели шкал L, F, K рас- полагаются в нормативном диапазоне от 50 до 70 бал- лов).

Наблюдается значительный подъем по шкалам пси- хотической тетрады (Pa 80, Sc 88, Ma 79). Данная осо- бенность указывает на аффективную и когнитивную

ригидность, склонность к подозрительности, сверхнор- мативность, неконформизм, (↑6 ↑8). При формально адекватных контактах личность демонстрирует эмоцио- нальную холодность, сухость аффекта и поведенческий стереотип отчуждения.

Сочетание пиков на шкалах Pa и Ma (↑6 ↑9) от- ражает большую последовательность и целенаправлен- ность поведения, организованного вокруг определен- ной концепции или сверхценных идей.

Выводы

Таким образом, при анализе данных патопсихологи- ческого обследования, проведенного в разных клини- ческих случаях, мы увидели соответствие основным па- топсихологическим симптомокомплексам, характерным для разных видов ПОС. Средством организации процес- са реабилитации больных, страдающих расстройствами органического спектра может являться программа пси- хологической реабилитации, включающая несколько направлений работы клинического психолога: психоло- гическое образование пациентов и их родственников в части организации повседневного быта и переобучению пациентов утраченным повседневным навыкам; вос- становительная тренировка нарушенных когнитивных функций; обучение использованию стратегий компен- сации функционального дефицита, тренинг социальных навыков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зейгарник Б.В. Патопсихология / Б.В. Зейгарник. – М.: Академия, 2007. – 208 с.
2. Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике: учебное пособие / С.Я. Рубинштейн. – М.: Апрель-Пресс, 2010. – 220 с.
3. Блейхер В.М. Клиническая патопсихология: руководство для врачей и клинических психологов / В.М. Блейхер, И.В. Крук, С.Н. Боков. – М.: МПСИ, 2009. – 624 с.
4. Соловьева С.Л. Медицинская психология: конспект лекций / С.Л. Соловьева. – М.: АСТ, 2004. – 154 с.
5. Загорная Е.В. Основы патопсихологии / под ред. С. Л. Соловьевой. – М.: Мир науки, 2018. – 209 с.

© Жакупова Яна Тураровна (ps-gold@yandex.ru), Овчинников Михаил Владимирович (ovmv@mail.ru), Мокина Яна Валерьевна (vale1205@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ У ПОДРОСТКОВ С МЕНТАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ

IMPROVING COMMUNICATION SKILLS IN ADOLESCENTS WITH MENTAL DISABILITIES

K. Ignatov

Summary: The article reveals the peculiarities of adolescence and mental disorders in this category of people. It presents ways to improve communication skills, provides examples of their improvement as a factor of successful socialization and adaptation in society. The features of working with this category of persons are highlighted. Actions when working with this category of persons should be based on a comprehensive and systematic work, taking into account all the features inherent in these adolescents.

Keywords: student, teenager, communication skills, communication skills, mental disorders, intellectual disorders, special psychology, social psychology.

Игнатов Константин Александрович

ГБПОУ г. Москвы «Московский индустриальный колледж»

etrianwwwq@gmail.com

Аннотация: В статье раскрываются особенности подросткового возраста и ментальных нарушений у данной категории людей. В ней представлены способы совершенствования коммуникативных навыков, приведены примеры их совершенствования, как фактора успешной социализации и адаптации в обществе. Освещены особенности работы с данной категорией лиц. Действия при работе с данной категорией лиц должны базироваться на комплексной и системной работе с учётом всех особенностей присущей данным подросткам.

Ключевые слова: ученик, подросток, коммуникативные навыки, навыки общения, ментальные нарушения, интеллектуальные нарушения, специальная психология, социальная психология.

Подростковый возраст является уникальным периодом формирования личности. Это важнейший жизненный этап развития и закрепления социальных и эмоциональных привычек, имеющих немаловажное значение в первую очередь для психического благополучия.

Формирование многих навыков, одним из которых является коммуникация, - залог успешной социализации. Система межличностного общения играет особую роль на определенных жизненных этапах. Характер взаимоотношений особенно важен в подростковом возрасте, так как для данной категории общение – это один из основных видов деятельности. Чтобы достичь взаимопонимания с собеседником необходимо обладать способностями, навыками и умениями коммуникации, быть компетентным в этом направлении. На основе этого формируется соответствующее межличностное общение по типу подросток/подросток, подросток/взрослый, подросток/младший школьник и т.д. Компетентность и грамотность в общении – один из немаловажных факторов в любой сфере жизнедеятельности.

В настоящее время существуют десятки определений понятия «общение». Каждое из них в определенной степени отличается друг от друга, в зависимости от научной области. Однако все они отражают определённые грани взаимодействия людей. [1, С.2]

Исследованием данного вида деятельности занимались такие педагоги и психологи как А.В. Петровский, М.И. Лисина, П.Я. Гальпер, А.А. Леонтьев, Л.С. Выготский и др. В основе их работ заложена мысль о том, что общение – это сложный процесс, взаимодействия двух и более людей, с целью установления и развития контактов, обмена информацией, навыками, знаниями. Прослеживается идея единства общения и деятельности.

Л.С. Выготский определяет, что основной функцией общения является коммуникативная. В психологии это связывается с содержательной стороной общения. Вместе с тем в педагогике понятие «коммуникативные навыки» объединяет широкий комплекс умений, владение которыми обеспечивает полноценное включение человека в процесс общения. [2, С. 10] Таким образом, коммуникативные навыки – это выработка навыков общения, формирование умения выражать свое мнение, аргументировать и отстаивать его, а также умение слушать.

На сегодняшний день отмечается низкий уровень коммуникативных навыков у детей, в том числе и у подростков. Факторов, влияющих на данную ситуацию множество. В России увеличивается процент детей, относящихся к группе риска. Самая многочисленна из них – это дети с ментальными нарушениями.

Большинство ученых определяют термин ментальные нарушения как тяжелые нарушения психического

развития, при которых, прежде всего, страдает способность к социальному взаимодействию и поведению [3, С.4]. В данном случае у детей проявляется психические и/или интеллектуальные расстройства. По данным ВОЗ, половина всех нарушений возникает до наступления 14-летнего возраста.

В настоящей статье мы обращаем внимание на подростков с нарушениями интеллектуального развития, а именно – речи. В настоящее время дети с ментальными нарушениями обучаются в специальных школах или индивидуально. В применении к образовательным организациям трудности связанные с коммуникативными и речевыми навыками являются значимой и распространённой проблемой для обучающихся данной категории. В системе обучения и воспитания детей немаловажная роль принадлежит именно общению, так как они развиваются именно через этот вид деятельности. В следствии чего главной задачей в работе с данным контингентом является формирование и развитие коммуникативных навыков, которые, в свою очередь, способны оказывать позитивный эффект в улучшении познавательной, эмоциональной, двигательной сферы ребенка. Среди основных проблем, которые часто возникают у подростков, можно выделить трудности в понимании речи, отсутствие или недостаток развития коммуникативных навыков и умений, а также трудности в совместном взаимодействии со сверстниками и взрослыми. [1, С. 2]

В последнее время проблеме различных ментальных нарушений у детей уделяется больше внимания. Формирование, развитие и совершенствование навыков и средств коммуникации у детей с интеллектуальными нарушениями является одним из специфических и трудных разделов работы. Речь у обучающихся с ментальными нарушениями была предметом целенаправленного изучения как отечественных специалистов, так и зарубежных коллег, которые освещали эту сложную проблему с различных сторон. Э. Сеген, А. Бине, Т. Симон и др. расценивали недостатки речи как ведущий критерий аномалии интеллектуального развития и десоциализации.

Подростковый возраст коренным образом отличается от всех других периодов. При интеллектуальных нарушениях все сложности данного жизненного этапа усугубляются. Поэтому процесс развития и совершенствования навыков у таких подростков имеет свои особенности.

Дети с интеллектуальными нарушениями представляют собой неоднородную группу. Обучающиеся отличаются друг от друга по уровню речевого развития. Большинство из них не в полной мере понимают вопросы и обращенные к ним реплики, сами говорят немного и неразборчиво. Однако некоторые обучающиеся относительно свободно пользуются средствами общения, в

первую очередь вербальными. Отмечаемые особенности обусловлены определенными причинами. К их числу относятся физиологические, психические, а также социальные. Чем серьезнее выражены интеллектуальные нарушения, тем, как правило, медленнее и, возможно, с затруднениями будет происходить совершенствование коммуникативных навыков. Однако некоторых успехов этот ребенок способен достичь благодаря своей способности к подражанию, обнаруживающейся, в частности, в плане имитации речевых звуков, их сочетаний, слов. Существенно отличаются друг от друга в речевых проявлениях дети, относящиеся к числу заторможенных, и возбуждаемые олигофрены. Первые – это молчаливые, крайне немногословны дети, говорят тихим голосом, в замедленном темпе. У вторых – речь быстрая, часто неуместно громкая. Им легко даётся общение с людьми, но во время диалога им сложно не упустить из вида суть разговора, поэтому, в какой-то момент времени, они могут перестать слушать собеседника. Это проявляется в озвучивании неуместных, неожиданных, а подчас и нелепых высказываний, которые нередко представляют собой механически усвоенные речевые штампы. [4, С. 16]

Владение не в полной мере коммуникативными навыками и средствами общения значительно затрудняет внутреннее раскрытие ученика и его реализацию в учебе, в кругу общения среди сверстников и за его пределами - обществе, всё это способно привести к выработке неконструктивных способов взаимодействия у подростка и, как итог, возникновению отклонений в его социализации. Стоит отметить, что возможность коррекции и совершенствования уже усвоенных и закреплённых коммуникативных навыков существует. Следовательно, нужно уделить внимание социально-педагогической работе, поскольку такой вид деятельности является достаточным для достижения результатов в силу особенностей данного возраста. [5, С. 20]

Согласно концепции О.С. Никольской, Е.Р. Баенской, М.М. Либлинг формирование, а также совершенствование навыков коммуникации необходимо реализовывать с помощью организации соответствующих внешних поддерживающих условий поведения, через специально созданное материальное и социальное окружение.

В последнее время проблеме интеллектуальных нарушений у детей уделяется больше внимания. Специалисты образовательных организаций разрабатывают и реализуют программы коррекции с соответствующим планом работы. Она может содержать такие направления, как формирование, развитие и совершенствование умений выражать просьбы, требования, эмоции, чувства; называть, комментировать и описывать предметы, людей, действия, события, способствовать развитию диалоговых навыков и др.

На сегодняшний день, чтобы преодолеть трудности, для детей с ограниченными возможностями здоровья существует комплекс упражнений обучения коммуникативным навыкам, а также их совершенствования. Наиболее распространенными и эффективными являются беседа, игра, сказкотерапия, прогулки, экскурсии, тренинги. Их можно организовывать индивидуально, в парах, в группах, можно использовать прием, когда одна часть детей выполняет, а другая наблюдает, анализирует. Это, безусловно, зависит от каждого конкретного случая или ситуации. [6, С. 30] В упражнениях следует делать акцент на взаимодействии учеников между собой, основной их задачей должно быть коммуникация, а именно донесение информации до партнера таким образом, чтобы он смог точно понять, что ему необходимо сделать.

Во время выполнения задания ученики активно используют такие материалы как словесный, наглядный и практический. Во время длительной работы у детей с ментальной недостаточностью неизбежен процесс снижения интереса и внимания к выполняемому заданию. В качестве стимулирования интереса и поддержания внимания может выступать смена формы выполняемого задания, определённые поощрения в виде призов или других форм, нацеленных на создание атмосферы успеха. Такое положительное воздействие можно достичь за счёт использования иллюстративного материала с изображением ситуаций из жизни, опорных карточек с образцами начала фраз, пиктограммы, подбор песен, поговорок.

Позитивное влияние на развитие и совершенствование навыков общения со советниками и взрослыми оказывают именно экскурсии на природу и в общественные места, а именно в аптеку, магазин, на почту или любые другие. Получение опыта во время общения в реальных условиях оказывает более плодотворный эффект, нежели в искусственно созданных, поскольку искусственно созданные условия отличаются большей безопасностью. Безусловно, чрезмерная тревога так же мешает отработке и закреплению навыков, и именно поэтому посещение общественных мест происходит под руководством педагога, в данном случае он выступает в роли поддержки и уже само присутствие знакомого лица способно оказывать успокаивающий эффект.

Совместное посещение общественных мест (почты, магазина, больницы, кинотеатра, музея и т.д.) служит для совершенствования умения вести диалог с работниками данных заведений и другими посетителями. Перед посещением таких мест следует провести подготовку – выделить время разбору и проигрыванию похожих ситуаций в учебной среде. Это знание поможет ребёнку сориентироваться во время диалога и испытывать меньше стресса. Так же сами прогулки и экскурсии приучают детей

к взаимовыручке, проявлению внимания друг к другу, формированию ответственности и организованности.

Чтобы подростки с интеллектуальными нарушениями не испытывали трудности при взаимодействии со сверстниками и взрослыми, требуется серия занятий. Однако важное значение играет структура и глубина дефекта.

Очень важно, чтобы работа с такими подростками организовывалась грамотно, сохранялась системность действий. Проблема коммуникативных навыков у детей с интеллектуальными нарушениями, в подавляющем большинстве случаев, является комплексной, оказывать помощь необходимо медицинским специалистам, психологам, педагогам, и обязательно родителям. То есть преодолевать коммуникативные трудности, необходимо сообща. Это порой сложная задача, однако это будет способствовать совершенствованию коммуникативных навыков. Необходимо систематически направлять усилия на выявление и разработку оптимальных средств, рациональных методов и соответствующих приемов руководства, способствующих позитивному решению проблемы. [6, С.15]

Немаловажное значение имеет квалификация и уровень профессионализма со стороны специалистов. В настоящее время зарабатываются и реализуются соответствующие программы для подготовки кадров, организуется система повышения квалификации, профессиональной переподготовки. Однако повлияет не только уровень образования, но и личностные особенности специалиста. Доброе, терпеливое отношение, похвала окажет положительное воздействие на совершенствование коммуникативных навыков у подростка. [7, С.2]

Еще одной особенностью работы по совершенствованию навыков является формирование у подростков взаимоотношений с нормально развивающимися сверстниками. Данное направление будет эффективным, так как это позволит расширить социальный опыт, способствует появлению чувства товарищества, взаимопомощи, доброжелательности и, как следствие, окажется фундаментом для успешной социальной адаптации. Для другой же категории подростков общение будет способствовать формированию доброго отношения, желания оказать помощь.

Иными словами, необходимо создание положительного отношения к контактам со взрослыми и сверстниками. Следует выстраивать доверительную атмосферу, активно применять приемы обратной связи, что поможет пережить новый опыт взаимоотношений. Не профессионально организованные занятия, ставящие перед ребенком непосильные задачи, создающие перегруз, сочетающиеся со строгостью и наказаниями, подчеркива-

нием неудач приводят к тому, что ребенок оказывается робким, замкнутым, будет более неуверенным в своих силах. [5, С. 13]

Развитие и совершенствование коммуникативных умений у подростков с интеллектуальными нарушениями подчеркивает значимость мотивации появления потребности в общении, учет личных интересов, что необходимо для возникновения и поддержания диалога. Для формирования этой потребности на передний план выходит необходимость создания положительного эмоционального фона, это должно проявляться в проявлении ребенком заинтересованности в теме беседы, интереса и стремления к пониманию точки зрения своего собеседника, желания донести своё видение ситуации. Поскольку вступление в прямой диалог является затруднительным для детей с нарушением интеллекта, трудно переоценить важность благоприятной атмосферы, способствующей раскрытию ребёнка с умственной отсталостью.

Большое значение имеют те жизненные условия, в которых находится подросток. Ребенок учится лишь у тех, кого любит, не боится, кому доверяет. А это значит, что именно родители будут его самыми лучшими учи-

телями. С ребенком следует чувствовать себя спокойно и уверенно, стремиться чаще разговаривать с ним. Гаджеты не заменят общение с родителями. Ребенка не следует ограничивать в общении со сверстниками, а также необходимо работать в тандеме со специалистами. Любовь, терпение, забота – незаменимые составляющие. Участие в процессе со стороны родственников, значимых и близких людей, доброжелательное отношение, принятие своего ребёнка со всеми достоинствами и недостатками – это всё способно создать позитивный эффект и предпосылки к общему и речевому развитию, развитию интереса к окружающему миру, стремление к взаимодействию с другими людьми. [5, С.18]

Современность сложно представить без общения. Оно играет немаловажную роль в жизни человека. В подростковом возрасте этот процесс приобретает особое значение, так как этот вид деятельности выступает главным условием личностного роста. Совершенствование коммуникативных навыков у подростков с ментальными нарушениями обусловлена идеей воспитания человека коммуникабельным, владеющим культурой общения и межличностного взаимодействия. Для этого требуется комплексная и системная работа, которая, в свою очередь, способствует положительной динамике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рязанова И.Л. Оценка коммуникативных навыков и подбор альтернативных и дополнительных средств общения детям с ТМНР // [Электронный ресурс] // <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 09.10. 2021)
2. Лукина И.В. Формирование коммуникативных навыков у обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями) на уроках социально-бытовой ориентировки [Электронный ресурс] // URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/6531/1/12Lukina.pdf> (дата обращения: 08.10.2021)
3. Иванова С.П. Ментальные нарушения у детей // Вестник образования, 2017, №5, С. 28-34
4. Старкова, Н.В. Формирование коммуникативных навыков у обучающихся с умеренной и тяжелой умственной отсталостью [Текст] / Н.В. Старкова // Социализация детей с интеллектуальными нарушениями в контексте модернизации системы образования: опыт, проблемы, перспективы: сб. материалов Всеросс. науч.- практ. конф. 26 марта 2015 г. / под общ. ред. С.В. Соловьевой; ГАОУ ДПО СО «Институт развития образования», Кафедра методологии и методики образования детей с ограниченными возможностями здоровья и детей, оставшихся без попечения родителей. – Екатеринбург: ГАОУ ДПО СО «ИРО», 2015. – С. 170-1734
5. Михайленко Т.А. Развитие коммуникативных навыков во внеурочной деятельности у обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями) в подростковый период [Электронный ресурс] // URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/6563/1/Mihaylenko.pdf> (дата обращения: 11.10.2021)
6. Назарова, Н.М. Специальная психология [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений // Н.М. Назарова. – М.: «Академия», 2000. – 517 с
7. Podgorecki, J. Communication Theories Review.W: Aktualne problem psychologii. T.I. szesc 19, Wydawnictwo Instytut Psychologii Akademii Nauk Ukrainy Kijow, 2007. - Ss.161-168.
8. Петрова О.М. Особенности развития коммуникативных умений у подростков с нарушением интеллекта [Электронный ресурс] // <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 09.10. 2021)
9. Примерная адаптированная основная общеобразовательная программа образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями) [Электронный ресурс] // URL: <http://fgos-ovz.herzen.spb.ru/wpcontent/uploads/2015.pdf> (дата обращения: 11.10.2017).

© Игнатов Константин Александрович (ettrionwwq@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЯ ЛИДЕРСТВА С ИНДИВИДУАЛЬНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ ЛИЧНОСТИ У СОТРУДНИКОВ МЧС

THE RELATIONSHIP OF LEADERSHIP STYLE WITH INDIVIDUAL PERSONALITY CHARACTERISTICS OF THE EMPLOYEES OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS

**A. Kozhevina
S. Dubrovina
E. Aydarova**

Summary: The article presents the results of studying the relationship of leadership style with individual personality characteristics of the junior and middle commanding staff of the Ministry of Emergency Situations. It is proved that there are differences in leadership style and individual characteristics, in particular, temperament, personality traits, personality orientation, the level of subjective control in the junior and middle commanding staff of the Ministry of Emergency Situations. It is shown that junior commanders have direct correlations between the democratic leadership style and the sanguine type of temperament, internality in the field of interpersonal relations, orientation to communication. For middle-level commanders, the autocratic leadership style has an inverse correlation with the level of sociability.

Keywords: leadership, individual personality traits, leadership style, emergency workers, temperament, level of subjective control.

Кожевина Анна Павловна

*К.псих.н., доцент, Байкальский государственный университет (г. Иркутск)
apkozhevina@mail.ru*

Дубровина Светлана Валериевна

*Доцент, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный медицинский университет» Минздрава РФ
dubrovina.swetlana2014@yandex.ru*

Айдарова Екатерина Дмитриевна

*педагог-психолог, МБОУ Заларинская СОШ
yek.aydarowa@gmail.com*

Аннотация: В статье представлены результаты изучения взаимосвязи стиля лидерства с индивидуальными особенностями личности у младшего и среднего начальствующего состава МЧС. Доказано, что существуют различия в стиле лидерства и индивидуальных особенностях, в частности, темпераменте, чертах личности, направленности личности, уровне субъективного контроля у младшего и среднего начальствующего состава МЧС. Показано, что у командиров младшего звена выявлены прямые корреляционные связи между демократическим стилем лидерства и сангвиническим типом темперамента, интернальностью в области межличностных отношений, направленностью на общение. У командиров среднего звена авторитарный стиль лидерства имеет обратную корреляционную связь с уровнем общительности.

Ключевые слова: лидерство, индивидуальные особенности личности, стиль лидерства, сотрудники МЧС, темперамент, уровень субъективного контроля.

В настоящее время проблема лидерства в динамично развивающемся обществе становится все более значимой. Ключевое значение в этой проблеме отводится понятию стиля лидерства, который определяет область взаимоотношения руководителя с подчиненными. Взаимосвязь между лидерством и индивидуально-психологическими особенностями личности неоспорима, поскольку, собственные качества индивида и определяют его личный эмоциональный настрой, решения и действия, а полученный результат, в свою очередь, влияет на стиль лидерства.

Успех управления подчиненными во многом зависит от набора индивидуальных особенностей руководителя. Предназначение и специфика МЧС определяют некоторый диапазон для выбора руководителем той или иной линии служебного поведения по отношению к подчиненным и решению служебных задач. Важна роль инициативы и самостоятельности руководителей в принятии управленческих решений, поскольку основой руководства в системе органов внутренних дел является

единоначалие, которое исключает обезличивание руководства, обеспечивает организованность и наиболее полное развертывание организаторских способностей руководящего состава. Значительное место среди требований, предъявленных к руководителю, занимает умение использовать властные полномочия, возлагаемые на него служебным положением [1].

Структура МЧС иерархична и вписывается в бюрократическую систему управления, которая носит рациональный характер. Лидерство направлено на достижение цели организации, значит, оно рационально. Сотрудник, получая приказ начальника, выполняет его обдуманно, в рамках закона, следовательно, его поступок рационально обосновывается. Рациональное управление означает целесообразность или целерациональность выбора способов руководства.

Н.Б. Иглина определяет сущность лидерской модели управления организацией МЧС, которая заключается в следующем: вертикальная структура лидерства бази-

руется на основе профессиональной и эмоциональной включённости лидера в процесс решения служебных задач и направлена на результат работы коллектива [2].

В организации деятельности органов внутренних дел ключевой фигурой является руководитель, наделенный соответствующими полномочиями. Эти полномочия позволяют ему гибко и оперативно осуществлять распорядительные, организационные и контрольные функции, направлять работу подчиненных, в том числе с применением мер дисциплинарного воздействия, представлять орган внутренних дел в иных организациях. В структуре органов внутренних дел функционируют руководители разных уровней управления.

Анализ оперативной обстановки и принятие соответствующего решения по охране общественного порядка и обеспечению безопасности граждан, планирование работы, контроль — все это важные направления деятельности начальника. Однако успех работы личного состава органа внутренних дел, в конечном счете, зависит от применяемых педагогических методов и стиля руководства [3]. Стиль руководства в контексте управления — это привычная манера поведения руководителя по отношению к подчиненным, чтобы оказать на них влияние и побудить их к достижению целей организации. Степень, до которой управляющий делегирует свои полномочия, типы власти, используемые им, и забота о человеческих отношениях или о выполнении задачи — все это отражает стиль руководства [4].

Таким образом, эффективный руководитель в МЧС, выбирая стиль управления, должен иметь в виду и учитывать следующие обстоятельства: знать себя; понимать ситуацию; оценивать выбранный стиль управления адекватно ситуации и уровню подчиненных; учитывать потребности группы; учитывать нужды ситуации; учитывать нужды подчиненных [5]. Современный руководитель органа внутренних дел не может позволить себе довольствоваться раз и навсегда установленным стилем. Он должен научиться пользоваться всевозможными стилями, методами, типами влияния, наиболее подходящими для конкретной служебной ситуации, а так же использовать различные способы поддержания своего должностного и личностного авторитета в коллективе [6, 7].

Идеальной формой руководства является сбалансированное сочетание заслуженного авторитета, опыта и властных полномочий. Руководитель подразделения МЧС обязан при любых обстоятельствах умело использовать властные полномочия, контролировать свое поведение, владеть своим настроением и чувствами, быть примером для подчиненных. Таким образом, все вышесказанное позволило определить актуальность нашего исследования.

Цель исследования — выявить взаимосвязь стиля лидерства с индивидуальными особенностями личности сотрудников МЧС.

Объект исследования — лидерство как психологический феномен.

Предмет исследования — взаимосвязь стиля лидерства с индивидуальными особенностями личности у младшего и среднего начальствующего состава МЧС.

Гипотеза исследования представлена следующими допущениями:

- существуют различия в стиле лидерства и индивидуальных особенностях, в частности темпераменте, чертах личности направленности личности, уроане субъективного контроля у младшего и среднего начальствующего состава МЧС;
- существуют связь стиля лидерства с индивидуальными особенностями личности у младшего и среднего начальствующего состава МЧС.

Исследование проходило на базе МЧС г. Иркутска. В исследовании участвовали руководители разного уровня, общим количеством 40 человек. Испытуемых мы разделили на две группы: первая группа составила 20 человек, которые занимают должности младшего начальствующего состава (сержант внутренней службы, старший сержант внутренней службы, старшина внутренней службы, прапорщик внутренней службы, старший прапорщик внутренней службы); вторую группу составили 20 человек, которые занимают должности среднего начальствующего состава (младший лейтенант внутренней службы, лейтенант внутренней службы, старший лейтенант внутренней службы, капитан внутренней службы).

В исследовании использовались следующие методики: методика «Диагностика стиля лидерства» Л.В. Румянцевой, тест «Формула темперамента» А.В. Белова, многофакторный 16-факторный опросник личности Р.Б. Кеттела, методика определения направленности личности Б. Басса, в адаптации Смекала-Кучера, методика УСК, адаптирована Е.Ф. Бажиным, С.А. Голынкиной, А.М. Эткингом.

Анализ результатов исследования стилей лидерства у младшего и среднего начальствующего состава позволил определить, что командиры среднего звена предпочитают автократический стиль лидерства (средний балл — 81,5). В группе командиров младшего звена преобладает демократический стиль лидерства (средний балл — 72,4). Таким образом, у командиров среднего звена по сравнению с командирами младшего звена, автократический стиль выражен в большей степени. А у командиров младшего звена, в сравнении с командира-

ми среднего звена, в большей степени выражены демократический и либеральный стиль лидерства.

Диагностика индивидуальных особенностей у командиров младшего и среднего звена по тесту «Формула темперамента» А.В. Белова показала, что для командиров среднего звена наиболее характерно преобладание холерического темперамента (средний балл — 18). Также в значительной степени представлен сангвинический темперамент (средний балл — 12). Можно сказать, что преобладание двух этих темпераментов дает сочетание, которое можно назвать как холерически-сангвинический тип. Флегматический и меланхолический темперамент представлен в небольшой степени и не являются ведущими. Во второй группе выражен в значительной степени сангвинический и флегматический тип темперамента (средний балл — 13 и 12 соответственно). У таких руководителей активность сочетается с медлительностью. Происходят быстрые фазы изменения настроения от высокой до низкой психической активности. Холерический и меланхолический темпераменты в данной группе представлены слабо.

Таким образом, в группе командиров среднего звена преобладает холерический и сангвинический темпераменты, а у командиров младшего звена — флегматический и сангвинический.

Показатели теста Р.Б. Кеттелла у младшего и среднего начальствующего состава позволили определить, что командиры среднего звена и младшего звена в одинаковой степени проявляют открытость (фактор А — средний балл равен и в первой, и во второй группе — 6,5 баллов), развитое мышление (фактор В; соответственно 2,8 балла и 2,6 балла), развитое воображение (фактор М; соответственно 5,4 балла и 5,8 балла), дипломатичность (фактор N; соответственно 6,4 балла и 6,8 балла), высокий самоконтроль (фактор Q3; соответственно 7,1 балла и 7,0 балла).

Также командиры среднего звена, в сравнении с командирами младшего звена, в большей степени проявляют эмоциональную устойчивость (фактор С — 4,9 балла и 3,5 балла соответственно), нормативность поведения (фактор G — 6,9 балла и 5,3 балла соответственно), смелость (фактор H — 5,3 балла и 4,0 балла соответственно), твердость (фактор I — 4,8 балла и 4,1 балла соответственно), радикализм (фактор Q1 — 4,9 балла и 3,5 балла соответственно).

В свою очередь, командиры младшего звена, по сравнению с руководителями среднего командного звена, в большей степени проявляют независимость (фактор E — 6,9 балла и 5,7 балла соответственно), экспрессивность (фактор F — 4,8 балла и 4,3 балла соответственно), подзорительность (фактор L — 6,8 балла и 5,6 балла соответ-

ственно), склонность к чувству вины (фактор O — 7,5 балла и 5,7 балла соответственно), самостоятельность (фактор Q2 — 6,8 балла и 4,4 балла соответственно), внутреннюю напряженность (фактор Q4 — 5,0 балла и 4,4 балла соответственно).

Показатели, полученные по тесту определения направленности личности (Б. Басса), в адаптации Смекала-Кучера указывают на то, что командиры среднего звена и младшего звена в одинаковой степени проявляют направленность на себя (соответственно 8,3 балла и 8,5 балла). Это говорит о том, что командиры обеих групп характеризуются преобладанием мотивов собственного благополучия. Направленность на общение преобладает в группе командиров младшего звена (соответственно 7,5 балла и 8,1 балл). Командиры среднего звена по сравнению с командирами младшего звена в большей степени проявляют направленность на деятельность (соответственно 11,3 балла и 9 балла). Если говорить о доминирующей направленности личности, то для командиров среднего звена характерна направленность на деятельность, а руководителям младшего командного звена также свойственна направленность на деятельность, но она имеет более низкие показатели.

Полученные результаты по методике УСК (уровень субъективного контроля) адаптированной Е.Ф. Бажиным, С.А. Голынкиной, А.М. Эткиндром указывают на то, что командиры среднего командного звена и младшего звена в одинаковой степени проявляют интернальность в области неудач (соответственно 4,1 балла и 4,2 балла), интернальность в области семейных отношений (соответственно 5,3 балла и 4,8 балла), интернальность в области производственных отношений (соответственно 3,5 балла и 3,3 балла). Командиры среднего звена по сравнению с командирами младшего звена в большей степени проявляют общую интернальность (соответственно 4,5 балла и 3,1 балла), интернальность в области достижений (соответственно 5,8 балла и 3,9 балла), интернальность в области межличностных отношений (соответственно 7,5 балла и 5,9 балла). Командиры младшего звена по сравнению с командирами среднего звена, в большей степени проявляют интернальность в отношении к здоровью и болезни (соответственно 7,8 балла и 6,2 балла).

Применение статистического критерия U – критерия Манна-Уитни позволило доказать, что командирам свойственны определенные стили лидерства. Так, у командиров среднего звена преобладает автократический стиль лидерства ($U = 535,2$, $p = 0,000$), а у командиров младшего звена — демократический стиль лидерства ($U = 453,7$, $p = 0,002$).

Достоверные различия получены в выраженности темперамента у командиров ($U = 434,0$, $p = 0,000$). Так, командиры среднего звена в большей степени выра-

жен холерический темперамент.

Также выявлены достоверные различия по фактору С — «эмоциональная устойчивость – неустойчивость» ($U = 533,6$, $p = 0,013$). Следовательно, командиры среднего звена в большей степени проявляют эмоциональную стабильность спокойствие, уверенность постоянство в чувствах, отсутствие страха перед сложными ситуациями.

Достоверные различия по фактору G — «подверженность чувствам – высокая нормативность поведения» ($U = 745,9$, $p = 0,000$) указывает на то, что среднего командного звена по сравнению с руководителями младшего командного звена, в большей степени проявляют сознательность, выдержанность, решительность, обязательность, ответственность, готовность к действию, основательность, упорство в достижении цели, стремление к социальной нормативности своих поступков.

Полученные достоверные различия по H — фактору «робость – смелость» ($U = 666,0$, $p = 0,001$) означают, что командиры среднего звена в большей степени проявляют смелость, легкость в знакомствах с людьми, реактивность, бодрость, чем руководители младшего командного звена. Получены значимые различия по O — фактору «уверенность в себе – тревожность» ($U = 576,0$, $p = 0,031$).

Достоверные различия по фактору Q 1 — «консерватизм – радикализм» ($U = 543,1$, $p = 0,012$) указывают на преобладание у командиров среднего звена радикализма. Достоверные различия по фактору Q2 — «конформизм – нонконформизм» ($U = 647,2$, $p = 0,001$), указывают на то, что у командиров среднего звена наиболее представлена самостоятельность, ориентация на собственное мнение, независимость во взглядах, стремление к самостоятельным решениям и действиям. Выявлены достоверные различия в показателях общей интернальности ($U = 376,5$, $p = 0,012$). Это свидетельствует о том, что у командиров среднего звена по сравнению с командирами младшего звена, в большей степени проявляют общую интернальность.

Также выявлены значимые различия в интернальности в области достижений ($U = 503,5$, $p = 0,002$). Это указывает на то, что командирам среднего звена в большей степени проявляют интернальность в области достижений, которая заключается в высоком уровне субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями.

Получены достоверные различия в показателях направленности на деятельность ($U = 423,7$, $p = 0,040$). Это указывает на то, что у командиров среднего звена в большей степени проявляется направленность личности на деятельность, которая выражена в заинтересованности в решении деловых проблем, выполнении работы как

можно лучше, ориентации на деловое сотрудничество, способности отстаивать в интересах дела собственное мнение.

Корреляционный анализ Спирмена позволил определить, что авторитарный стиль лидерства имеет обратную корреляционную связь с фактором А «замкнутость – общительность» ($r = -0,47$) и фактором O «уверенность в себе – тревожность» ($r = -0,57$). Прямая корреляционная связь выявлена между автократическим стилем руководства и фактором Q3 — «низкий самоконтроль – высокий самоконтроль» ($r = 0,618$). То есть, чем выше самоконтроль командиров, тем более руководитель высшего звена направлен на автократический стиль лидерства. Прямые корреляционные связи выявлены между автократическим стилем лидерства и холерическим темпераментом ($r = 0,355$); интернальностью в области достижений ($r = 0,289$), направленностью на деятельность ($r = 0,373$).

Демократический стиль лидерства у командиров младшего звена прямо коррелирует с фактором А «замкнутость – общительность» ($r = 0,540$). Это говорит о том, что чем выше общительность командиров младшего звена, тем ярче выражен демократический стиль лидерства. Также прямая связь выявлена с фактором Q4 «расслабленность – напряженность» ($r = 0,567$). Обратная связь выявлена с фактором O — «уверенность-тревожность» ($r = 0,586$). Так, чем ниже тревожность у командиров младшего звена, тем в большей степени выражен демократический стиль лидерства. Выявлены прямые корреляционные связи между демократическим стилем лидерства и сангвиническим типом темперамента ($r = 0,322$), интернальностью в области межличностных отношений ($r = 0,544$), направленностью на общение ($r = 0,455$).

Таким образом, демократический стиль лидерства напрямую связан с уверенностью командиров младшего звена в том, что они способны неформальные отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию, стремиться при любых условиях поддерживать отношения с людьми, ориентироваться на совместную деятельность, ориентироваться на социальное одобрение и потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми.

Таким образом, нами доказана гипотеза, представленная двумя допущениями о том, что существуют различия в стиле лидерства и индивидуальных особенностях, в частности, темпераменте, чертах личности, направленности личности, уровне субъективного контроля у младшего и среднего начальствующего состава МЧС; а также, что существует связь стиля лидерства с индивидуальными особенностями личности у младшего и среднего начальствующего состава.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никулина Т.И. Мотивация достижения в выборе стратегии поведения в организационном конфликте у сотрудников пригородной железной дороги / Т.И. Никулина, Ю.В. Чепурко. - DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(1).21 // Baikal Research Journal. - 2021. - Т. 12, №1. - С. 21-21
2. Устинова Л.Г. Управленческая культура руководителя ОВД в контексте современных стилей и методов руководства // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 2006 – 2010.
3. Демидова Е.В. Модель взаимосвязи мотивационной системы личности и организационной культуры / Е.В. Демидова. - DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(2).25 // Baikal Research Journal. - 2021. - Т. 12, №2. - С. 25-25
4. Воронцова Е.Г. Взаимосвязь представлений о самоэффективности с мотивацией достижения успеха у юношей и девушек, обучающихся на психологическом и юридическом направлениях обучения в вузе / Е.Г. Воронцова. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(1).3 // Baikal Research Journal. - 2019. - Т. 10, №1. - С. 3-3
5. Фонталова Н.С. Взаимосвязь потребности во властвовании и системы жизненных смыслов у современной молодежи / Н.С. Фонталова, Ю.О. Рюмкина. - DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(3).23 // Baikal Research Journal. - 2021. - Т. 12, №3. - С. 23-23
6. Иглина Н.Б. Лидер как субъект процесса социального управления в правоохранительных органах / автореферат по ВАК РФ 09.00.11, на соискание степени кандидата философских наук. 25 с.
7. Лимонцева Г.В. Взаимосвязь ценности патриотизма с личностными характеристиками студенческой молодежи / Г.В. Лимонцева. - DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(3).27 // Baikal Research Journal. - 2017. - Т. 8, №3. - С. 27-27

© Кожевина Анна Павловна (apkozhevina@mail.ru), Дубровина Светлана Валериевна (dubrovina.swetlana2014@yandex.ru),
 Айдарова Екатерина Дмитриевна (yek.aydarowa@gmail.com).
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Байкальский государственный университет

ИЗМЕНЕНИЕ ТРУДОСПОСОБНОСТИ И ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПРИ ПЕРЕХОДЕ НА ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ

Печковская Елизавета Михайловна

Аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

e.m.pechkovskaya@mail.ru

CHANGES IN THE ABILITY TO WORK AND WORK ACTIVITY OF TEACHERS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS DURING THE TRANSITION TO DISTANCE LEARNING

E. Pechkovskaya

Summary: The purpose of the study is to analyze the key problems of changing the working capacity and work activity of university teachers during the transition to distance learning and to identify the most favorable working mode for teachers in conditions of the possibility of using various training formats.

Among the main objectives of the study is to identify differences in the impact of changes in the nature of work on the efficiency and satisfaction of teachers with the new work and rest regime, depending on gender, age, degree of knowledge of information technologies and the country of residence of respondents. The study involved university teachers from Russia and South Africa, men and women aged 28 to 70 years. The results obtained confirm the hypothesis that the distance form of educational activity, in comparison with the full-time format, differs in compliance with the work and rest regime, workload, job satisfaction, depending on gender, age and scientific activity and the country of residence. The scientific novelty lies in the development and testing of the author's methodology for questioning teachers on the topic of research.

Keywords: higher education, distance education, working capacity, intensification of labor activity, information technologies

Аннотация: Целью исследования анализ ключевых проблем изменения трудоспособности и трудовой деятельности преподавателей вузов в период перехода на дистанционное обучение и выявление наиболее благоприятного для преподавателей режима работы в условиях возможности применением различных форматов обучения.

Среди основных задач исследования – выявление различий во влиянии изменения характера труда на работоспособность и удовлетворенность преподавателей новым режимом труда и отдыха в зависимости от пола, возраста, степени владения информационными технологиями и страны проживания респондентов. В исследовании принимали участие преподаватели вузов из России и ЮАР, мужчины и женщины в возрасте от 28 до 70 лет. Полученные результаты подтверждают гипотезу, что дистанционная форма образовательной деятельности по сравнению с очным форматом отличается соблюдением режима труда и отдыха, трудовой нагрузкой, удовлетворенностью труда в зависимости от пола, возраста и научной деятельности и страной проживания. Научная новизна заключается в разработке и апробации авторской методики анкетирования преподавателей по теме исследования.

Ключевые слова: высшее образование, дистанционное образование, работоспособность, интенсификация трудовой деятельности, информационные технологии.

Введение

Изучение изменения работоспособности и трудовой деятельности под влиянием различных факторов относится к числу фундаментальных проблем психологической науки. Изучение психической работоспособности послужили основанием для многочисленных исследований активности личности в профессиональном поведении человека как субъекта труда в зависимости от предмета труда и интенсивности в связи с интенсификацией трудовой деятельности под влиянием технологий в XX веке (Е.А. Климов, Л. Кольберг, А.Б. Леонова, С.Б. Величковская, Л.Г. Дикая).

Среди этих работ наибольшую актуальность имеют исследования влияния информационных технологий на идентичность пользователей и психическую работоспо-

собность (А.Ш. Тхостов, Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, В.А. Емелин).

Однако можно отметить, что тема исследования требует более полного изучения в настоящий момент в силу повсеместной необходимости применения информационных технологий преподавателями в условиях перехода на удаленные формы обучения из-за пандемии COVID-19.

Объектом исследования является преподаватель вуза.

Предмет исследования – психическая работоспособность преподавателя в условиях интенсификация трудовой деятельности под влиянием информационных технологий при переходе на дистанционный формат об-

учения.

Цель исследования – анализ ключевых проблем изменения трудоспособности и трудовой деятельности преподавателей вузов в период перехода на дистанционное обучение и выявление наиболее благоприятного для преподавателей режима работы в условиях возможности применением различных форматов обучения.

Методика и организация исследования

В качестве методов исследования была разработана авторская анкета изменения профессиональной деятельности преподавателей в дистанционном режиме, оценивающая факторы изменения режима труда и отдыха, сложность перехода в режим работы в условиях самоизоляции по сравнению с очным режимом, субъективное изменение уровня нагрузки, научные интересы, предпочтительный формат обучения.

Был проведен анализ влияния изменение традиционного очного режима учебной деятельности на дистанционные методы в условиях самоизоляции COVID-19 и изучение дистанционного режима работы в постизоляционный период, удовлетворенности пользованием дистанционными технологиями.

В исследовании участвовали 36 преподавателей различных специальностей и отраслей наук, среди которых 24 проживают в Москве, 12 иностранные респонденты, проживающие за пределами РФ от 28 до 70.

Среди преимуществ дистанционного образования (таблица 1) были отмечены мобильность (сокращение времени на транспорт между университетами) и возможность преподавать из любого удобного для преподавателя места - 100, в том числе для иностранных сту-

дентов, находящихся за границей – 100% опрошенных.

Таблица 1.

Преимущества дистанционного образования

Показатель преимущества дистанционного образования	Количество ответов респондентов, %
1. Мобильность, экономия времени на транспорт	100,0
2. Возможность просмотра лекций в записи студентами	8,3
3. Возможность просмотра лекций в записи преподавателями	5,6
4. Возможность демонстрации фото-видео контента	5,6

Было выявлено, что изменения субъективной и реальной нагрузки у российских преподавателей характеризуется зависимостью от пола, возрастной группы, научными интересами (рис.1). Наименьшая удовлетворенность перехода на дистанционное обучение, которая была вызвана увеличением нагрузки и утомляемости, была отмечена у российских преподавателей - женщин в возрастной группе от 41 года – 50 % против 8 % у респонденток более молодого возраста.

В разрезе по научным направлениям, существенное нарушение режима труда и отдыха было отмечено преподавателями естественно-научных дисциплин и физической культуры, занятия по которой впервые в истории высшего образования были переведены со спортивных площадок в online-режим.

Незначительное увеличение или отсутствие изменений были отмечены преподавателями гуманитарных дисциплин (менеджмент, социология, инновационное

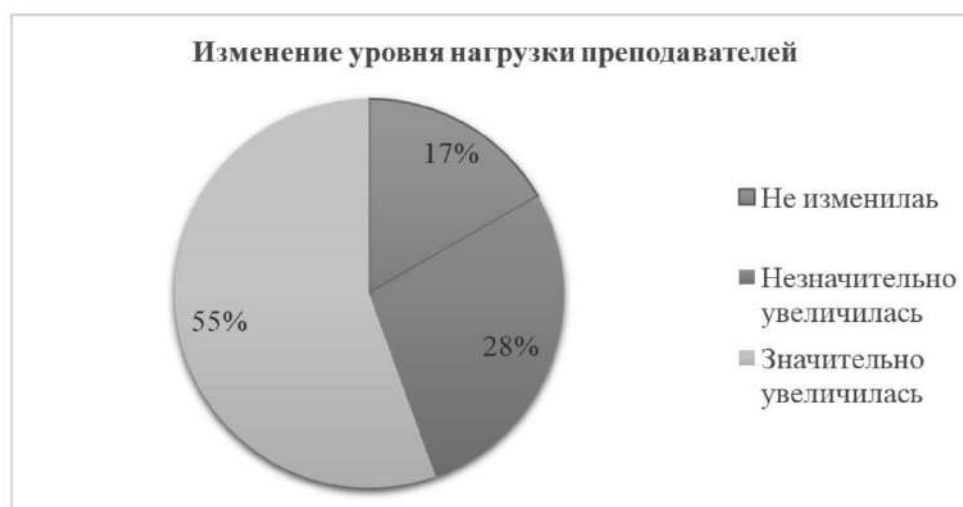

Рис. 1. Субъективная оценка изменения трудовой нагрузки преподавателей при переходе в удаленный формат обучения

предпринимательство, управление проектами).

Однако иностранные преподаватели менеджмента ощутили более значительное увеличение нагрузки, по сравнению с российскими коллегами, – 83,3% опрошенных иностранных преподавателей против 4 % у россиян.

Основные изменения затронули увеличение пользования дистанционными образовательными системами, увеличенным объемом проверок домашних работ студентов, изменение формата проведения лабораторных работ (поиск видео с лабораторными работами). В целях снижения уровня напряжения в следствие повышения нагрузок и ощущения сенсорной изоляции ввиду ограниченных коммуникаций, были организованы дополнительные заседания трудовых коллективов для координации трудового процесса и психологической поддержки.

Среди основных причин увеличения нагрузки были указаны следующие:

1. Сложность разделения рабочего времени и свободного времени;
2. Проведение свободного времени за дополнительным подбором материалов в цифровом виде;
3. Увеличение количества звонков и сообщений в мессенджеры и социальные сети.

Дистанционная учебная деятельность оказала влияние на изменение режима труда и отдыха, организацию труда. Были выявлены следующие трудности при организации трудовой деятельности в условиях самоизоляции и дистанционного формата.

Основными проблемами трудовой деятельности в дистанционном режиме были названы:

1. Монотония.
2. Цифровая усталость.
3. Зрительная усталость из-за длительной работы перед экраном.
4. Необходимость постоянно быть на связи.
5. Несоблюдение гигиены рабочего процесса - отсутствие перерывов.
6. Поиск цифровых материалов из печатных источников.
7. Сложность разделения работы и отдыха.
8. Хобби перестает доставлять удовольствие и отдых.

Ввиду высокой самоорганизации, преподаватели смогли быстро адаптироваться к изменению формата проведения занятий. В качестве побочных явлений был вызван профессиональный стресс в следствие ожидания наступления экстренных ситуаций, связанных с нарушениями функционирования сети Интернет или применяемой цифровой образовательной среды. Наибольший стресс был вызван в начале применения программ виде-

освязи в следствие неготовности и отсутствия навыков пользования данными ресурсами.

Другим фактором стресса была тревога за наступление неудачи подключения или невозможности проведения занятий по техническим причинам, что влечет изменение удовлетворенности трудовым процессом, изменение наработанных материалов для очных форматов в цифровой формат, изменение режима труда и отдыха, развитие гиподинамии (нужно ли описывать влияние на головной мозг и организм в целом), цифровая зрительная усталость.

В ходе работы были выявлены следующие ограничения и проблемы дистанционных коммуникаций. Во-первых, технические проблемы, такие как недостаток технического оснащения [2;64], ограничения возможностей поддержки определенных программ; зависимость качества занятий от качества сети со стороны преподавателя и студентов. Определенные образовательные платформы или цифровые компании недоступны в тех или иных странах. Например, сервисы компании Google недоступны в Китае, что создает неудобства для организации учебного процесса. Во-вторых, недостаток навыков и знаний преподавателей для самостоятельной настройки и подключения к дистанционным занятиям. Особенно данная ситуация была наиболее острой в период перехода на дистанционное обучение. В-третьих, развитие эмоциональной слепоты [1] у участников онлайн коммуникаций. Преподавателю сложно оценить понимание материала студентами в следствие большого числа участников, среди которых большинство с выключенными камерами.

При анализе изменений коммуникаций, как одной из основополагающей функций были выявлены следующие ограничения применения программы Zoom:

1. Наличие нужного количества компьютеров на всех членах семьи.
2. Изменение формата представления материалов.
3. Зависимость от хорошего качества интернета при загрузке файлов.
4. Трудности с отслеживанием самостоятельных работ студентов.
5. Отсутствие визуального контакта с аудиторией при выключенных камерах.
6. Уменьшение невербальных коммуникаций.

Отсутствие визуального контакта, быстрой обратной связи и восприятия невербальных коммуникаций с аудиторией не позволяют определить понимание материала студентами, что создает психологический дискомфорт и снижает уровень мотивации преподавателей включать видеорекамеры, вызывает чувство неудовлетворенности учебным процессом и результатами своей работы.

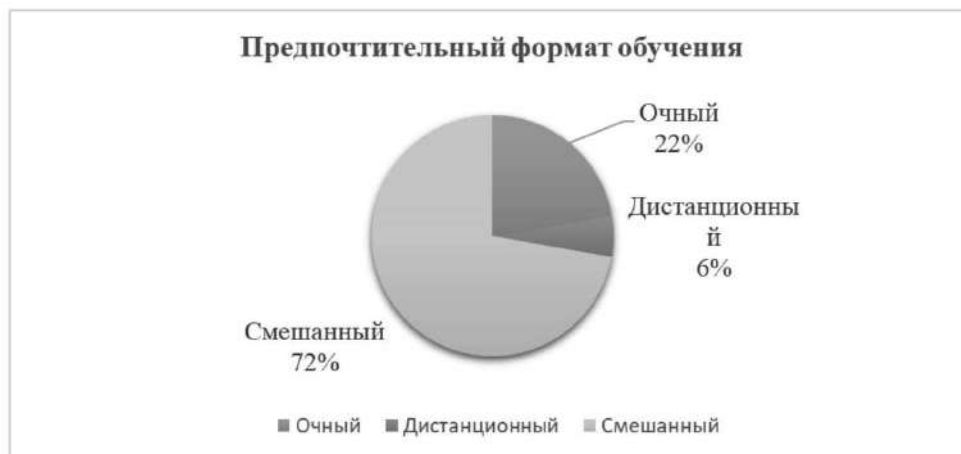

Рис. 2. Результаты выбора преподавателями предпочтительного формата обучения после снятия ограничительных мер

Дополнительным фактором изменения работоспособности в условиях повышенного применения цифровых технологий является сенсорная изоляция как результат изменения традиционных коммуникаций (очных встреч, направление деловых сообщений в течение рабочего дня). В ходе изменения коммуникаций с студентами, наибольшее чувство неудовлетворенности было вызвано при взаимодействии с иностранными студентами в следствие языковых барьеров.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате проведенного анализа, большинство респондентов (72 %) выбрали смешанный формат обучения – очный и дистанционный - в качестве предпочтительного для ведения занятий в условиях обеспеченности скоростным интернетом, технологиями дистанционного обучения и возможностью проведения занятий в очном режиме обучения (рис. 2).

Основными положительными факторами, влияющими на выбор смешанного формата обучения после снятия ограничительных мер и обязательного дистанционного обучения, в противовес перехода на только очный формат обучения были указаны:

1. Возможность преподавать из любого места и студентам, находящимся в разных регионах и странах.
2. Уменьшение времени на логистику между занятиями в разных университетах.
3. Удобство предоставления материалов в хорошем качестве, что не всегда возможно в очном формате.

Выводы и рекомендации

В результате анализа можно сформировать следующие рекомендации для организации труда преподавателей в условиях дистанционного формата и при переходе в очный формат:

1. Предоставление преподавателям выбора формата обучения важно при чтении лекций для больших потоков студентов и проведении практических занятий, которые не могут быть качественно проведены в дистанционном формате из-за невозможности формирования опыта применения полученных навыков.
2. Необходимо регулярное проведение обучения преподавателей применению нового программного обеспечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ватрак В. На удаленке разрываются эмоциональные связи. РБК тренды. 16.11.2020.
2. Пахонина Е.В. К проблеме дистанционной коммуникации // МНИЖ. 2020. №9-2 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-distantsionnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 24.09.2021).
3. Штыхно Д.А., Константинова Л.В., Гагиев Н.Н. Переход вузов в дистанционный режим в период пандемии: проблемы и возможные риски // Открытое образование т. 24. № 5. 2020, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perehod-vuzov-v-distantsionnyy-rezhim-v-period-pandemii-problemy-i-vozmozhnye-riski/viewer> (дата обращения: 29.09.2021).

© Печковская Елизавета Михайловна (e.m.pechkovskaya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПРЕДИКТОР ЛИЧНОСТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОДРОСТКОВ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

SOCIAL INTELLIGENCE AS A PREDICTOR OF PERSONAL SAFETY OF ADOLESCENTS WITH MENTAL RETARDATION

**N. Stepanova
D. Maksimova**

Summary: The article considers the problem of the interdependence of the degree of personal security and the level of development of social intelligence in adolescents with mental retardation (intellectual disabilities). Special attention is paid to the consideration of the structural components of social intelligence and the levels of its development. The empirical results of this study are proposed, on the basis of which the technologies of correctional and developmental work aimed at the development of social intelligence in order to improve the personal safety of children of this category are selected.

Keywords: social intelligence, personal security, adolescence, mental retardation, social adaptation.

Степанова Наталья Анатольевна

К.псих.н., доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
stepanova_na@inbox.ru

Максимова Дарья Алексеевна

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
darmaximova@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрена проблема взаимообусловленности степени личностной безопасности и уровня развития социального интеллекта у подростков с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями). Особое внимание уделяется рассмотрению структурных компонентов социального интеллекта и уровней его развития. Предлагаются эмпирические результаты данного исследования, на основе которых подобраны технологии коррекционно-развивающей работы, направленной на развитие социального интеллекта в целях повышения личностной безопасности детей данной категории.

Ключевые слова: социальный интеллект, личностная безопасность, подростковый возраст, умственная отсталость, социальная адаптация.

Обеспечение личностной безопасности сегодня является значимой проблемой, особенно если это касается лиц с ограниченными возможностями здоровья. По мнению Демьяненко Т.В., базовым показателем защиты личности можно рассматривать уровень развития социального интеллекта, включающий навык распознавать враждебное либо дружеское отношение окружающих, осмысливать ситуацию в процессе общения и предугадывать ее вероятное развитие. Этот показатель также определяет самостоятельность, социальную грамотность, качество жизни, навыки самообслуживания, способность просить помощь при необходимости, умение ориентироваться за пределами своего дома и т.д. [3].

Развитый социальный интеллект играет крайне важную роль для лиц с интеллектуальной недостаточностью, т.к. без оценки перечисленных качеств невозможно судить о наличии у них ресурсов для социальной адаптации. Уровень развития социального интеллекта позволяет нам понять, насколько отстающие в развитии лица приняты обществом, а также оценить качество их собственной жизни [6].

Необходимо отметить, что актуальность проблемы логически вытекает из особой ценности коммуникативных способностей и их проявлений для подростков, так как качество общения в данном возрасте имеет принци-

пиальное значение для обеспечения личностной безопасности. Более того, развивать социальный интеллект необходимо у детей с ограниченными возможностями здоровья, общение которых имеет определенные ограничения в силу имеющегося дефекта [10].

Следовательно, при наличии нарушения развития поставленный вопрос представляет еще больший интерес, поскольку подразумевает возможность изучения характерных особенностей коммуникации подростков с интеллектуальной недостаточностью и их влияние на личностную безопасность.

Наше исследование строится на предположении о том, что степень личностной безопасности напрямую связана с уровнем развития социального интеллекта.

В качестве основных структурных элементов социального интеллекта Баширов И.Ф. представляет когнитивный, эмоциональный и коммуникативно-организационный (поведенческий) компоненты:

1. когнитивный компонент отвечает за адекватное распознавание, анализ и предвидение развития ситуации взаимодействия с учётом изменяющегося контекста;
2. эмоциональный обеспечивает эмоциональное проникновение в личностный и социально-психологический контекст ситуации взаимодействия;

3. благодаря поведенческому компоненту происходит актуализация внутреннего психологического ресурса для адекватного решения коммуникативных задач [1].

По мнению большинства исследователей, основными компонентами психологической безопасности, выступают состояния целостности и защищенности. В то же время, нарушение целостности личности, проявляющееся в диссоциации ощущений, аффекта, фрагментации личности и потери связей между ее отдельными сторонами, усилении внутренних конфликтов, а также нарушение защищенности, которое выражается в различных искажениях психологических границ личности, свидетельствуют о потере чувства психологической безопасности.

Итак, трем компонентам социального интеллекта соответствуют два компонента личностной безопасности. Эмоциональный (социальные качества) и когнитивный (самооценка и уровень притязаний) компоненты социального интеллекта отвечают за такой компонент личностной безопасности, как целостность. А поведенческий (способы поведения в конфликтной ситуации) и когнитивный (адаптивность в ситуациях общения) компоненты, в свою очередь, обеспечивают защищенность личности.

Изучая эмоциональный компонент, мы взяли за основу параметр выраженности социальных качеств личности и исследовали их особенности с помощью методики «Семь качеств личности» Р. Кеттелла (модификация А.Г. Грецова). При выявлении сформированности когнитивного компонента исследовалось сразу два его аспекта: самооценка и уровень притязаний, а также адаптивность в ситуациях общения. При этом применялись такие методики, как «Диагностика самооценки и уровня притязаний Дембо-Рубинштейн» (модификация А.М. Прихожан) и «Изучение способности к самоуправлению в общении». Для определения развития поведенческого компонента нами использовалась методика «Тест описания поведения К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной)» в целях выявления доминирующих типов поведения.

Можно выделить три уровня развития социального интеллекта в соответствии с его компонентами. Как утверждает Е.А. Зайцева [5], уровням его развития соответствуют следующие характеристики:

1. высокий уровень – ребенок знаком с правилами поведения в обществе и соблюдает их, способен давать адекватную оценку поведению (своему и окружающих) в рамках социального контекста, готов к предвидению своих действий; правильно оценивает себя, формирует сбалансированное и точное представление о себе; умеет слушать собеседника, готов к коллективному взаимодействию,

умеет объяснять и убеждать других, легко налаживает контакт со взрослыми и сверстниками; стремится проявлять эмоциональный контроль, старается преодолевать коммуникативный и моральный эгоцентризм, эмоциональный отклик соответствует социальному контексту;

2. средний уровень - знаком и чаще всего соблюдает правила поведения в обществе, дает общую оценку поведению (своему и окружающих) в рамках социального контекста, но не всегда осознает последствия своих действий; обладает недостаточно адекватной самооценкой, но знает свои слабые стороны и стремится к самосовершенствованию; не всегда слушает собеседника, принимает роли, диктуемые ситуацией, объясняет свои действия, но не всегда может убеждать других, контакт со взрослыми и сверстниками вступает с осторожностью; практически не стремится проявлять эмоциональный контроль, не старается преодолевать коммуникативный и моральный эгоцентризм, эмоциональный отклик не всегда соответствует социальному контексту;
3. низкий уровень - имеет общее представление о правилах поведения, но не проецирует эти правила на себя, уклоняется от оценки поведения своего и окружающих, задумывается о возможных последствиях только по предложению взрослого; приписывает себе несуществующие недостатки/достоинства и переоценивает их в сторону занижения или завышения соответственно; прислушивается преимущественно к взрослому: пассивно принимает и исполняет роли в ситуации коллективного взаимодействия, в итоге затрудняется в выстраивании взаимоотношений с окружающими; не стремится проявлять эмоциональный контроль, в большинстве случаев превалирует коммуникативный и моральный эгоцентризм, эмоциональный отклик не всегда соответствует социальному контексту [2].

Эмпирическая часть исследования была проведена на базе ГОУ ТО «Барсуковская школа им. А.М. Гаранина» (г. Тула). В нем приняли участие подростки с диагнозом «умственная отсталость». Его результаты показали низкую сформированность социального интеллекта по всем трем компонентам. В ходе изучения особенностей когнитивного компонента мы основывались на двух его аспектах: адаптивности в общении и самооценке. Выявлено, что для каждого испытуемого характерна потребность проявлять в зависимости от ситуации направленность на партнера, недостаточная готовность к диалогу, неумение изменять стиль общения в зависимости от ситуации, отсутствие мобильности в общении. Также, среди данного контингента испытуемых распространен неадекватно завышенный уровень притязаний, не являющийся стимулом для дальнейшего развития. Из этого

следует вывод: когнитивный компонент социального интеллекта развит у подростков с умственной отсталостью недостаточно.

В результате исследования эмоционального компонента выявлено, что у данной категории детей преобладает высокий уровень общительности, характерна чрезмерная открытость. У них наблюдается невосприимчивость к переживаниям окружающих. Не характерны яркие проявления рассудительности или импульсивности. Подростки с умственной отсталостью зачастую излишне доверчивы в ситуациях общения. Кроме того, этим детям свойственен низкий уровень тревожности, в ситуациях общения безразличие носит выраженный характер. Данный компонент социального интеллекта у данной категории детей так же, как и предыдущий, развит слабо.

В ходе изучения поведенческого компонента мы выявили, что в конфликтах обследуемые зачастую приносят в жертву собственные интересы ради другого или вовсе не стремятся ни к кооперации, ни к достижению собственных целей. Это свидетельствует о слабом развитии поведенческого компонента социального интеллекта у подростков с умственной отсталостью.

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что для подростков с умственной отсталостью характерно отсутствие адаптивности в ситуации общения, некритически завышенная самооценка, недостаточная сформированность социальных качеств и в большинстве случаев неумение применять продуктивные типы поведения в конфликтных ситуациях. Соответственно, для данной категории детей необходимо организовать коррекционно-развивающую работу по развитию когнитивного, поведенческого и эмоционального компонентов.

Опыт психолого-педагогического изучения детей с умственной отсталостью в качестве субъекта социального познания имеет относительно короткую историю. Стоит также отметить слабую степень разработанности проблемы взаимосвязи социального интеллекта и личностной безопасности.

Однако, многие аспекты проблемы успешности межличностного познания детей с нарушениями интеллекта в ряде исследований были затронуты. Причем в основном все они свидетельствуют об общей недостаточности данного явления.

Так, Егорова О.Н. выявила, что умственно отсталым подросткам затруднительно понимать язык телодвижений, взглядов и жестов. Они не могут участвовать в отборе значимой информации о людях, формировать оценочные суждения о происходящих событиях, пред-

видеть последствия действий и поступков. Кроме того, они не способны выражать свои мысли и чувства адекватно ситуации. Эти особенности заметно усложняют взаимоотношения с окружающими и снижают возможности социальной адаптации [4]. Можно предположить, что это негативно сказывается и на их личностной безопасности.

Неумение умственно отсталыми детьми передавать характер взаимоотношений между персонажами, их чувства, переживания при достаточно адекватном понимании своей роли были выявлены благодаря исследованиям Маховой В.М. В случае, если в стимульной ситуации отсутствует прямое указание на причину определяемого эмоционального состояния, умственно отсталые школьники либо опираются на несуществующие детали картины, либо выделяют причину, знакомую им из жизненного опыта, но не адекватную изображенной ситуации [9]. Это в большей степени отрицательно влияет на защищенность личности.

В рамках изучения проблемы развития социального интеллекта у детей с умственной отсталостью также необходимо упомянуть данные исследования Тимофеевой Ж.А., которой установлено, что наличие мотивации к общению, знание ребенком лексики и грамматических конструкций, используемых в диалоге, не обеспечивают ребенку с нарушениями интеллектуального развития полной результативности общения, то есть извлечения всей информации, предоставленной собеседником. Стоит сделать акцент на том, что при этом нарушается и целостность личности ребенка. Причина, по мнению автора, состоит в том, что у детей с нарушениями интеллекта несформированными являются собственно коммуникативная деятельность, умение ребенка выставлять себе задачу на получение информации, находить самостоятельно средства достижения цели и рефлексировать на результат общения [4].

Таким образом, анализ эмпирических исследований свидетельствует о том, что социальный интеллект, обеспечивающий подросткам переработку информации, необходимую для прогнозирования результатов их деятельности, находится на низком уровне. Недостаточно сформированной является и личностная безопасность ребенка.

Идея о необходимости коррекции социального интеллекта детей с нарушениями интеллектуального развития содержится в работе Дж. Лауве [8]. Для развития социальных навыков данной категории детей, по мнению исследователя, следует использовать структурированный и детально разработанный подход. Основу его составляет формирование умения самостоятельно мыслить, а также решать свои проблемы по следующему алгоритму: анализирование проблемы, поиск возмож-

ных вариантов выхода, определение подходящего типа поведения, возможных последствия своего решения.

Иной подход к коррекции социального интеллекта у подростков с интеллектуальной недостаточностью предлагает Фатихова Л.Ф. Автор считает, что наиболее эффективным и приемлемым подходом является активное использование компьютерных технологий в психокоррекционном процессе, а именно: компьютерных игр, направленных на развитие таких компонентов социального познания, как внутрилличностный и межличностный эмоциональный интеллект, способность понимать поступки других людей, прогнозировать их последствия и др. [11].

Многие другие специалисты также опираются на принцип наглядности, используя мультимедийные технологии в своей работе. Зачастую в коррекционно-развивающих программах встречается добавление элементов фильмотерапии, включение упражнений в виде анализа видеосюжетов. Такой способ реализации коррекционного процесса позволяет достичь более высоких результатов.

Результатом проведения нами обследования с помощью диагностической программы и теоретического анализа эмпирических исследований является обоснование и составление коррекционно-развивающей программы с учетом приемлемых на практике подходов.

Так, целью разработанной нами коррекционно-развивающей программы явилось развитие социального интеллекта в соответствии с тремя его компонентами (эмоциональный, когнитивный, поведенческий) у подростков с умственной отсталостью для обеспечения их личностной безопасности.

Коррекционно-развивающая программа составлена в соответствии с требованиями АООП для обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями).

Она включает в себя три блока, направленных на развитие когнитивного, поведенческого и эмоционального компонентов, что предположительно обеспечит формирование целостности и защищенности личности.

В каждом занятии мы выделяли следующие смысловые блоки:

1. вводная часть включала в себя организационный момент, приветствие; в некоторых занятиях проводилась рефлексия прошлого занятия с целью закрепления полученного опыта;
2. основная часть состояла из совокупности психологических упражнений и теоретического материала, подобранных в соответствии с задачами

занятия, в каждом занятии просматривался видеотрейлер для наглядного представления;

3. заключительная часть занятия завершалась обсуждением в группе итогов занятия (рефлексивный анализ в форме беседы), релаксацией и прощанием.

В коррекционную программу вошли игры и упражнения, разработанные Р.Р. Калининой [7], А.А. Хлебтуновой [12] и Э. Эмир-Аметовой [13], которые были нами адаптированы с учетом личностных, интеллектуальных и возрастных особенностей подростков с умственной отсталостью. Актуальность составления данной коррекционно-развивающей программы обусловлена отсутствием таковой с учетом этого возраста и нарушения.

В занятиях поэтапно задействованы упражнения на развитие компонентов социального интеллекта. Также, использованы видеотрейлеры, демонстрирующие ситуации общения и закрепляющие эффективные способы поведения в них. Полученные на занятиях знания обсуждались в ходе рефлексивной беседы на доступном для подростков уровне.

Таким образом, предложенная коррекционно-развивающая программа предусмотрена для работы с подростками с легкой и умеренной степенью умственной отсталости. Опираясь на общие принципы психокоррекции и индивидуальные особенности данной группы детей, мы составили доступную, но в то же время эффективно влияющую на все компоненты социального интеллекта программу.

Программа содержит многофункциональные упражнения, оказывающие различное воздействие на социальный интеллект подростка: анализ видеотрейлеров, проигрывание проблемных ситуаций, упражнения на развития невербальных средств общения, сюжетно-ролевые игры. На протяжении всех занятий активно используются такие методы, как беседа и наблюдение.

Важно отметить, что психолого-педагогическая деятельность, направленная на повышение социального интеллекта дополнительно может осуществляться в следующих направлениях:

1. Просветительская деятельность в виде организации лекций, создание информационных стендов, разработка буклетов и памяток, направленная на повышение психологической грамотности, формирование основ безопасного поведения в коммуникативных ситуациях.
2. Профилактическая деятельность, направленная на предупреждение возможных рисков, связанных с ситуациями межличностного общения подростков с умственной отсталостью; может осуществляться в рамках семинаров, решения

кейсов, дискуссий и круглых столов.

3. Выполнение заданий, упражнений, направленных на осознанное и произвольное использование вербальных и невербальных средств коммуникации.
4. Рассмотрение в процессе работы проблемных ситуаций, актуальных для подростков, которые могут способствовать развитию способности к пониманию мотивов другого человека и способности прогнозировать поведение другого человека.

Развитие способности понимать невербальные сигналы целесообразно организовывать в виде занятий с элементами тренинга, в которые будут входить упражнения, направленные на распознавание эмоционального состояния другого человека через невербальные сигналы, и корректная передача собственного состояния. Кроме того, будут уместны формы работы, предусматривающие активное взаимодействие участников между собой. Развитие способности прогнозировать поведение другого человека можно производить через методы ролевой и деловой игр, что поможет расширить жизненный опыт участников через моделирование ситуаций.

Также, будет полезно групповое обсуждение актуальных затруднительных случаев из жизни участников. Развитие способности понимать мотивы поведения другого человека возможно посредством беседы, анализа ситуаций, обсуждения случаев из жизни, книг, видеосюжетов. Кроме того, при развитии социального осознания большое значение имеет рефлексивность. Данные приемы включены в составленную нами коррекционно-развивающую программу.

Таким образом, предполагаемый результат включает со стороны подростков с интеллектуальной недостаточностью развитие способности к общению на основе взаимного уважения, способности дифференцировать свои эмоциональные состояния и распознавать эмоциональные состояния окружающих, умения регулировать эмоциональное состояние и контролировать свое поведение, а также повышение коммуникативной активности и сформированность основ общекультурных навыков поведения. По нашему мнению, совокупность перечисленных способностей в дальнейшем обеспечит повышение уровня личностной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баширов И.Ф. Социальный интеллект как фактор успешности профессиональной деятельности военного психолога. - Москва, 2006. - 210 с.
2. Волкова Т. Виктимологическая профилактика: Требуется обучение населения правилам безопасного поведения // Российская юстиция. – 2009. – 178 с.
3. Демьяненко Т.В. Психолого-педагогическое сопровождение детей с тяжелым нарушением интеллекта в процессе их социально-бытовой адаптации // Интегративные тенденции современного специального образования. Сб. тез. Межд. науч-прак. Конф. Минск, 2003. С. 197-201.
4. Егорова О.Н. Особенности социального интеллекта подростков с легкой степенью умственной отсталости с девиантным поведением // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=12209> (дата обращения: 03.11.2021)
5. Зайцева Е.А. К вопросу о развитии социального интеллекта в учебной деятельности младших школьников // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1.
6. Исаев Д.Н. Наиболее важные направления в изучении проблемы умственной отсталости // Вестник Санкт-Петербургского Университета / Ред. Н.М. Кропачев, И.А. Горлинский, Н.Г. Скворцов. – 2009. – № 4– с.236-240.
7. Калинина Р.Р. Тренинг развития личности дошкольника: занятия, игры, упражнения. - СПб.; «РЕЧЬ», 2002. – 74 с.
8. Лауве Дж. Пути интеграции. Учебный план в помощь социально-эмоциональному развитию детей с особыми нуждами // Дефектология, 1994, № 6.- С. 76-81.
9. Махова В.М. Изучение личностных свойств и особенностей эмоционального реагирования детей с интеллектуальной недостаточностью в период их адаптации к школе // Дефектология, 2000, №6 .- С. 24-35.
10. Приходько О.Г., Кондрашова А.А. Социальное развитие детей с ограниченными возможностями здоровья // Специальное образование. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-razvitie-detey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya> (дата обращения: 01.11.2021)
11. Фатихова Л.Ф. Социальный и эмоциональный интеллект детей с интеллектуальными нарушениями: подходы к изучению и коррекции. – Уфа: РИЦ. БашГУ, 2017. – 140 с.
12. Хлебтунова А.А. Психологическая коррекция эмоциональной сферы подростков с интеллектуальными нарушениями. СПб.: Речь, 2010. – 65 с.
13. Эмир-Аметова Э. Развитие социального интеллекта у воспитанников детских домов. Балашов: Изд-во «Николаев», 2007. – 76 с.

© Степанова Наталия Анатольевна (stepanova_na@inbox.ru), Максимова Дарья Алексеевна (darmaximova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНАЯ ФРУСТРИРОВАННОСТЬ И ВЫРАЖЕННОСТЬ НЕВРОТИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ - АКТИВНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИГРОВЫМИ ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛАМИ

Шевеленкова Татьяна Дмитриевна

*К.псих.н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва; Институт психологии им. Л.С. Выготского
shevelenkova@gmail.com*

SOCIAL FRUSTRATION AND EXPRESSION OF NEUROTIC STATES IN YOUNG PEOPLE – ACTIVE USERS OF GAME INTERNET PORTALS

T. Shevelenkova

Summary: The prevalence and severity of neurotic states in young people 18-27 years old - active users of Internet gaming portals - were studied: 79.9% found various neurotic states, and 61% revealed their painful nature. The most common are neurotic depression and obsessive-phobic disorders, least often asthenia. It is shown that the respondents who are most involved in computer games reveal more pronounced neurotic states. Strong enthusiasm for the Internet (1.5%) is typical only for users with a high degree of severity of neurotic states. The question is being discussed whether we are dealing with a new type of pathology - Internet addiction, or whether we are faced with a pathomorphosis of gambling addiction associated with impairment of drives and known from ancient times. It is suggested that the pathomorphosis of neurotic states under the influence of digital technologies can be considered as manifested, in particular, in the intensification of the severity of neurotic states in young people with a sufficiently high degree of involvement in computer games. It is shown that social frustration is characteristic of all respondents, regardless of whether they have neurotic states. The structure of the value orientations of this group of respondents has been determined: the importance of their own health and work capacity comes first, the second - the relationship with the social environment, the third and fourth divide the social status and their own economic position, and the last - the relationship with loved ones.

Keywords: neurotic states, social frustration, passion for the internet.

Аннотация: В статье была исследована распространенность и выраженность невротических состояний у молодых людей 18-27 лет - активных пользователей игровыми интернет-порталами: 79,9% обнаружили различные невротические состояния, а 61% выявили их болезненный характер. Наиболее распространены невротическая депрессия и обсессивно-фобические нарушения, реже всего - астения. Показано, что респонденты, наиболее вовлеченные в компьютерные игры, выявляют более выраженные невротические состояния. Сильная увлеченность Интернет (1,5%) характерна лишь для пользователей с высокой степенью выраженности невротических состояний. Обсуждается вопрос о том, имеем ли мы дело именно с новым видом патологии - интернет-зависимостью, либо сталкиваемся с патоморфозом игровой зависимости, связанной с нарушением влечений, и известной с древнейших времен. Выдвигается предположение о том, что патоморфоз невротических состояний под влиянием цифровых технологий можно рассматривать как проявляющийся, в частности, в усилении выраженности невротических состояний у молодых людей с достаточно высокой степенью вовлеченности в компьютерные игры. Показано, что социальная фрустрированность характерна для всех респондентов независимо от наличия у них невротических состояний. Определена структура ценностных ориентаций данной группы респондентов: на первое место выходит значимость собственного здоровья и работоспособности, на второе - отношения с социальным окружением, третье и четвертое делят социальный статус и собственное экономическое положение, а последнее - отношения с близкими.

Ключевые слова: невротические состояния, социальная фрустрированность, увлеченность Интернет.

В конце XX - начале XXI веков значительно изменился социальный и культурный ландшафт нашей эпохи: возникает множество социальных, политических, экономических и других изменений, оказывающих существенное влияние на психическое здоровье человека [8; 9; 11; 12; 15].

Последствием глобальных экономических и политических сдвигов в российском обществе стало резкий рост числа так называемых социально-стрессовых расстройств, составляющих группу нарушений психической адаптации, к которым были отнесены и неврозы [3; 5; 10]. Социально-стрессовые расстройства возникают вследствие общей идеолого-ценностной дезориентации

и актуализации макросоциальных проблем, дезорганизующих и дестабилизирующих психическое состояние человека за счет «таких факторов, как непрогнозируемость и неподконтрольность событий, неопределенность жизненного положения, незащищенность перед угрозой, необратимость изменений и т. п.» [5, с. 367].

Макросоциальные и микросоциальные факторы оказывают влияние на процесс формирования системы отношений человека с миром на протяжении всей его жизни. Однако именно для молодых людей в период с 18 до 26-27 лет утрата стабильности, устойчивых моделей идентификации, усиливающаяся неопределенность становятся серьезной проблемой для их психического здо-

ровья, поскольку в этом возрасте они пытаются установить свои собственные уникальные отношения с миром, обретают социальную идентичность, ищут и апробируют модели личностно-средового взаимодействия.

Появление проблем в сфере межличностного функционирования, нарушения системы отношений и невротизация личности в молодом возрасте может рассматриваться, с одной стороны, как следствие воздействия негативных социально-психологических факторов, препятствующих удовлетворению актуальных потребностей личности, а с другой, - как один из источников социальной фрустрированности.

Необходимыми признаками фрустрационных ситуаций являются: наличие сильной мотивации удовлетворить потребность (достичь цели) и преграды, препятствующей этому стремлению. Образно говоря, фрустрация — это стресс «рухнувшей надежды» [5]. Упомянув о нарушениях личностно-средового взаимодействия, мы имеем ввиду особый вид фрустрации – социальную фрустрированность как форму психического напряжения, наступающего вследствие неудовлетворенности достижениями и положением личности в социальной иерархии [5]. Социальная фрустрированность обуславливает эмоциональное отношение личности к позициям, которые были ею заняты в обществе на текущий момент жизни [13], она связана с тем, как складывается реальная социальная ситуация, в которой живет и функционирует молодой человек. В качестве социальных фрустраторов (фрустрирующих факторов) часто выступают неудовлетворенность семейными и рабочими отношениями, уровнем образования, социально-экономическим статусом, местом, занимаемым в обществе, физическим и психическим здоровьем и др. Социальную фрустрированность можно рассматривать как специфический комплекс переживаний и отношений личности, возникающий в ответ на действие фрустрирующих факторов [7]. Она сопровождается негативными эмоциями и состояниями, которые могут быть следствием невозможности реализации личностью своих собственных социальных потребностей.

Социальная фрустрированность может приводить к развитию различной психической патологии, в том числе, невротических расстройств: «длительное дестабилизирующее действие социально фрустрирующих факторов формирует напряженность адаптивных механизмов и парциальную дезадаптацию (предболезнь), а при малоэффективной психологической защите и отсутствии социальной поддержки - тотальную психическую дезадаптацию (болезнь), и как следствие, снижение качества жизни» [14, с.4].

Изучение взаимосвязей невротических черт личности и уровня социальной фрустрированности было

предпринято в последние годы в целом ряде работ [1; 2; 5; 10; 13; 17]. В частности, П.К. Тромбчиньски [17], выявил, что люди с невротическими расстройствами в большей степени, чем здоровые, испытывают социальную фрустрированность, а также, чем больше выраженность невротических черт личности, тем выше уровень фрустрированности. Согласно П.К. Тромбчиньски невротические расстройства связаны с нарушениями в межличностном функционировании, обусловлены неудовлетворенностью жизнью, социальной активностью, переживанием чувства вины, беспомощности и одиночества, повышенным чувством опасности, низкой мотивированностью, наличием проблем в межличностных отношениях, зависимостью от окружения, опасениями, связанными с вхождением в новые социальные ситуации.

Связь выраженности невротических состояний у молодых людей и уровня и особенностей их социальной фрустрированности освещена в научной литературе последних лет недостаточно. Поэтому одна из целей данной работы – показать существование связи между выраженностью различных невротических состояний у молодых людей и уровнем и особенностями их социальной фрустрированности.

Исследование взаимосвязи социальной фрустрированности и невротизации тем более интересно применительно к так называемому «цифровому поколению», к которому можно отнести молодых людей 18-27 лет. Компьютер, мобильный телефон, различные цифровые устройства, интернет, социальные сети, IT-средства за последние десятилетия прочно вошли в жизнь респондентов данной возрастной группы, радикально изменив окружающий их мир. Наряду с привычной предметной средой и традиционной средой реальных социальных отношений, формируется параллельная «цифровая реальность», вне которой сегодня невозможно представить функционирование ни одной сферы жизни человека.

Одной из форм пребывания в цифровой реальности является пребывание в пространстве компьютерных игр. Компьютерные игры являются одной из самых противоречивых тем в современной психологии и вызывают дискуссии и споры среди ученых. С ними связывают множество возможных негативных эффектов, в том числе зависимость от компьютерных игр [16]. Компьютерные игры вошли в Международную классификацию болезней ВОЗ; в пятой редакции DSM зависимость от онлайн-видеоигр значится в разделе явлений, нуждающихся в дополнительном изучении. Признание существования таких видов патологии как зависимость от компьютерных игр или же интернет-зависимости постулирует возможность возникновения принципиально новых форм психической патологии под влиянием цифровых технологий [4; 14; 16]. Однако имеет право

на существование и противоположная точка зрения, согласно которой, цифровые технологии ведут лишь к патоморфозу хорошо известных психических расстройств, оказывая заметное влияние на их феноменологию, течение и поведенческие нарушения и, возможно, облегчая их возникновение.

В данном исследовании мы пытались выявить не только распространенность невротических состояний (неклинических, а также выраженных форм) у молодых людей, играющих в компьютерные игры и являющихся активными пользователями игровыми платформами (что явилось важным аспектом данной работы, поскольку официальная статистика, отражающая рост невротических расстройств в данной группе, практически отсутствует), но и проверить предположение о том, что респонденты, наиболее вовлеченные в компьютерные игры, выявляют более выраженные невротические состояния. Патоморфоз невротических состояний под влиянием цифровых технологий можно таким образом рассматривать как проявляющийся, в частности, в усилении выраженности невротических состояний у молодых людей с достаточно высокой степенью вовлеченности в компьютерные игры.

Увлеченность компьютерными играми имеет как ряд позитивных, так и негативных эффектов, при этом о негативном эффекте игр можно говорить только в случае чрезмерного злоупотребления ими при угрозе формирования интернет-зависимости как многомерного явления, включающего по мнению К. Янга [18, с. 26] проявления эскапизма – бегства в виртуальную реальность людей с низкой самооценкой, тревожных, склонных к депрессии, ощущающих свою незащищенность, одиноких или не понятых близкими, тяготящихся своей работой, учебой или социальным окружением; поиск новизны; стремление к постоянной стимуляции чувств; эмоциональную привязанность – возможность выговориться, быть эмпативно понятым и принятым, освободиться от острого переживания неприятностей в реальной жизни, получить поддержку и одобрение; удовольствие ощутить себя «виртуозом» в применении компьютера и специальных поисковых либо коммуникативных программ.

Если же игры присутствуют в жизни человека как сопутствующий фактор, то, наоборот, их можно рассматривать как возможность развлекаться, развивать интеллект, навыки общения, компьютерную грамотность, а также они могут быть конкретным проявлением субъектного, здорового способа бытия, реализуя «игровое переживание», сущностными характеристиками которого является активное, спонтанное опробование себя и предмета игры; преобладание внутренней мотивации; удовольствие от процесса игры [15, с. 10]. Доказательством этого утверждения будет наличие среди активных пользователей игровыми платформами молодых людей,

не выявляющих никаких невротических состояний, а также демонстрирующих относительно низкий уровень социальной фрустрированности.

Методики исследования

Определение распространенности различных невротических состояний у молодых людей осуществлялось с помощью «Клинического опросника для выявления и оценки невротических состояний» (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич, [19]. Степень (уровень) и особенности социальной фрустрированности изучались с помощью «Методики диагностики уровня социальной фрустрированности Л.И. Вассермана (в модификация В.В. Бойко)» [6]. Для оценки увлеченности Интернет использовался тест К. Янг (разработанный в 1996 году для оценки интернет-зависимости, но потерявший свою актуальность), адаптированный В.А. Буровой [4].

Описание выборки

Определение распространенности различных невротических состояний у молодых людей, играющих в компьютерные игры, а также изучение связи степени выраженности данных состояний с характером и особенностями социальной фрустрированности, проводилось нами совместно с А.В. Козловым (студентом 6 курса факультета психологии РГГУ) на базе активных пользователей одного из игровых интернет-порталов. В исследовании приняли участие молодые люди в возрасте от 18 до 27 лет (средний возраст – 21 год). Всего 644 человека. Из них 358 (55,6% выборки) респондентов женского и 286 (44,4% выборки) мужского пола. На рисунке 1 показано процентное распределение испытуемых по возрасту.

Результаты исследования.

1. Распространенность невротических состояний у активных пользователей игровыми интернет- порталами

С помощью «Клинического опросника для выявления и оценки невротических состояний» (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич) исследована распространенность и выраженность невротических состояний у молодых людей, активных пользователей игровых платформ: у 20,1% респондентов не обнаружено признаков невротических состояний; у 79,9% наблюдаются различные невротические состояния. У большинства молодых людей (61%) невротические состояния носят ярко выраженный характер.

В большинстве случаев невротические состояния носят смешанный характер и сочетаются у одного и того же человека. В структуре невротических состояний наиболее часто доминируют (встречаются) невротическая

депрессия (47,6%) и обсессивно-фобические нарушения (33,2%). Тревога как невротическое состояние, доминирует у 27,3% молодых людей, истерический тип реагирования – у 23,6%, вегетативные нарушения – у 20,9%, астения – у 18,6%. «Чистые», не сочетанные невротические состояния встречаются редко: только тревога характерна для 7 респондентов, что составило 1,1% выборки; только невротическая депрессия характерна для 84 респондентов, что составило 13% всех опрошенных; только астения наблюдается у 5 респондентов, то есть 0,8% от общего их числа; только истерический тип реагирования характерен для 7 респондентов, что составляет 1,1% выборки; только обсессивно-фобические нарушения проявляются у 22 респондентов, что составляет 3,4% выборки; только вегетативные нарушения проявляются у 8 респондентов, что составило 1,2% всей выборки.

По результатам оценки степени выраженности невротических состояний у молодых людей, активных пользователей игровыми интернет-платформами, согласившихся принять участие в исследовании, все респонденты были разделены на три группы: 1 группа – молодые люди без признаков невротических состояний («условно здоровые») – 133 человека; 2 группа – молодые люди, со средней степенью выраженности невротических состояний – 118 человек; 3 группа – молодые люди с яркими проявлениями (высокой степенью выраженности) невротических состояний – 393 человека.

2. Результаты исследования увлеченности Интернет в группах молодых людей (активных пользователей игровыми интернет-порталами) с различными невротическими состояниями

Согласно полученным данным, во всех группах наблюдается тенденция к обычному использованию Интернет. Ни у кого из «условно здоровых» молодых людей и молодых людей со средне выраженными невротическими состояниями не выявлена сильная увлеченность Интернет, а в группе с наличием невротических состояний доля сильной увлеченности Интернет составила только 1,5%. При этом показатели увлеченности Интернет у «условно здоровых» молодых людей значительно ниже, чем в двух других сравниваемых группах ($p < 0,01$).

Результаты исследования связи выраженности невротических состояний со степенью увлеченности Интернет представленным в Таблице 1.

Получена значимая положительная связь выраженности всех невротических состояний со степенью увлеченности Интернет: чем выше степень увлеченности Интернет, тем более выражены невротические состояния, и чем более выражены невротические состояния, тем более выражена увлеченность Интернет.

Таблица 1.

Взаимосвязь выраженности невротических состояний со степенью увлеченности Интернет (коэффициент корреляции Пирсона, $n=644$)

Невротические состояния	Увлеченность Интернет
Тревога	0,362**
Невротическая депрессия	0,459**
Астения	0,443**
Истерический тип реагирования	0,345**
Обсессивно-фобические нарушения	0,437**
Вегетативные нарушения	0,286**

** - $p \leq 0,01$, * - $p \leq 0,05$

Наиболее тесная связь обнаружена между увлеченностью Интернет и выраженностью невротической депрессии, астении и обсессивно-фобических расстройств. Наименее связана с увлеченностью Интернет выраженность вегетативных состояний.

3. Уровень и особенности социальной фрустрированности молодых людей (активных пользователей игровыми интернет-порталами) с различными невротическими состояниями

Сравнительный анализ степени социальной фрустрированности молодых людей, вошедших в группы с различной выраженностью невротических состояний выявил, что средний показатель общей социальной фрустрированности в группе молодых людей без проявлений невротических состояний, а также со средней выраженностью невротических состояний, достиг всего лишь уровня неопределенности; в группе респондентов с высокой выраженностью невротических состояний среднее значение общей социальной фрустрированности достигает повышенного уровня. Относительно низкий уровень социальной фрустрированности характерен только для условно здоровых молодых людей (без невротических состояний). Высокий и повышенный уровень социальной фрустрированности обнаруживают прежде всего респонденты с высокой выраженностью невротических состояний. Повышенный уровень социальной фрустрированности в группе респондентов с явно выраженными невротическими состояниями был выявлен по следующим шкалам опросника: в сфере отношений с близкими, в оценке своего экономического положения, в сфере оценки собственного здоровья, причем данных респондентов в наибольшей степени волнует (фрустрирует) состояние их собственного здоровья и работоспособность. Неудовлетворенность своими отношениями с социумом и своим социальным статусом оказалась не столь высока: ее оценка респондентами всех трех групп входит в группу неопределенности.

Результаты сравнительного анализа степени социальной фрустрированности молодых людей, вошедших в группы с различной выраженностью невротических состояний, представлены на Рисунке 2.

Респонденты с разной степенью выраженности невротических состояний были распределены по степеням (уровням) социальной фрустрированности. Результаты (смотри Рисунок 3) свидетельствуют, что все молодые люди, независимо от наличия и выраженности невротических состояний, в той или иной степени все же переживают социальную фрустрированность, поскольку ни у одного из участников исследования не выявлено ее полное отсутствие (нулевой уровень).

Для условно здоровых молодых людей характерен средний (неопределенный), умеренный и пониженный уровни социальной фрустрированности. Для респондентов с высокой степенью выраженности невротических состояний значения социальной фрустрированности смещаются в сторону умеренных, повышенных и высоких ее значений. Распределение респондентов со средней выраженностью невротических состояний повторяет распределение условно здоровых молодых людей.

Результаты оценки статистической значимости различий в степени социальной фрустрированности в группах молодых людей с различной выраженностью

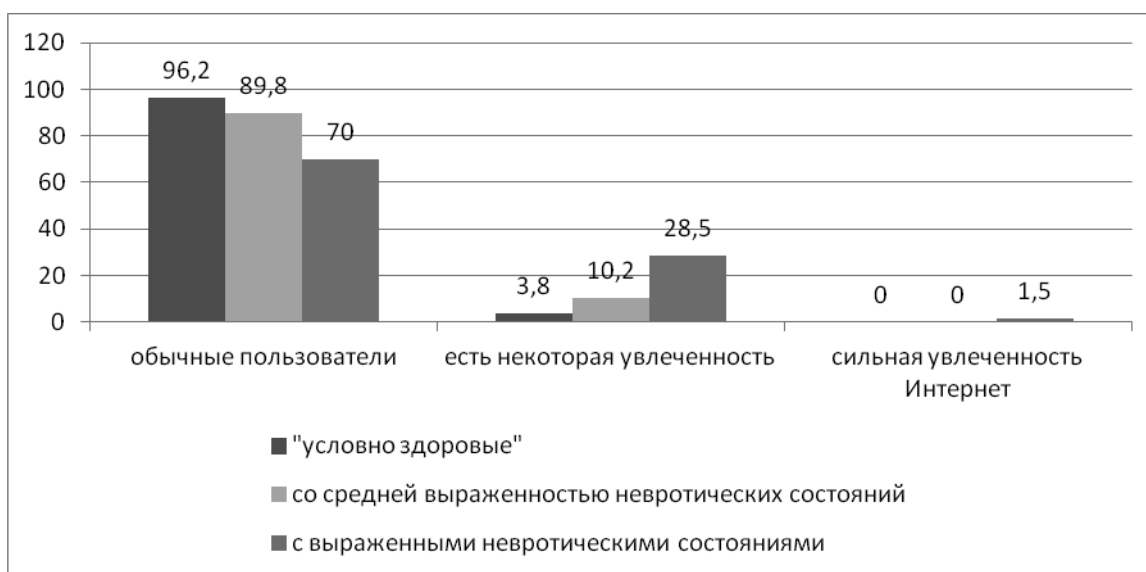

Рис. 1. Процентное соотношение молодых людей с разной степенью увлеченности Интернет в группах с различной выраженностью невротических состояний (%)

Рис. 2. Показатели социальной фрустрированности (средний балл) в группах молодых людей с различной выраженностью невротических состояний

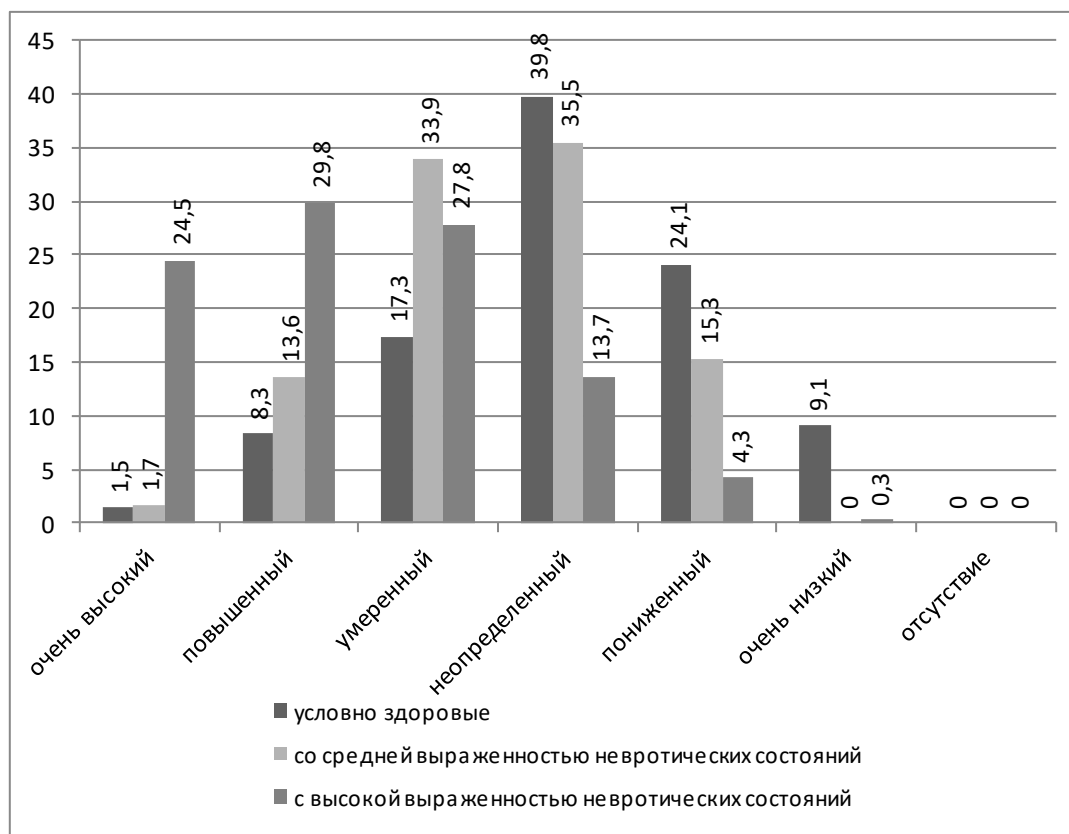

Рис. 3. Распределение респондентов с разной степенью выраженности невротических состояний по группам с разным уровнем социальной фрустрированности (%)

невротических состояний (независимо от их характера), свидетельствуют о том, что наиболее значимые различия между группами условно здоровых респондентов и респондентов со средней выраженностью обнаружены по шкалам «здоровье и работоспособность», а также по общему индексу социальной фрустрированности. Та же тенденция выявляется и при сравнении групп молодых людей с высокой выраженностью невротических состояний и условно здоровых. Молодые люди с явно выраженными невротическими состояниями по сравнению со здоровыми выявляют статистически значимо большую неудовлетворенность всеми сферами своих отношений с миром – взаимоотношениями с близкими, отношениями с социальным окружением, своим социальным статусом, экономическим положением, здоровьем и работоспособностью. При этом неудовлетворенность собственным здоровьем и работоспособностью, как уже отмечалось выше, выходит на первый план. Они обнаруживают также статистически значимые различия в уровне социальной фрустрированности по сравнению с респондентами с невыраженными невротическими состояниями («условно здоровыми»): уровень их социальной фрустрированности значимо выше. Была также определена статистическая значимость различий в частоте встречаемости разных уровней социальной фрустрированности в группах с разными невротическими

состояниями. Результаты отражены в Таблице 2. Согласно полученным в исследовании данным, респонденты со средней выраженностью невротических состояний все же отличаются по частоте встречаемости различных уровней социальной фрустрированности от условно здоровых респондентов, причем различия имеют характер тенденции ($p \leq 0,05$). Последние чаще имеют очень низкий и умеренный уровни социальной фрустрированности. Наиболее статистически значимо различаются группы условно здоровых респондентов и респондентов с высокой степенью выраженности невротических состояний. У последней группы респондентов значимо чаще встречается очень высокий и повышенный уровни социальной фрустрированности и реже встречается пониженный и низкий ее уровни.

Результаты анализа взаимосвязи выраженности невротических состояний и уровня социальной фрустрированности представлены в Таблице 3.

Наиболее высок коэффициент корреляции общего показателя социальной фрустрированности с выраженностью невротической депрессии (0,674**), на втором месте – величина коэффициента корреляции данного показателя с астеническими состояниями; на третьем месте – величина коэффициента корреляции уровня

Таблица 2.

Значимость различий в частоте встречаемости различных уровней социальной фрустрированности в группах с разными невротическими состояниями

Уровень социальной фрустрированности	χ ² -критерий Пирсона		
	«Здоровые»/Со средней выраженностью НС (n1=133, n2=118)	«Здоровые»/С высокой выраженностью НС (n1=133, n2=393)	Со средней выраженностью НС / С высокой выраженностью НС (n1=118, n2=393)
очень высокий	-	21,389**	20,872**
повышенный	0,948	13,626**	6,8**
умеренный	6,39*	2,582	0,61
неопределенный	0,232	16,672**	12,036**
пониженный	1,922	14,506**	5,656*
очень низкий	6,364*	4,984*	-
отсутствие	-	-	-

** - $p \leq 0,01$, * - $p \leq 0,05$

Таблица 3.

Взаимосвязь выраженности различных невротических состояний и социальной фрустрированности

Невротические состояния	Показатели социальной фрустрированности					
	Q	Q1	Q2	Q3	Q4	Q5
Тревога	0,440**	0,266**	0,387**	0,302**	0,229**	0,493**
Невротическая депрессия	0,674**	0,456**	0,564**	0,421**	0,456**	0,666**
Астения	0,524**	0,272**	0,444**	0,385**	0,321**	0,559**
Истерический тип реагирования	0,437**	0,266**	0,379**	0,285**	0,287**	0,445**
Обсессивно-фобические нарушения	0,439**	0,245**	0,402**	0,310**	0,263**	0,466**
Вегетативные нарушения	0,377**	0,184**	0,293**	0,219**	0,183**	0,407**

** - $p \leq 0,01$, * - $p \leq 0,05$

Показатели социальной фрустрированности: Q - Социальная фрустрированность (общий индекс); Q1- Взаимоотношения с близкими; Q2 - Отношения с социальным окружением; Q3 - Социальный статус; Q4 - Экономическое положение; Q5 - Здоровье, работоспособность.

социальной фрустрированности с выраженностью тревожных состояний (0,440**), истерического типа реагирования (0,437**), выраженностью обсессивно-компульсивных расстройств (0,439**). Наименее тесно связаны с социальной фрустрированностью вегетативные нарушения (0,377**), хотя и эта связь является высоко значимой ($p \leq 0,01$).

Для того, чтобы определить как связаны социальная фрустрированность (ее общий показатель, а также уровень фрустрированности потребностей в различных сферах жизни) с выраженностью различных невротических состояний (невротической депрессии, невротической тревоги, астенических состояний, истерического типа реагирования, обсессивно-компульсивных расстройств и вегетативные нарушения) было проведено ранжирование величины коэффициентов корреляции, представленных в Таблице 2. Результаты ранжирования отражены в Таблице 4.

Согласно полученным данным наиболее тесная связь обнаруживается между выраженностью всех исследуемых невротических состояний (за исключением невротической депрессии) с неудовлетворенностью своим здоровьем и работоспособностью. Эта связь даже более тесная нежели связь выраженности различных невротических состояний с общим показателем социальной фрустрированности (2-ой ранг). На третьем месте (3-ий ранг) - взаимосвязь выраженности всех исследуемых невротических состояний с неудовлетворённостью молодых людей своими отношениями с социальным окружением. На последнем месте (6-ой ранг) – степень связи выраженности большинства исследуемых невротических состояний (кроме невротической депрессии и тревоги) со степенью неудовлетворённости молодых людей своими отношениями с близкими. Тревожные респонденты наименее фрустрированы своим экономическим положением, а на предпоследнем 5-ом месте для этого типа расстройств находится озабоченность своими от-

Таблица 4.

Результаты ранжирования коэффициентов корреляций выраженности невротических состояний со степенью выраженности показателей социальной фрустрированности.

Невротические состояния	Ранги величины коэффициентов корреляций					
	1	2	3	4	5	6
Тревога	Q5	Q	Q2	Q3	Q1	Q4
Невротическая депрессия	Q	Q5	Q2	Q1=Q4	Q1=Q4	Q3
Астения	Q5	Q	Q2	Q3	Q4	Q1
Истерический тип реагирования	Q5	Q	Q2	Q4	Q3	Q1
Обсессивно-фобические нарушения	Q5	Q	Q2	Q4	Q3	Q1
Вегетативные нарушения	Q5	Q	Q2	Q3	Q1=Q4	Q1=Q4

Показатели социальной фрустрированности: Q - Социальная фрустрированность; Q1 - Взаимоотношения с близкими; Q2 - Отношения с социальным окружением; Q3 - Социальный статус; Q4 - Экономическое положение; Q5 - Здоровье, работоспособность.

ношениями с близкими.

Молодые люди с депрессивными состояниями демонстрируют наиболее высокую степень связи выраженности невротической депрессии с общим показателем социальной фрустрированности. В то же время они наименее фрустрированы неудовлетворенностью своим экономическим положением. Как правило 4-ое и 5-ое место (средняя позиция) занимает теснота связей выраженности всех невротических состояний с неудовлетворенностью своим социальным статусом и экономическим положением.

Обсуждение результатов и выводы

Результаты изучения невротических состояний у молодых людей, активных пользователей игровыми интернет-порталами выявили негативную тенденцию. Только пятая часть молодых людей (20,1%) не имеет признаков невротических состояний, тогда как у остальных 79,9% наблюдаются различные невротические состояния, причем у большинства молодых людей (61%) выявлен болезненный их характер. В структуре невротических состояний у молодых людей наиболее часто встречаются невротическая депрессия и обсессивно-фобические нарушения. Реже всего встречается астения. В большинстве случаев невротические состояния носят смешанный характер и сочетаются у одного и того же человека.

Исследование позволило также проверить предположение о том, что респонденты, наиболее вовлеченные в компьютерные игры, выявляют более выраженные невротические состояния. Данное предположение нашло свое подтверждение. Даже несмотря на то, что 70% молодых людей с высокой выраженностью невротических состояний определили себя как «обычных пользователей интернет», выраженная (28,5%) и сильная увлеченность Интернет (1,5%) характерна лишь для пользовате-

лей с высокой степенью выраженности невротических состояний.

Таким образом, формирование интернет-зависимости, включающее в себя проявления эскапизма – бегства в виртуальную реальность, согласно нашим исследованиям характерна лишь для 1,5% активных пользователей игровыми интернет - платформами. В этом случае, по всей вероятности, можно говорить о том, что либо мы имеем дело именно с новым видом патологии – интернет-зависимостью, либо сталкиваемся с патоморфозом игровой зависимости, связанной с нарушением влечений и известной с древнейших времен.

Полученные в исследовании результаты также свидетельствуют о том, что патоморфоз невротических состояний под влиянием цифровых технологий можно рассматривать, в частности, как проявляющийся в усилении выраженности невротических состояний у молодых людей с достаточно высокой степенью вовлеченности в компьютерные игры. Наиболее тесная связь обнаружена между увлеченностью Интернет и выраженностью невротической депрессии, астении и обсессивно-фобических расстройств. Наименее связана с увлеченностью Интернет выраженность вегетативных состояний.

В то же время «условно здоровые» респонденты вообще не обнаружили сильной увлеченности Интернет (0%), а выраженное увлечение Интернет характерно лишь для 3,8% «условно здоровых». По всей вероятности, в их жизни игры присутствуют как сопутствующий фактор, как возможность развлекаться, развивать интеллект, навыки общения, компьютерную грамотность, а также как здоровый способа бытия, реализующий «игровое переживание».

Полученные результаты не только подтверждают важность изучения проблемы невротических состоя-

ний у молодых людей, активных пользователей игровыми интернет-порталами, но и позволяют соотнести частоту встречаемости невротических состояний с исследованием социальной фрустрированности, что выявляет интересный факт, что невротические депрессивные состояния не только наиболее часто встречаются в структуре невротических расстройств, но их выраженность оказывается наиболее тесно связанной (по сравнению с выраженностью других невротических состояний) с общим индексом социальной фрустрированности (0,674), с неудовлетворенностью своим здоровьем и работоспособностью (0,666), а также отношениями со своим социальным окружением (0,564). Именно респонденты с невротической депрессией демонстрируют наиболее высокий уровень неудовлетворенности взаимоотношениями с близкими, своим социальным статусом и экономическим положением. На втором месте по тесноте связей с уровнем социальной фрустрированности находится выраженность астенических состояний (0,524), которые также в наибольшей степени связаны с неудовлетворенностью своим здоровьем и работоспособностью (0,559), но, в то же время, наименее распространенные (наименее характерны) в выборке молодых людей, активных пользователей игровыми платформами. Данный факт свидетельствует прежде всего о том, что несмотря на невысокую частоту встречаемости, астенические состояния, если они и проявляются, то степень их выраженности (тяжесть состояния) связана с социальной фрустрированностью. Наименее тесно связаны с социальной фрустрированностью вегетативные нарушения (0,377), хотя и эта связь является высоко значимой ($p \leq 0,01$).

Исследование социальной фрустрации также показало, что она в разной степени переживается всеми молодыми людьми – активными пользователями игровыми интернет-платформами независимо от наличия у них невротических состояний. Однако если у большинства «условно здоровых» респондентов и с неявно выраженными невротическими состояниями молодых людей ее уровень не превышает умеренного, то у молодых людей с выраженными невротическими состояниями он чаще очень высокий или повышенный. Молодые люди с невротическими состояниями (активные пользователи игровыми интернет-платформами), независимо от

выраженности последних, отличаются более высоким уровнем социальной фрустрированности, в сравнении с «условно здоровыми» молодыми людьми.

Согласно полученным данным наиболее тесная связь обнаруживается между выраженностью всех исследуемых невротических состояний (за исключением невротической депрессии, выраженность которой наиболее тесно связана, как отмечалось выше, с общим индексом социальной фрустрированности) с неудовлетворенностью своим здоровьем и работоспособностью. Эта связь даже более тесная нежели связь выраженности различных невротических состояний с общим показателем социальной фрустрированности. На последнем месте (согласно величине корреляционной связи) обнаруживается степень связи выраженности большинства исследуемых невротических состояний (кроме невротической депрессии и тревоги) со степенью неудовлетворенности молодых людей своими отношениями с близкими.

Таким образом полученные данные позволили выявить связь конкретных фрустрирующих факторов со степенью выраженности различных невротических состояний, среди которых здоровье и работоспособность выступают на первый план. Отметим, что поскольку исследование проводилось до начала пандемии (конец 2018 - начало 2019 г.г.), мы не можем рассматривать ее как фактор, определяющий неудовлетворенность своим здоровьем и работоспособностью. При этом снижение плотности связи выраженности невротических состояний со степенью неудовлетворенности молодых людей (активных пользователей игровыми интернет-порталами) своими отношениями с близкими, по всей вероятности, отражает снижение ценности этих отношений в общей структуре ценности молодежи. Ранжирование степени тесноты связей выраженности невротических состояний с уровнем социальной фрустрированности позволяет судить о значимости фрустрирующих факторов для молодых людей. Иначе говоря, мы выявляем определенную структуру ценностной ориентаций данной группы респондентов: на первое место выходит значимость собственного здоровья и работоспособности, на второе – отношения с социальным окружением, третье и четвертое делят социальный статус и собственное экономическое положение, а последнее – отношения с близкими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айварова Н.Г., Наумова М.В. Актуальные вопросы психологического здоровья современной студенческой молодежи // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 4(21) С. 266-269.
2. Айварова Н.Г., Шимельфених А.Р. Факторы психологического здоровья молодежи // Вестник югорского государственного университета. 2017 г. Выпуск 1 (44). С. 19–24.
3. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства. М.: Медицина, 2000

4. Бузова В.А. Интернет-зависимость в медицинской парадигме // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / сост. и ред. А.Е. Войскунский. — Москва: Акрополь, 2009. С. 152–164.
5. Вассерман Л.И., Дубинина Е.А. Социальный стресс и здоровье // Руководство по психологии здоровья / Под ред. А.Ш. Тхостова, Е.И. Рассказовой. — Изд-во Московского университета, 2019. С. 363–392.
6. Вассерман Л.И., Щелкова О.Ю. Психологическая диагностика расстройств эмоциональной сферы и личности: Коллект. моногр. СПб.: Скифия-принт, 2014.
7. Демидова Т.Н. Проблемы виртуального общения в современном обществе как индикатор психологического неблагополучия личности // Психологическое здоровье личности: теория и практика: сборник научных трудов по материалам III Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. И. В. Белашева. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. С. 48–49.
8. Дубовская Е.М. Транзитивность общества как фактор социализации личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 6.06.2019).
9. Козлов В.Е., Тимофеев А.А., Садрисламов Г.Ф. Развитие личности в современных условиях: социально-педагогический аспект // «Развитие человека в эпоху цифровизации»: сборник научных трудов; под редакцией д.п.н., профессора Р.Х. Гильмеевой, к.п.н., доцента Л.А. Шибанковой в 2-х томах, том 1. — Казань: Институт педагогики, психологии и социальных проблем, 2020. С. 200–206.
10. Козловская Л.И. Невроз как проявление адаптации в социуме за счет ближайшего окружения // Неврозы в современном мире. Новые концепции и подходы к терапии: сборник тезисов научно-практической конференции с международным участием, 3–4 февраля 2011 г., Санкт-Петербург / Под общей ред. Н.Г. Незнанова и Б.Д. Карвасарского. - СПб.: СПб НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2011. С. 82–83.
11. Марцинковская Т.Д. Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 77—96. doi: 10.17759/срп.2019270306
12. Марцинковская Т.Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015. 247 с
13. Осипова Н.В. Психическое здоровье личности в условиях современного общества // Психологическое здоровье личности: теория и практика: сборник научных трудов по материалам III Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. И.В. Белашева. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. С. 102–103.
14. Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека: учеб.-метод. пособие для студ. психологических специальностей. М.: Акрополь, 2015. 115 с.
15. Сериков А.В. Психологическое благополучие личности в современном мире // Психологическое благополучие современного человека [Электронный ресурс]: материалы Международной заочной научно-практической конференции (20 марта 2019 г.) / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. С.А. Водяха. — Электрон. дан. — Екатеринбург: [б. и.], 2019. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 9–13.
16. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
17. Тромбчиньски П.К. Взаимосвязь невротических черт личности и уровня социальной фрустрированности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика, 2016. Вып. 3. С. 126–139.
18. Янг К.С. Диагноз – интернет-зависимость // Мир Интернет. №2. 2000. С. 24–29.
19. Яхин К.К., Менделевич Д.М. Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний / Клиническая и медицинская психология: Практическое руководство. М., 1998. С.545–552.

© Шевеленкова Татьяна Дмитриевна (shevelenkova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ТРАКТОВКА ЯЗЫКА КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ

Агафонов Евгений Александрович

К.ф.н., доцент, Вологодский институт права
и экономики ФСИН России
evgenagafonov@inbox.ru

POSTMODERN INTERPRETATION OF LANGUAGE AS AN ONTOLOGICAL ESSENCE

E. Agafonov

Summary: Based on the analysis of the ideas of E. Cassirer, M. Heidegger, R. Barth, J. Derrida, the article analyzes the rethinking of the direction of philosophical reflection associated with the establishment of linguistic dominant in the analysis of the problems of being. The author shows that in the philosophy of postmodernity, language is understood as an ontological essence, a true world in which the fullness of human existence reveals itself. The ontological approach to understanding the essence of language is considered as the methodological basis of applied research in modern social and humanitarian knowledge.

Keywords: language, being, cognition, meaning, speech, text, information, linguistic picture of the world, semantic field, postmodernism.

Аннотация: В статье на основе анализа идей Э. Кассира, М. Хайдеггера, Р. Барта, Ж. Деррида проанализировано переосмысление направленности философской рефлексии, связанное с установлением языковой доминанты в анализе проблем бытия. Автором показано, что в философии постмодерна язык понимается как онтологическая сущность, подлинный мир, в котором обнаруживает себя полнота человеческого бытия. Онтологический подход к пониманию сущности языка рассматривается как методологическая основа прикладных исследований в современном социально-гуманитарном знании.

Ключевые слова: язык, бытие, познание, смысл, речь, текст, информация, языковая картина мира, семантическое поле, постмодернизм.

Известно, что и в восточной, и в западной традиции онтологическая проблематика как попытка человека на основе разума постичь сущностные истоки бытия явилась исходным пунктом развития философского знания. Не случайно сама философия вплоть до эпохи Нового времени отождествлялась с метафизикой, желавшей за гранью чувственного мира единичных явлений открыть его предельные основания, подлинную субстанциальную сущность. Так, еще Аристотель определял философию как учение о всеобщем, сущем, о первопричинах [1, с. 412]. Пройдя через тысячелетия, данный подход во многом обусловил специфику классической европейской философии, ориентированной на устойчивость, целостность, универсальность представлений о мире, стремление за множественностью вещей узреть знак единой их порождающей реальности.

Отметим, что, несмотря на сущностные различия в решении проблемы первоначала, базовым принципом классической философской парадигмы стал рационализм или логоцентризм, основанный на абсолютизации роли разума, убежденности в его способностях познать и обустроить бытие. При этом, под разумом понималось не только индивидуальное мышление или общественное сознание, но и имманентная рациональность бытия. Мир как бы пронизан логосом, устроен по законам внутренней логики, гармоничен, а потому понятен. Человеку с помощью вербальной системы строго определенных в семантическом плане понятий и категорий

необходимо лишь расшифровать его, «сконструировав целостное смысловое единство» [2, с. 231], систематическую, завершённую и претендующую на абсолютную истину картину мира.

Можно сказать, что известный гегелевский принцип, провозглашающий тождество бытия и мышления, был распространен и на соотношение мысли и языка, который рассматривался философией сознания как рядовое логическое средство, подвластный человеку инструмент отражения. В философии постмодерна, которая, напротив, отрицала непосредственность связи человека с реальностью «конституирование мира приписывалось уже не трансцендентальной субъективности, а грамматическим структурам языка» [там же, с. 232], который понимается как самоявляющаяся онтологическая сущность.

Еще Э. Кассирер считал язык началом человеческого мышления, через которое бытие обнаруживает, манифестирует себя [3]. По его мнению, семантические значения слов находятся не в предметах, явлениях, а функциональном единстве мышления, связывающем разбросанное во времени и в пространстве содержание. Эта первоначальная функция мышления составляет внутреннюю форму языка, которую невозможно свести только к сознанию, понятию, логике. Она понимается философом как единый принцип систематизации духа, взаимосвязь универсального, общего и конкретно-опытного, частного. Неслучайно, «Философию символических

форм» Кассирер начинает с анализа язык, который является им фокусом духовного бытия, самостоятельной и изначальной энергией духа [4, с. 101].

Подобный подход к пониманию сущности языка развивает М. Хайдеггер, утверждая, что именно язык дает «слово чему-то существенному в самом бытии» [5, с. 219]. Только через язык истина бытия предпосылает себя мысли, «позволяет воспринять являющееся и пропустить через себя (проработать) воспринятое» [6, с. 261]. Как совершающая речь язык есть существующее указание, знак, фиксирующий и направляющий наши представления. Это не просто средство взаимопонимания, но особый способ бытия, подлинный мир, истинное присутствие.

Таким образом, в современной философии функциональный подход к пониманию сущности языка как результата и средства приспособления человека к окружающему миру сменяется онтологическим, с точки зрения которого необходимым компонентом языка становятся творческие порывы, поиски смысла, стремление к истине. Выражение связности, текучести, многозначности, хаотической неустойчивости и отсутствия жесткого детерминизма явлений бытия «присутствует в языке-посреднике – представителе человека в мире» [7, с. 286]. В языке каждый индивид, преодолевая ограниченность своей частной жизни, реализует незримый диалог с современниками, предками и потомками. Этот вербальный «мост», объединяющий поколения и культуры, и создает человеческий «космос» как некое упорядоченное из единого центра целое.

Только в языке возможен образ мира или его отдельных фрагментов. В нем «опрокинута», максимально проявляется сама натура человека. При этом речь здесь идет не только о способности мыслить. Так, на ранних стадиях развития социальное взаимодействие, в том числе и языковое, не имело однозначного рационально-понятийного смысла. Сегодня известно, что попытки преодоления различных патологий органов, связанных с речевой функцией, выявляют такие значимые предпосылки и элементы вербального, как оживление устоявшихся речевых стереотипов, «оречевление» значимых ситуаций. В современной науке широко используются приемы альтернативной дискурсивной практики, «олитературивания», конвенции, допущения, символы и метафоры, которые изначально были присущи лишь гуманитарному познанию.

Вся эта диалогическая глубина жизненных проявлений «дает носителю языка возможность гибко реагировать на изменения в мире... по типу функциональной зависимости далекой от однозначности» [7, с. 289], показывает неполноту, незавершенность мироздания. Если философия рационализма и позитивизма стремилась

к освобождению мысли от обыденных стереотипов и расплывчатых значений, то хайдеггеровская онтологическая традиция «напротив, предполагает... полное погружение в язык и исконную языковую метафоричность как пристанище бытия и всякой правомочной мысли о бытии» [8, с. 175]. Язык как «дом бытия» хранит существование человека в мире, а представляющая присутствующее бытие речь становится информацией о событии.

Так, анализируя творчество Флобера, Р. Барт показывает, что именно разнообразные языки культуры, «социолекты», а порой даже их отсутствие создают полноту дискурса, раскрывают многоголосую реальность. Поэтому справедливым представляется тезис мыслителя о том, что «язык – это область, которой ничто не внеположно» [9, с. 522], за его пределами нет обитаемого человеком бытия. И сам говорящий (автор), и текст являются продуктом языка, который не позволяет, а заставляет сказать. Древние греки прислушивались к звукам окружающего мира, пытались различить разлитое в них содержание. Для современного человека гул языка раскрывает «трепещущий в нем смысл» [10, с. 544]. По мнению Барта, только язык составляет человеческую природу. В речевой деятельности, тексте людьми конструируется реальность и осуществляется полнота человеческого бытия.

Можно сказать, что Ж. Деррида выстраивает свои взгляды на основе борьбы с метафизикой, что также обуславливает особую роль языковой проблематики в его творчестве. Язык рассматривается им как изначально заданная система устойчивых категориальных расчленений, которые организуют процесс мышления, образуя условия означения, возможность смыслополагания. Деконструкция как особый метод есть «выявление меры самостоятельности языка со всеми его концептуальными расчленениями и всей его метафоричностью» [8, с. 177]. Поэтому он призывает к обнаружению внутренней противоречивости, непоследовательности и открытости текста, пересмотру устоявшихся смыслов.

Итак, человек с точки зрения постмодернистской методологии существует только в языке, а, значит, не может оказаться вне текста. Задачей сознания становится не интерпретация, истолкование, а разрушение кажущейся целостности текста, деконструкция как отказ от претензии на истину и поиска полноты смысла. Единственной истинной реальностью становится речевой акт. На основе отказа от мистифицированной идеи трансцендентального означаемого как внетекстуального онтологического референта, подтверждающего адекватность смысла, постметафизической философией формулируется принцип «тотальности языка – т. е. понимание языковой реальности как исчерпывающе самодостаточной и не нуждающейся ни в каком внеязыковом гаранте» [11, с. 668]. Таким образом, наличное бытие обретает толь-

ко существующее в тексте содержание. В методологии постмодернизма слово является механизмом и материалом конструирования реальности.

Онтологический подход к пониманию сущности языка, сформировавшийся в рамках неклассической эпистемологии, сегодня становится методологической основой прикладных исследований в различных областях социально-гуманитарного познания. Наряду с такими понятиями, как «язык», «речь», «слово» одной из базовых категорий современной лингвистики становится «языковая картина мира». Нельзя не согласиться с тем, что данное понятие не терминологично и употребляется как некая архетипическая метафора, раскрывающая основы языка и содержание, «определяющее его сущность «сейчас» [12, с. 89]. Выражение «картина мира» активно использовалось еще М. Хайдеггером в рамках его программы «деструкции» традиционной метафизики. По мысли философа, мир, понятый в смысле картины, возможен там, где «к сущему в целом приступают как к тому, на что человек нацелен» [13, с. 49], хочет преподнести себе, «пред-ставить» перед собой.

Одним из важнейших элементов языковой картины мира является семантическое поле, которое представляет «структурную организацию окружающего мира, вербализованную посредством языка» [14, с. 232]. В языкознании использование данного понятия рассматривается

как метод установления связей между явлениями языковой действительности, раскрывающий внутреннюю форму языка. Как философская категория семантическое поле становится способом выявления дискурсивной репрезентации «оязыковленной» реальности.

В современной когнитивной лингвистике особую актуальность приобретает понятие «информация» как содержание сообщения или фрагмент знания, представляемого языковыми формами. «Инфосферу» рассматривают в качестве специфической, отличной от природного мира человеческой реальности, объединяющей в себе материальное и идеальное, субъективное и объективное бытие. Сегодня на смену атрибутивному и функциональному подходу к пониманию информации также приходит онтологический подход, берущий за основу языковые аспекты существования данного явления. Так, утверждается, что «понимание природы информации опосредовано значениями языковых выражений» [15, с. 17], определяемых языковой картиной мира.

Таким образом, можно утверждать, что переосмысление направленности философской рефлексии, получившее название «лингвистического поворота», было обусловлено не бурным развитием позитивного естественнонаучного знания и, как следствие, исчезновением специфического предмета философии, а установлением языковой доминанты в анализе проблем бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Метафизика // Антология мировой философии. В 4-х томах. Т. 1. Философия древности и средневековья. Ч. 1. М.: Мысль, 1969 (АН СССР. Философское наследие). С. 408–428.
2. Румянцева Т.Г. Классика – неклассика – постнеклассика // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Главный научный редактор и составитель А.А. Грицанов. Минск: Современный литератор, 2007. С. 229–234.
3. Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции. СПб.: изд. «Шиповник», 1912. 454 с.
4. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Ун. книга, 2002. 272 с.
5. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 192–220.
6. Хайдеггер М. Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 259–273.
7. Киященко Л.П. Диалог внутри языка. Рационален ли язык? // Философия науки. 1995. № 1. С. 285–299.
8. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыт философии языка. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 704 с. (Humanitas).
9. Барт Р. Разделение языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 519–534.
10. Барт Р. Гул языка // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 541–544.
11. Грицанов А.А. Трансцендентальное означаемое // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Главный научный редактор и составитель А.А. Грицанов. Минск: Современный литератор, 2007. С. 668–669.
12. Воротников Ю.Л. «Языковая картина мира»: трактовка понятия // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 2. С. 88–90.
13. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 41–62.
14. Рубцов И.Н. Семантические поля как способ реализации языковых картин мира // С. 231–236.
15. Манаенко Г.Н. Информация в языке и по данным языка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 2. С. 12–20.

© Агафонов Евгений Александрович (evgenagafonov@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КЛИНАМЕН КАК ПОНЯТИЕ И ВАЖНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ В ДИАЛЕКТИКЕ НЕОБХОДИМОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ

CLINAMEN AS A CONCEPT AND AN IMPORTANT COMPLEMENT IN THE DIALECTIC OF NECESSITY AND CHANCE

V. Bernatskiy
P. Makuhin

Summary: If in a number of previous publications devoted to the problem of the anthropic cosmological principle, we emphasized the unity and opposition of necessity and chance, then in this one, on the contrary, we highlight a «gap», an incompleteness in the argumentation of this dialectical law. In other words, based on the material of the reflections of Epicurus and Lucretius, as well as their like-minded people up to today, we designate a «bridge» for the reverse transition from the designated principle of unity to a different understanding of the «clinamen mechanism». Drawing on the achievements of non-classical natural science, we show that the arguments about the climax of ancient philosophers contain brilliant intuitions.

Keywords: randomness and necessity, determinism, Leucippus and Democritus, Epicurus and Lucretius, German classical philosophy, dialectical materialism, microcosm physics and a systematic approach (synergetics, chaos theory).

Бернацкий Владилен Осипович

Д.ф.н., профессор, Омский государственный
технический университет
Bernatskiy33@rambler.ru

Макухин Пётр Геннадьевич

К.ф.н., Омский государственный технический
университет
petr_makuhin@mail.ru

Аннотация: Если в ряде прошлых публикаций, посвящённых проблеме антропного космологического принципа, мы делали акцент на единстве и противоположности необходимости и случайности, то в этой, напротив, выдвигаем на первый план «пробел», неполноту в аргументации этого диалектического закона. Иначе говоря, мы – на материале размышлений Эпикура и Лукреция, а также их единомышленников вплоть до сегодняшнего дня – обозначаем «мостик» для обратного перехода от обозначенного принципа единства к иному пониманию «механизма clinamen». Привлекая достижения неклассического естествознания, мы показываем, что в рассуждениях о клинамене античных философов содержатся гениальные интуиции того, что, во-первых, пространство в определённом (важном для настоящей статьи) смысле не является изотропным, оно «насыщено» микрочастицами и полями. Во-вторых же, системные столкновения/взаимодействия результативны главным образом внутренними случайными изменениями объектов, в т.ч. и их превращениями в «своё иное».

Ключевые слова: случайность и необходимость, детерминизм, Левкипп и Демокрит, Эпикур и Лукреций, немецкая классическая философия, диалектический материализм, физика микромира и системный подход (синергетика, теория хаоса).

В качестве «первого приближения» к рассматриваемой в статье проблеме обратимся к «Философскому словарю» французского материалиста А. Конт-Спонвиля: латинским термином «clinamen» в эпикурейской традиции (в первую очередь у её римского представителя, Тита Лукреция Кара) было зафиксировано «едва заметное отклонение атомов, которое отодвигает их в неопределённое место и время» [15, с. 254]. Реконструируя обозначенную традицию, процитированный автор оценивает клинамен как «один из тех механизмов (наряду с весом и столкновениями), приводящих атомы в движение» [15, с. 254]. Сразу обратим внимание, во-первых, на то, что только благодаря научной революции рубежа XIX-XX вв. в естествознании наконец утвердились атомистическая теория строения вещества и представление о поле как разновидности материи. Во-вторых же, на двойственность в представлении о «функциях» клинамена: одна из них «отвечает» за «едва заметное отклонение» атомов, а другая – «отодвигает» их в «неопределённое место и время».

Но самое существенное замечание состоит в том, что теоретическая актуальность концепта «клинамен», как мы считаем, сохраняется и в настоящее время, поскольку он фиксирует одну из возможных позиций в системе координат «случайность-необходимость». В истории же философии – от античности и до сегодняшнего дня – не только природные явления, но и социальные, и относящиеся к сфере мышления, фактически рассматриваются с точки зрения того, имеет ли они место либо с необходимостью, либо случайно. В отношении же последней категории можно согласиться с констатацией современным исследователем того факта, что она «является одной из базовых, первичных для онтологии и теории познания, и она не утратила актуальности за многие столетия научного поиска» [30, с. 3]. И интересующий нас феномен, по сути, выводит к предельным основаниям философской диалектики, ведь именно из осмысления клинамена когда-то «вырос» диалектический принцип единства и противоположности необходимости и случайности. Этому вопросу мы посвятили ряд публикаций (например, [2], [3]), полемически заострённых против

абсолютизации роли случайности при рассмотрении взаимосвязанных вопросов возникновения и Вселенной с присущей ей «тонкой настройкой» параметров, и жизни в известной нам форме, и разума. Однако, хотя объяснение клинамена как *единства необходимости и случайности с акцентом на первую составляющую* нам представилась уже состоявшимся, и даже довольно традиционно-тривиальным, почему-то наша мысль вновь и вновь возвращалась к этой проблеме. И потому целью настоящей статьи является обозначение «мостика» для **обратного перехода** от обозначенного принципа единства к иному пониманию «механизма *κλίμαται*». Ведь со времён немецкой классической философии (давшей подробный критический анализ зафиксированной этим понятием методологической позиции) концепт «κλίμαται» «вышел» далеко за пределы описания «демокритовского атома». Более того, как мы попытаемся обосновать, изначально термин таил в себе более широкий смысл, нежели просто «едва заметное отклонение атомов...», однако эта имплицитная идея не привлекла к себе специально оформленного внимания.

В связи с этим исходным пунктом критического – но позитивного, нацеленного на поиск «рационального зерна» – анализа в этой статье выступят соответствующие позиции тех авторов, которые сознательно отвергают единственность традиционно философского, как «парного», дополнения. В последнем обозначенные авторы подмечают, ощущают некий гносеологический «подвох» и потому трактуют случайность термином именно «κλίμαται». Проиллюстрируем это парой примеров. В качестве *первого* из них обратимся к фигуре философа, футуролога, классика научной фантастики С. Лема, который трактовал жизнь (и, соответственно, разум) в качестве побочного «продукта Космоса», при рассмотрении причин появления которого имеет смысл говорить «только о случайных связях и совпадениях» [16, с. 152] природных факторов. Особенно важно отметить, что он называл диалектический материализм «полной бессмыслицей» [17, с. 100]. Более подробно лемовская онтология проанализирована нами в [19], [20]; здесь же ограничимся тем, что солидаризуемся с польским и русским исследователями «Лемана» П. Околовским и В. Язневичем, указывающими на близость философской позиции С. Лема к той, которая ещё в античности была развита некоторыми атомистами, особенно – Лукрецием [26, с. 7]. Здесь показательно название монографии (с основными положениями которой читатель может познакомиться в [28]) П. Околовского «Материя и ценности. Неолукрецианизм Станислава Лема» (2010 г.). *Вторым примером* возьмём отечественного философа М.И. Ненашева, который в рамках дискуссии со своим соавтором, А.Ю. Внутских (а наша, если так будет позволено выразиться, полемика с их полемикой представлена в [4]), по теме антропного космологического принципа таким образом оценивает возникновение «человека раз-

умного». Оно «не является необходимым и уж тем более неизбежным, оно случайно» [8, с. 45], причём последнее понятие трактовалось им «не как дополнение или проявление необходимости, но в смысле клинамен» [8, с. 64-65]. Мы не можем счесть эту позицию убедительной, но в то же время признаем, что интересующее нас в этой статье «нечто» здесь ухвачено. Несомненно, что для экспликации такового «нечто» необходима реконструкция «мысленных ходов» классических философов по поводу клинамена. Начав её, по выражению римлян, *ab ovo*, укажем на амбивалентность античной атомистической мысли в отношении оценки онтологического статуса случайности. **С одной стороны**, присущий взглядам Левкиппа и Демокрита механистический детерминизм даёт основание для следующей оценки, данной видным советским мыслителем Ю.И. Семёновым. Создатели атомизма сознательно поставили задачу постигнуть такую форму «объективной предопределённости», как «причинно-следственная связь», которая «всегда носит не случайный, а необходимый характер» [31, с. 294]. Проиллюстрируем это лаконичными высказываниями указанных натурфилософов: Левкипп (в передаче Аэция) настаивал на том, что «всё происходит в силу необходимости и что необходимость есть судьба» [18, с. 213]. Аналогично и Демокрит (по свидетельству Диогена Лазертского) утверждал, что «причина всякого возникновения – вихрь» [11, с. 346], оцениваемый им в качестве проявления «неизбежности». В начале «Наставлений» «смеющийся философ» категорично утверждал: «Люди сотворили себе кумир из случая как *прикрытие для существующего им недомыслия*» [18, с. 216]. Однако, дошедшие до нас рассуждения Левкиппа и Демокрита по поводу движения атомов дают основание для различных оценок, что, как покажем далее, послужило «ахилессовой пятой» рассматриваемого варианта детерминизма. Проиллюстрируем это противоречивыми оценками, которые можно найти уже у античных философов. Согласно Аристотелю, основатели атомизма «утверждают, что *атомы движутся, потому что сшибаются и ударяются друг о друга*» [18, с. 211]. Схожим со Стагиритом образом трактует демокритовские идеи и Филопон: «атомы движутся ... потому, что *вследствие своей многочисленности отталкиваются друг от друга*» [18, с. 236]. (Обратим внимание при этом на то, что это ставит вопрос о причине «сшибания» и «отталкивания», оставляя простор для различных предположений). Однако же, например, М.Т. Цицерон реконструирует позицию Демокрита иным, в определённом смысле противоположным образом: атомы «носятся в бесконечной пустоте, ... *сталкиваясь в своем движении, они сцепляются*, что и образует все то, что существует ...; и это движение ... мыслится не имеющим никакого начала» [33, с. 48]. Схожим образом трактует идеи Демокрита и Аэций: «*неделимые тела имели движение бесцельное и случайное* и двигались беспрепятственно и весьма быстро» [23, с. 109].

С другой стороны, Эпикур и Тит Лукреций Кар попытались соединить признание объективной необходимости с объективной же случайностью, придав последней онтологический статус. Наперекор ранее рассмотренным атомистам, Эпикур писал, что предпочтительнее «верить басням о богах, чем покоряться судьбе, выдуманной физиками» [36, с. 319]. (Ведь указанные «басни» хотя бы порождают надежду «умилостивить богов почитанием», в то время как «судьба» содержит в себе «неумолимую неизбежность» [36, с. 319]). Эсплицируя онтологические корни случайности, основатель эпикуреизма указывал на то, что вертикальное падение атомов по причине собственного веса, являющееся имманентным свойством материи, может нарушаться их спонтанным отклонением от этой «отвесности», что и порождает «сцепления» атомов. Известные итальянские историки философии Дж. Реале, и Д. Антисери уточняют, что, согласно Эпикуру, такое «отклонение» может произойти «в любой момент времени и в любой точке пространства» [29, с. 183]; соответственно, они характеризуют этого древнегреческого мыслителя в таких метких словах: «философ, который “мир на случае отстроил”» [29, с. 184]. Последователь последнего, Диоген из Эноанды, таким образом отвечает гипотетическому оппоненту, который на основе демокритовских идей отрицал бы «свободное движение» атомов. «Разве ты не знаешь, ... что атомам присуще и некоторое свободное движение, которого не открыл Демокрит, но обнаружил Эпикур?» [цит. по: 34, с. 57]. И уже в этом месте статьи отметим одно принципиальное отличие всех живущих до XX века от наших современников: они не знали неклассической механики с её техническими средствами экспериментов с элементарными частицами. Речь, в частности, идёт о том, что разгонное движение элементарных частиц в физических экспериментах осуществляется по тщательно отъюстированному «кругу» с выводом на неподвижную «цель». Но ведь в естественной природе нет круговых движений, что осознал ещё Платон, в «Государстве» приписавший следующие рассуждения по поводу верного способа изучения астрономии, а также пользы этого способа. Хотя звёздные «узоры» ночного неба и следует назвать «самыми прекрасными и совершенными» из природных «узоров», они сильно «уступают вещам истинным ... (двигающимся – В.Б. и П.М.) с подлинной быстротой и медленностью, в истинном количестве и всевозможных истинных формах» [27, с. 313]. Поскольку всё названное доступно лишь умопостижению, а не органам чувств, Аристокл «вкладывает в уста» своего учителя призыв «изучать астрономию так же, как геометрию, с применением общих положений» [27, с. 314], «оставив в стороне» непосредственное движение небесных тел. В связи с этим мы соглашаемся с американским философствующим математиком Морисом Клайном (1908-1992 гг.): «истинная астроно-

мия», согласно Платону, изучает законы движения тел «по математическому небу, несовершенным изображением которого является видимое небо» [14, с. 13].

Лукреций зафиксировал эту идею предшественников, введя собственно понятие «*clinamen*», которое было употреблено во второй книге «О природе вещей»: «Лёгкое служит к тому первичных начал **отклоненье** / И не в положенный срок и на месте дотоль неизвестном» [32, с. 67]. Для понимания этого необходимо учитывать, что этот римский поэт и философ тяготение рассматривает в качестве атрибута материальных предметов: «Сколько и в слитке свинца, то и весить он столько же должен / Ибо всё книзу давить является признаком тела / Наоборот: пустота по природе своей невесома» [32, с. 36]. В плане онтологии это связано с критикой аристотелевской идеи о стремлении тел к «естественному месту»: «Тут одного берегись и не верь утверждению, Меммий / Что устремляется всё к какому-то центру вселенной» [32, с. 54]. Но для нас здесь важнее попытка именно спонтанными отклонения атомов объяснить «свободную волю» человека, в связи с чем позволим привести длинный пассаж Лукреция (по сути, представляющий собой *contradictio in contrarium*, т.е. «доказательство «от противного»»). «И коль не могут путем отклонения первоначала / Вызвать движений иных, разрушающих рока законы / Чтобы причина не шла за причиную испокон века / Как у созданий живых на земле не подвластная року / Как и откуда, скажи, появилась свободная воля / Что позволяет идти, куда каждого манит желанье / И допускает менять направление не в месте известном / И не в положенный срок, а согласно ума побуждению?» [32, с. 66]. Соответственно, согласимся со специалистом в области истории этических идей античности Б.М. Никольским в том, что, согласно Эпикуру, «физический детерминизм неизбежно влечет за собой детерминизм в сфере человеческого поведения» [25, с. 250], что и стало одним из побудительных мотивов постулировать клинамен. Обобщим рассмотрение идей Эпикура и Лукреция двумя принципиальными выводами: *во-первых*, они, по сути, трактовали понятие «необходимость» в качестве «высокой вероятности», которая не является антитезой случайности. Чтобы подвести читателя к *во-вторых*, обратимся к статье «Механика и античная атомистика» видного советского философа и историка науки В.П. Визгина, где указывается, что «пустота» в трактовке обозначенной школы однородна и изотропна [7, с. 61], и этот мысльобраз выступает «далёким «предшественником» абсолютного пространства классической механики» [7, с. 39]. Однако же мы считаем обоснованным трактовать рассуждения тех атомистов, которые принимают идею клинамена, как интуицию того, что атомы внезапно «отклоняются» потому, что движутся в реальном пространстве, «насыщенном» микрочастицами и полями, которые, соответственно, так или иначе, воздействуют на все макро- и микроструктуры, попадающие в его (пространства) конкретную точку.

Поскольку эта статья не является специальной историко-философской работой, мы, рассмотрев генезис идеи клинамена как антитезы детерминизму Левкиппа и Демокрита, не будем подробно анализировать эволюцию этого концепта в дальнейшие эпохи, ограничившись теми её оценками, которые мы считаем наиболее глубокими. Цицерон, например, отмечает такое противоречие: если отклонение атомов совершается совершенно произвольно, беспричинно, то они лишаются «падения вниз» как постулированного Эпикуром и Лукрецием «естественного движения всех тел, обладающих тяжестью» [33, с. 49]. Более того, если такого движения лишатся все атомы разом (т.е. все они разом отклонятся), то столкновений по-прежнему не произойдёт; а если отклонятся лишь некоторые, то «это означает, что атомы будут как бы получать заранее свое предназначение, какому падать прямо» [33, с. 49], а какому – нет. Мы видим в этом упреке конструктивный момент, заключающийся в интуитивном схватывании диалектики случайности и необходимости. Чего, однако же, мы не можем сказать «с высоты сегодняшнего дня» о другом замечании Цицерона: «разве может быть что-нибудь более недостойным для естествоиспытателя, чем утверждать, что нечто происходит без причины?» [33, с. 49].

Далее рассмотрим критику онтологизации клинамена со стороны представителей немецкой классической философии. Согласно ироничному замечанию И. Канта, Эпикур, «нисколько не смущаясь», апеллирует к «слепому случаю», весьма «удачно» объединившему атомы в «стройное целое». (Напомним удачную метафору итальянских авторов: «мир на случае отстроил»). Таковая, по характеристике кенигсбергского мыслителя, «несуразность» доводилось Эпикуром и Лукрецием до того, что они «приписывали происхождение всех живых существ именно этому слепому случаю и поистине выводили разум из неразумия» [13, с. 121]. Схожим образом и Г.В.Ф. Гегель, согласно характеристике словенского философа М. Долара, трактовал понятие клинамена «с презрением», отводя его (клинамена) приверженцам место «на стороне того, что лишено мысли» [12]. В связи с этим приведём цитату самого берлинского философа: согласно мысли обозначенных приверженцев, атомы в те или иные тела «соединяет ... не притяжение, а случай, т. е. то, что лишено мысли» [9, с. 239]. Соответственно, обозначенным в начале статьи сторонникам «позиции случайности» в деле возникновения жизни вообще (и *Homo sapiens* в частности) мы считаем возможным возразить, вслед за немецкими классическими философами: вы «приписываете» наше происхождение «слепому случаю», т. е. тому, «что лишено мысли». Но, в то же время, мы признаём определённую правоту тех авторов, которые осознавали, что концепт клинамен более «глубок», т.е. имеет нераскрытый до сих пор эвристический потенциал, поскольку латентно фиксирует некую проблему.

К. Маркс высоко оценивает идею клинамен как «один из наиболее глубоких выводов ... (который – Авторы) вытекает из самой сути эпикурейской философии» [22, с. 97], но в его трактовке указанная идея трансформируется следующим образом. «Это отклонение происходит не в определенном месте пространства, не в определенное время, оно не есть чувственное качество, оно есть душа атома. В пустоте различие веса исчезает, это значит: она есть не внешнее условие движения, а само для себя сущее, имманентное абсолютное движение» [22, с. 99]. Другими словами, «в отклонении представлена действительная душа атома, понятие абстрактной единичности» [21, с. 173]. Последняя же «может осуществить свое понятие – присущее ей определение формы, чистое для-себя-бытие, ... только путем абстрагирования от противостоящего ей наличного бытия» [21, с. 173]. Это позволяет нам согласиться с современным исследователем фиксируемой понятием «клинамен» проблематики А.В. Шляковым в том, что рассмотренный нами основатель диалектического материализма «отстаивает позицию атома как принципа», предполагающую следующее. «Ничто не может воздействовать на него (атом – Авторы) кроме внутренней причины, находящейся внутри, и клинамен также принадлежит этой внутренней причинности, а не фатуму» [35, с. 109]. Отсюда вполне очевидно, что вряд ли Эпикур и Лукреций согласились бы с К. Марксом в таковой трактовке их важнейшей идеи.

Переходя к оценкам последней со стороны философов XX в., ограничимся тремя фигурами; упомянутый выше М. Долар утверждает, что эвристический потенциал концепта «клинамен» до сих не эксплицирован в должной мере [12]. А. Конт-Спонвиль в рамках того определения понятия «клинамен», с которого мы начали статью, отвергает не каузальность как таковую, а лишь «непрерывность сцепления причин». Иначе говоря, клинамен сам по себе отнюдь не беспричинен, поскольку порождён «атомом, который сам не рождается (и, следовательно, не нуждается в причине)» [15, с. 254]. Здесь А. Конт-Спонвиль ссылается на своего соотечественника и коллегу М. Конша, солидаризуясь с его оценкой клинамена в качестве принципа, не противоречащего принципу каузальности, поскольку клинамен вовсе «не предполагает, что всякая причина должна порождать следствие в конкретных условиях места и времени» [15, с. 254]. Соответственно, клинамен в такой трактовке отнюдь не является свидетельством автономности случайности, и тем более её онтологического примата. Ещё один французский философ, создатель «материализма встречи» Л.П. Альтюссер, высоко оценивает роль клинамена, порождающего «событие встречи» атомов. Именно последняя порождает сам мир и, в частности, такое его свойство, как необходимость [37]. Которая, заметим, «не тянет» за собой случайность. При таком подходе понятие «клинамен» – как это ни покажется парадоксальным – фиксирует онтологический примат не случайно-

сти, а необходимости по отношению к миру.

И, наконец, завершим ретроспективу осмысления дилеммы «случайность-необходимость» рассмотрением клинамена в свете двух фундаментальных достижений науки XX в. **Во-первых**, это физика микромира, в связи с чем приведём констатацию видным советским физиком, президентом АН СССР (1945-1951 гг.) С.И. Вавиловым «поразительного совпадения» «принципиального содержания» идеи клинамена с «соотношением неопределенности» современной физики» [6, с. 33]. Поясняя это, скажем, что речь о «принципе неопределенности» великого философствующего естествоиспытателя В. К. Гейзенберга, согласно которому результат измерения сопряжённых параметров (например, импульса и координат электрона, энергия и время, и т.п.) имеет предел *точности*, поскольку произведение «неопределённостей», возникающих в указанном процессе, «не может быть меньше постоянной Планка (делённой на массу частицы, о которой в данном случае шла речь)» [10, с. 17]. Однако же – если говорить строго – в отношении «соотношения неточностей» надо отойти от первичной эйфории по поводу «научно-физического подтверждения» идеи клинамен, хотя она (эйфории) и весьма заманчива. Ведь перед нами *и не необходимость, и не случайность, и не их диалектика*, а феномен особых условий измерения некоторых параметров элементарных частиц сконструированными приборами, искусственное измерение.

Во-вторых, это развитый австрийским биологом Л. фон Берталанфи, отечественным энциклопедистом А.А. Богдановым, его американским коллегой Г. Саймоном и другими мыслителями первой половины XX в. **«системный подход»** (близкими к этому понятию являются «общая теория систем», «системные исследования», «системный анализ» и т.д.), представляющий собой философско-методологическое течение, ориентирующееся на «раскрытие целостности объекта и обеспечивающих её механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину» [5, с. 559]. Применяя

это к рассмотрению клинамена, скажем, что надо вести речь не об единичных столкновениях/взаимодействиях, а о системных. Этапом развития рассматриваемого подхода является подход **синергетический**, представляющий собой «совокупность принципов, основой которой является рассмотрение объектов как самоорганизующихся систем» [24, с. 183]. В свою очередь, в рамках того междисциплинарного синтеза, который и «ответственен» за синергетический подход, нас наиболее интересует тот раздел теории динамических систем, который получил известность как «теория хаоса». Британский физик Д. Аль-Халили формулирует кредо последней в таких словах: «порядок и детерминизм могут породить то, что на поверку оказывается случайностью» [1, с. 216]. Как мы показали, одними из первых это осознали именно Эпикур и Лукреций; соответственно, можно удивляться их прозорливости. Завершая статью, мы считаем принципиально важным повторить: всё рассмотренное вовсе не означает отказа от тезиса о необходимости диалектического дополнения случайности необходимостью. Однако же классический диалектический подход «с высоты сегодняшнего дня» должен быть дополнен представлением о системности сложных объектов: и природных, и социально-общественных, включая и человека. В свете этого становится явным следующее: исследуемое в нашей статье понятие имплицитно содержит в себе интуицию того, что все взаимодействия результативны не только бесконечностью движения, но и внутренними случайными изменениями объектов, в т.ч. и их превращениями в «своё иное». (В качестве наглядной иллюстрации чего укажем на факт реальной жизни организмов с их наследственностью и индивидуальностью). И потому сформулируем вывод о том, что всё же клинамен, во-первых, самостоятельный онтологический феномен, являющий себя трудно фиксируемыми внешними изменениями. Во-вторых, – это не просто необходимость присутствия случайности в процессе существования и качественного изменения «вещей», но и предопределенность внешнего воздействия на активирование случайности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аль-Халили Д. Парадокс. Девять великих загадок физики. СПб.: Питер, 2018. 288 с.
2. Бернацкий В.О., Макухин П.Г. Антропный космологический принцип в свете неразрывности «необходимости и случайности» // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4-3(28). С. 38-51.
3. Бернацкий В.О., Макухин П.Г. Антропный космологический принцип: проблема разграничения бытия и действительности // «Вопросы современной науки»: коллективная научная монография. М.: Издательство «Интернаука», 2016. Т. 10. С. 39-58.
4. Бернацкий В.О., Макухин П.Г. О позитивности полемики с полемикой о природе антропного космологического принципа в монографии А.Ю. Внутских и М.И. Ненашева «Антропный принцип современной науки: содержание и философские интерпретации» // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2016. № 2. С. 31-35.
5. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системный подход // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т.3. М.: Мысль, 2010. С. 559-560.
6. Вавилов С.И. Физика Лукреция // Лукреций. О природе вещей. Т. 2. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1947. С. 9-38.

7. Визгин В.П. Механика и античная атомистика // Наука в её истории: взгляд философа. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020, 2020. С. 37-117.
8. Внутских А.Ю., Ненашев М.И. Антропный принцип современной науки: содержание и философские интерпретации: монография. Пермь: Перм. госуд. нац. исслед. ун-т, 2014. 79 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: «Мысль», 1974. 452 с.
10. Гейзенберг В. Физика и философия // Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1989. С. 3-130.
11. Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. 571 с.
12. Долар М. Атом и пустота – от Демокрита до Лакана // Новое литературное обозрение. 2016. № 6 (130). С. 16-28.
13. Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 1 / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994. С. 113-260.
14. Клайн М. Математика. Поиск истины. М.: Мир, 1988. 295 с.
15. Конт-Спонвиль А. *Сіпамен* // Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Этерна, 2012.
16. Лем С. Антропный принцип // Лем С. Черное и белое (сборник). М.: АСТ, 2015. С. 145-153.
17. Лем С. «Весь этот философский хлам» // Лем С. Черное и белое (сборник). М.: АСТ, 2015. С. 88-112.
18. Лурье С.Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л.: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1970. 664 с.
19. Макухин П.Г. Заочная дискуссия со Станиславом Лемом: проблема объяснения антропного принципа телеологически и «цепочкой случайностей» // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 4 А. С. 131-149.
20. Макухин П.Г. «Ценное заблуждение» С. Лема о взаимодействии философии и естествознания в контексте осмысления антропного космологического принципа // Вестник развития науки и образования. 2017. № 2. С. 56-67.
21. Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2. Том 40. М.: Издательство политической литературы, 1975. С. 147-233.
22. Маркс К. Тетради по эпикурейской философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2. Том 40. М.: Издательство политической литературы, 1975. С. 21-140.
23. Материалисты Древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / ред. М.А. Дынник. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 239 с.
24. Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Синергетический подход // Философия науки и техники: тематический словарь справочник. Учебное пособие. Орёл: ОГУ, 2010. С. 183.
25. Никольский Б.М. Комментарии // Цицерон О пределах добра и зла. Парадоксы стоиков. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. С. 243-418.
26. Околовский П., Язевич В.И. Лем // *Summa Lemologiae* 2014. Сборник материалов о жизни и творчестве С. Лема по итогам 2014 года / Составитель: В. Борисов. Лемберг: Мимойд, 2016. С. 6-25.
27. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79-420.
28. Прашкевич Г.М., Борисов В.И. Станислав Лем. [Электронный ресурс]. М.: Молодая гвардия, 2015. 368 с. URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Stanislaw-Lyem.205.html> (дата обращения: 17.10.1980).
29. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 336 с.
30. Самойлова О.А. Случайность в природе: онтологический анализ: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.01 [Место защиты: ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»], 2019. 131 с.
31. Семенов Ю.И. Введение в науку философии: В 6 книгах. Книга 2. Вечные проблемы философии: от проблемы источника и природы знания и познания до проблемы императивов человеческого поведения М.: URSS, 2013. 339 с.
32. Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М.: Художественная литература, 1983. 383 с.
33. Цицерон. О пределах блага и зла // Цицерон О пределах добра и зла. Парадоксы стоиков. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. С. 41-452.
34. Шакир-заде А.С. Эпикур. М.: Соцэкгиз, 1963. 223 с.
35. Шляков А.В. Клинамен. Основание номадизма // Вестник ЧелГУ. 2018. №9 (419). С. 108-113.
36. Эпикур. Письмо к Менекею // Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М.: Художественная литература, 1983. С. 315-319.
37. Ямпольский М. Приговор: очерки художественного номинализма. [Электронный ресурс]. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 348 с. URL: https://domknig.com/read_232629-21 (дата обращения: 17.10.1980).

© Бернацкий Владилен Осипович (Bernatskiy33@rambler.ru), Макухин Пётр Геннадьевич (petr_makuhin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА СОТРУДНИКОВ КОМПАНИИ В СФЕРЕ ЛОГИСТИКИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-2019

CORPORATE CULTURE OF THE COMPANY'S EMPLOYEES IN THE FIELD OF LOGISTICS IN THE CONTEXT OF THE COVID-2019 PANDEMIC

**O. Devletov
K. Gvozdeva
T. Sazbandyan**

Summary: The descriptive analysis of changes in the logistics services market caused by the global pandemic, carried out in the article, allowed us to establish trends that will determine the activities of logistics companies in the future with an uncertain temporal framework, as well as in the post-pandemic period. It is shown that such changes require an adequate transformation of the corporate culture of employees, which has a significant impact on the stability and consistency of the functioning of the enterprise in rapidly changing market requirements. It is determined that reengineering is an effective tool for the development of corporate culture, taking into account the transformational changes in the logistics sector. The expediency of using D. Denison's model for diagnosing the condition and carrying out the procedure of reengineering the corporate culture of employees of logistics companies is substantiated. It is shown that in the conditions of the pandemic, the corporate culture has significantly expanded its external horizon of business communications and now reflects not only the ethics /professionalism /quality service of employees towards customers, but also corporate social responsibility. The concept called «Compliance» is revealed, which integrates the corporate culture, as well as the ethics of internal and external business communications.

Keywords: logistics company; corporate culture; COVID-2019 pandemic; reengineering; business communications; corporate social responsibility.

Девлетов Олег Усманович

*К.и.н., доцент, Институт экономики и культуры,
г. Санкт-Петербург
oleg-devletov@mail.ru*

Гвоздева Кристина Игоревна

*старший преподаватель, Московский
политехнический университет
gvozdevaki@mail.ru*

Сазбандян Тамара Валерьевна

*К.ф.н., доцент, Институт экономики и культуры,
г. Санкт-Петербург
tamojan@mail.ru*

Аннотация: Проведенный в статье описательный анализ изменений на рынке логистических услуг, обусловленный глобальной пандемией, позволил установить тренды, которые будут определять деятельность логистических компаний в дальнейший период с неопределёнными темпоральными рамками, а также в постпандемический период. Показано, что такие изменения требуют адекватной трансформации корпоративной культуры сотрудников, которая оказывает значительное влияние на стабильность и постоянство функционирования предприятия в быстро меняющихся рыночных требованиях. Определено, что эффективным инструментом развития корпоративной культуры с учетом трансформационных изменений сферы логистики является реинжиниринг. Обоснована целесообразность использования модели Д. Денисона для диагностики состояния и проведения процедуры реинжиниринга корпоративной культуры сотрудников логистических компаний. Показано, что в условиях пандемии корпоративная культура существенно расширила свой внешний горизонт деловых коммуникаций и теперь отражает не только этику/профессионализм/качественный сервис сотрудников по отношению к клиентам, но и корпоративную социальную ответственность. Раскрыта концепция под названием «Комплаенс», которая интегрирует в себе корпоративную культуру, а также этику внутренних и внешних деловых коммуникаций.

Ключевые слова: логистическая компания; корпоративная культура; пандемия COVID-2019; реинжиниринг; деловые коммуникации; корпоративная социальная ответственность.

Актуальность. Логистическая отрасль является источником жизненных сил экономики и она часто сталкивается со многими проблемами. С 2020 года они стали необычными для всех компаний данной сферы – с одной стороны, появилась угроза здоровью сотрудников и клиентов, с другой – возникли постоянно меняющиеся ограничения, дополнительные расходы, связанные с мерами безопасности для предотвращения риска распространения вируса, вынужденные изменения организации работы [7, с. 278]. Нестабильные финансовые показатели, связанные с шатким экономическим положением многих клиентов сферы логистики, обусловили необходимость еще более гибкого подхода к их нуждам.

В недавно опубликованном исследовании К. Ли (2020) обобщено влияние глобальной пандемии на результаты деятельности различных предприятий и доказана гипотеза о том, что компании с сильной корпоративной культурой имеют лучшие экономические показатели, поскольку руководители и сотрудники таких компаний имеют возможность принимать последовательные решения, основанные на долгосрочной перспективе и ценностях компании [5, с. 51]. По сути, это подтвердило выводы многих исследователей о важности проблемы управления развитием корпоративной культуры предприятия в условиях динамических изменений, поддерживая при этом стабильность организации в условиях

меняющегося внешнего мира [3, с. 230].

Целью исследования является определение влияния глобальной пандемии на деятельность поставщиков логистических услуг, зарождение новых трендов в области корпоративной культуры, а также разработка рекомендаций по диагностике и проведению процедуры реинжиниринга корпоративной культуры логистических компаний.

Основная часть. Реалии требуют от логистической отрасли гибкости и оперативного приспособления к новым быстро меняющимся условиям. В структуре корпоративной культуры внимание перешло, с одной стороны, безопасности и охране здоровья сотрудников и подрядчиков, а с другой, обеспечению непрерывности деятельности и оказанию услуг на максимально высоком уровне. Массовое эмоциональное напряжение сотрудников было вызвано беспрецедентными ограничениями, связанными с организацией их работы. Это стало испытанием для менеджеров, которым приходилось налаживать коммуникации с персоналом, работающим удаленно, и обеспечивать самые высокие стандарты безопасности для тех, кто остался на своих рабочих местах – водителей и работников склада. Результаты опроса относительно уровня вовлеченности персонала, проведенного во время пандемии, показали, что работники высоко оценивают тот факт, что об их безопасности позаботились. Они также довольны постоянным общением со своими руководителями и командой (несмотря на расстояние) и плавной корпоративной адаптацией к новой ситуации. Ограничения оказались вдохновением для поиска новых решений в области развития корпоративной культуры [9, с. 26].

Глобальная пандемия нарушила стандартные деловые коммуникации и отношения между поставщиками, производителями и потребителями и обусловила необходимость радикальных перемен в организации логистической деятельности и функционировании логистических систем и цепей поставок. Проведенный анализ деятельности поставщиков логистических услуг в условиях глобальной пандемии позволяет констатировать, что отмеченные трансформации привели к существенным изменениям в кадровой политике многих логистических компаний. С одной стороны, они переводили своих работников на удаленную форму работы, что, соответственно, стимулировало попытки оптимизировать и автоматизировать бизнес-процессы. С другой стороны, широкое использование современных информационно-коммуникационных технологий и интернета в логистической деятельности побудило компании к разработке программ повышения уровня компетентности персонала и его адаптации к изменениям на рынке логистических услуг, поскольку существует тесная связь между результативностью реализации персоналом транс-

формационных изменений и корпоративной культурой предприятия – именно она является эффективным инструментом управления в кризисных условиях и только с её помощью отражается имидж компании и совокупность ценностей, норм, правил, традиций и принципов, по которым строятся все отношения компании как с сотрудниками, так и со стейхолдерами [8, с. 66].

По нашему мнению, возникла актуальная необходимость реинжиниринга корпоративной культуры логистических компаний в условиях COVID-2019 и рыночных трансформаций, который должен быть направлен на повышение уровня мотивации работников к продуктивной и результативной работе и создание конкурентных преимуществ предприятия на рынке логистических услуг. Ведь в любой компании, какую бы нишу на рынке она ни занимала и сколь бы большой она ни была, ключевое значение для успешной деятельности имеет коллектив, его ценности и идеалы. Именно команда определяет все, что собой представляет организация. Поэтому поддержание корпоративной культуры позволяет компании двигаться в одном направлении как единое целое, исповедуя общие ценности, нормы и правила.

Корпоративная культура в кризисной ситуации становится ключевым средством управления так как она может оказывать влияние на:

- мотивацию сотрудников в сложных условиях пандемии;
- привлекательность фирмы как работодателя, что отражается в таком показателе, как «текучесть кадров», которая стала очень высокой с начала распространения COVID-2019 в тех коллективах, которые не были сплочёнными;
- нравственность каждого сотрудника, его деловую репутацию;
- производительность и эффективность трудовой деятельности в условиях вынужденного дистанцирования [8, с. 63];
- качество работы сотрудников;
- характер личностных и производственных отношений в организации;
- отношение к работе; творческий потенциал кадрового персонала.

На сегодняшний день существует множество методических подходов к формированию, развитию и укреплению корпоративной культуры и большинство из них решает частные задачи реинжиниринга корпоративной культуры в кризисных условиях.

По нашему мнению, одну из наиболее репрезентативных моделей трансформации корпоративной культуры с точки зрения организационной эффективности разработал Д. Денисон. В основе модели лежит поведенческий подход с акцентом на личностные особен-

ности, ценности и ожидания работников компании. Особенностью модели Д. Денисона является то, что она построена на оценке четырех основных характеристик корпоративной культуры и лидерства: миссии (mission), способности к адаптации (adaptability), вовлеченности (involvement) и согласованности (consistency) [1, с. 323], что особенно актуально для логистической компании в условиях COVID-2019.

Согласно представленной модели, корпоративная культура влияет на результативность логистического бизнеса посредством четырех ключевых моментов:

- задает направление развития и четкое представление о миссии, на основании чего определяется цель, разрабатывается стратегия и строится видение будущего. Понятная и разделенная всеми сотрудниками логистической компании миссия придает целеустремленность и значимость действиям работников;
- развивает пластичность компании - способность к адаптации определяет высокий уровень гибкости и скорости реагирования на изменения внешней среды. Адаптивность измеряется приспособлением к изменениям, повышенным вниманием к клиентам, которые тоже страдают от последствий пандемии; быстрым обучением и саморазвитием в поменявшихся условиях;
- поддерживает интерес к работе - вовлеченность определяет заинтересованность работников в своей деятельности, несмотря на все сложности. На всех уровнях управленческой иерархии сотрудники чувствуют, что вносят свой вклад в принятие решений, и чувствуют, что их деятельность напрямую связана с целями компании. Существует три характеристики вовлеченности в концепции корпоративной культуры: предоставление полномочий, ориентация на работу в команде, возможность развития;
- обеспечивает согласованность, последовательность и стабильность, что характеризуется высоким уровнем преданности сотрудников, наличием собственного метода ведения бизнеса, «выращиванием» руководителей внутри компании, четким набором этических и деловых правил касательно того, что нужно и что не нужно делать в условиях кризисного развития логистической компании.

Мы хотели бы привлечь внимание к важности анализа модели корпоративной культуры Д. Денисона в вертикальном и горизонтальном разрезе, что особенно важно для понимания её неочевидности в контексте применения в логистической компании в сложившихся условиях.

Вертикальная ось дает понятие о внешнем и внутреннем фокусах компании. Вовлеченность и взаимо-

действие отражают внутреннюю динамику компании, эффективность внутрикорпоративных коммуникаций, но не дают представления об эффективности взаимодействия с внешней средой посредством деловых коммуникаций.

Адаптивность и миссия отражают взаимодействие компании с внешним окружением и влияют на объем прибыли, темпы увеличения объемов продаж и увеличение доли рынка. При осуществлении реинжиниринга корпоративной культуры очень важно выработать у персонала понимания вариативности логистических процессов и способность находить оптимальный вариант решения конкретной ситуации из множества возможных, а это означает ослабление чрезмерного контроля со стороны администрации. В ходе анализа нужно выяснить, какие процессы требуют контрольных механизмов, а в каких можно обойтись без них и этим самым увеличить ответственность работника за результаты своей работы. Также важно, чтобы сотрудники различных логистических подразделений интегрировались в единую структуру принятия решений с точки зрения оптимизации выполнения заказов потребителей [6, с.167].

Помимо вышесказанного, в условиях пандемии корпоративная культура существенно расширила свой внешний горизонт деловых коммуникаций и теперь отражает не только этику/профессионализм/качественный сервис по отношению к клиентам, но и корпоративную социальную ответственность. Так, многие крупные логистические компании посредством демонстрации своих нравственных ценностей и желания помогать обществу в кризисных условиях существенно выиграли в аспекте создания нового имиджа. В таких условиях корпоративная социальная ответственность стала неотъемлемой частью корпоративной культуры, основанной на системе ценностей. Компании подходят к данной концепции комплексно, интегрируя социальную ответственную деятельность с бизнес-стратегией. Например, в условиях пандемии, многие логистические компании занимались благотворительными перевозками, помогали медицинскому персоналу и активно поддерживали продовольственные банки. В целом логистические организации только за первые месяцы объявления пандемии помогли доставить 6 миллионов масок для лица, 250 тысяч перчаток, 100 тысяч защитных костюмов, медицинских очков и козырьков, а также 51 дыхательный аппарат и свыше 12 тысяч готовых блюд для больниц и центров помощи, мебель и оборудование для больниц и свыше 1400 паллет для продовольственных банков [9, с. 26].

Помимо этого, «экологичность» теперь тоже отражает внешний фасад корпоративной культуры. Например, крупная логистическая компания «Рабен», заботясь о более благоприятном и экологическом будущем проводит кампанию «e-invoice = higher culture» (электронный

счет = высшая культура), которая поощряет клиентов использовать электронный документооборот, предлагая высадить деревья от имени тех клиентов, которые решили перейти на электронную систему. Всего на сегодняшний день компания высадила почти 16 000 деревьев, что позволило нейтрализовать около 12 000 тонн CO₂ за их жизненный цикл. Более того, заботясь о природной среде, «Рабен» постепенно изымает бумагу из своих логистических процессов с помощью таких проектов, как Order-2-Cash или Paperless. Группа также подписала свои первые контракты на поставку зеленой энергии в 2022 году. По подсчетам, это приведет к уменьшению выбросов углекислого газа в примерно на 80% по сравнению с предыдущим годом, принимая во внимание все объекты компании [2, с. 130]. Как мы видим, расширение понятия корпоративная культура может играть существенную роль в имидже логистической компании и повышать её привлекательность для клиентов через «человеческий фактор».

Помимо вышесказанного, мы наблюдаем максимальное расширение границ понятия корпоративная культура – многие зарубежные исследователи интегрировали его в общую концепцию под названием «Комплаенс» [4, с. 680]. Для подавляющего большинства крупных организаций «Комплаенс» включает:

- кодекс корпоративной этики или корпоративного поведения, который устанавливает морально-этические принципы, стандарты поведения, приоритеты компании и обязанности сотрудников;
- политику честной конкуренции, что требует от каждого сотрудника выполнения конкурентных правил и условий и направлена на формирование свободного рынка и открытой конкуренции товаров и услуг;
- политику внутренней и внешней «корпоративной честности» - противодействию отмыванию доходов, полученных преступным путем, защиту легального сектора экономики от проникновения теневых доходов;
- открытую политику получения и предоставления подарков, приглашений, что обеспечивает обособление понятий «подарок» и «взятка» путем установления предельной стоимости подарков и процедур контроля над их предоставлением;
- политику информирования о нарушениях этических стандартов, что дает возможность сотрудникам, заказчикам и поставщикам как официально, так и анонимно сообщать о случаях нарушения норм и стандартов поведения;
- политику, которая регулирует все аспекты деловых коммуникаций и исключает возникновение конфликта интересов благодаря внедрению этических стандартов поведения сотрудников в случае возникновения подобных конфликтов (например, в случае, когда интересы сотрудника вступают в

противоречие с интересами компании, интересы одного клиента с интересами другого и т.д.);

- политику защиты сотрудников компании, что распространяется как на материальные, так и нематериальные ценности, обеспечивает защиту здоровья, «ноу-хау», интеллектуальных прав;
- политику конфиденциальности информации, которая гарантирует неразглашение информации о клиентах, регулирует хранение и обработку персональных данных, предоставление корректной отчетности [4, с.680].

Для реализации вышеуказанных политик выстраиваются рабочие процессы, которые предусматривают контроль за всеми направлениями внешних и внутренних деловых коммуникаций для выявления потенциальных проблем и их быстрого решения в режиме реального времени. Мониторинг контрагентов и лиц, с которыми осуществляются деловые контакты, предполагает также оценку степени их способности к подрыву репутации

Заключение. Проведенный описательный анализ изменений на рынке логистических услуг, обусловленный глобальной пандемией, позволил установить тренды, которые будут определять деятельность логистических компаний в дальнейший тяжёлых период с неопределёнными темпоральными рамками, а также в постпандемический период.

Показано, что такие изменения требуют адекватной трансформации корпоративной культуры, которая оказывает значительное влияние на стабильность и постоянство функционирования предприятия в быстро меняющихся рыночных требованиях. Определено, что эффективным инструментом развития корпоративной культуры с учетом трансформационных изменений сферы логистики является реинжиниринг. Обоснована целесообразность использования модели Д. Денисона для диагностики состояния и проведения процедуры реинжиниринга корпоративной культуры логистических компаний.

В условиях пандемии корпоративная культура существенно расширила свой внешний горизонт деловых коммуникаций и теперь отражает не только этику/профессионализм/качественный сервис по отношению к клиентам, но и корпоративную социальную ответственность. Так, многие крупные логистические компании посредством демонстрации своих нравственных ценностей и желания помогать обществу в кризисных условиях существенно выиграли в аспекте создания нового имиджа; зарубежные исследователи интегрируют современную корпоративную культуру и этику внешних и внутренних деловых коммуникаций в общую концепцию под названием «Комплаенс», которая получает своё развитие в трудах зарубежных учёных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Denison D.R., Haaland S., Goelzer P. Corporate culture and organizational effectiveness: is there a similar pattern around the world? // *Advances in global leadership*. – Emerald Group Publishing Limited, 2003. – С. 320-325.
2. García-Granero E.M., Piedra-Muñoz L., Galdeano-Gómez E. Measuring eco-innovation dimensions: The role of environmental corporate culture and commercial orientation // *Research Policy*. – 2020. – Т. 49. – №. 8. – С. 104-148.
3. Hickman C.R., Silva M.A. *Creating excellence: Managing corporate culture, strategy, and change in the new age*. – Routledge, 2018. – 520 с.
4. Islam M.S., Tseng M.L., Karia N. Assessment of corporate culture in sustainability performance using a hierarchical framework and interdependence relations // *Journal of cleaner production*. – 2019. – Т. 217. – С. 676-690.
5. Li K. et al. The role of corporate culture in bad times: Evidence from the COVID-19 pandemic // *Journal of Financial and Quantitative Analysis*. – 2020. – С. 1-68.
6. Габидуллина Г.Р., Свирская Е.В., Валеева Л.А. Развитие механизмов управления корпоративной культурой в условиях преодоления глобального кризиса, вызванного COVID-19 // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. – 2021. – №. 3. – С. 166-169.
7. Гимельштейн Е.А., Годван Д.Ф. Логистика на карантине: пандемия Covid-19 и мировой логистический кризис // *Логистика -евразийский мост*. – 2020. – С. 277-279.
8. Лымарева О.А., Жукова Н.Е., Степановская Е.А. Инструменты формирования корпоративной культуры для удаленных сотрудников // *Экономика устойчивого развития*. – 2020. – №. 3. – С. 65-68.
9. Насонов А.Л. Логистические проблемы в условиях пандемии // *Научный диалог: Экономика и менеджмент*. – 2020. – С. 25-37.

© Девлетов Олег Усманович (oleg-devletov@mail.ru), Гвоздева Кристина Игоревна (gvozdevaki@mail.ru), Сазбандян Тамара Валерьевна (tamojan@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт экономики и культуры

ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ВЕРЫ И ЗНАНИЯ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Извекова Татьяна Федоровна

К. филол. н., доцент, ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный медицинский университет»

Минздрава России
izvekova01@gmail.com

FYODOR DOSTOEVSKY'S PHILOSOPHICAL CONCEPT OF SOLVING THE PROBLEM OF RELATIONSHIP OF FAITH AND KNOWLEDGE IN THE COGNITIVE PROCESS

T. Izvekova

Summary: The article discusses the philosophical concept of Fyodor Dostoevsky about the deep unity of faith and knowledge, where faith is the support and the beginning for any transformations and moral development of a person. The concept of the writer assumes that faith and knowledge are interrelated and inseparable attributes of a single spiritual principle acquired by a person in his holistic development. It expresses both the relationship of a person to himself and his inner world, expressed primarily in faith, and the experience of human interaction with the surrounding world, nature, space, expressed mainly in knowledge.

Keywords: religion, philosophical anthropology, secular and transcendental principles, materialism, bourgeoisie, social revolution.

Аннотация: В статье рассматривается философская концепция Ф. М. Достоевского о глубинном единстве веры и знания, где вера является опорой и началом для любых трансформаций и нравственного развития человека. Концепция писателя предполагает, что вера и знание – взаимосвязанные и неотделимые атрибуты приобретаемого человеком в своем целостном развитии единого духовного начала. В нем находит свое выражение как отношение человека к самому себе и своему внутреннему миру, выраженному, прежде всего в вере, так и опыт взаимодействия человека с окружающим миром, природой, космосом, выраженному, главным образом, в знании.

Ключевые слова: религия, философская антропология, мирское и трансцендентальное начала, материализм, буржуазия, социальная революция.

Концепция Достоевского – результат, в первую очередь, его метафизических усилий в построении своей особой философии во всех ее основных содержательных аспектах: онтологическом, гносеологическом, аксиологическом, антропологическом, социологическом, теологическом и др. Прежде всего он формирует новую онтологическую картину мира; философ исходит из того, что «...разум оказался несостоятельным перед действительностью, да, сверх того, сами-то разумные, сами-то ученые начинают учить теперь, что нет доводов чистого разума, что чистого разума и не существует на свете, что отвлеченная логика неприложима к человечеству, что есть разум Иванов, Петров, Гюставов, а чистого разума совсем не бывало; что это только неосновательная выдумка восемнадцатого столетия» [1, с.78].

Опираясь на свое основное убеждение в том, что решение вечных проблем полностью определяет и смысл всего остального жизненного мира, используя возможности своего особого метафизического эксперимента, Достоевский строит новую картину подлинной реальности – свою метафизику, онтологию, гносеологию, аксиологию, антропологию, социальную философию, в которой особые роли и функции предписывает выполнять именно вере и знанию. Остановимся на этих важнейших аспектах философии Достоевского более подробно.

В своей философии Достоевский утверждает новый реализм – реализм в высшем, абсолютном, сверхэмпирическом его понимании как органического единства двух сторон действительности. Первую составляющую целостной картины мира представляет у Достоевского знание; оно относится к той части единой и целостной реальности, в которой царствуют видимое (натуральное): «Посмотрите у мирских и во всем превозносящемся над народом Божиим мире, не исказился ли в нем лик Божий и правда его? У них наука, а в науке лишь то, что подвержено чувствам...» [2, с.284].

По Достоевскому, знание, наука вовсе не охватывают всего мира, не представляют всей реальности, являясь лишь носителями тех начал мира, которые являются материальными, внешними, временными, относительными. На самом деле подлинный мир – совсем другой, он не вмещается в придуманные человеком границы логик и научных законов, поскольку реальность, которую формирует «чистая» наука – искусственная, мнимая, исключительно человеческая и замкнутая, онтическая: в ней некая вещь признается реально существующей тогда и только тогда, когда она может быть познавательно «схвачена» имеющимся научным познавательным инструментарием, когда она как новое знание об этой вещи может быть включена в уже сложившуюся систему знаний.

Хорошо известно, что Достоевский в своих произведениях очень часто обращается к библейским истинам (особенно к тем, авторство которых принадлежит св. ап. Павлу); анализируя принципиальную недостаточность научного знания для полноты понимания и описания подлинной реальности, Достоевский ссылается на библейские цитаты: «...для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите еще снова поработить себя ими?» (Гал. 4:9); «Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать» (1Кор.8:2); «Дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения» (Еф. 4:14) и др.

Вторую онтологическую составляющую целостной картины мира, причем не менее важную, чем первая, у Достоевского представляет вера; вера как носитель той части единой и целостной реальности, в которой главные начала - вечное и абсолютное: «Все тайна вокруг, во всем тайна Божия» [2, с.289]. Философ отмечает, что огромная часть мира – духовная как бы выброшена из рассмотрения: «Мир же духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью» [3, с.284]. И опять Достоевский использует много библейских цитат для обоснования своих воззрений: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны» (Рим. 1:20); «Ибо живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу - о духовном» (Рим.8:5); «ибо плоть желает противного духу, а дух - противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы» (Гал. 5:17). Замечателен общий вывод Достоевского из всех этих размышлений: «...человек стремится на земле к идеалу, противоположному его натуре» [4, с.175]. Объединяя эти две составляющие картины мира, Достоевский тем самым формирует и онтологическое Целое, которое наиболее полно отражается в глубинном единстве веры и знания – именно эти начала и выступают в роли атрибутивных носителей онтологической целостности этой новой, абсолютной реальности, где единством веры и знания совершается синтез с одной стороны, мира дольного, эмпирического, а, с другой стороны, мира горнего, абсолютного, сверхэмпирического: «Тем даже прекраснее оно, что тайна...» [3, с.290]. Итогом такого нового – абсолютного - понимания реальности и стала концепция Достоевского об атрибутивно-онтологическом единстве веры и знания. Он, как и вся русская философия, стоит на позициях понимания познавательного процесса как подлинного цельного и живого познания: а) из пассивно-умозрительного оно должно стать активно-проектным, раскрывающем не только то, что есть, но и то, что должно быть; б) в человеческом постижении мира и самого себя на высшем уровне знание становится неразличимым с верой, фактически «перетекает» в нее.

В данной работе представлен целостный историко-философский анализ метафизических воззрений Ф.М. Достоевского об атрибутивном единстве веры и знания в контексте современных концептуальных представлений об этом феномене; на наш взгляд, именно такой: а) кросс-временной (из удаленного прошлого в современность); б) компаративистский способ исследования представлений о вере Ф.М. Достоевского на фоне основных современных исследовательских результатов в отношении феномена веры позволяет показать всю их актуальность, значимость и глубину наиболее полно и масштабно.

Начать же этот анализ следует, на наш взгляд, с важнейших работ русского философа В.И. Несмелова, которые, на наш взгляд, является в какой-то мере основным идейным единомышленником Ф.М. Достоевского в решении этой проблемы. Именно В.И. Несмелов убедительно показал, что, с одной стороны, ни наука, ни научная философия не способны «выработать вполне удовлетворяющее человека, теоретически полное и жизненно глубокое, воззрение на мир» [5, с.3]; с другой стороны, по Несмелову В.И., именно вера – это то самое начало, которое только и может разъяснить человеку его самого, раскрыть смысл его не «реальной», а подлинной жизни, создать живое определение его деятельности: «для древних мыслителей со времени Сократа наука и философия были существенно различны: одна давала человеку знание, другая делала его мудрецом» [6, т.1, с.5].

И совсем совершенно пронзительное и яркое суждение о науке (В.И. Несмелов ее называет положительной), которое помогает понять соотношение веры и знания наиболее целостно и отчетливо, особенно в контексте явно выраженного бессилия науки для решения вечных («проклятых») вопросов: «Положительная наука может говорить только о костях и жилах, о мускулах и нервах, т.е. ...она может рассматривать человека лишь в качестве добычи для могильных червей...потому что никому из ученых пока не удалось подцепить душу на острие ножа и посадить ее в реторту химика. Следовательно, жгучие вопросы о том, что что следует желать человеку во имя его человечности, и как ему следует жить по истине его человечности, в пределах положительной науки не могут даже и ставиться; потому что в этих пределах ведома одна только животность...» [5, с.7].

Для нашего исследования эти положения философии В.И. Несмелова – ключ к пониманию единства веры и знания, в том числе и главным образом к концепции единства веры и знания у Ф.М. Достоевского; в силу этого следует попытаться так осмыслить вышеприведенные выводы глубоких исследований В.И. Несмелова, чтобы не только раскрыть их подлинный и фундаментальный смысл, но и получить решающий интенциональный импульс дальнейшего проникновения в данную проблема-

тику в философском анализе уже упомянутой концепции Ф.М. Достоевского о единстве веры и знания.

У веры и знания – совершенно разные, но взаимодействующие и взаимосвязанные задачи по отношению к бытию и активности человека. Вера решает первую и главную задачу: она формирует самого человека, разъясняет ему самого себя – его глубинную суть и внутренний мир, его жизненные цели и ценности, с помощью которых он только и может прожить свою подлинную жизнь, постичь ее глубинные смыслы, выполнить свою космическую миссию и предназначение. Если не решена эта первая и главная задача – подлинный человек в мире вообще никогда не появится, а, следовательно, миссия такого человека в мире, который «не получился» (напомним, что фраза «человек не получился» принадлежит именно Ф.М. Достоевскому), изначально не может не быть провальной, даже если его «оснастить» самым прекрасным знанием обо всем на свете – ведь знание выполняет только вторую, и притом принципиально вспомогательную задачу – задачу на уровне средств и инструментария той или иной активности человека. А если человек подлинный не получился? Ведь так называемая положительная наука, согласно воззрениям В.И. Несмелова, в человеке «обслуживает» лишь его животные, на уровне «костей, жил и нервов» начала, ничего не задевая и не меняя на уровне подлинно жгучих вопросов бытия человека – не как животного, а как существа, наделенного человечностью и душой! Это же утверждает в своих воззрениях и Ф.М. Достоевский, анализируя резкий поворот от одной (страстной и суетной) к совершенно иной (подлинной) своей жизни у Мити Карамазова в его диалоге с Алешей в остроге перед судом: «Брат, я в себе в эти два последние месяца нового человека ощутил, воскрес во мне новый человек! Был заключен во мне, но никогда бы не явился, если бы не этот гром. Страшно! И что мне в том, что в рудниках буду двадцать лет молотком руду выколачивать, не боюсь я этого вовсе, а другое мне страшно теперь: чтобы не отошел от меня воскресший человек!» [7, с. 30-31].

Философское творчество Ф.М. Достоевского, вся активность которого пронизана метафизическими интенциональными потоками, «высвечивающими» в реальном мире те его стороны и горизонты, которые связаны исключительно с глубинными проблемами бытия человека, с проблемой смерти и бессмертия, с отношениями к Абсолюту, к вечному и неизменному, а не к временному, относительному и суетному. Надо сказать, что фактически Достоевский в своих воззрениях осуществляет метафизический синтез самых разных фундаментальных начал, среди которых в качестве ключевых выступают четыре: вера, знание, человек, Абсолют. В этом синтезировании новой абсолютной реальности и средств ее постижения, Достоевский поднимается до высочай-

ших вершин видения сути человека и мира; немецкий философ XX в. Р. Гвардини, например, подчеркивает, что «сколько бы раз ты ни возвращался к “Идиоту”, тебя снова и снова охватывает ощущение колоссальной религиозной интенсивности этого мира, сопоставимой лишь с той, что присутствует в творениях Рембрандта. Здесь ощущаешь могучее и глубокое присутствие Бога... Он здесь, Он встает во весь рост, Он правит» [8, с.263-264].

Иначе говоря, все философские вопрошания Ф.М. Достоевского – непрерывный поиск метафизических решений сложнейших экзистенциальных проблем человека – вечных, а не суетных, фундаментальных, а не на злобу дня, сугубо мировых, а не в рамках безликого и анонимного существования, проблем присутствия человека как подлинно Космического начала, во многих отношениях равносильного, как будет ниже показано, даже самому Абсолюту. Достоевский всей своей философией утверждает главное: полная и обоснованная жизнь человека должна быть вечной жизнью ради утверждения идеи Богочеловечества – такого развития общества, в котором будет осуществлено полное осуществление природы человека во всей ее конкретности и полноте через воплощение всей божественной первоосновы самой идеи человека от Творца. Когда человек достигнет такого уровня своего развития он сам станет абсолютom, человекобогом.

Давно подмечено, что за ликами различных литературных героев Ф.М. Достоевского на самом деле скрывается всегда только один персонаж – сам автор, но в ипостаси не писателя, а философа, непрерывно пытающегося разгадать метафизику человеческого бытия, ускользающего от всякой рациональной унификации в непостижимое смерти и бессмертия. Для Достоевского каждый человек «...есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (письмо брату Михаилу от 16 августа 1839 г.) [9, с. 63]. Достоевский как философ стремится постигнуть эту человеческую тайну самыми разными способами и средствами, наиболее общей чертой которых, как это впервые выявил еще Вячеслав Иванович Иванов, является глубинно-исходное, изначально, на уровне мифа и мистики прозрение основ жизни, которое было характерно для древнегреческой мифологии и древнегреческой трагедии: «твое бытие переживается мною, как мое», или: «твоим бытием я познаю себя сущим». *Es, ergo sum*» [10, с. 285].

В.И. Иванов видит такое особое мироощущение Ф.М. Достоевского, который вовсе не останавливается на отдельном, индивидуальном, атомистическом восприятии различных людей, а стремится в каждом из них найти общее и единое, абсолютное, полон уверенности в возможности преодоления этой роковой разъятости.

Добавим от себя, что фундаментальное единство веры и знания совсем не видно в контексте суетного, «реально-го» мира человека и такой же его активности, где знание действительно довлеет, является здесь более востребованным началом, чем вера; для осознания единства веры и знания необходимо подняться над всем этим суетным, стать совсем не «реальным», не «здесь-и-сейчас» человеком, а подлинным космическим существом, сопричастным Абсолюту и в полной мере ответственным за его творение, в том числе и в первую очередь за самого себя. Мы еще более детально покажем эти метафизические стороны единства веры и знания ниже, при анализе еще многих других философских воззрений Ф.М. Достоевского, и тогда оно приобретет свою конкретность, полноту, цельность, атрибутивность, поразительную неразрывность с другими началами, в том числе с Абсолютом, вечностью, бессмертием и др.

У Достоевского даже Христос участвует в его метафизических экспериментах, причем у него сразу ... три Христа: кроме Христа его реальным («земным») двойником оказывается Кириллов из романа «Бесы», а также герой рассказа «Сон смешного человека», который в своих метафизических размышлениях о смыслах бытия уходит даже дальше всех (об этом – ниже). Известный российский философ и метафизик И.И. Евлампиев подчеркивает: «...через Кириллова Достоевский выражает самые сокровенные свои убеждения; и как это почти всегда происходит в его художественном мире, все самое важное здесь оказывается в парадоксальных, противоречивых отношениях с нашими обыденными критериями и ценностями, - они оказываются слишком однозначными и прямолинейными в том загадочном мире, где живут герои Достоевского и где они своими фантастическими поступками и судьбами открывают истину о нас самих» [11, с.132].

Преображение жизни к более совершенной форме и есть путь преодоления смерти, путь подлинного воскрешения человека не в потусторонней загробной, а в земной жизни: «Жизнь есть, а смерти нет совсем» [12, с. 188]. Переходя от проблем преобразования земной жизни к метафизическим ее началам, Ф.М. Достоевский говорит о разных ипостасях воскресения, которое тоже в его представлениях вовсе не единственно: есть традиционное христианское его понимание (после смерти), а есть и новое, причем сразу в двух вариантах: а) перемена самого человека уже в земной его жизни и б) перемена земного бытия всего человечества (глубинный смысл этих воскресений Ф.М. Достоевский разъясняет в своем рассказе «Сон смешного человека» - ниже об этом будет сказано подробнее). Через различие двух вариантов понимания воскресений Достоевский показывает главное различие Христа и Кириллова: Христос верит в преобразование после смерти, а Кириллов - в преобразование в самой земной жизни.

Христос дает нам пример самоотверженной веры, но каждый из нас должен сам повторить это усилие веры, и тогда жизнь каждого из нас – это бесконечно повторяющаяся Голгофа, где каждый из нас – Христос [11, с. 148]. Кириллов (как главный выразитель идей самого Ф.М. Достоевского) отвергает принципиальное различие между Иисусом и любым человеком, осуществляющим усилие веры, поскольку абсолютно все люди в вере - Иисусы, а Христос в вере – лишь только простой человек. Новый Христос, по Ф.М. Достоевскому, – человекобог, т.е. именно тот самый человек, который поверил в свои собственные силы, причем эти силы в своем максимальном выражении, по сути дела, божественны. «Новый Христос», которого так ждет Кириллов и которым он сам пытается стать - это именно человек, но способный в себе самом, в своем реальном, вполне земном человеческом естестве выявить ту бесконечную божественную силу, способную самым чудесным образом, поистине мистически преобразовать весь мир. В этом человекобог отличается от Богочеловека, от Христа, который есть Бог, воплотившийся в человеческую плоть. «Устами Кириллова Достоевский выражает главную суть своей веры, в гораздо большей степени, чем традиционное христианство, соединяющей Бога и человека; в ней именно человек - в своей индивидуально-личной, неповторимой и ограниченной сущности - предстает как носитель божественного начала, как Абсолют, определяющий все, что уже существует в реальности, и обуславливающий возможность преобразования всего сущего» [11, с. 151].

Вера у Ф.М. Достоевского – вера, прежде всего, в человека; только человек и именно человек, по Достоевскому, - есть единственный Абсолют в максимальном (божественном) воплощении своей природной (естественной) и приобретенной в генезисе (в первую очередь, духовной) природы. «И пришла мне в голову одна фантастическая и донельзя дикая мысль: «Ну что, — подумал я, — если б все эти милые и почтенные гости захотели, хоть на миг один, стать искренними и простодушными, — во что бы обратилась тогда вдруг эта душная зала? Ну что, если б каждый из них вдруг узнал весь секрет? ... Вы не верите, что вы так прекрасны? А я объявляю вам честным словом, что ни у Шекспира, ни у Шиллера, ни у Гомера, если б и всех-то их сложить вместе, не найдется ничего столь прелестного, как сейчас, сию минуту, могло бы найтись между вами, в этой же бальной зале... Но беда ваша в том, что вы сами не знаете, как вы прекрасны!» [13, с. 12].

Хорошо видно, что у Достоевского происходит радикальное изменение и смысла Абсолюта: на место Абсолюта, трансцендентного миру и человеку, *приходит трансцендентно-имманентный Абсолют*, совпадающий с отдельной эмпирической личностью. Заметим, что такая трактовка Ф.М. Достоевским веры и Абсолюта, воплощенная в «человекобожестве», вызвала резкую критику многочисленных оппонентов, которые стали

обвинять его в атеизме; на эти нападки на философа и его воззрения Н.А. Бердяев ответил своим известным тезисом: «Этим противоположением (Богочеловека и человекобога – примечание автора данной работы) потом очень злоупотребляли в русской религиозно-философской мысли. Идея человекобога, явленная Кирилловым в ее чистой духовности, есть момент в гениальной диалектике Достоевского о человеке и его пути. Богочеловек и человекобог – полярности человеческой природы. Это – два пути – от Бога к человеку и от человека к Богу... У Достоевского совсем не было желаний прочесть мораль о том, как плохо стремиться к человекобожеству. У него всегда дана имманентная диалектика. Кириллов – антропологический эксперимент в чистом горном воздухе». [14, с. 231].

Завершая эту часть нашей работы, заметим, что И.И. Евлампиев нашел убедительные подтверждения тому, что вера Кириллова соответствует вере самого Достоевского, в его дневниках и публицистике; например, в следующей дневниковой записи от 16 апреля 1864 г.: «...Христос был вековечный, от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек. - Между тем после появления Христа как идеала человека во плоти стало ясно, как день, что высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того (в самом конце развития, в самом пункте достижения цели), чтобы человек нашел, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может делать человек из своей личности, из полноты развития своего я, - это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно... Это-то и есть рай Христов. Вся история как человечества, так отчасти и каждого отдельно есть только развитие, борьба, стремление и достижение этой цели» [4, с. 173].

Итак, мы можем теперь целостно осознать и предмет-

но выразить философскую концепцию Ф.М. Достоевского о глубинном единстве веры и знания: вера и знание – не только органическое и нерасторжимое целое, но на самом деле одно и то же сложное духовное человеческое начало, причем на разных стадиях своего развития – от свободной веры на начальном ее этапе до знания как абсолютной веры, где вера полностью исчезает и уступает свое место только знанию. Вера – некий старт развития этого духовного начала человека, на котором вера главным образом преобладает над знанием; в любом промежуточном состоянии этого развития вера и знание входят в него в качестве атрибутов в том или ином соотношении, зависящем от множества разных факторов, в первую очередь, от уровня культуры, влияния идеологии, от степени социального и материального благополучия данного сообщества людей и др.; наконец, на финише этого сложного и длительного процесса знание становится преобладающим компонентом этого духовного начала, в высшем свое проявлении оно достигает состояния окончательного обладания истиной в форме именно знания. Отсюда следует, что вера и знание – взаимосвязанные и неотделимые атрибуты приобретаемого человеком в своем целостном развитии единого духовного начала, в котором находит свое выражение как отношение человека к самому себе и своему внутреннему миру, выраженному, прежде всего в вере, так и опыт взаимодействия человека с окружающим миром, природой, космосом, выраженному, главным образом, в знании.

Атрибутивная взаимосвязь веры и знания хорошо проявлена в словах Дмитрия Карамазова: «И, кажется, столько во мне этой силы теперь, что я всё поборю, все страдания, только чтобы сказать и говорить себе поминутно: я есмь! В тысяче мук — я есмь, в пытке корчусь — но есмь! В столпе сижу, но и я существую, солнце вижу, а не вижу солнца, то знаю, что оно есть. А знать, что есть солнце, — это уже вся жизнь» [7, с. 31].

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф.М. Художественные произведения. Т. 5: Повести и рассказы. 1862-1866: (Скверный анекдот. Зимние заметки о летних впечатлениях. Записки из подполья. Крокодил. Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже). Игрок: Роман / Текст подгот. и примеч. сост. Е. И. Кийко // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. - 407 с.
2. Достоевский Ф.М. Художественные произведения. Т. 14: Братья Карамазовы. Кн. 1-10 / Текст подгот. В.Е. Ветловская, Е.И. Кийко // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. - 510 с.
3. Достоевский Ф.М. Художественные произведения. Т. 13: Подросток: Роман / Текст подгот. Г.Я. Галаган // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. - 454 с.
4. Достоевский Ф.М. Публицистика. Письма. Т. 21: Дневник писателя, 1873: Статьи и заметки, 1873-1878 // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. - 551 с.
5. Несмелов В.И. Вера и знание с точки зрения гносеологии. - К., 1992. - 118 с.
6. Несмелов В.И. Наука о человеке // Русская религиозная антропология. Т. I-II. - М., 1997. - 1552 с.
7. Достоевский Ф.М. Художественные произведения. Т. 15: Братья Карамазовы. Кн. 11-12. Эпилог: Рукописные ред. / Текст подгот. и примеч. сост. А.И. Батюто [и др.] // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. - 623 с.
8. Гвардини Р. Человек и вера. Брюссель, 1994. - 334 с.

9. Достоевский Ф.М. Публицистика. Письма. Т. 18: Статьи и заметки 1845-1861 // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. - 371 с.
10. Иванов В.И. Родное и вселенское. М., 1994. - 432 с.
11. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX-XX веках: русская философия в поисках Абсолюта. Часть первая. - СПб.: Алетейя, 2000. - 415 с.
12. Достоевский Ф.М. Художественные произведения. Т. 17: Подросток: Рукописные ред.: наброски 1874-1879 // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. - 479 с.
13. Достоевский Ф.М. Публицистика и письма. Т. 22: Дневник писателя за 1876 год, январь-апрель // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. - 407 с.
14. Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. Сборник статей. - М., 1990. - С. 215-235.

© Извекова Татьяна Федоровна (izvekova01@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Новосибирский государственный медицинский университет

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ В СИМВОЛИЧЕСКОМ ПОЛЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Коваленко Наталья Геннадьевна

к.ф.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет
nataly6707@mail.ru

BASIC VALUES IN THE SYMBOLIC FIELD OF SPIRITUAL CULTURE OF RUSSIA

N. Kovalenko

Summary: This work is devoted to the basic spiritual values in the symbolic field of Russian culture, expressing the content of the domestic cultural code. The author actively uses methodological means of comprehending it, which are contained in the philosophical heritage of cultural figures of the «Silver Age»: A.F. Loseva, N.A. Berdyayeva and others. The Slavophil category of collegiality is viewed as a reflection of the essence of the spiritual world of the Russian person.

Keywords: values, basic values, spirituality, spiritual culture, collegiality.

Аннотация: Данная работа посвящена базовым духовным ценностям в символическом поле культуры России, выражающими содержание отечественного культурного кода. Автором активно используются методологические средства его постижения, которые содержатся в философском наследии деятелей культуры «серебряного века»: А.Ф. Loseva, Н.А. Бердяева и др. Славянофильская категория соборности рассматривается как отражение сущности духовного мира русского человека.

Ключевые слова: ценности, базовые ценности, духовность, духовная культура, соборность.

Введение

История такого философского термина как «ценность» насчитывает много столетий. В трудах античных философов и средневековых церковных текстах синонимом слова «ценность» служили такие термины как «благо», «добродетель», и т.п. Однако потребность исследования нравственных проблем привела к тому, что сформировалось представление о духовных ценностях добра, свободы, справедливости, счастья и др. Аристотель, анализируя проблему – что есть благо само по себе – задает вопрос: может быть это то, ради чего всё делается? И затем поясняет на примерах: «Для врачевания – это здоровье, для военачалия – победа, для строительства – дом и т.д. [1; 62]. Аристотель для понимания содержания ценности вводит в исследование научный принцип эмпиричности. Для него это принцип деятельности, то есть то, что делается ради достижения блага.

В те времена под «ценностью» было принято понимать субъективную важность того или иного отдельно взятого явления. Одно из главных отличий ценности заключалось в том, что она могла рассматриваться и в качестве антиценности, то есть носить негативный характер. Рассмотрение проблемы ценностей с философской точки зрения приобрело особую значимость для немецкого классического идеализма. Благодаря усилиям баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) понятие «ценность» прочно вошло в научно-философский оборот. С точки зрения Риккерта, основными ценностями следует считать: истину, красоту, нравственность (гносеология, эстетика, этика). По мнению Риккерта одной из форм выражения ценности выступает норма [2].

Сегодня, как пишет белорусский философ В.Л. Абушенко, под ценностями необходимо понимать смыслообразующие основания бытия индивида, устанавливающие направление и мотивации жизни человека, а также задающие деятельность и определенные деяния, поступки [3; С.25]. А аксиология как философская наука сформировалась из потребности осознания неоднородности научного знания, которое конституируется в том числе и из знания социогуманитарного и культурологического. Согласно аксиологическому подходу, ценности можно подразделять на «инструментальные» и «терминальные». Основой этих классов ценностей служит представление о ценностях – средствах и ценностях высших, базовых, которые являются целями сами по себе. (добро, счастье, свобода).

Система духовных ценностей

Базовые ценности духовной жизни человека обладают принципиально неинструментальным и неутилитарным характером. Они являются базовыми, поскольку ценности, которые положены в основу выбора потребностей и возможных средств их получения, достигаются субъектом в конкретных условиях. Комплекс, сочетание и характер изменения таких ценностей в каждом отдельно взятом случае будут разнообразными. Однако при этом в их базу будут заложены ценности, на которые непосредственно и нацелена деятельность человека. А проблема деятельности, как мы отмечаем, ещё со времён Аристотеля придаёт научный характер осознанию и исследованию ценностей. При осуществлении человеческой деятельности наблюдается присутствие универсального аспекта. Последний проявляется в нацеленности на до-

стижения благ и счастья. Все существующие формы реализации подобного рода ценностей также обладают универсальными аспектами, которые проявляются, прежде всего, в модернизации, коммуникации и потреблении. Данные виды деятельности нацелены на такие ценности как польза, богатство, благополучие и т.д.

Любой вид жизнедеятельности обладает двояким обеспечением – идеальным (от субъекта) и материальным (объективные условия). Что относится к идеальной деятельности, то она может рассматриваться в качестве познания, понимания и проектирования, которые направлены на такие ценности как истина, правда и т.д. Также в основу идеальной деятельности положен ряд и универсальных видов деятельности. Последние при этом обуславливают её целостность. Отмеченные виды деятельности основываются на ценностях мудрости и рефлексивного обоснования. Сложность отмеченной проблематики заключается в том, что ни этот список, ни экспликация его элементов, не могут претендовать на необходимую полноту и высокий уровень достоверности. Но, если сравнивать предлагаемую классификацию с другими существующими на данный момент, то она более системна [4; С.131-140].

При рассмотрении характеризующих качеств психологической готовности к выполнению какой-либо формы деятельности, исследователи подчеркивают необходимость учета особенностей той или иной формы деятельности (С.С. Гриншпун, Е.А. Климов, Н.И. Крылов, А.И. Подольский, В.В. Сериков др.). Поэтому готовность человека к практической реализации духовных ценностей, деятельности идеально-значимого характера как необходимое качество личности. Человек духовный – это тот, кто успешно использует нравственные ценности в ежедневной жизни. Отмеченная готовность к деятельности нами анализируется в рамках следующих составляющих: интеллектуальной, мотивационной и операционально-деятельностной [5].

Интеллектуальный компонент готовности личности к принятию и выполнению духовных ценностей показывает информированность о духовной стороне жизнедеятельности, включающий в себя:

- знание основных духовных ценностей;
- понимание духовных ценностей как основы ежедневной жизнедеятельности;
- понимание необходимости действия посредством духовных принципов в жизненных ситуациях.
- составе мотивационного компонента готовности к реализации духовных ценностей личности выделяют два принципа:
- позитивное отношение к использованию в ежедневной жизни духовных ценностей;
- поддержание духовных ценностей как смыслообразующих в жизни человека.

Операционально-деятельностный компонент приобретает четко выраженный духовный контекст и характеризуется качеством знаний, умений и навыков в решении жизненных ситуаций: это относится к умению отметить духовный компонент ситуации; к умению использовать духовные принципы в изучении ситуации; к способности человека делать правильный выбор соответствующих духовных принципов и поведения. Проблема выбора в жизненных ситуациях на основе основополагающих духовных ценностей (добро, свобода, справедливость) стала ведущей в такой форме философии XX столетия как экзистенциализм (Ж.П. Сартр, А. Камю и др.) [6] Парадоксальное утверждение французских экзистенциалистов о том, что французы как нация были наиболее свободны в дни немецкой оккупации основывалось ими на том, что тогда для каждого француза был выбор: на чьей стороне – сопротивления или фашистских оккупантов. И это решение, этот выбор должен быть сразу и немедленно. А он основывался на том – на чьей стороне – на стороне добра (сопротивления), на стороне зла (оккупанты).

Выбор для экзистенциализма стал критерием, который обуславливает достижение духовных взглядов и системы нравственных знаний, обеспечивающих самостоятельную деятельность человека. Он связан с мотивационным критерием, который предусматривает отношение к придерживанию в каждодневной жизни духовных-нравственных ценностей против проявления бездуховности. А деятельностный критерий при этом включает в себя практическое использование человеком духовных знаний, умений и навыков. Их показатели - регулярность, уровень волевых действий, порядок в использовании духовных норм в поведении и др.

Система духовных ценностей, способ их применения в жизнедеятельности человека, осознание себя человеком духовным связано с воспитанием духовности. Это воспитание человека духовного складывается на базе общих принципов:

- адекватное восприятие правды;
- самовосприятие и восприятие других по культуре и религии, то есть толерантность;
- выражение интереса к другим людям;
- восприятие мира в его постоянном изменении и трансформациях.

Духовность человека лежит на милосердии к другим людям, отзывчивости, чувственности, терпеливости, вежливости и уважительности. Одной из наиболее высших ценностей в этом плане лежит ценность альтруизма как способности к самопожертвованию во имя других людей, своей страны, своего Отечества. Пример массового героизма советских воинов в годы Великой Отечественной войны – навсегда в нашей памяти [7; С.89-91].

Посредством духовных ценностей формируется

смысл индивидуального бытия, указывая человеку на его место и определяя его главное предназначение. Для соблюдения логики и законов социокультурного развития, современный человек руководствуется больше должным, нежели существующим. Поэтому, данное разделение должного и существующего стало ключевой причиной появления и развития философии ценностей. Представленность ценностей в сознании индивида представляет собой некое разворачивание символа. В соответствии с данным символом, духовная ценность является ничем иным, как оригинальной «порождающей моделью». Именно это делает ее содержательно и эмоционально неограниченной [8].

Стремление связать развитие общества с духовной зрелостью человека присуще всем историческим периодам. Историческое развитие человечества неоднократно показывало, что религиозные верования могут быть как стабилизирующим фактором духовной среды и развития социума, так и поводом к общественным неустойчивостям (религиозные войны). Однако в любом случае наличие религиозной веры является фактором привития человеческому уму, массовому сознанию моральных и юридических критериев, которые чрезвычайно важны для жизни общества в целом. Цель любого воспитания состоит в формировании человека духовного. Нравственная жизнь человека связана с его нравственным воспитанием, потому что нравственное воспитание – один из непрерывных процессов, обеспечивающих развитие человека как личности. Люди с положительными качествами, то есть люди-личности влияют на общество, ускоряют его развитие. Человек как личность не случаен в земном мире. По словам великого тюркского мыслителя и поэта Алишера Навои, человек приходит в мир, чтобы достичь совершенства. А путь к совершенству означает прямой путь к духовности. Во всех религиозных учениях Истина понимается как символ совершенства. Совершенство человека – это его стремление к Истине.

Совершенство имеет свои социальные критерии для каждого социального и культурно-исторического периода. Это потому, что люди различаются по умственным, духовным и физическим способностям, талантам и потенциалу. Действительно, нравственное воспитание ведет человека и народ к совершенству. Существует ряд инструментов, которые формируют и укрепляют нравственное воспитание. Они неразрывно связаны с научными и мировоззренческими устоями. Важнейшими из этих инструментов нравственного воспитания являются традиционные национальные (этнические) культурные ценности. Для русского человека – это ценности взаимной помощи и поддержки, социальной и православной идентификации, солидарности и соборности.

Вся история духовности показывает, что цивилизация – это продукт самосознания человека, его борьбы за

торжество и развитие ценностей культуры. Свой огромный вклад в развитие отечественной духовной культуры внёс философ-экзистенциалист Николай Александрович Бердяев. Его концепция о совершенном человеке служит основой для обоснования философии совершенного человека в русской национальной идее. Она всецело поддерживается современным российским государством, которое формирует целевые программы по патриотическому и гражданскому воспитанию молодёжи [9].

Условия воспитания высокой духовности и совершенства, по Бердяеву, складываются из следующих факторов:

1. Концепция духовного очищения – одно из основных и фундаментальных условий совершенства.
2. Величие сердца принадлежит только совершенному человеку.
3. Концепция чистоты совести и совестливости выражается в форме единства языка и действия. Она, согласно учению Бердяева [10], способна противостоять социальным неустойчивостям в виде нигилизма, а сегодня – экстремизма.

В философии Бердяева своё место занимает символическая парадигма объяснения мира. По его словам, человек – самая маленькая часть Вселенной. Человек должен понять это и обязан очистить свою душу. Человек – олицетворение мира молодого. По Бердяеву Вселенная состоит из имен сущностей и атрибутов, проявлений сущности. Сумма сущностей и атрибутов и есть Вселенная. Она состоит из двух частей: первая часть называется невидимым миром, а вторая часть называется видимым миром. Эти два мира называются разными именами в количественных и универсальных терминах. Например, мир творения и мир команд, мир собственности и мир ангелов, мир тела и души, мир восприятия и мир сознания, мир света и мир тьмы и так далее. Эти имена относятся к обоим мирам. Бердяев называет маленького человека и малую вселенную миром видимым, земным, наполненным природными явлениями и фактами человеческой культуры.

Для А.Ф. Лосева как философа культуры серебряного века символизм проявляется в отношении понимания человека. По Лосеву есть две вещи как знаки совершенства. Первое – мораль, другое – самопознание. В зависимости от того, существуют эти две вещи или нет, он разделил людей на три группы [11].

Первый – это люди, не приукрашенные моральными качествами и не знающие себя.

Во-вторых, люди, наделенные моральными качествами, но не знающие себя.

В-третьих, это люди, обладающие моральными каче-

ствами и обладающие самосознанием.

Следовательно, совершенство человека достигается через нравственность и самопознание.

В философии Лосева был разработан уникальный этический кодекс идеального человека. Обладание качествами нравственности и самопознания считается мечтой каждого человека. Идеальный человек – это, прежде всего, человек высоких нравов; его миссия на земле – установить честность и правдивость, развеять плохие образы и обычаи, установить законы, ведущие к добру, и призвать людей к Богу. Чтобы достичь этого уровня, нужно осознавать себя. Ведь, по мнению русского философа, человек, не понимающий себя, умирает, ничего не осознавая. Это означает, что человек шаг за шагом достигает совершенства, путём воспитания религиозности и чистоты в мирской жизни [12]. Как мыслитель религиозного формата Лосев не просто рассуждает о цивилизации и места в ней идеального человека. Его идеи чётко направлены на развитие отечественной культуры, на сознание русского православного человека и систему социальных и духовных ценностей. Приоритетными для него являются именно ценности православной культуры, сформировавшими менталитет русского народа.

В сознании русского человека, по Лосеву, особое значение имеют элементы символического характера, основанные на христианской обрядности. Любой ритуал – это выполнение того или иного обряда, поэтому в православии наиболее значима символика обрядности. Она призвана активно влиять на чувства верующих людей для обеспечения поддержания и углубления их религиозности. И здесь важнейшую роль играют таинства. Под таинствами в христианстве принято понимать обрядовые действия, в которых «под видимым образом сообщается верующим невидимая Благодать Божия» [13; С.10]. Их семь таинств: крещение, миропомазание, причастие, исповедь, брак, соборование. Для профессиональных служителей русской православной церкви это и еще таинство священства.

Вместе с православием на русскую почву пришла концепция соборности. Соборность – органичная составляющая русской духовной культуры. Ключевыми ее символами являлись не только собор как храм в прямом смысле данного слова, но и этническое собрание, вече, сход, то есть начала самоуправления. Дух этноса отражается в его культуре. Соборность, с точки зрения большинства выдающихся отечественных мыслителей, основа русской духовной культуры и русского национального характера. С течением времени создавалась своеобразная философия соборности, базирующаяся на национальной почве русского народа.

На данный момент определение «соборности» применяется в связи с духовным кризисом, потребовавшим восстановления в нашем обществе классических духовных ориентиров. Соборность является единственной альтернативой западной системы ценностей (мультикультуризм, гендер и др.). Последние чужды не только традициям русского этноса, но и его характеру, мировосприятию и миропониманию. По сути, соборность является ничем иным, как специфическим явлением многовекового развития русской духовной культуры, противоположным западноевропейскому рационализму и индивидуализму. С течением времени идеал соборности стал представлять собой основу нравственного сознания русского этноса. Он достаточно востребован в наши дни как этический базис социокультурной жизни российского общества, а теоретически он был осмыслен в философии славянофилов.

В философской литературе термин «соборность» активно использовался ранними славянофилами А.С. Хомяковым и И.В. Киреевским. Само по себе славянофильство выступает преимущественно философией соборности, поскольку всесторонне раскрывает данное понятие. В рамках славянофильства также установлены 2 ключевых критерия соборности:

- внутренний (религиозно-этический);
- внешний (социально-политический).

Наибольшую важность для славянофильства представляет религиозно-этический критерий соборности. С точки зрения Хомякова, церковный собор отражает концепцию единства во множестве [14]. По мнению философа, это проявляется не только в видимом объединении людей в том или ином отдельно взятом месте, но и в едином смысле имеющейся возможности подобного рода объединения. Соборность для славянофилов представляет собой церковную общность этноса, объединенного одной верой; православные ценности, которые обеспечивают духовное единство личности. Соборность, по их мнению, это нечто иное как единство многих людей, сформировавшееся на базе единой их веры в Бога, сына Божьего Иисуса Христа и в Правду Божию. Соборность является не количественным, а качественным термином. В соответствии со славянофилами, категория соборности обладает и внешним – социально-политическим критерием. При этом последний предполагает оцерковление социальной жизни, возрождение элементов первой христианско-апостольской церкви. Одним из основных социальных аналогов соборности принято считать общину, которая предохраняет от реализации человеческого эгоизма в его поступках; органическое государство, сформированное непосредственно на духовных началах [15; С.22-23].

Уважение русского человека друг к другу, православная соборность дадут возможность нашему этносу

снова стать одним целым, сильным в духовном и физическом плане, не поддаваться экстремизму и ксенофобии. Русская культура была и есть одним из ключевых признаков, неотъемлемой составляющей русского этноса.

Святая соборность по философии славянофилов призывает людей к сбережению единства величайшей во всем мире русской культуры. Значимость осмысления концепции соборности как основы отечественной духовной культуры состоит в том, что эта идея может быть исследована на 2-х уровнях:

- соборность мистическая;
- соборность историческая.

Между отмеченными уровнями отсутствуют границы, поскольку они очень тесно связаны и взаимопроникающи. По мнению современного историка русской философии Л.Е. Шапошникова, внешняя, количественная, и внутренняя, качественная, стороны соборности не могут существовать отчужденно друг от друга, поскольку они тесно связаны между собой. Он указывает на то, что эта сущность «дана на века», а явление при этом носит только лишь исторический характер [16; С.48].

Под мистической соборностью Шапошников понимает абсолютный идеал. В реальной жизни общество и современный индивид крайне далеки от этого идеала. Однако при этом исследователь указывает на наличие стремления народа к такому идеалу. В связи с этим соборность приобретает форму идеала. Именно в этом и заключается его ключевая нравственная значимость для человечества символическая форма движения к единству всех людей вне религий и этнических рамок.

Русскому этносу оказались очень близкими по смыслу ряд христианских идеалов и принципов, изначально носивших в себе концепцию соборности. К примеру, изначально Христианство воспринималось русским человеком в качестве религии, обращенной к миру, к людям. Данный факт отмечается С.А. Левицким в одном из его трудов. Автор считает, что если всмотреться в киевский период, то можно заметить чистоту восприятия христианства предками нашего этноса. Благая весть в те времена воспринималась людьми гармонично и светло. Наши предки вдохновлялись

стремлением к деятельности христианской любви. Не зря один из первых отечественных святых – Феодосий Печерский – не был затворной личностью [17; С.13]. Русской душе оказался более понятным путь спасения С-МИРОм, чем путь спасения в изоляции от мира. Благодаря православной духовности, религии удалось сыграть в отечественной философии роль ключевого смыслообразующего элемента. Православие стало одним из важнейших источников своеобразия, оригинальности, всего самого сокровенного и глубокого в русской религиозной философии. Оно стало базой отечественной философии соборности.

Заключение

Подводя итог, укажем, что в результате анализа таких понятий как «базовые ценности», «духовная культура», «духовность», «русская духовная культура» и «соборность»:

1. Духовные ценности для русского этноса выступают наиболее значимыми социокультурными ценностями, также как философия и социокультурная практика соборности. Теоретически осмысленный феномен соборности в философии славянофильства в наше время приобретает важность и требует преодоления системного кризиса отечественного общества.
2. В XXI веке России необходимо было совершить выбор между исторически сформировавшейся национальной культурой и её ключевыми традиционными ценностями, и ценностями западного образа жизни. Воспитание молодёжи в рамках отечественной системы духовных ценностей стало сегодня одной из насущных задач молодёжной политики российского государства.
3. Русская культура серебряного века стала толчком к появлению интереса к философии символизма как отражению поисков деятелей художественной культуры прошлых веков. Отечественные символисты, интерпретируя культуру как «духовно-общественное бытие», рассматривали духовность в качестве главного символа отечественной культуры, понимая под нею приверженность к православной вере, соборности и началам социокультурной самоорганизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Никомахова этика / Соч. в 4-х тт. Т.4. – М.: Мысль, 1983. – С.62
2. Риккерт Г. Философия жизни. Киев: «Ника-Центр», «Вист-С», 1998. – 505 с.
3. Абушенко В.Л. Аксиология / Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл.- Минск: Книжный Дом, 2003. – С.25
4. <https://www.psychologos.ru/>
5. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения) в 3-х частях. Ч.3: Антропология. СПб. 1999. С. 131-140
6. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С.509.
7. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. М.: Издательство АСТ. 2020. – 1072 с.

8. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм. В кн.: Сумерки богов. М.: «Политиздат», 1989. с. 319-344.
9. Камю А. Посторонний, Чума, Падение. Рассказы и эссе М.: Радуга, 1988. – 464 с.
10. Камю А. Бунтующий человек; Философия, политика, искусство. (Общая редакция, составитель и предисловие кандидат философских наук А.М. Руткевича). М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
11. Василенкова А.А. Патриотическое воспитание молодёжи на традициях войны и мира // Ключь: Выпуск 16. – Матер. Нац. Научно-практ. Конф. С междунар. Участием «Значение Победы в Великой Отечественной войне для настоящего и будущего России». – СПб.; СПбГАУ, Сухум, АГУ, 2021. – С. 89-91
12. Бердяев Н.А. Дух и реальность: основы боговечности духовности / Философия свободного духа. – М.Ж Республика, 1994. – С. 364-461
13. <https://docviewer.yandex.ru>
14. Бердяев Н.А. Самопознание. –М.: Книга, 1991. – 445 с.
15. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Изд-во: Академический проспект, 2013. – 848 с.
16. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М: Искусство, 1995. – 320 с.
17. Осипов И.Д. Философия политики и права в России: монография. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Гос. ун-та, 2014. – 262 с.
18. Белкин А.И. Православие как разновидность христианства. Саранск, 1998. – С.10.
19. Хомяков А.С. Письмо к редактору «L'Union Chrétienne» о значении слов: «Кафолический» и «Соборный» по поводу речи иезуита отца Гагарина. Полн. Собр. Соч. М.,1911. Т.2.
20. Арефьев М.А., Давыденкова А.Г., Осипов И.Д. Русская культурология. Ч.1. Культура российского самоуправления. СПб., 2003. С.22-23.
21. Шапошников Л.Е. Проблема богословского творчества в наследии С.Н. Булгакова / Русское православие: Вехи истории. Ниж. Новгород, 1998. – С.48.
22. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. М.,1996. – С.13.

© Коваленко Наталья Геннадьевна (nataly6707@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

КОММУНИКАЦИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

COMMUNICATION IN THE GLOBAL WORLD: EXISTENTIAL AND AXIOLOGICAL ASPECT

*E. Loginova
E. Gvozdeva*

Summary: The article is devoted to the study of communication in the context of the intensification of globalization. The authors focus on the existential and value aspect of communication, which importance especially increases at the present period of society development. The analysis of the concepts of such existential personalists as K. Jaspers, N.A. Berdyaev, E. Mounier shows their relevance for creating universal mechanisms of interaction and building an effective dialogue between people, states, nations and peoples based on the principles of consensus, understanding, tolerance and openness.

Keywords: existential communication, globalization, dialogue, value, communication.

Логинова Елена Геннадьевна

*к.ф.н., доцент, Забайкальский институт
железнодорожного транспорта – филиал Иркутского
государственного университета путей сообщения
elena_loginova@inbox.ru*

Гвоздева Елена Николаевна

*к.п.н., доцент, Забайкальский институт
железнодорожного транспорта – филиал Иркутского
государственного университета путей сообщения
gwelena@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблемы коммуникации в условиях интенсификации глобализационных процессов. Авторы акцентируют внимание на экзистенциально-ценностном аспекте коммуникации, значимость которого особенно возрастает на современном этапе развития общества. Анализ концепций мыслителей экзистенциально-персоналистического направления К. Ясперса, Н.А. Бердяева, Э. Мунье показывает их актуальность для создания универсальных механизмов взаимодействия и построения эффективного диалога между людьми, государствами, нациями и народами на основе принципов согласия, взаимопонимания, толерантности и открытости.

Ключевые слова: экзистенциальная коммуникация, глобализация, диалог, ценность, общение.

В настоящее время одной из важных проблем, требующих всестороннего изучения, является проблема коммуникации. Сегодня мы можем констатировать факт, что коммуникация в XXI столетии – не просто необходимый атрибут существования любой человеческой общности. Пронизывая все сферы жизни современного социума, коммуникация преодолевает временные и пространственные барьеры и выходит на передний план при решении экономических, политических и культурных вопросов. Всё возрастающая значимость коммуникации и механизмы ее осуществления находятся в прямой зависимости от стремительно развивающегося процесса глобализации, явления, которое обуславливает изменения в культуре, политике, экономике, а также оказывает, по мнению современных исследователей, существенное влияние непосредственно на человеческую жизнь [2].

Тенденция к однородности и поступательное разрушение биполярного мира, безусловно, вызывают изменения в человеческом сознании и поведении и воздействуют на реализуемые в акте общения традиционные ценности, подвергая их трансформации в сторону универсализации для представителей разных социальных групп и разных народов. В связи с этим основными задачами исследования являются вопросы о влиянии глобализации на коммуникативный процесс как основу

экзистенциального отношения между людьми и о роли экзистенциально-ценностного компонента общения в эпоху глобальных социально-культурных преобразований. Рассмотрение этих вопросов требует использования диалектического, сравнительно-сопоставительного, дескриптивного и других научных методов.

Теоретической базой исследования послужили труды современных ученых и ведущих представителей русской и западно-европейской философии экзистенциализма. Практическая значимость работы основана на формировании мотивации к сохранению аксиологической составляющей процесса общения. Кроме того, исследование коммуникации в данном аспекте на фоне глобальной трансформации всех сфер жизнедеятельности общества может быть значимым дополнением к ее уже существующим научным теориям.

Необходимо отметить, что термин «коммуникация» довольно часто рассматривается исследователями и как частная разновидность общения, и как феномен, имеющий выраженные отличительные черты [7; 8; 9]. Актуализация того или иного понятия зависит от используемого в различных науках терминологического аппарата и поставленных в конкретных исследованиях задач. Без сомнения, при детальном рассмотрении между этими дефинициями обнаруживаются существенные

различия, однако и общение, и коммуникация в широком смысле слова могут быть истолкованы в качестве целенаправленного взаимодействия людей, направленного на обмен информацией, мыслями, эмоциями, переживаниями. Именно такое толкование, без выделения принципиальных различий, отвечает целям настоящего исследования.

Коммуникация как важнейший фактор человеческого существования подвергается анализу как на уровне отдельно взятого индивида, так и на уровне социальной группы. В зависимости от того, кто является участником взаимодействия, выделяют три уровня общения: макро-, мезо- и микроуровень или соответственно массовая, групповая и межличностная коммуникации. Ряд авторов [16], исследуя коммуникативные особенности культуры, выделяют коммуникативный и метакоммуникативный уровни общения. Коммуникативный уровень подразумевает передачу информации. Непосредственное и опосредованное, вербальное и невербальное типы общения определяются в рамках данного уровня. Все эти виды отличаются конкретным характером воздействия. Метакоммуникативный уровень – это взаимодействие на основе информации, которая, как пишут авторы, «ушла в тень», но, тем не менее, обладает способностью оказывать влияние на глубинные пласты самосознания. Исходя из представленных авторами данных, можно сделать вывод, что при любом виде общения будет проследиваться его метакоммуникативный характер, так как культурный фон, культурное наследие всегда будут, так или иначе, влиять на процесс коммуникации.

В свою очередь, глобализация, так же как и коммуникация, находится в эпицентре исследования самых разных научных направлений. В частности, Г. Макбруни, исследуя ее роль в формировании образовательной политики в системе высшего образования, пишет о том, что данный процесс происходит в четырех измерениях [19]. С ним солидарны многие современные авторы [5; 14], указывающие в качестве основных видов проявления глобализации ее экономическую, политическую, технологическую и социокультурную составляющие. Существуют попытки и более детальной классификации данного феномена, обозначающие индустриальный, финансовый, экономический, политический, информационный и культурный аспекты глобализации [10]. Таким образом, можно сделать вывод, что исследователи единогласно указывают на подверженность социокультурного компонента человеческого бытия процессу интеграции.

Анализ источников также показывает, что социокультурная сторона глобализации в первую очередь находит свое выражение в интенсификации коммуникации. J.W. Carey в своей работе «Communication as culture» пишет: «Основная ориентация в понимании коммуникации, глу-

боко укорененная в нашем мышлении, есть идея трансмиссии: культура – это процесс передачи и распространения в пространстве сообщений под контролем людей» [18, с. 15].

Как упоминалось выше, активизация коммуникативных процессов в эпоху всеобщего глобализма привела к серьезным изменениям в сфере науки и образования, экономике, политике, искусстве и т.д. Так, стремление раскрыть потенциал коммуникативного подхода прослеживается в решении многих социальных проблем. На первый план выдвигаются такие ценности как толерантность, плюрализм, свобода, открытость и т.д. Коммуникативные знания и умения все больше признаются важнейшим компонентом в современной системе образования [15], поскольку общение, как ничто другое, оказывает влияние на социализацию личности, ее становление и формирование.

С другой стороны, хотя значение общения для отдельно взятого индивида трудно переоценить, при передаче информации при помощи современных технических средств всё меньше внимания уделяется ее получателям. Желание в кратчайшие сроки получить результат придает сообщениям директивный характер, что часто создает непонимание, влечет неправильную интерпретацию и порождает конфликтные ситуации. Виртуализация реальности в отдельных случаях приводит к полной утрате живого общения, и следовательно, потере собственной личности, собственного «я».

Перечисленные факторы заставляют нас обратиться к исследованию сущности понятия «коммуникации» в философии русского и западно-европейского экзистенциализма, так как именно в данном философском направлении обосновывается значимость экзистенциально-ценностного аспекта коммуникации.

Немецкий философ-экзистенциалист Карл Ясперс указывал в своих трудах, что коммуникация есть сущностная характеристика человеческого бытия. Путь к истинной экзистенции или подлинному существованию, по Ясперсу, возможен только через коммуникацию. Именно она является центром миропонимания мыслителя и «настолько составляет его [существования] всеохватывающую сущность, что все, что есть человек и что есть для человека ... обретается в коммуникации» [Цит. по: 6, с. 17]. Философ полагал, что настоящее общение – глубоко интимное и личностное – возможно только путем самораскрытия личности перед собеседником. Оно достижимо на основе полного доверия, осознании необходимости слышать и быть услышанным, понимать и быть понятым, и, возможно, на преобразовании ради этих целей самого себя. Таким образом, размышления Карла Ясперса, как и многих других мыслителей экзистенциальной направленности, основываются на утверждении, что движущей силой, пре-

образующей мир и преобразующей каждого живущего в нем индивида, может быть только коммуникация, основанная на восприятии другой экзистенции как ценности, то есть коммуникация экзистенциальная [12].

Ясперс говорил и о вероятности глобальной коммуникации, подразумевая под этим единение людей всего мира. Движущей силой для создания связи между представителями разных народов и культур он считал философскую веру, которую определял в качестве осознания человеком своей экзистенции или уверенности в своей реальности, «встречу экзистенции и трансценденции» [17]. Философская вера в рассуждениях мыслителя сходна с верой религиозной, но последняя различается в зависимости от вероисповедания человека. Философская вера, напротив, всегда объединяет, потому что является общей для всех. Она создает истинное духовное единство, незримую экзистенциальную связь между народами.

В экзистенциально-персоналистической концепции русского религиозного мыслителя Н.А. Бердяева проблема общения предстает в свете его борьбы с бездушным объективированным миром [4]. Мир объектов противостоит человеческому «Я», которое чувствует себя покинутым, «заброшенным», одиноким. Объективированный мир – это мир бездуховности, где уникальность личности растворяется под прессом неопределенного безликого общего. Следствием процесса объективации Бердяев считал ограничение человеческой свободы и отрыв индивида от общества. Такая постановка проблемы общения в философии Бердяева позволяет заключить, что мыслитель предостерегает об утрате независимости и оригинальности личности при осуществлении ее включенности в мир на бездуховной основе [4].

По мысли Бердяева, каждое отдельно взятое «я» существует как некий микрокосмос, тайну и глубину которого невозможно разгадать и постичь в полной мере. Однако при истинном общении субъекты «я» и «ты» открываются перед друг другом и образуется единство «мы». Именно через отношение «мы» личность внедряется в общество и осознает свою «коммунарность»

[3]. Следовательно, выход из объективированного мира, прорыв к подлинному существованию философ видел в акте экзистенциальной коммуникации, ценность которой проявляется в признании уникальности другой личности, в стремлении к познанию ее внутреннего мира.

Французский философ-персоналист Э. Мунье, так же, как и Н. Бердяев, полагал, что только в состоянии открытости личности для «другого» появляются возможности и перспективы индивидуального существования. «Личность существует только в своем устремлении к “другому”, – писал он, – познает себя только через “другого” и обретает себя только в “другом”» [13, с. 39]. Согласно теории Мунье, изначально личность сосредоточена в себе, но ее природа коммуникабельна, поэтому задача каждого индивида преодолеть свой эгоцентризм, раскрыть себя и обрести себя в другом. Чувство единения и духовной общности приобретает через взаимозависимость, экзистенциально-персоналистическое душевное общение, основанное на взаимопонимании, согласии, исключающее абстрактность и эгоизм.

Экзистенциальная концепция коммуникации приобретает особую значимость в эпоху глобализма, когда нации и народы должны искать пути для достижения согласия и взаимопонимания. Согласно взглядам современных ученых, «под транснациональной экзистенциальной коммуникацией можно понимать осуществление модели коммуникации Ясперса ради передачи транснациональных ценностей и смыслов во имя достижения согласия в мире и преодоления образов политического «врага»» [1, с. 132].

Таким образом, чрезвычайно сложные политические, экономические и социальные условия и психологический климат в современном глобальном обществе заставляют обратиться к проблеме общения как аксиологической категории. В этом контексте экзистенциальная коммуникация не только делает возможным осуществление простого диалога как акта общения, но диалога, построенного на принципах свободы, справедливости, разумности и толерантности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопов С.В. Государство, глобализация и экзистенциальная транснациональная коммуникация // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. Том 9. № 4. С. 124–134.
2. Арсеньева И.И. Глобализация и перспективы мирового развития // Журнал Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. №81. С.7–15.
3. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 479 с.
4. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 479 с.
5. Высотская А.Б. Влияние глобализации на национальные учетные системы развивающихся стран в условиях информационной экономики // Пространство экономики. 2014. №2. С. 109–116.
6. Гайденок П.П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 5–26.

7. Грачев В.И. Коммуникация и общение в современной культуре: уроки научной аберрации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 2. № 4. С. 229–236.
8. Гусева Д.И. «Коммуникация» и «общение»: соотношение понятий // Вестник науки и образования. 2019. №20 (74). С. 84–87.
9. Ерохин В.С., Ерохина Н.В. Коммуникация как социальный феномен // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 3. С. 500–504.
10. Кручинин И.Н. Процесс глобализации: проблема неравенства в глобализации // Хроноэкономика. 2019. № 5. С. 64–69.
11. Логинова Е.Г. Проблематика языка и общения в русской религиозной философии конца XIX – начала XX веков: социально-философский анализ // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 3. С. 199–203. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/03/Loginova.pdf>
12. Логинова Е.Г., Гвоздева Е.Н. Язык и коммуникация в философии экзистенциализма: К. Ясперс и М. Хайдеггер // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 6А. С. 102–108. DOI: 10.34670/AR.2020.40.76.011.
13. Мунье Э. Персонализм. М.: Искусство, 1992. 142 с.
14. Пензина Е.В. Феномен глобализации: глобализация и вестернизация // Вестник КрасГАУ. 2012. № 8. С. 228–233.
15. Середа Л.И. Коммуникативно-деятельностный подход в обучении иностранному языку в техническом вузе // Культура. Наука. Образование 2018. № 2 (47). С. 146–156.
16. Симонова М.М., Левченкова Т.А., Бутырина С.А. Коммуникативный характер культуры в ее развитии // Вестник славянских культур. 2019. № 1. С. 65–72.
17. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.
18. Carey J.W. Communication as culture. Boston, Unwin Human Publ., 1992. 302 p.
19. Macbruni G. Globalization as a political paradigm of higher education // Higher education today. 2001. no.1, pp. 46–53.

© Логинова Елена Геннадьевна (elena_loginova@inbox.ru), Гвоздева Елена Николаевна (gwelena@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Забайкальский институт железнодорожного транспорта – филиал Иркутского государственного университета путей сообщения

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ УЧАЩИХСЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПЛАТФОРМ

Миронова Наталья Геннадьевна

к.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО Башкирский государственный
университет (Уфа)
om_aks@mail.ru

PROBLEMS OF INFORMATION SECURITY OF STUDENTS' PERSONAL DATA WHEN TEACHING USING DIGITAL EDUCATIONAL PLATFORMS

N. Mironova

Summary: Digital educational environments and platforms, introduced as a supplement and alternative to the traditional format of the educational process, involve the collection, accumulation and processing of arrays of identification and behavioral data about students. Since many of this information is confidential and protected by law, educational platforms should provide an appropriate level of protection for digital personal data, but in practice, the protection of personal data is not always ensured. The article analyzes the problems of using digital educational systems associated with personal data in DSP, their sources; the article outlines the directions of reducing information security risks in the implementation of new education technologies.

Keywords: digital education, digital educational platform, digital educational environment, personal data of students, information security.

Аннотация: Цифровые образовательные среды и платформы, внедряемые в качестве дополнения и альтернативы традиционному формату образовательного процесса, предполагают сбор, накопление и обработку массивов идентификационных и поведенческих данных об учащихся. Поскольку многие из этих сведений являются конфиденциальными и охраняются законом, образовательные платформы должны обеспечивать надлежащий уровень защиты цифровых персональных данных (ПДн), но на практике защищенность персональных данных не всегда обеспечивается. В статье проанализированы проблемы использования цифровых образовательных систем (далее ЦОС), связанные с персональными данными в ЦОС, их источники; обозначены направления снижения рисков информационной безопасности при реализации новых технологий образования.

Ключевые слова: цифровое образование, цифровая образовательная платформа, цифровая образовательная среда, персональные данные учащихся, информационная безопасность.

В России реализуются «Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017 - 2030 годы», нацпроекты «Цифровая экономика» и «Образование»; их частью является проект создания всероссийской цифровой образовательной среды (далее - ЦОС) (утв. Приказом Министерства просвещения РФ № 649 от 2 декабря 2019 года). Внедрение ЦОС отражает радикальные изменения в модели российского образования. Под экономику данных подстраивается не только правовая среда, корректируются и другие стандарты¹.

Регламентацию сферы образования сейчас осуществляют разнородный комплекс нормативных документов; упомянем те из них, которые имеют отношение к обработке личные и персональные данные учащихся в цифровых образовательных платформах; 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.07.2012;

44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» от 16.04.2001; 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31 июля 2020 г., (ограничивающий применение 152-ФЗ «о персональных данных» в части безопасности), 123-ФЗ «о внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона О персональных данных» от 24 апреля 2020 г.; «Концепция создания единой федеральной межведомственной системы учета контингента обучающихся по основным образовательным программам и дополнительным общеобразовательным программам».

К нормативному регулированию процедур защиты персональных данных учащихся в ЦОС следует отнести 152-ФЗ «О персональных данных», 519-ФЗ «О внесении изменений в 152-ФЗ о персональных данных» от

¹ Например, при проведении он-лайн занятий в дистанционном формате прежние санитарные нормы оказались невыполнимы для образовательных учреждений; - с 1 января 2021 года утверждены новые санитарные правила «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи», облегчающие широкое использование цифровой образовательной среды.

30.12.2020, постановления Правительства РФ («О требованиях к защите ПД при их обработке в ИСПДн», ПП №№ 687, 512, 211). В России действуют правила организации и осуществления государственного контроля и надзора за обработкой персональных данных, существует запрет на использование иностранного ПО для государственных систем (в т.ч. систем обработки ПДн); действуют приказы и методические документы регуляторов в части защиты ПДн (приказы ФСТЭК № 58 «Об утверждении положения о методах и способах защиты информации в информационных системах защиты персональных данных», № 21 от 18.02.2013 о технической защите ИСПДн, приказ (ФСНСС) № 996 «Об утверждении требований и методов по обезличиванию персональных данных» и др.). Так, 519 ФЗ требует активного согласия субъектов ПДн (граждан) на обработку, но согласие теперь означает, что гражданин разрешает вести всю последующую обработку своих ПДн не только структуре, которой он непосредственно разрешил обрабатывать свои личные данные, но и любым «третьими сторонам»; тем самым новый закон «развязал руки» бизнесу в отношении сбор и продажи массивов личных данных граждан, но поставил граждан (например, учащихся в ЦОС) в более уязвимое, чем прежде, положение. В 2021 г. Роскомнадзор в приказе «Об установлении требований к содержанию согласия на обработку ПДн, разрешенных субъектом ПДн для распространения», рекомендовал указывать в соглашении на обработку и использование ПДн, помимо прочего: цель обработки ПДн, категории ПДн, на обработку которых дается согласие, срок, в течение которого действует согласие (но этот срок вряд ли будет соблюдаться оператором, как показывает практика проверить, как фактически используются ПДн после истечения оговоренного срока хранения или отзыв данных для рядового гражданина нереалистично учитывая природу оцифрованной информации и практику работы с базами данных); сведения об информационных ресурсах оператора, дающих доступ неограниченному кругу лиц и иные действия с ПДн. На практике, благодаря системе «безшовных согласий» данные могут без дальнейшего согласия граждан вполне легально утекать в другие системы, с которыми будет интегрирована в перспективе система, и масштаб фактического использования ПДн вряд ли ограничится указанным в Согласии на обработку ПДн. Персональные данные используют для обучения на них систем искусственного интеллекта; для развития технологий ИИ по настоянию ИТ-компаний пролоббирован ряд законов, которыми вводится «экспериментальный правовой режим», отменяющие отдельные ограничения законов о ПДн, чтобы упростить передачу и сбор персональных данных для бизнеса и разработчиков ИИ. Данная практика внесет еще больше рисков безопасности, неподконтрольности оборота персональных данных граждан. Собирая ПДн в системах, действующих в экспериментальном правовом режиме (а к ним относятся и ФГИС ЦОС и т.п. ИС), операторы сбора и хра-

нения ПДн имеют теперь право не сообщать субъекту ПДн цели обработки его данных, не указывать, кто будет оператором обработки ПДн или его представителям, не отчитываться, для чего были собраны и использованы данные; а получившие откуда-либо ПДн граждан в ИС в рамках экспериментального правового режима могут не сообщать кому-либо источники получения ПДн, что дает корпорациям свободу (и безнаказанность) в использовании, в т.ч. торговле «новой нефтью» (данными о жизни граждан).

Основным контингентом ЦОС являются дети; безопасность детей в информационном пространстве в России регулируют ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и проч. С 2012 году утверждена «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы» (одно из ее направлений – обеспечение информационной безопасности детей). С 2015 по 2020 г. государство в этой сфере руководствовалось положениями «Концепции информационной безопасности детей», осенью 2021 г. проект новой версии «Концепции» на следующий период разработал АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды». Обе концепции критиковались специалистами ИБ за поверхностный и прозападный характер, подмену содержания безопасности детей – медиаграмотностью, неучет ряда цифровых угроз (например, концепция игнорирует проблему вовлечения молодежи в деструктивные течения и т.д.

В тех странах, где образование платное, где учебные заведения не получают поддержки со стороны государства, школы оптимизируют затраты на образование, увольняя учителей и предлагая ученикам учиться с помощью цифровых платформ и он-лайн курсов. В таких странах интернет-платформам достается весь рынок образовательных услуг, а для населения традиционные образовательные инфраструктуры вытесняются цифровым форматом. России, судя по всему, направляется по тому же пути. «Цифровое» лобби подготавливает общественность к новой реальности: «В цифровом мире вуза, существующего в текущем виде, больше не будет. Образовательная система станет сетевцентричной экосистемой, в которой образовательные организации трансформируются в провайдеров образовательных сервисов различного размера... Дети, которые будут жить в начале 2020 годов, в принципе, смогут прожить жизнь, ни разу не зайдя в школу и в университет» [3].

Создание он-лайн сервисов (в т.ч. образовательных и около-образовательных) выгодно ИТ-компаниям, увеличивает их маржинальность, привлекает в лице детей новых клиентов для иных коммерческих сервисов, а также позволяют искать среди обучающихся перспективных специалистов, расширяет общее влияние и конкурентные преимущества ИТ-компаний в других областях. Ак-

тивный захват рынка образовательных услуг цифровыми компаниями реализует проект по «приватизации» российского образования; бизнес-модель цифровых образовательных платформ и аналогичных проектов во всех странах одинакова: сначала платформа аккумулирует образовательный контент, привлекая учителей и частных разработчиков электронных учебных курсов, сопутствующих сервисов, рекламируя и продвигая платформы как дополнение в школьном, университетском образовании, а затем начинает действовать как агрессивный конкурент и заместитель традиционных образовательных учреждений; сначала контент предоставляется учащимся или школам бесплатно, а затем – платно. В частности, в странах, где образование платное, школы оптимизируют затраты на образование, увольняя учителей и предлагая ученикам получать «знания» из электронных ресурсов и гаджетов. Образовательным интернет-платформам отводится роль, полностью замещающая традиционные образовательные инфраструктуры.

В России широко используются зарубежные инструменты в образовании: платформы Moodle, Zoom, MS Team, Google Meet, Khan Academy (и ее аналог Interneturok.ru для школьников), образовательную платформу IBLS, OpenEdu, платформы Stepik и Skyeng. Российские платформы оказались менее востребованы [2]; это МЭШ и РЭШ, Moodle, Фоксфорд, «Якласс», СберКласс, Учи.ру, Яндекс.Учебник, mooc.lektorium, Универсариум, системы дистанционного обучения вузов и мало кому известные платформы InternetUrok.ru, «Мои достижения», «Молодые профессионалы», «Ворлдскиллс Россия», «Олимпиад» проч. Сбербанк продвигает проект «СберКласс», Яндекс (владелец - Lastar Trust, Голландия) - платформу «ЯндексШкола». ФГИС ЦОС, МЭШ, РЭШ, «Интернет-школа» от Высшей школы экономики», ресурс «МФТИ Онлайн» реализуются при поддержке гоструктур, Источники финансирования большинства образовательных проектов - крупные иностранные IT-компании.

Наблюдается усиление государственно-частного сотрудничества по вопросам образования. Чертой российской бизнес-модели IT-компаний, подвизающихся в области цифрового образования, является их стремление с самого начала выйти на государственные структуры, аффилироваться с региональным или национальными проектом в сфере цифровизации, дабы, используя административный ресурс, бюджетные средства и госзаказы на разработку и продвижение своей IT-продукции, встраивать коммерческие системы в стандартный учебный процесс образовательных учреждений для организации дистанционного взаимодействия учреждения с учащимися; в дельнейшем такая стратегия облегчает замещение традиционной системы образования - цифровой.

С 2001 года в РФ реализовывалась целевая программа «Развитие единой образовательной информационной

среды», с 2013 - госпрограмма «Развитие образования» на 2013-2020 гг. (в рамках последней с 2016 г. финансируется проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» [8]). Эксперимент по использованию цифровой образовательной среды (ЦОС) идет в школах 14 регионов России. Летом 2021 г. начала работа по созданию ФГИС «Моя школа» [6], которая функционируя по всей России, будет интегрироваться с другими ИС через систему СМЭВ и API с Госуслугами, ЕСИА, СМЭВ, с образовательной платформой РЭШ, АИС федерального банка данных о детях без родителей, ГИС о лицах с выдающимися способностями, НСУД, платформой больших данных ЦОС, федеральными и региональными ИС образования, здравоохранения и социального обслуживания и проч.. Среди планируемых функций платформы ФГИС «Моя школа» - мониторинг результатов образовательной деятельности учеников, ведение цифровых профилей и портфолио учеников, формирование индивидуального образовательного маршрута обучения и воспитания, включая профориентацию обучающегося, передачу сведений в ЕСИА, бесшовный переход от сводов информации на ЕПГУ к детальной информации, публикация данных об образовательных событиях (собрациях, контрольных) и проч.

В цифровой формат, помимо обучения, переводятся и другие аспекты образования: аттестаты и дипломы в цифровом виде на сайте госуслуг для выпускников школ на базе МГТУ им. Баумана, СППУ, МПГУ, УрФУ и Российского университета транспорта, далее – по всей стране. Школа в своей цифровой ипостаси становится предприятием по производству не только знаний и компетенций, но и «больших данных» об учащихся. Данные аккумулируются, используются для оптимизации управления.

Обозначив отечественный регуляторный «ландшафт» и средства цифровизации образовательного процесса, перейдем к проблемам информационной безопасности персональных данных (ПДн) учащихся, использующих цифровой формат (ЦОСы, платформы, экосистемы).

За персональными данными охотятся, их ими торгуют и иначе монетизируют. Поведенческие и личные данные граждан привлекают интерес разных категорий потребителей бигдата в разных контекстах. В черной зоне мотивации потребителей ПДн находится фрод (кража финансовой информации идентификационных данных от банковских счетов с целью присвоения денег); кража «цифровой личности» с целью взятия под контроль цифровых ресурсов и физических активов жертвы (например, кража цифровой подписи для переоформления на чужое имя недвижимости и иного имущества); шпионаж. В серой зоне – добыча личных данных методами OSINT и аналитики больших данных для решения управленческих задач (подобные цели в отношении массивов ПДн ставят разведывательные, силовые, фискальные,

политические структуры, рекламный бизнес. К серой зоне отнесем и добычу данных для обучения моделей (например, нейросетей) для решения конкретных задач (поиск и распознавание людей, прогнозирование событий, боевой ИИ и прочее). В «светлой» зоне – агрегирование личных данных граждан (в т.ч. учащихся) в цифровых сервисах ГИС, ИС компаний, банков и страховых компаний, HR-агентств. В частности основными интересантами и спонсорами ЦОС и образовательных платформ стали банки, бизнес и государство, имея в виду получение пользы от доступа к персональным и поведенческим данным. Массивы личных и поведенческих данных планируется использовать для профилирования граждан с разного возраста и моделирования поведения (очевидно, что эти возможности найдут применение не столько в образовательном контексте, сколько в более широком экономическом и политическом управлении). Поведенческий анализ нашел применение для описания и для прогнозирования поведения человека, для управления этим поведением.

Вокруг учащихся, обучающихся в сети большую часть времени, складывается «богатая» экосистема ищущих прямую или косвенную, законную и незаконную выгоду. Но если у обитающей в живой природе особи есть резистентность, врожденные механизмы защиты от опасностей, действующие автоматически, то в цифровой экосистеме, относительно которой у ребенка нет эволюционно обусловленного врожденного инстинкта адаптивного поведения, - в ней подростки беззащитны, поскольку не понимают всего разнообразия рисков. Они не понимают, кого и чего бояться, не знают технических возможностей и мотивов лиц, добывающих сведения с тем или иным умыслом, не понимают для чего и чем защищаться в цифровой среде. Между тем, предоставить всю полноту защиты данных при работе в ЦОС только штатными средствами не получится – уязвимости могут возникать и на любом этапе обмена между точкой доступа к сети - и платформой (все платформы по своей сути стали облачными, обучение происходит дистанционно через сеть с использованием браузера или клиента). При уязвимостях в системе защиты свою выгоду от цифровых образовательных платформ получают и злоумышленники, поэтому ЦОС все чаще становятся объектом кибер-атак; так, по данным Департамента цифровых технологий, культуры, СМИ и спорта США, в 2019 году 80% учреждений дополнительного и высшего образования подверглись кибератакам (или у них были

выявлены нарушения кибербезопасности). [1], в России атаки на образовательные системы тоже участились по мере расширения цифровой практики обучения²; массовыми стали атаки кражи учётных данных для доступа к системам аудио- и видеосвязи Skype, Webex и Zoom, где в период эпидемии COVID-19 засветили биометрию своих лиц десятки миллионов людей; осенью 2021 года зафиксирован всплеск DDoS-атак на сайты образовательных учреждений. При этом образовательные цифровые платформы недостаточно защищены от киберугроз³. ЦОС могут интересовать злоумышленников для получения идентификационных и поведенческих данных учащихся, зная которые нарушители могут пытаться взломать аккаунты от других сервисов ребенка или его родственников, в т.ч. финансовых⁴. Регистрируясь на ресурсах интернета, подростки оставляют там цифровой след в виде системных и личных поведенческих атрибутов (IP-адрес и ID гаджета или ПК, сведения о операционной системе, номер программного обеспечения, часовой пояс, данные анализа пакетов TCP/IP и SSL/TLS-трафика, cookie-файлы⁵ и особенности навигации по web-страницам, идентификационные данные и проч. С устройств можно снять более ста важных атрибутов (время, потраченное на сайте, клики курсора и активность на сайте, изменение настроек системы), трафик браузеров на локальном прокси-сервере. Боты, собирающие цифровые отпечатки, стоят в даркнет недорого для хакера (5-200 долларов) [9]; скопировав параметры с браузера и другие персональные характеристики жертвы, злоумышленник может от ее имени красть аккаунты для продажи, мошенничества, шантажа, рассылки спама, создавать бот-нет сетей для организации DOS-атак на другие ресурсы; «кража личности» (подкладывание в свой браузер чужого цифрового отпечатка) позволяет ему выполнять незаконные действия от имени жертвы, обманывать антифрод-системы банков и другие сервисов). Чувствительная категория данных – биометрические и медицинские данные о человеке, его близких (например, получив эти сведения, банки и страховые могут менять тактику в отношении своих клиентов, а кадровики и злоумышленники могут сильно осложнить человеку в будущем жизнь, а хакеры могут использовать для взлома систем с биометрическим способом аутентификации, совершения преступлений и т.п.). Другие пути потери контроля учащихся за своими персональными данными – фишинг (подмена легальных сайтов-платформ сайтами-имитациями обучающих платформ и сервисов видеоконференций для кражи ошибочно вве-

2 пример: частая проблема, с которой столкнулись участники учебных онлайн-конференций в 2020-21 гг., – посторонние пользователи, срывавшие занятия разными техническими способами самой платформы, - т.н. *zoombombing*

3 Например, такое мнение высказывает аналитики компании StormWall, которая специализируется на защите онлайн-ресурсов от кибератак (см. «В начале учебного года сфера образования серьезно пострадала от DDoS-атак URL: https://safe.cnews.ru/news/line/2021-10-15_v_nachale_uchebnogo_goda_sfera (дата публикации: 15.10.2021))

4 многие дети сейчас имеют интернет-кошельки и т.н. «детские карты»

5 Куки-файлы – текстовые файлы на компьютерах пользователей, содержащие сведения о предыдущих действиях на сайтах.

денных регистрационных данных (Лаборатория Касперского засвидетельствовала [7] инциденты такого рода с 170 000 потерпевшими пользователями лишь за весну 2020 года. Утечки личных данных возникают по вине инсайдеров информационных сервисов и систем, из-за кражи путем взлома системы защиты, с помощью шпионского программного обеспечения, из-за незащищенности мобильных и домашних смарт-устройств, с которых пользователь посещает интернет, из-за «бэкдоров» (и иных уязвимостей), оставленных разработчиками в приложениях, из-за использования open-source средств разработки (например, API-инструментария, облегчающего злоумышленникам кражу и взлом), из-за широкого использования смарт-устройств и цифровых ассистентов. (Согласно исследованию компании InfoWatch, лишь в 2020 г. около 100 млн. записей личных данных россиян, включая биометрию, утекли в открытый доступ; по оценкам экспертов, российские компании и банки скрывают 57% утечек данных. [4])

Для частных образовательных платформ требования по защите персональных данных проще, чем для ГИС ИСПД (в отличие от ГИС, коммерческим учебным системам нет обязательной аттестации, нет необходимости защищать ИСПД наложенными сертифицированными средствами защиты⁶, нет и требований по обязательной сертификации коммерческой системы на отсутствие недекларированных возможностей, которые вообще-то могут оказаться в любом сегменте сети, включающей ИСПД (в приложениях узлов, веб-серверов, операционных систем, в сетевом и периферийном оборудовании, подключенном к сети). Это означает, что коммерческие образовательные платформы на практике могут быть более уязвимы к угрозам ИБ в отношении ПДн, чем государственные образовательные системы, платформы. Разработчик или вендор цифрового сервиса, под давлением требований законов и контроля регуляторов в сфере информационной безопасности, на словах заверяет субъектов ПДн в безопасности предоставленных персональных данных, но на практике эта безопасность может быть не реализована по вине как разработчика или оператора персональных данных, так и по вине внешних причин.

Чем больше личных данных собирает цифровая платформа, тем привлекательнее она для злоумышленников и тем тяжелее потенциальный ущерб субъекту персональных данных в случае их утечки и незаконного использования. Сложившейся практикой стал сбор сайтами и платформами избыточной личной информации о пользователях, сбор и обработки таких данных не связана с необходимостью выполнения основной функции

платформ, но они их собирают, редко уделяя внимание надлежащей защите. Пример: ФГИС ЦОС, чья функция для пользователей – образовательная, намерена собирать такие сведения об учащемся в ЦОС [5]: помимо ФИО, даты рождения, сведений об образовании, ученой степени и звании обучающегося, о профессиональной переподготовке и (или) повышении квалификации, почты и телефона (что уже привычно требуют образовательные ресурсы с пользователя), – также планируется хранить явно избыточные для получения образования, но несущие много рисков для человека в случае утечки, персональные сведения (п. 24): «о трудовой деятельности (включая работу по совместительству, предпринимательскую и иную деятельность), военной службе; о государственных наградах, иных наградах и знаках отличия; адрес и дата регистрации по месту жительства (месту пребывания), адрес фактического проживания; реквизиты страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования; идентификационный номер налогоплательщика», причем хранится в системе они будут пожизненно – «не меньше сроков хранения информации, которые устанавливаются для хранения документов в бумажном виде, содержащих такую информацию». Но за это время с системой и ее владельцами могут произойти разные трансформации – система может поменять собственника и стать частной, причем с иностранными владельцами (как это часто случается с IT-ресурсами в России), систему будут обновлять, интегрировать со все большим числом информационных систем, – но вопросы использования в будущем третьими сторонами персональных данных учащихся не затронуты в положении о ГИС ЦОС) В Положении ГИС ЦОС [5] определено, что она будет обмениваться данными (в т.ч. ПДн учащихся и преподавателей) с иными ИС и образовательными платформами: порталом «Госуслуги»; ЕСИА; ФГИС «Единая система нормативной справочной информации»; порталом информационной и методической поддержки инклюзивного высшего образования; иными образовательными платформами, базами данных и информационные системы (п. 26 Постановления). – Т.о., перечень иных операторов, имеющих легальный доступ к ПДн учащихся ГИС ЦОС, обширен и будет пополняться, значит, риски утечки и нецелевого использования личных данных учащихся, «бесшовно» передаваемые через многочисленных операторов и инсайдеров указанных систем, многократно повышаются. Также, в документе ничего не сказано о том, что будет с персональными данными учащихся после вывода ЦИС из эксплуатации или модернизации, если ЦОС изменит своей правовой или функциональный статус.

Для снижения рисков ПДн нередко обезличивают,

6 Гусейнов Р. Аналитическая записка о соответствии программной платформы «Первая Форма» требованиям нормативно-правовых актов Российской Федерации в области безопасности персональных данных // Сайт компании «Первая форма». URL: https://1forma.ru/personal-information.html#_ftn19

чтобы усложнить их вредоносное использование (методы обезличивания описаны, например, в «Требованиях и методах по обезличиванию персональных данных» (утв. Приказом Роскомнадзора от 5 сентября 2013 г. № 996) (впрочем и по обезличенным данным в ряде случаев можно идентифицировать человека, которого они характеризуют). Для снижения рисков НСД и утечки ПДн применяются средства защиты с технологией DNS-фильтрации для локальных сетей образовательных учреждений - но новый формат обучения учащихся планируется реализовывать из дома, но защитить такой обширный образовательный периметр никакая концепция или система защиты не в состоянии и не по карману ученикам. Сейчас биометрическая и многофакторная аутентификация считается более надежным способом ограничения доступа к защищаемой системе, но это удорожит всю систему и не является панацеей от угроз несанкционированного доступа.

Актуальной угрозой для цифровых образовательных систем является потеря доступности дистанционного предоставляемых ресурсов; причем угроза мало связана с совершенством системы защиты самих ЦОС, поскольку разрыв связи учащегося с платформой при удаленном доступе может случиться по множеству причин, - и студент и преподаватель остается наедине с самим собой. Я наблюдаю эту проблему повсеместно: разработчики или операторы услуги, когда нужно решить проблему недоступности ресурса для учащегося или преподавателя на практике физически недоступны, проблема с отсутствием доступа к системе не решается неделями, - пока это не станет критично для самого оператора). Я это наблюдаю на практике при работе в вузовских образовательных платформах и образовательных платформ государственно-частного толка (типа Иннополиса и проч.), несмотря на то, что на словах и «на бумаге» все превосходно и должно работать. Пока проблемы касаются лишь отдельных учащихся или конкретной организации, и есть альтернативы. Но логика развития рынка и IT-решений в сторону олигополизации и монополизации сервисов цифровых услуг такова, что в ближайшей перспективе владельцем цифровой образовательной услуги будет какой-то один субъект, и отключенными от образовательной цифровой системы могут оказаться целые сегменты сети и регионы, но достучаться до кого-то где-то там на том конце сети окажется невозможно для маленького клиента большой цифровой корпорации (учащийся просто останется наедине со своей проблемой в глухой деревне или большом городе).

Да и способно ли дать цифровое образование какие-либо навыки, кроме тех, которые могут быть оцифрованы (на сегодня оцифрованы лишь навыки, связанные с пассивным восприятием контента, виртуальной игрой, или сводятся к генерации текстов; но к ним ведь не сводится реальная практика выживания и реальная

экономика, для которой образование в первую очередь должно готовить кадры). Даже математика как навык делать, а не использовать готовые средства, осваивается не в цифровой среде, а в реальности, на бумаге, - сужу, об этом, будучи математиком. Традиционные формы образовательного процесса являются и средством формирования реальных социальных навыков учащихся, которые многогранны (в т.ч. осваивать социальные роли в меняющемся социальном окружении (что формирует структуру личности), трезво воспринимать критику, слышать и понимать чужое мнение и вырабатывать свое, понимать людей и сотрудничать с ними при выполнении сложной деятельности разного характера, разумно решать конфликты; скудная цифровая виртуальная среда не дают этих возможности во всей полноте)

Задачи владельцев образовательных платформ утилитарны (главным образом, максимизация прибыли); если решение о выборе контента и управлении образовательной траекторией учащегося принимает алгоритм или нейросеть (как нам обещают разработчики ЦОС) - это решение надо верифицировать и корректировать по человеческим меркам; в системе образования этим заняты сегодня десятки тысяч людей; если их заменит автоматика, какова будет социальная цена технологических ошибок?

Традиционное образование помимо познавательной функции выполняло и функции социализации (и более широкой адаптации будущего члена общества к выживанию в естественной среде обитания), ребенок взаимодействовал в образовательной среде с людьми разного возраста, разного опыта, а сидящий в виртуальной среде платформы «маугли», изолированный от людей и приспособленный к машине, приобретет черты того, с чем контактирует, от чего усваивает картину мира и нормы поведения. Чем будет общество людей, разделенных с детских лет стенами в своих виртуальных «образовательных пузырях» цифровых платформ, движимых по индивидуальным траекториям искусственным интеллектом и незримыми менторами, - страшно представить...

Сейчас много пишут и говорят о том, что от цифрового формата получения образования обществу эпохи «экономики данных» не уйти (да и много усилий и финансов уже вложено). Значит, разработчикам, образовательным субъектам, людям-субъектам персональных данных, государству, придется предпринимать продуманные усилия, чтобы цифровая прозрачность и большие данные не несли вреда безопасности частной и общественной жизни сегодняшних детей - завтрашних граждан, которые будут определять жизнь страны, российского общества. В этом направлении (а не в лоббируемом IT-компаниями) должно развиваться законодательство в сфере информационной безопасности. А учащиеся должны научиться понимать информационные риски и приобрести навы-

ки «выживания» в среде сетевых сервисов. Разработчики должны больше, чем это практикуется, внимания и ответственности проявлять в вопросах именно безопасности при проектировании и разработке образовательных систем, а операторы, вендоры и специалисты по защите должны находиться под более жестким, чем сейчас, контролем со стороны государства, чтобы практиковали ответственное и вдумчивое отношение к сбору, хранению и защите массивов личной информации граждан, и чтобы игры разработчиков и IT-бизнеса с «большими данными» не вылились для страны в большую проблему нацио-

нальной безопасности. Также желательно формировать более справедливую и «симметричную» для субъектов информационного права - правовую среду в России, в которой граждане не выступали бы лишь в роли объекта контроля, регулирования со стороны государственных и бизнес-структур, и источника информации (как бесправная новая нефть), а имели право на защиту и ограничение сбора личной информации о себе, и реальную возможность контролировать дальнейшее использование своей личной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродская М. Это Cyber EdTech, детки! Новые технологии на защите старых образовательных подходов // BIS Journal. № 2(41). 2021. <https://ib-bank.ru/bisjournal/post/1612> (Дата публикации: 13 июля 2021)
2. Ильина Н., Виноградова Е. Защита отечественных: экосистемам хотят возмещать ущерб в случае санкций // Известия. URL: <https://iz.ru/1264419/natalia-ilina-ekaterina-vinogradova/zashchita-otechestvennykh-ekosistemam-khotiat-vozmeshchat-ushcherb-v-sluchae-sanktsii> (Дата публикации: 15 декабря 2021)
3. Концепция «Единая цифровая образовательная экосистема» / команда экспертов IT-компании IBS. 2019. URL: <https://www.ibs.ru/media/media/kontseptsiya-edinaya-tsifrovayaobrazovatel'naya-ekosistema>
4. Миронова Н.Г. Методы антиспуфинга в системах биометрической идентификации и верификации // Информационные технологии обеспечения комплексной безопасности в цифровом обществе: сборник материалов IV Всероссийской молодежной научно-практической конференции с международным участием (г. Уфа, 21-22 мая 2021 года) / отв. ред. А.С. Исмагилова Уфа: РИЦ БГУ, 2021. – 282 с. – С. 43-52. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47220569>
5. Положение о ГИС «Современная цифровая образовательная среда», утв. постановлением Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1836. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102910737&page=1&rdk=0&intelsearch=%CE+%CF%C5%D0%D1%CE%CD%C0%CB%DC%CD%DB%D5+%C4%CD%CD%DB%D5++&link_id=188#10
6. Приказ Министерства просвещения РФ от 30 июня 2021 г. N 396 О создании федеральной ГИС «Моя школа».
7. Сиденко А. Прогнозы в сфере образования на 2021 год // Kaspersky security bulletin. URL: <https://securelist.ru/education-predictions-2021/99470> (03 декабря 2020)
8. Современная цифровая образовательная среда в РФ. URL: <http://neorusedu.ru/about> (дата обращения: 1.12.2021).
9. Lakshmanan R. 120 Compromised Ad Servers Target Millions of Internet Users // hehackernews.com URL: <https://thehackernews.com/2021/04/120-compromised-ad-servers-target.html> (April 20, 2021)

© Миронова Наталия Геннадьевна (om_aks@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕРАВЕНСТВО В УДОВЛЕТВОРЕНИИ ЖИЛИЩНОЙ ПОТРЕБНОСТИ СРЕДИ ЖИТЕЛЕЙ МЕГАПОЛИСА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Муфтахова Альмира Нургалиевна

Старший преподаватель, Северо-Западный институт
управления Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
г. Санкт-Петербург
msmalmira@yandex.ru

INEQUALITY IN THE SATISFACTION OF HOUSING NEEDS AMONG RESIDENTS OF THE MEGAPOLIS OF ST. PETERSBURG

A. Muftakhova

Summary: The relevance of the topic is due to the fact that the socio-dynamics of the modern megapolis determines the role of stratification in the distribution of public goods, including housing needs.

The subject of the study. The main attention is paid to the problem of access to the satisfaction of housing needs in the megapolis, which is chosen as St. Petersburg, which most embodied the specific features of the Russian and European cities. It is concluded that it is necessary to correlate objective and subjective data of social inequality in the megapolis in meeting housing needs, in order to more accurately predict the development of social processes in the housing sector. The same conclusion is to justify the existence of the need for hard-to-reach and high-value real estate (housing) in the sociodynamics of the modern megapolis.

The scientific novelty is determined by the fact that the study of the problem of social needs is particularly relevant in the unstable socio-economic situation in modern society, which creates a lack of equal opportunities in the ways of solving the housing issue. The social need underlying stratification is constantly taking on new forms, changing in content. Inequality in housing needs can create serious social problems that can be mitigated by a balanced and effective housing policy. The processes of transformation of the former housing structure that have begun urgently require a thorough study, primarily due to the increasing degree of social inequality.

Keywords: housing, social needs, housing needs, housing stratification, social inequality, megapolis, urban space, reproduction, social practices, social changes.

Аннотация: Актуальность темы обусловлена тем, что социодинамика современного мегаполиса предопределяет роль стратификации в распределении общественных благ, в том числе и жилищных потребностей.

Предмет исследования. Основное внимание в работе уделено проблеме доступа к удовлетворению жилищной нужды в мегаполисе, в качестве которого избран Санкт-Петербург, в котором в наибольшей степени воплотились специфические черты российского и европейского города. Сделан вывод о необходимости соотношения объективных и субъективных данных социального неравенства в мегаполисе при удовлетворении жилищных потребностей, в целях более точных прогнозов развития социальных процессов в жилищной сфере. Так же вывод состоит в обосновании существования потребности в труднодоступном и высокостойким недвижимом имуществе (жилье) в социодинамике современного мегаполиса.

Научная новизна определена тем, что изучение проблемы социальных потребностей особо актуализируется в условиях нестабильной социально-экономической ситуации в современном обществе, порождающей отсутствие равных возможностей в способах решения жилищного вопроса. Социальная потребность, лежащая в основе стратификации, постоянно приобретает новые формы, изменяется по содержанию. Неравенство в удовлетворении жилищных потребностей способно породить серьёзные социальные проблемы, смягчить которые возможно с помощью сбалансированной и эффективной жилищной политики. Начавшиеся процессы трансформации прежней жилищной структуры настоятельно требуют обстоятельного изучения, и прежде всего, в силу увеличения степени социального неравенства.

Ключевые слова: жильё, социальная потребность жилищная потребность, жилищная стратификация, социальное неравенство, мегаполис, городское пространство, воспроизводство, социальные практики, социальные шансы.

Продолжающийся процесс трансакции современных общественно-экономических отношений позволяет обратиться к объясняющей характеристике классического определения города, как замкнутого поселения (населённого пункта), основанного на рыночной системе хозяйствования, поскольку мысль М. Вебера о городе, как о поселении, в котором действует рынок [1, с. 337], поддерживалась всеми учёными урбанистами [2, с. 96]. Эта теоретическая позиция становится особенно актуальной в условиях маркетизации социальных институтов, потому как в границах социального пространства городской деятельности осуществляются

многочисленные практики по созданию, сохранению и преумножению социального капитала, в его материальной и нематериальной форме, что значимо для оценки результатов его обращения при исследовании городской экосреды.

Для дальнейшего развития проблематики материала целесообразным представляется сослаться на тезисы датского социолога Г. Эспинг-Андерсена: «Современные социологи, кажется, теряют интерес к своей исторической «социал-демократической» миссии. Всеядная, берущая за всё подряд социология теперь все больше

отдаляется от центральных «компромиссов», от механики капиталистических демократий. За постизмами в современных исследованиях потерян индустриальный подход, ведущий к эволюции модерна» [3, с. 245-246].

Видится, что в городской социологии стало больше М.М. Пришвина, а не Ч. Дарвина, больше «Лесной капели» и «Кладовой солнца», а не «Происхождения видов» с естественным отбором в «пищевой цепи» города. Из экологического подхода зонирования городской среды Р. Парка, Э. Бёрджеса, Л. Вирта ушла институционализация зоологических процессов человеческих отношений. В урбанистике сегодня изучается эстетика акупунктуры городского пространства, а не столкновение классов и социальные конфликты. Проекты развития велодорожек и идеи внедрения публичных библиотек вытеснили проблему сегрегации и неравенства доступа к социальному благополучию жителей городов. Образы и символы обладания благами стали важнее их производства и потребления. Так, Дж. Джекобс приводит пример социального конфликта жителей жилого массива в Восточном Гарлеме касательно газона, где травяное покрытие маскировало коммунально-бытовые проблемы жильцов в глазах ответственных служб. Зелёный газон создавал видимость порядка, достигаемого игнорированием или подавлением порядка подлинного, который борется за свое существование и удовлетворение своих нужд [4, с. 28-29]. В условиях постмодерна нормы благополучного жизнеобеспечения замещаются образами и символами их обладания, что характерно и для перенесения этих отношений в жилищную сферу.

По сути своей жильё (или жилище, как натурально его рассматривают) является местом обитания, а не просто бетонной коробкой городских домов, на сакральное значение которой указывал Ж. Бодрийяр [5, с. 49]. П. Бурдьё видел в нём социально квалифицированное физическое место, предоставляющее усредненные шансы для присвоения различных материальных и культурных благ и услуг, имеющихся в распоряжении в данный момент [6, с. 59]. По словам французского социолога, осуществление этой власти на социо-культурные блага и услуги происходит через господство над закреплением и признанием права владения местом жительства, реализованного физически в социальном пространстве.

Имеющее своё важное теоретическое значение, определение жилья как места обитания, как отличительной категории от места пребывания (спального места) наталкивается на трудности практической реализации при современной трансформируемой системе хозяйствования. Существующий дефицит комплиментарности (который не имеет логического объяснения) в отношениях между жителями городов (индивидуальных агентов и групп пользования социальными ресурсами городского пространства) и институционализированными органа-

ми распределения социальных благ и услуг приводит к актуализации поиска иных значений, чем закреплённость признанности прав владения на место жительства. То есть при современной форме хозяйствования в его рыночных формах нормативность права собственника на распоряжение имуществом, пусть даже и недобросовестном, воспринимается выше в структурной иерархии общества, чем право пользования (порой более ответственного) результатами воспроизводства социальных благ этого имущества, что нарушает формальную логику узуфрукта (право пользования чужим имуществом).

Например, арендатор или наниматель, реализовавший своё дарованное государством право в удовлетворении жилищной нужды на коммерческом рынке аренды жилья, оказывается в ловушке. С одной стороны, он является пользователем социальных благ, имеющих материальное воплощение в виде коммунально-бытовых услуг (тепло, вода, электричество), здоровьесберегающих служб (поликлиники, больницы), жизнеподдерживающих источников (продуктовые магазины, рынки), образовательных сервисов (школы, институты), а с другой - он не имеет нормативно-закреплённого права признания своего физически локализованного места жительства. Причина кроется в том, что истинный владелец жилья (нормативно-признанный собственник), находясь под влиянием спекулятивной модели рыночного поведения, поддерживаемой риэлторским сообществом, не заключает договоров с арендатором или нанимателем, а если и заключает, то на краткий негодичный срок (11 месяцев), пытаясь уйти от налогового бремени.

Наряду с этим, и устоявшиеся органы управления в рамках своих полномочий не имеют возможности учитывать конечного пользователя социальных благ, так как локально-занимаемое место обитания, является реципиентом материальных продуктов и бытовых услуг, физически потребляя их, но нормативной регистрации не происходит ввиду сокрытия факта наступления временного владения жильём.

В современной, находящейся в стадии трансформации, форме хозяйствования, выраженной в затянувшемся переходе от социального государства к капиталистическому строю, признаются сакраментальными собственнические отношения. Хотя в объективной реальности экономических практик воспроизводства и потребления материальных социальных благ, становится важным поиск добросовестного, ответственного пользования ими. В частности, иное высокостойкое имущество, способное поспорить в ценности и значимости с недвижимостью, к примеру, автомобиль, облагается совокупностью норм и правил по пользованию и владению, порой имеющих (при невозможности решить данный вопрос) прямую рецепцию зарубежного опыта. Объяснение видится в доступности демон-

стративного потребления символического значения вещественных доказательств обладания социальным статусом. Стереотипность (переходящая в стигматизм) восприятия обществом (сообществом индивидов) социального положения владельца люксового автомобиля, его классовой принадлежности, несравнима с общепринятыми штампами относительно собственников равноценного имущества, несмотря на падение реальной стоимости (на 20%) транспортного средства в первый год его владения.

В случае с жилищем имеет место возникновение обрядовости, ритуальности, некой интимности, уводящей от мысли о господстве на владение социально-культурным благополучием к вопросам бытования, образе жизни, способах воспроизведения социального опыта в результате своей социализации. При том, что агенты потребления жилья, абоненты объектов недвижимости не могут адекватно оценивать личную власть на право пользования социальными благами, находясь в структурированном локальном пространстве внутри своего габитуса, и подвергаясь внешнему ментальному воздействию «чар» (магии и волшебству товарного фетишизма) института частной собственности. И здесь габитус, производящий восприятие права собственности, является порождающим принципом объективно классифицируемых практик и одновременно системой классификации этих практик, формируя представление о социальном мире или пространстве стилей жизни [7, с. 26], путём институционализации ожиданий своего нормативного признания.

Действительно, сохраняющееся неравенство в жилищной сфере, отчасти порождается неспособностью регуляторов распределения социальных благ на жильё

достичь параметров индустриальной эпохи (Рис. 1).

Как свидетельствуют данные, представленные на Рис. 1, когда происходит рост доходов граждан и улучшение демографических показателей, спрос на социальную реализацию естественных прав на жильё для населения не гарантирован как со стороны органов управления, так и со стороны самого жилищного строительства, как института. Казалось бы, на пик уверенности в будущем (период 2013-2014 гг.) пришелся спад в обеспечении площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя, числа квартир и среднего размера квартир.

Стабильный характер неравенства демонстрируют данные по распределению домашних хозяйств по размеру общей площади жилища в среднем по децильным группам населения (Рис. 2).

Социальная направленность нормы определения квадратуры метров на человека отличает её от учетной нормы, нормы предоставления, санитарной нормы в 9-13 кв.м. Но функционирующая ограничительная мера в 18 кв.м. (для каждого члена семьи, состоящей из двух и более человек) при заключении договоров найма жилого помещения позволяет применить её определяющей в необходимом минимуме площади для проживания, а в дальнейшем и расширить до потребительского минимума в 33 кв.м. Так, из данных, представленных на Рис. 2, можно наблюдать, что недостаток социальной нормы жилья (18-20 кв.м.) затрагивает с первой (70,4%) по пятую (40,5%) децильные группы населения. И даже в десятой децильной группе наблюдается 25,1% в 2017 г., 26,9% в 2018 г. и 25,8% в 2019 г. членов домохозяйств, вынужденных быть ограниченными проживанием в жилищах, не превышающих квадратуры социальных норм.

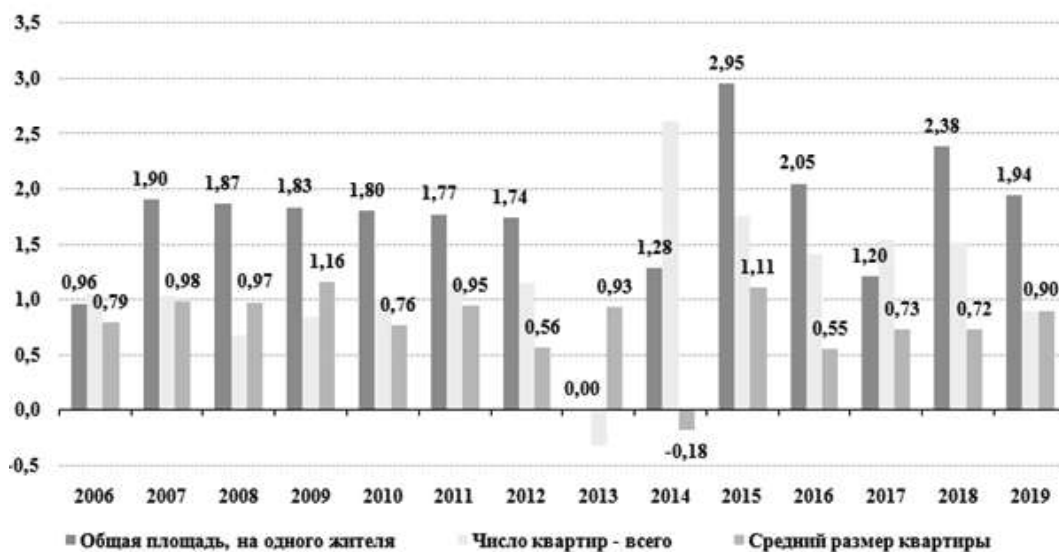

Рис. 1. Темпы роста ключевых показателей жилищных условий населения РФ к предыдущему году в динамике 2006-2019 гг. в относительном значении, % (расчёт по данным Росстата [8])

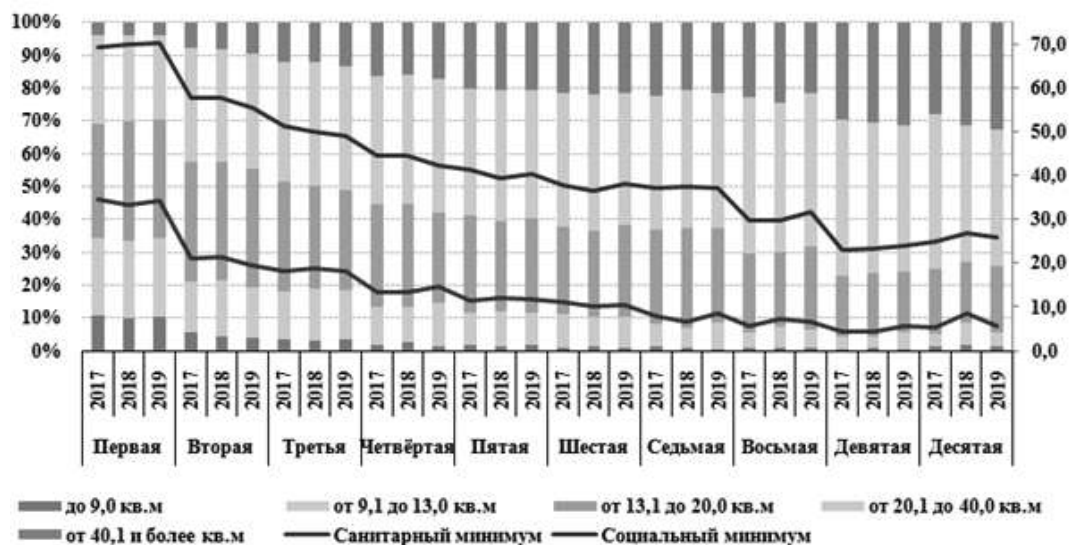

Рис. 2. Соотношение распределения домашних хозяйств по размеру общей (полезной) площади жилища в среднем на проживающего, в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов, по 10-ти процентным (децильным) группам населения в динамике 2017-2019 гг., % (расчёт по данным Росстата [8])

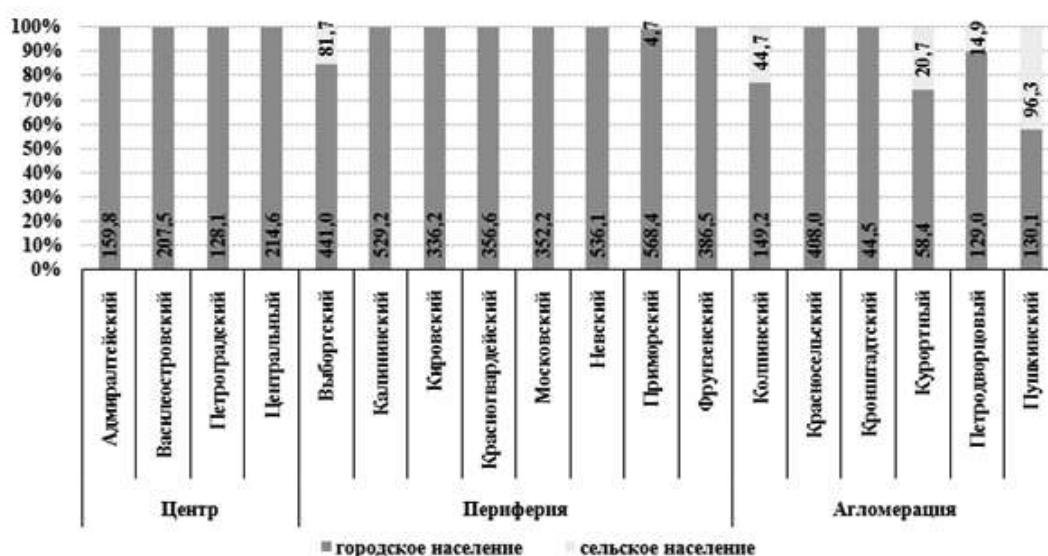

Рис. 3. Центрифрийность районов в городском пространстве мегаполиса Санкт-Петербурга, (составлено на основе данных Петростата [9] на 2020 г.)

В то же время степень удовлетворённости жилищными условиями современного большого города, мегаполиса также не отражает реальной картины.

В представленном материале, исходя из неовеберовского, классового и структурно-функционального подхода, г. Санкт-Петербург рассматривается как мегаполис. С позиции неовеберовского подхода, мегаполис анализируется как структурообразующий механизм концентрации: контроля над экономическими ресурсами, нормативном владении собственностью и коллективным действием по обладанию рыночными позициями (marketability). В результате имеем сово-

купность бюрократических (иерархичных) отношений по управлению разностями хозяйствования в одном городском пространстве. С опорой на классовый подход, мегаполис Санкт-Петербург трактуется как глобальный город, включённый в транзитивный процесс сохранения и воспроизводства капитала в его материалистической форме. Итогом центрифрийности (centriphery) отношений борьбы за ресурсы и экономическое доминирование становится отнесение города к периферии капиталистических метрополий. С точки зрения структурно-функциональной теории (функционализма) и принципов территориальности, мегаполис представлен как совокупность единого ло-

кального городского пространства (крупного города многомиллионника) и его агломерации, состоящей из 9 городов и 21 посёлка (Рис. 3).

Однако, подавляющее большинство населения мегаполиса не критично относится к жилищным условиям, и склонно воспринимать их скорее нейтрально, нежели резко позитивно или негативно. Здесь следует обратиться к анализу объективных данных «Итогов комплексного наблюдения условий жизни населения Санкт-Петербурга» [10] (Рис. 4).

Как можно наблюдать из данных Рис. 4, субъективное восприятие состояния скученности, стеснённости жилищных условий горожан не соответствует реальной обстановке, когда только 49,4% седьмой децильной группы населения реалистично воспринимают объективный существующий недостаток необходимых для жизни социальных норм площади жилья. Предположим, что подобная анергия (толерантность) жителей мегаполиса порождается своеобразной пауперизацией (под пауперизацией понимаем устойчивую бедность, социальную болезнь, описанную П.Ж. Прудомом [11, с. 204]) (устойчи-

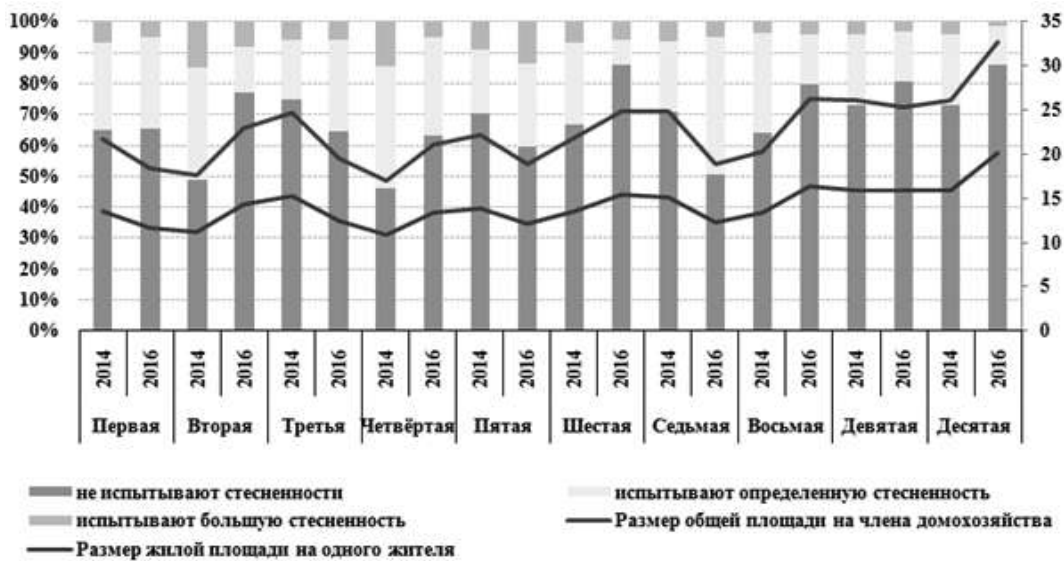

Рис. 4. Оценка жилищных условий населения Санкт-Петербурга, в том числе указавшие, что при проживании испытывают состояние скученности, в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов, по 10-ти процентным (децильным) группам населения в динамике 2014-2016 гг., % (расчёт по данным Петростата [10; 9])

Рис. 5. Сравнение намерений населения Санкт-Петербурга улучшить свои жилищные условия и степени удовлетворенности ими, в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов, по 10-ти процентным (децильным) группам населения в динамике 2014-2016 гг., (расчёт по данным Петростата [9])

вой материальной депривацией) в удовлетворении жилищной нужды, лишением шанса в доступе к присвоению различных материальных и культурных благ и услуг, связанных с местом обитания.

Тем более, как показано на Рис. 5, основную рефлексию горожане, стремящиеся улучшить свои жилищные условия, испытывают в отношении стеснённости и скученности проживания, и данный критерий выделяется всеми децильными группами. На втором месте стоят вопросы (ими задаются с седьмой по девятой децильные группы горожан) состояния жилого помещения, что позволяет отметить низкий уровень самооценки своего места обитания, указывает на отсутствие требовательности к качеству жилища. Фактор аварийного состояния жилья волнует только четвёртую, седьмую и восьмую децильные группы населения Санкт-Петербурга.

Отсюда следует вывод, что индивиду свойственно приспосабливаться к жизненным условиям, воспроизводя количественные и качественные характеристики своего габитуса. «Любые поведенческие практики горожанина лежат на пересечении экономических, социальных, культурных, градостроительных сфер функционирования городского организма» [12, с. 300]. И это, в принципе, соответствует идее А. Шюца, согласно которой соотношение субъективного восприятия с объективной реальностью представляется в виде эллиптического выражения « $S = p$ », где человек, находящийся в структурировано-детерминированной ситуации, объект « S » определяет через специфическое свойство « p », игнорируя другие показатели « q » и « r », как не имеющие своей значимости в естественной установке повседневной жизни [13, с. 12].

Таким образом, построение грамотных выводов при проведении исследования, опираясь только на субъективное восприятие объективной реальности, не пред-

ставляется возможным.

В качестве пояснительной характеристики распределения жилой недвижимости может быть использован термин «поглощение», предложенный Г.М. Стерником [14, с.140], как объяснительную функцию периферизации (peripheralized) экономической деятельности в метаболистической концепции мегаполиса О.Н. Яницкого [15, с. 16]. Однако, не отрицая важность учёта личной перцепции, считаем дополняющим компонентом при поиске добросовестного, ответственного пользования процессов воспроизводства и потребления материальных и социо-культурных благ и услуг в жилищной сфере исследование символов-знаков, характеризующих факторы удовлетворения жилищных условий, минимизирующих издержки и максимизирующих полезность жилья как места обитания.

Выводы

Считаем, что находясь в городском социальном пространстве, индивид, становясь актором конкурентных отношений по минимизации дистанции доступа к социо-культурному и имущественному благополучию, локально закреплён к физическому месту, образующему право претендовать на определяемый существующей хозяйственной системой набор социальных благ, и детерминируемый его габитусом.

Таким образом, фактическое использование материальных продуктов и бытовых услуг в месте обитания актуализирует вопрос о грамотном и добросовестном абоненте жилища. А поскольку общественный порядок признания господства на воспроизводство и потребление жилищных благ ограничен завышенными ожиданиями (очарованием) от института частной собственности, требуется проведение взвешенных исследований для установления конечного ответственного пользователя жильём.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. История хозяйства. Город / М. Вебер; Пер. с нем.; Под ред. И. Гревса; Коммент. Н. Саркитова, Г. Кучкова. - М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. - 576 с.
2. Вирт Л. Избранные Работы по социологии. Сборник переводов / Л. Вирт; РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии; Пер. с англ. Николаев В.Г.; Отв. ред. Гирко Л.В. - М.: ИНИОН, 2005. - 244 с.
3. Эспинг-Андерсен Г. Два общества, одна социология и никакой теории / Г. Эспинг-Андерсен // Журнал исследований социальной политики. - 2009. - № 6 (2). - С. 241-266.
4. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов / Дж. Джекобс; Пер. с англ. - М.: Новое издательство, 2011. - 460 с.
5. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Д. Кралечкин. - М.: Академический Проект, 2007. - 335 с.
6. Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё; Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. - М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. - 288 с.
7. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения / П. Бурдьё // Экономическая социология. - 2005. - Т. 6. - № 3. - С. 25-48.
8. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс] / Официальный сайт. - Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 05.04.2021).
9. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат) [Электронный ресурс] /

- Официальный сайт. - Режим доступа: <https://petrostat.gks.ru/> (дата обращения: 05.04.2021).
10. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения Санкт-Петербурга: Статистический бюллетень. - СПб.: Петростат, 2018. - 73 с.
 11. Прудон П.Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти; Бедность как экономический принцип; Порнократия, или Женщины в настоящее время / П.Ж. Прудон; Подгот. текста и коммент. В.В. Сапова. - М.: Республика, 1998. - 367 с.
 12. Еремичева Г.В. Градостроительная политика освоения социального и территориального пространств советского и российского города / Г.В. Еремичева // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса. Материалы IX социологических чтений памяти В.Б. Голофаства, 3-5 апреля 2017 г. - СПб.: Норма, 2017. - С. 298-319.
 13. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц; пер. с нем. и англ., общ. и науч. ред., послесл. Н.М. Смирновой. - М.: РОССПЭН, 2004. - 1055 с.
 14. Стерник С.Г. Методика прогнозирования объемов ввода на локальном рынке строительства и продажи жилья / С.Г. Стерник, Г.М. Стерник // Жилищные стратегии. - 2018. - Т. 5. - № 2. - С. 137-152.
 15. Яницкий О.Н. Глобализация. Город. Человек: [монография] / О.Н. Яницкий; предисл. Л.М. Дробижевой. - М.: ФНИСЦ РАН, 2018. - 177 с.

© Муфтахова Альмира Нургалиевна (msmalmira@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТАНОВЛЕНИЕ ГЕРМЕНЕВТИКИ И НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ В ДИАЛОГЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Саврей Валерий Яковлевич

Д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова
vsrvy@icloud.com

THE FORMATION OF HERMENEUTICS AND NEW HORIZONS IN THE DIALOGUE OF INTERPRETATIONS

V. Savrey

Summary: Interpretation as a process of comprehension of the original deep meaning of the text, as the identification of its noumenal meaning contained in the contextual content in relation to the phenomenology of narrative narrative, determined the paradigm of hermeneutics throughout its historical path. The dialogue of interpretations proposed by Paul Riker is presented as a constructive approach to solving urgent problems that are a response to new philosophical challenges of the modern era.

Keywords: allegory, theology, hermeneutics, meaning, interpretation, metaphysics, metaphor, understanding, freedom, symbol, word, meaning, text, philosophy, language.

Аннотация: Интерпретация как процесс постижения изначального глубинного смысла текста, как выявление заключённого в контекстуальном содержании его ноуменального значения в отношении к феноменологии нарративного повествования, определяла парадигму герменевтики на протяжении её исторического пути. Предлагаемый Полем Рикёром диалог интерпретаций представляется в качестве конструктивного подхода к решению актуальных задач, являющихся ответом на новые философские вызовы современной эпохи.

Ключевые слова: аллегория, богословие, герменевтика, значение, интерпретация, метафизика, метафора, понимание, свобода, символ, слово, смысл, текст, философия, язык.

Аристотель, философия которого «впервые оказывается строго продуманной системой дисциплин» (Шичалин Ю.А. Аристотель // Православная энциклопедия. Том III. М., 2001. С. 243), является тем автором, кто в своём трактате «Peri Hermenias» определил знаки, символы, речь и письмо, исходя из состояний аффицирования или «претерпеваний» души (Деррида Ж. Поля философии. М., 2012. С.100), которым в герменевтике В.Дильтея соответствует понятие «переживание» (Erlebnis). В одной из своих базовых работ «Поля философии» Ж. Деррида приводит хорошо известный фрагмент, с которого начинается «Peri Hermenias» Аристотеля: «Издаваемые голосом звуки являются символами состояний души, а написанные слова – символами слов, издаваемых голосом». (Там же. С. 100). Под именем «голоса» здесь идентифицируется экзистенциальная значимость присутствия, выраженного в живом слове и самосознании, а под именем «символа» написанных слов репрезентируется воскрешаемая ими реальность действительности. «Согласно Рикёру, герменевтика выступает в качестве особой дисциплины, объединяющей результаты различных дисциплин. Важным фактором такого объединения является отношение к символу как к конкретному предмету интерпретации» (Шульга Е.Н. Герменевтика Поля Рикёра и современные проблемы эпистемологии // Поль Рикёр в Москве. М., 2013. С. 249). Символ не является обозначением лишь одного какого-либо феномена, он обозначает его связь с целым рядом других феноменов, подчиняя эту связь единому

принципу, открывающему различные планы реальности, которые объединяются, как, например, у Э. Кассирера в его теории культурных феноменов как результатов символической деятельности человека, в единое целое. В основании всей иерархии символических форм находится язык как основополагающий фундаментальный принцип символической деятельности. «Интерес к языку в начале XX в. был характерной чертой эпохи» (Фалёв Е.В. Герменевтика Хайдеггера. СПб., 2008. С.126). Начиная с эпохи Возрождения, «интерес к проблемам языка, понимания и истолкования возникает, чтобы никогда уже не угаснуть» (Там же. С.127).

В истории культур и цивилизаций символ Завета, заключённого между Богом и человеком, воплощается в словесной ткани письменного текста, интерпретацией которого было озаменовано рождение библейской герменевтики. Интерпретация символа есть опыт его постижения в процессе работы мысли, которая заключается в расшифровке многоуровневой структуры сокровенных смыслов, скрывающихся за первоначальным очевидным смыслом.

Философское изречение «символ побуждает мыслить» наводит П. Рикёра на размышление о том, что «всё загадочным образом уже сказано и, однако, всякий раз всё нужно начинать и начинать сначала» (Рикёр П. Философская антропология. М., 2017. С. 118), поскольку, начиная с Шлейермахера, Бёкля и Дильтея, герме-

невещную рефлексию отличает признание принципа продуктивной непостижимости текста (Frithjof Rodi. *Erkenntnis des Erkenntnen*. Frankfurt am Main, 1990. S. 97). Задача выявления многозначности смыслов в письменном тексте определяет основной вектор герменевтики как науки и в философских, и в богословских исследованиях. Всякая смысловая структура является для Рикёра символом, где первичный буквальный смысл необходимо предполагает другой, более глубокий или более возвышенный смысл. Призыв Рикёра «начинать всё сначала» включает задачу обращения к историческим истокам, в основании которых обретается письменный текст, несущий послание относительно всего того, что действительно является значимым, и в конечном итоге означающий мысль, в которой продумывается истина человеческого существования. «В самом деле, знаменательно, что у Аристотеля *hermeneia* не ограничивается одной лишь аллегорией, а относится ко всему означивающему дискурсу» (Рикёр П. *Конфликт интерпретаций*. М., 2002. С.34), и что сам означивающий дискурс представляет собой истолкование, *hermeneia*, поскольку именно он «интерпретирует» реальность (Там же. С.34). По отзыву К. Дж. Ванхузера, для которого постижение смысла текста представляется «герменевтической привилегией», евангельская притча о сеятеле вместе с её изъяснением «обладает огромной герменевтической важностью, поскольку она прямо связывает тему ученичества и понимания» (Ванхузер К.Дж. *Искусство понимания текста*. Черкассы, 2007. С. 671). Э. Тиссельтон в своей «Герменевтике» отмечает, что «понимание текста не сводится к научному исследованию его смысла» (Тиссельтон Э. *Герменевтика*. Черкассы, 2011. С.238), ссылаясь на пример Рудольфа Бульмана, который был убеждён, что «в богословии и библейской интерпретации необходимы «живые взаимоотношения» между толкователем и текстом» (Там же. С.238). М.Хайдеггер, приступая к работе над исторической теорией познания, признавался в том, что в его поисках его «сопровождали молодой Лютер и модель Аристотеля» (Тиссельтон Э. *Герменевтика*. Черкассы, 2011. С.224). Однако, в отличие от Аристотеля, в философии Хайдеггера, как заметил Рикёр, «понимание является уже не способом познания, но способом бытия» (Рикёр П. *Конфликт интерпретаций*. М., 2002. С.38). В экзистенциальной философии Хайдеггера, личность которого в характеристике А.Г.Дугина, «открывается как фигура эсхатологическая» (Дугин А.Г. *Мартин Хайдеггер. Философия другого Начала*. М., 2010. С. 11), где он предстаёт «как финальный толкователь и изъяснитель самых глубоких и загадочных тем мировой философии и создатель нового радикального мышления» (Там же. С.11), герменевтика определяется как феноменология «*Dasein*», где немецкое слово *Dasein*, означающее «жизнь», «существование», подверглось Хайдеггером философскому переосмыслению (Фалёв Е.В. *Герменевтика Хайдеггера*. СПб., 2008. С. 126). Герменевтический проект Хайдеггера, далёк от традиционно-

го понимания герменевтики как метода, дающего ключ к пониманию смысла текста. *Dasein* Хайдеггера означает «бытие, которое в своём бытии имеет дело с самим этим бытием» (Martin Heidegger. *Sein und Zeit*. Tübingen, 2006. S. 12). Акцент на историчности, заметный уже у Гегеля, сохраняет свою значимость у Хайдеггера (Тиссельтон Э. *Герменевтика*. Черкассы, 2011. С.243). Если в традиционной герменевтике экзегезис представляет собой путь к пониманию смысла текста, то в умозрении Хайдеггера, наоборот, понимание ведёт к экзегезису. Философия Хайдеггера ознаменовала собой своего рода антигерменевтический поворот в философии Новейшего времени. Философская концепция Хайдеггера сводится к разработке онтологии как феноменологии, призванной раскрыть сущность феномена «здесь-бытие» (*Dasein*) посредством его интерпретации (Соболева М. *Философская герменевтика. Понятия и позиции*. М., 2014. С.84). Как отмечает Е.Н. Шульга, «философская герменевтика XX столетия в лице Хайдеггера и Гадамера перенесла своё внимание с проблемы истолкования на экзистенциальное понимание, которое рассматривалось скорее как прямой, аутентичный способ бытия в мире, не как способ познания» (Шульга Е.Н. *Понимание и интерпретация*. М., 2008. С.14).

Согласно Рикёру, с симпатией воспринявшего идеи философа-персоналиста Эммануэля Мунье, «философско-христианская ориентация» которого была ему «близка» (Вдовина И.С. *Поль Рикёр: герменевтический подход к истории философии // Поль Рикёр в Москве*. М., 2013. С.155), «смерть «природных» символов в «эстетической» греческой религии и в «этической» герменевтике этой эстетической религии» подготавливает пришествие христианства (Рикёр П. *Библейская герменевтика // Символ. Журнал христианской культуры, основанный Славянской библиотекой в Париже, № 62*. (2012). Париж – Москва. С.145). Христианство заполняет интеллектуальное пространство Античности, сообщая привилегию герменевтически ориентированного разума в неведомом для древнего мира масштабе всем сословиям и всем этносам, когда «пришла полнота времени» (Гал. 4,4), ознаменовав существование человека действенной историей с перспективой всеобщего воскресения, то есть став эпохой «истории действий» (*Wirkungsgeschichte*)» (Тиссельтон Э. *Герменевтика*. Черкассы, 2011. С. 237). В этой перспективе история воспринимается скорее как «напряжённое ожидание завершения» (Рикёр П. *Конфликт интерпретаций*. М., 2002. С.490), в котором воскресение, интерпретированное в традиции теологии обетования, есть «знак того, что отныне обетование относится ко всем; смысл воскресения в его будущем» (Там же. С. 491). Темпоральное конституирование обетования «должно отныне сопровождать нас в интерпретации Нового Завета» (Там же. С. 490). К. Ясперс актуализирует задачу «привести самобытие экзистенции к некоторому преобразению в новые возможности

созидающей человечности» (Ясперс К. Разум и экзистенция. М., 2014. С. 311), ибо «там, где разум даёт пространство, исчезают упоение и дикость» (Там же. С.311).

Письменный текст содержит в себе исток смысла, который всегда определяется как знак живого присутствия, «как акт живого бытия» (Грицанов А.А. «Голос и феномен. Введение в проблему знаков в феноменологии Гуссерля» //Постмодернизм. Новейший философский словарь. Минск, 2007. С. 97). По мысли крупнейшего теолога XX в. К.Барта, автора трёхтомной Церковной догматики, отношение человека к Богу включает «смысл всякого общего и частного движения, смысл истории, смысл совокупного прошлого, настоящего и будущего человечества» (Барт К. Церковная догматика. Том 3. М., 2014. С.72). На вопрос, откуда мы взялись и куда идём, христианская догматика не может ответить иначе, как в парадигме зафиксированных в текстах Библии свидетельств пророков и апостолов о Божьем замысле, в котором открывается путь человечества «от Бога и к Богу» (Там же. С.72). Принципиальным и существенным образом догматика как область теоретического знания, находящегося между Божественным Откровением и человеческим разумом, представляет собой герменевтику в её истоке. Догматика также отвечает на вопрос: что же в таком случае представляет собой наше настоящее? Настоящее – это наша жизнь, и мы можем переживать её «в радостной свободе» (Там же. С.73), которая для Рикёра означает «качественное состояние, присущее религиозному феномену как таковому» (Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 2002. С.487). Исходя из задачи постижения смысла текста как изначального требования, «какое бытие предъявляет к говорению» (Там же. С.486), Рикёр устанавливает связь религиозной свободы с герменевтикой. «От этой свободы и рождается герменевтика в той мере, в какой сам религиозный феномен существует лишь в историческом движении интерпретации... породившего его слова» (Там же. С. 487). Таким образом, вводя концепт «герменевтики религиозной свободы», Рикёр определяет её как «выявление значений свободы, сопровождающих выявление лежащего в её основе слова или, как принято говорить, оглашения керигмы» (Там же. С. 487).

Нельзя не согласиться с утверждением Г. Гадамера о том, что христианская догматика «раскрывает перед философской мыслью недоступные грекам горизонты» (Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С.486). Если целью герменевтики, согласно К. Дж. Ванхузеру, является приобретение знания «о происхождении, природе и содержании текста» (Ванхузер К.Дж. Искусство понимания текста. Черкассы, 2007. С. 224), то в первую очередь эта цель относится к специфике сакрального библейского текста, который, в отличие от античного текста, являющегося плодом абстрактного умозрения, опыта «феории», отражает

сверхприродную реальность присутствия в пределах имманентного человеческого бытия абсолютного, трансцендентного начала. Здесь человек должен говорить по-другому, он должен обратиться к словам и осознать, что они ему сообщают. «Только такая речь сможет высказать священное молчание» (Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер. Философия другого Начала. М., 2010. С. 112). Слово, которое было «в начале» (Ин.1,1) становится в центре истории. «В противоположность греческому логосу Слово становится теперь чистым событием» (Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 487), то есть не редуцируемой ни к чему существующему, но в то же время представленной и открытой миру в его истории, в тайне Воплощения, абсолютной Сущности. То, что Гадамер называет «событием», означает одновременно исторический момент, начиная с которого человечество должно формироваться под воздействием Слова. «Единственность, неповторимость акта искупления ведёт к включению исторического в сферу европейской мысли, освобождая одновременно феномен языка из его погружённости в идеальность смысла и позволяя ему сделаться объектом философского размышления» (Там же. С.486-487). Проблема смысла есть в первую очередь проблема языка, представляющего собой иерархическую семиотическую систему. Целью герменевтического анализа является, по мысли Рикёра, интеллектуальная деятельность учёного, которая состоит «в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом, в выявлении уровней значения, заключённых в буквальном значении» (Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 2002. С. 38). Вполне очевидно, как заявляет К.Дж Ванхузер, что «богословие имеет герменевтический характер, поскольку его задача – толкование Писания» (Ванхузер К.Дж. Искусство понимания текста. Черкассы, 2007. С. 675).

Становление герменевтики как науки осуществлялось в культурно - историческом контексте в сложном и противоречивом взаимопроникновении различных мировоззренческих, религиозных и философских традиций, что в значительной степени осложняет общую картину её возникновения и генезиса. Так, например, заслуга распространения аллегории как метода интерпретации и постижения смысла мифологического повествования приписывается представителям стоической школы (Pfeiffer R. History of Classical Scholarship from Beginnings to the End of the Hellenistic Age. Oxford, 1968. P. 237). По мнению немецкого исследователя В. Бинерта, широкое применение философской аллегории объясняется реакцией на критику Платоном творений Гомера и Гесиода (Bienert W. A. «Allegoria» und «Anagoge» bei Didymus dem Blinden von Alexandria. Berlin, 1972. S. 33-34). Аллегория преследовала цель «заботы о мифе», являвшегося достоянием национального греческого эпоса, в то время, как классическая философия обесценила миф, что стало причиной отказа от прямолиней-

ных идеалистических устремлений Платона (Mortley R. *Connaissance religieuse et hermeneutique ches Clement d Alexandrie*. Leiden, 1973. P. 35). Когда из области религии миф перешёл в античную литературу, тогда уже литература подверглась аллегоризации (Hatch E. *The Influence of Greek Ideas on Christianity*. New York, 1957. P. 65). Наиболее приемлемым способом интерпретации священного текста стала признаваться аллегория. Филон Александрийский в своём трактате «О созерцательной жизни» представил обоснование аллегорического метода в подходе к интерпретации текста: «Истолкования священных сочинений состоят в том, что через аллегорию они указывают на скрытый в них смысл» (Филон Александрийский. *Толкование Ветхого Завета*. М., 2000. С. 28). Аллегория оказывалась способной придать языку дополнительный символический смысл, открывающий значение символа как самостоятельной категории, обладающей собственной ценностью, которая сводилась к обнаружению реальности. Символическая речь воспринималась как веяние интеллектуальной моды, в то время как успех аллегорического подхода к её интерпретации можно расценивать в парадигме охватившего Средиземноморскую ойкумену культурного экспансионизма, характеризуемого полиэтничностью и полиморфизмом культурных ценностей и философских идей. В этой ситуации христианство стояло перед необходимостью освоения всех культурных и философских достижений античной цивилизации, не отрекаясь от благодати Евангелия, или, как выразился Э. Вашро, «не исчезая с Востока» (Vacherot E. *Histoire critique de l'ecole d Alexandrie*. Paris, 1846. Vol. 1. P. 234). Учителя и последователи раннего христианства ответственно и с энтузиазмом осознавали свою миссию в мире, исходя именно из аллегорического, а не буквального смысла евангельского учения, где они назывались «светом миру» и «солью земли» (Мф. 5, 13-14). Климент Александрийский возвёл христианскую доктрину в статус высшей философской истины. Для него философия была интеллектуальной дорогой ко Христу. Он апологет христианства в такой же степени, как и апологет философии. Тем не менее, в его глазах высшего предпочтения заслуживает христианское богословие. В его герменевтическом умозрении служанка Авраама Агарь является олицетворением философии, в то время как превосходство Сарры, законной жены Авраама, символизирует высшую мудрость, то есть феологию, богословие. Следует, однако, учесть то обстоятельство, что Климент, будучи христианским мыслителем и эллинистически образованным философом, желавшим обогатить христианскую мысль достижениями античной философии, не имел собственной независимой метафизики. В свою очередь Ориген дал христианской философии блестящее метафизическое обоснование и сформулировал правила герменевтики библейского текста. С Оригена в Церкви «начинается эпоха эрудиции» (Bigg Ch. *The Origins of Christianity*. Oxford, 1909. P. 419). Выдающийся французский иссле-

дователь древних христианских текстов Крузель в своём труде об Оригене отразил значение мистического элемента его герменевтики, включающей молитву и созерцание, не ограничивая его творческий гений одной лишь интеллектуальной интуицией (Crouzel H. *Origen*. Edinburgh, 1989. P. 74). Предметом герменевтического анализа в экзегетике Оригена являются тексты, события и притчи Ветхого и Нового Завета. Блестящим примером высокого профессионализма Оригена является его экзегеза текста Евангелия от Иоанна о чуде претворения Господом Иисусом Христом воды в вино в Кане Галилейской: все древние философские учения были всего лишь водой, которая была не способна утолить духовную жажду человечества, а Евангельское учение Христа стало тем вином, которое духовно возвеселило весь мир. В герменевтике Оригена аллегория как метод постижения смысла текста не была каким-то искусственным способом надления нарратива повествования скрытым смыслом, она представляла собой способ открытия подлинного смысла священного текста, для которого она служила «ключом разумения». Присущий александрийской экзегетической традиции аллегорический метод имел в качестве необходимой альтернативы исторический метод, представленный богословами антиохийского направления. Для обеих традиций язык Откровения был больше, чем метафора, больше, чем то, что называют аналогией. Если наследие древних христианских школ является в свою очередь тоже предметом богословской интерпретации, то, согласно Ф. Шлейермахеру, целью герменевтического анализа становится стремление интерпретатора «понять автора лучше, чем тот понимал сам себя» (Шлейермахер Ф. *Герменевтика*. СПб, 2004. С. 46). Процесс интерпретации смысла, заключённого в ткань символов и метафор, способен открывать новые, неведомые ранее горизонты. Для Рикёра «метафора – это та стратегия речи, с помощью которой язык лишает себя исходной описательной функции, чтобы осуществить свою необычную функцию переописания» (Рикёр П. *Библейская герменевтика*. Символ, № 62 (2012). Париж – Москва. С. 92). Полагаясь на это концептуальное высказывание Рикёра, можно с осторожностью согласиться с его утверждением в отношении выполняемой метафорой функции переоценки, которая ведёт к «метафорической истине» (Там же. С.92), когда сам Рикёр допускает её притязание на постижение реальности, открываемой теперь в парадигме «способности поэтического языка к переописанию» (Там же. С. 92). Александрийской и антиохийской традициями язык Библейского повествования воспринимался как «таинственный покров истины, позволяющий выразить вечное Бытие в повествовании» (Young M. F. *Biblical Exegesis and the Formation of Christian Culture*. Cambridge, 1997 P. 145).

В XX в. герменевтика заявила о своей актуальной значимости и универсальности, представляясь одним

из перспективных направлений в развитии философии. Следует признать, что предложенная Г.Гадамером «модель переживания игры, праздника или искусства открывает перед герменевтикой широкие возможности» (Тиссельтон Э. Герменевтика. Черкассы, 2011. С. 243). В трактовке В. Дильтея, захватившего первое десятилетие XX века, жизнь есть совокупность всего того, что раскрывается в переживании и понимании как связь, «охватывающая человеческий род» (Dilthey W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. GW, VII. Leipzig und Berlin, 1927. S. 131). В интерпретации Розенштока-Хюсси вся история предстаёт в качестве истории спасения, и её цель открывается как творение единого человеческого рода (Пигалев А.и. Язык, культура и история в «диалогическом мышлении» Ойгена Розенштока-Хюсси // О. Розеншток-Хюсси. Язык рода человеческого. М.-СПб., 2000. С.596). Энтони Тиссельтон как пламенный энтузиаст в области герменевтических исследований склоняется перед универсальной значимостью герменевтики в опыте постижения человеком смысла и ценности бытия. «Герменевтика проникает повсюду» (Тиссельтон Э. Герменевтика. Черкассы, 2011. С.235). «Герменевтика изучает всё, что нас окружает» (Там же. С.243). В мире культуры, смыслов и ценностей всё оказывается движимым «традицией, историей и интерпретацией» (Там же. С.236). По мнению Г. Гесе, придерживающегося традиционно-исторического подхода к библейской теологии, «история традиции – это не искусственное собрание состоящих из отдельных фрагментов и порой противоречивых традиций, а длительный процесс развития, в котором традиции время от времени обновлялись в соответствии с новыми обстоятельствами» (Грант Р. Осборн. Герменевтическая спираль. Одесса, 2009. С. 443). С точки зрения Гесе, Ветхий Завет можно считать исполненным только с появлением Нового Завета (Там же. С.443). Библейский текст имплицитно и явно заключает объективный смысл, однако «без экзистенциального присвоения того, что он говорит, невозможно существование живого слова» (Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 2002. С.483). Герменевтика ставит задачу выявления многозначности смысла текста. Для Рикёра принципиальное значение имеет многоуровневая структура текста, где первичный буквальный смысл означает герменевтическое поле, в смысловом пространстве которого может быть открыт другой потаенный смысл, обладающий новым, более универсальным или более превосходным значением. Герменевтика «даёт начало экзистенциальному движению присвоения смысла» (Там же. С.482). Текст заключает манифестацию новых смыслов и ценностей, ознакомление и согласие с которыми ведёт к переоценке прежних ценностей, к пересмотру собственной философской парадигмы. Ванхузер поясняет: «Рикёр говорит о «присвоении» текста читателем, последней стадии процесса толкования; не в смысле «превращения текста в собственность», как можно было бы ожидать, а скорее

в контексте поглощения читателя текстом» (Ванхузер К. Дж. Искусство понимания текста. Черкассы, 2007. С. 610). Герменевтика как искусство понимания буквального и сокровенного смысла текста открывает новые горизонты видения реальности. Э. Тиссельтон отмечает, что понятие «горизонта», введённое в философию Гуссерлем и Хайдеггером (Тиссельтон Э. Герменевтика. Черкассы, 2011. С.237), включает в себя всё, что «видно с определённой точки зрения» (Gadamer G. Truth and Method. P. 302). Открытие новых горизонтов находится во власти человека: «Горизонты меняются для того, кто идёт вперёд» (Ibid. P. 304). В центре внимания всегда остаётся задача раскрытия смысловых ресурсов исследуемого текста, поиск культурных кодов, обеспечивающих организацию герменевтического подхода в соответствии с онтологически осмысленным опытом постижения бытия, как, например, в философии Г. Гадамера и М. Хайдеггера, или в направлении постижения атрибутивного способа существования жизненного мира личности, как, например, в герменевтике П. Рикёра (Усманова А.Р. Текст // Постмодернизм. Новейший философский словарь. Минск, 2007. С. 647). Мысль о том, что текст создаёт определённое смысловое пространство, в континууме которого человек открывает новую реальность, постижение которой входит в сферу его понимания как результата интерпретации, высказывалась в герменевтических исследованиях неоднократно ещё до Э. Тиссельтона. «Полю Рикёру принадлежит особое место среди изучавших идею повествовательного мира прежде всего потому, что он тоже изучал Мартина Хайдеггера и его понятия «возможности» и «мира», а также знаком с нарративным подходом» (Тиссельтон Э. Герменевтика. Черкассы, 2011.С.65). Заслужено Рикёра следует признать установление связи между формальным объяснением смысла текста и его экзистенциальной интерпретацией с «метафорическим процессом», действующим в структуре повествования (Рикёр П. Библейская герменевтика // Символ, №62 (2012). Париж-Москва. С. 32). В области герменевтики метафорический процесс иллюстрируется в интерпретации притчи, поскольку никакая интерпретация не могла сформироваться без заимствований способов прочтения и понимания текста из области, включающей аллегорию, аналогию или метафору. Согласно Рикёру, «теория притчи требует особого развития, чтобы её можно было применить к тому, как «работает» речь, в которой имеет место сочетание, с одной стороны, её самой, на уровне более высоком, нежели суждение, а с другой стороны – метафорических значений, которые становятся традиционными, но не делаются ни тривиальными, ни мёртвыми» (Там же. С.33). Ещё один существенно важный принцип, которому следовал Рикёр, заключается в том, что «мы должны ставить себя не «впереди», а «позади» текста, чтобы текст обладал приоритетом» (Грант Р. Осборн. Герменевтическая спираль. Общее введение в библейское толкование. Одесса, 2009. С.687).

В отличие от деструктивных теорий «великих разоблачителей» – Маркса, Ницше и Фрейда, для которых «разрушение метафизики в наше время с необходимостью принимает форму нигилизма» (Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 2002. С.535), позиция Рикёра, выступавшего за диалог интерпретаций и признававшего конструктивную роль «совместного мышления» (Марсело Г. От конфликта к примирению и обратно: некоторые рассуждения о диалектике Рикёра //Поль Рикёр в Москве. М., 2013. С. 379), была свободна от «одномерности мышления» (Там же. С.379). Рикёр признавал, что горизонты людей в способности видения проблем ограничены, и с достоинством относился к уникальности мировоззренческой позиции любого партнёра в диалоге. «Как бы то ни было, Рикёру всегда хватало порядочности; он принимал христианскую традицию и обычаи, но никогда не стремился навязывать их» (Там же. С,378). В своих работах П. Рикёр стремился к аналитической оценке и теоретическому обобщению творческих исканий выдающихся мыслителей XX века, среди которых он занимает

достойное место как классик современной философии и, в частности, герменевтики. «Герменевтика Рикёра, оставаясь в кругу метафизического мышления, разделяет фундаментальные основания этого мышления, она словно обречена на вращение в той сфере смысла, которую конституирует метафизика – смысла, определяющего одновременно научный способ мышления и о мире и о человеке в нём живущем» (Шульга Е.Н. Понимание и интерпретация. М., 2008. С. 259-260). Философия П. Рикёра формировалась в русле классической традиции эпохи модерна, в которой одной из главных целей текстуальной интерпретации являлось осуществление с помощью метода реконструкции адекватного понимания смысла текста, открытие в нём оригинального авторского замысла, значение которого включало конкретный гносеологический, богословский, этический или какой-либо иной философский смысл, где речь идёт о том, что «следует сверяться с намерениями автора, с тем, что он хочет сказать, с тем, что означает игра фигур» (Деррида Ж. Поля философии. М., 2012. С.255).

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт К. Церковная догматика. Том 3. М., 2014.
2. Ванхузер К. Дж. Искусство понимания текста. Черкассы, 2007.
3. Вдовина И.С. Поль Рикёр: герменевтический подход к истории философии // Поль Рикёр в Москве. М., 2013.
4. Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
5. Грицанов А.А. «Голос и феномен. Введение в проблему знаков в феноменологии Гуссерля // Постмодернизм. Новейший философский словарь. Минск, 2007.
6. Деррида Ж. Поля философии. М., 2012.
7. Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер. Философия другого Начала. М., 2010.
8. Осборн Грант Р. Герменевтическая спираль. Одесса, 2009.
9. Поль Рикёр в Москве. М., 2013.
10. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 2002
11. Рикёр П. Библейская герменевтика // Символ. Журнал христианской культуры, основанный Славянской библиотекой в Париже, №62. Париж – Москва, 2012.
12. Рикёр П. Философская антропология. М., 2017.
13. Соболева М. Философская герменевтика. Понятия и позиции. М., 2014.
14. Тиссельтон Э. Герменевтика. Черкассы, 2011.
15. Усманова А.Р. Текст // Постмодернизм. Новейший философский словарь. Минск, 2007.
16. Фалёв Е.В. Герменевтика Хайдеггера. СПб., 2008.
17. Филон Александрийский. Толкование Ветхого Завета. М., 2000.
18. Шичалин Ю.А. Аристотель // Православная энциклопедия. Том III. М., 2001.
19. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004.
20. Шульга Е.Н. Понимание и интерпретация. М., 2008.
21. Шульга Е.Н. Герменевтика Поля Рикёра и современные проблемы эпистемологии //Поль Рикёр в Москве. М., 2013.
22. Ясперс К. Разум и экзистенция. М., 2014.
23. Bigg Ch. The Origins of Christianity. Oxford, 1909.
24. Biennert W.A. «Allegoria» und «Anagoge» bei Didymus dem Blinden von Alexandria. Berlin, 1972.
25. Gadamer G. Truth and Method. New York : Crossroad, 1982.
26. Crouzel H. Origen. Edinburg, 1989.
27. Dilthey W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. GW, VII. Leipzig und Berlin. 1927.
28. Hatch E. The Influence of Greek Ideas on Christianity. New York, 1957
29. Mortley R. Connaissance religieuse et hermeneutique ches Clement d Alexandrie. Leiden, 1973.
30. Frithjof Rodi. Erkenntnis des Erkannten. Frankfurt am Main, 1990.
31. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 2006.

32. Pfeiffer R. History of Classical Scholarship from Beginnings to the End of the Hellenistic Age. Oxford, 1968.
33. Vacherot E. Histoire critique de l'école d'Alexandrie. Paris, 1846.
34. Young M.F. Biblical Exegesis and Formation of Christian Culture. Cambridge, 1997.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsrvy@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ФИЛОСОФИЯ ХРУПКОГО МИРА: ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НА ПОРОГЕ НОВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Саврей Валерий Яковлевич

Д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова
vsvry@icloud.com

PHILOSOPHY OF A FRAGILE WORLD: HUMANITY ON THE THRESHOLD OF A NEW GLOBAL REALITY

V. Savrey

Summary: The concept of a fragile world is the concept of the fragility of a person, in whose ephemeral and final space the existence of the Universe is revealed. In the world historical cycle, man acts and acts on earth as a «different angel», as a messenger of being, creating civilization and culture with his intellect and creativity in their metaphysical correlation with the eschatological purpose of history as a project that opens up the prospect of human reality in Divine eternity.

Keywords: God, faith, eternity, time, life, history, culture, peace, responsibility, anxiety, death, threat, philosophy, civilization, man, existence, epoch.

Аннотация: Концепция хрупкого мира – это концепция хрупкости человека, в эфемерном и финальном пространстве которого открывается существование Вселенной. В мировом историческом цикле человек выступает и действует на земле как «иной ангел», как посланник бытия, создающий своим интеллектом и творчеством цивилизацию и культуру в их метафизической соотносительности с эсхатологическим предназначением истории как проекта, открывающего перспективу человеческой реальности в Божественной вечности.

Ключевые слова: Бог, вера, вечность, время, жизнь, история, культура, мир, ответственность, тревога, смерть, угроза, философия, цивилизация, человек, экзистенция, эпоха.

Рождение и смерть человека не могут быть пережиты им самим как события его личной жизни и выступают для него самого в значении метафизических символов трансцендентальной реальности. «Потеря себя не есть разлука с собою – качественно определённым и любимым человеком, ибо и моя жизнь-пребывание не есть радостное пребывание с самим собою как качественно определённой и любимой личностью» (Бахтин М.М. Поэтика словесного творчества. М., 1979. С.93). Человек как сознающее себя я не может разлучиться с самим собой, и объективная оценка значимости всей его жизни принадлежит не ему, а другим. В эстетической трактовке М.М. Бахтина, человек – не ценностный герой своей жизни, а автор прожитого им пространства-времени. Однако в экзистенциальной плоскости это переживание пространственных и временных координат несколько не снижает «нравственного сознания своей смертности и биологической функции страха смерти» (Там же. С.94).

На тёмном фоне не утихающих в сегодняшнем мире беспокойств и тревог просвечивает общая тенденция воспринимать бытие как реальную позитивность, обретающую онтологическую и ценностную значимость в экзистенциальной парадигме человеческой личности, поскольку, как утверждает Виктор Франкл, один из признанных авторитетов в области современной психологии, «не только мир существует в сознании... но и сознание существует в мире» (Frankl V.E. Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn. München, Piper, 1979, S.236). Жизнь человечества метафизически соотносится с об-

щим бытийным универсумом, где человек занимает место между физической Вселенной и символической вселенной, созданной его интеллектуальной и творческой деятельностью, ибо «человек находится внутри бытия» (Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. С.262). Хрупкость и эфемерность индивидуальной человеческой жизни создают предпосылки для постановки метафизической проблемы, касающейся оценки существования человеческой личности не только в координатах исторического времени, но и в парадигме её соотносительности идеальному и абсолютному порядку вечности как финальной инстанции в трансцендентальном предназначении человека. Как отмечает Ж. Деррида, в европейской философии XX века проговаривается «метафизическое единство человека и Бога» (Деррида Ж. Поля философии. М., 2012. С. 145). В сущностной значимости этого единства он усматривает «проект, задающий человеческую реальность» (Там же. С.145), делая при этом оговорку, что «атеизм ничего не меняет в этой фундаментальной структуре» (Там же. С.145). Догматика открыла перед философской мыслью «недоступные грекам горизонты» (Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С.486). В ноэтичном умозрении Григория Назианзина, «Бог поставляет на земле иного ангела, из разных природ составленного поклонника. Зритель видимой твари, таинник твари умо-созерцаемой, человек поставлен на грани двух миров». С этого момента начинается история. «История Древнего Востока – первая глава истории цивилизаций, генетически предшествовавшая эллинизму и христианству» (Тура-

ев Б.А. История Древнего Востока. Ч.1. СПб., 1913. С.1-2).

Эпоха Нового времени, ознаменованного погружением человека в состояние упоительной эйфории, вызванной успехами научно-технического прогресса и комфортными условиями материального существования, как будто остаётся за порогом истории. В настоящее время всё больше осознаётся значительная или даже полная утрата человеком нашей эпохи ответственного отношения к миру трансцендентальных смыслов и ценностей. В условиях начавшейся эпидемии вируса Covid – 19, когда жизнь людей на всех континентах земного шара оказалась подвергнутой смертельному риску, когда человечество впервые в планетарном масштабе осознало хрупкость нашего мира, постановка вопроса о безусловном характере ценности человеческой жизни в метафизической парадигме экзистенциальной и мировоззренческой проблематики приобретает ключевое смысловое значение.

«Если бывает какое-либо пробуждение ценностного сознания, то именно нашему времени оно необходимо» (Гартман Н. Этика. М., 2002. С. 99). Жизнь человека в мире стала представляться нестабильной, хрупкой, лишённой каких-либо безусловных и абсолютных гарантий. Хрупкость биологического человеческого существования, хрупкость бытия человека в беспокойном и нестабильном мире присутствуют в структуре бытия как бы вопреки уникальной ценности человеческой жизни. Поэтому смерть каждого отдельного человека воспринимается человеческим сознанием как финал, совершаемый под знаком обесценивания бытия, теряющего свою онтологическую значимость и вместе с ней свою полноту и достоинство. Философия современного хрупкого мира лицом к лицу стоит перед той же самой проблемой, над рациональным решением которой философская мысль человечества билась на протяжении многих веков. Очевидно, следует признать, что вторым аспектом этой проблемы в пространстве мировой интеллектуальной культуры всегда оставался вопрос философской и прежде всего ценностной интерпретации метафизического смысла человеческого предназначения, к обсуждению которого нужно вернуться в наше время, ибо «концептуальный анализ истории освоения ценностного мира всё-таки должен был когда-то начаться» (Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006. С.32).

Интуиция хрупкости человеческого существования в нашем материальном мире, так же как и сознание эфемерности и призрачности земного счастья, исконно присущи экзистенциальному опыту человека. По мысли Эдуарда Гартмана, страдание в мире возрастает «с развитием организации от первоначальной клеточки до возникновения человека» (Гартман Э. Философия бес-сознательного. М., 1875. С. 359), и оно будет возрастать

«вместе с поступательным развитием человеческого духа до тех пор, пока цель не будет достигнута» (Там же. С.359). Но мы, утверждает Э. Гартман, не имеем выбора, мы должны идти вперёд, «хотя бы и поневоле» (Там же. С.360). Перед человечеством открывается «не золотой, а железный век; и мечты о золотом веке в будущем ещё нелепее, чем предположение его в прошедшем» (Там же. С. 360). В своей личной жизни человек не может преследовать счастье, равно как и радость, в качестве достижимой цели. В. Франкл считает, что эта мысль нашла своё удачное выражение в максиме С. Кьеркегора: «Дверь к счастью открывается наружу» (Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С.170). Как экзистенциальное достоинство бытия, чаемое человеком счастье представляется онтологической альтернативой недостойнства человека. «Разными человек мучит себя желаниями, и когда многого ищет, самое драгоценное своё теряет сокровище, то есть спокойствие душевное» (Платон, митрополит Московский. Сочинения. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010. С.93). По мысли Н. Гартмана, «человек не имеет моральных качеств для обладания счастьем в полной мере – точно так же, как и в случае других ценностей» (Гартман Н. Этика. М., 2002. С. 363). Это утверждение Н. Гартмана следует отнести и к категории самой человеческой жизни, если её считать высшей ценностью, за пределами которой становятся невозможными, исчезая и упраздняясь в своей бытийной значимости, все другие ценности. В онтологическом плане человек обнаруживает своё финальное бессилие противостоять потери той абсолютной, универсальной и всеобъемлющей ценности, какой является его жизнь. В условиях разыгравшейся вирусной стихии, когда риск преждевременной гибели становится почти неотвратимым, «ни полиция, ни армия, никакие институты власти ничего не могут сделать против ничтожно малой, но зато символической гибели одного или нескольких людей» (Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2015. С. 100). Уникальность современной ситуации заключается в том, что в отличие от прежних эпидемий, носивших относительно локальный характер, эпидемия вируса Covid – 19 охватила мир в глобальном масштабе, став глобальной угрозой смерти для всех людей.

На ситуацию переживания страха угрозы смерти люди способны реагировать по-разному, как, например, в условиях фронтовой обстановки, где в любое мгновение времени над каждым участником боевых действий висит мрачная тень смерти. Один человек теряет самообладание, подвергаясь иррациональному, парализующему волю и мысль влиянию охватывающей его стихии ужаса смерти. Другой человек способен сохранять самообладание, умея своими волевыми рациональными действиями успешно противостоять угрожающей опасности. В. Франкл в своей книге «Человек в поисках смысла» приводит параболу, отражающую своеобразие феномена трансцендентальной свободы человека, ко-

торая, согласно М. Мюллеру, способна преодолеть компромисс между эмпирической свободой и этической ответственностью человека (Muller M. Der Kompromis oder Vom Unsinn und Sinn menschliches Leben. Freiburg – München, 1980. S. 142). «Я часто иллюстрирую эту способность следующей историей. Во время первой мировой войны военный врач, еврей, сидел в окопе со своим приятелем-неевреем, полковником-аристократом, когда начался сильный обстрел. Полковник поддразнил приятеля, сказав: «Бойтесь ведь, а? Ещё одно доказательство превосходства арийской расы над семитской». «Конечно, боюсь, – ответил врач, – но что касается превосходства, то если бы вы, мой дорогой полковник, боялись так, как я, вы бы давно уже удрали». Значимы не наши страхи и не наша тревожность, а то, как мы к ним относимся» (Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 78 - 79). В качестве комментария, способного прояснить мысль В. Франкла, можно указать, например, на текст триумфального церковного гимна, который исполняется в праздник Рождества, совпадающий с днём избавления Державы Российской от нашествия галлов, в котором слова «страха же вашего не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог» заключают конкретный религиозно-этический смысл: тем, кто находится с Богом и имеет страх Божий, абсолютно чужд тот биологический страх, который приводит в трепет «языки», т.е. народы, не знающие Бога.

Жизнь человека, какой бы продолжительной она ни была, всегда представляется мимолётной и скоротечной. В Священном Писании кратковременность земной человеческой жизни сравнивается с паром, выдыхаемым человеком на морозном воздухе. «Ибо что такое жизнь ваша? Пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий» (Иак. 4,14). В истории церемониальной культуры Японии существовал древний обычай. Когда начиналась зима, император со своей свитой выходил из дворца, чтобы наблюдать картину первого падающего снега. Хрупкость снежинок, падавших на ладони придворных чиновников и таявших в одно мгновение, сравнивалась с мимолётностью человеческой жизни. При всём этом, однако, в условиях эмпирической ущербности бытия, человек признаётся обладателем исключительной и ни с чем не сравнимой привилегии противостоять хрупкости жизни своим умозрением и созерцанием, своей творческой деятельностью, своей способностью к выживанию в те моменты своей экзистенциальной судьбы, которые носят характер глубоких, быть может, даже затянувшихся, тяжёлых и трудно преодолимых кризисов.

Нравственный кризис, о котором у нас заговорили во весь голос относительно недавно – позже, чем о кризисе экономическом, – это не что иное, как ощущение огромным числом людей бессмысленности той жизни, которую им приходится вести, нередко без возможности какого-либо реального выбора, при отсутствии путей найти в ней позитивный смысл из-за разрушения старых

ценностей и традиций (Леонтьев Д.А. Виктор Франкл. Вступительная статья // Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С.5). Возвращение к традиционным религиозным и мировоззренческим ценностям открывает путь к обретению утерянного смысла существования. Радикальное изменение этического сознания несёт человеку освобождение от раздирающего душу чувства вины, погашение которой актуально осуществляется в стремлении впредь поступать лучше: «In Zukunft besser zu handeln» (Р. М. Zulehner. Umkehr: Prinzip und Verwirklichung am Beispiel Beichte. Frankfurt a. M., 1979. S. 47). Обновление духа соотносится с общей парадигмой обновления картины человеческого существования, в которой «новое нас окружает со всех сторон» (Рудольф Эйкен. Философия истории // Философия в систематическом изложении. М., 2006. С273) и постоянную смену парадигм, которую следует признать «фундаментальнейшим фактом современной жизни» (Там же. С. 273). В этом «новом» неизменно содержится тот контент, который был новым и для прошлых поколений людей, актуализируя ценностный смысл их земного существования. Ценностное пространство универсума открывалось для них, как и для нас, в грандиозности мироздания и в безусловном величии культурного наследия человечества, впечатляющего многоликостью своей неисчерпаемой полноты. По мысли М. Фуко, провозглашённый эпохой модерна смысл исторического прогресса, утверждаясь на универсальных началах разума, отравил западную цивилизацию с её рефлексией на созданную человеком вселенную, сотканную из символов языка и культуры, где «сам человек тем ближе к собственной гибели, чем ярче светит на нашем горизонте бытие языка» (Foucault M. Order of Things.

New York, 1970. P. 386). Положение человека как агента цивилизационного исторического процесса характеризуется открытием новых горизонтов и новых возможностей. Но «осознание своих собственных неповторимых возможностей подвергает нас всем опасностям, которые таятся на дне свободы: мы вступаем в неразрешимые конфликты, мы терзаемся чувством вины, теряем чувство обеспеченности, мы как бы балансируем на канате над бездной небытия» (Левицкий С.А. Трагедия свободы. М., 2008. С.477). Созданная человечеством символическая вселенная способна восхищать ум и творческий энтузиазм человека своей грандиозностью и великолепием. Эта вселенная строилась трудами и подвигами гениев, художников, героев и святых на протяжении истории веков, культур и цивилизаций. Существование этой вселенной надделено глубоким метафизическим смыслом, сокрытом и потаённым в её провиденциальном предназначении в отношении к трансцендентальному характеру вечности, когда откроется новое небо и новая земля (Откр. 21,1), где восторжествует вечная правда. Если физическая Вселенная устроена так, как она существует, поскольку никакого другого варианта существо-

вания Вселенной нет и не может быть, то и исторический путь человечества является именно таким, каким только он и мог быть. Глобальная деятельность человека в мире оказалась не только продолжением бытия – становления, но и созданием новых форм бытия из реализации человеком его потенциальных возможностей. (Поросенков С.В. *Существование и деятельность в определении ценностного отношения*. Пермь, 2002. С.356). В осуществлении этой деятельности «мы становимся полноценными личностями, становимся причастными к подлинному бытию» (Левицкий С.А. *Трагедия свободы*. М., 2008. С.477). В оценке Н.А. Бердяева, «творческий акт человека в природе имеет космогоническое значение и означает новую стадию жизни космической» (Бердяев Н.А. *О назначении человека*. М., 1993. С.55). Созданный Богом человек обладает совершенно неоспоримым достоинством величия, которое не могло затмить даже его отпадение от Бога. Но то, что произошло в Адаме, повлекло за собой вещественные последствия в каждом человеке, и эта истина древнего учения о грехе проливает свет на судьбу наследников Адама (M. Doerne. *Der Mensch im Urteil der Bibel*. Potsdam, 1939. S. 40). Поль Рикёр поясняет, что «в качестве полемического и апологетического понятия «первородный грех» означает прежде всего следующее: зло есть именно зло, и каким бы оно ни было, оно не обладает ни бытием, ни природой, поскольку исходит от нас, поскольку оно – творение свободы» (Рикёр П. *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. М., 2002. С.339). С момента Адамова преступления «грех мира – это та действительность, которая обретает своё присутствие в самих людях» (P. Schoonenberg. *Theologie der Sünde*. S. 122). По причине греха «человек есть существо трагическое, и это трагическое начало делает его неприспособленным к миру, в котором он живёт» (Бердяев Н.А. *О назначении человека*. М., 1993. С.56). В середине прошлого века Пауль Тиллих писал: «Сегодня наблюдается особый подход к рассмотрению смысла первородного греха, его универсальности, его трагической роли в истории» (Тиллих П. *Избранное. Теология культуры*. М., 1995. С. 391). Человек переживает трагический конфликт не только с природой мира, которую он стремится подчинить своим нуждам, но и со своей собственной природой, с самим собой, где он встречает «противоборство ценностей» (Бердяев Н.А. *О назначении человека*. М., 1993. С.56), принадлежащих сфере благого и прекрасного. В то же время человек, по Бердяеву, есть существо, облагораживающее природу. Но человек есть также существо, актуализирующее своей жизнью идею Бога и этим облагораживающее самого себя. Экзистенциальная тревога приходит в мир вместе с познанием человеком добра и зла; для человека «космос – это причина гибели и спасения, сотериология – это космология» (Рикёр П. *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. М., 2002. С.340). Преобразование человеком окружающего космоса, цивилизационная деятельность человека в мире природы, создание им символического

царства языка, литературы, науки и искусства заключают под своим феноменальным покровом сокровенный метафизический лик. В своей плюралистической многоликости «жизнь не может обойтись без реализации себя в какой-то форме, в определённой культуре, основанной на относительно устойчивых ценностях» (Аббаньяно Н. *Мудрость философии и проблемы нашей жизни*. СПб, 2000. С. 106). История человечества является историей его культуры. История свидетельствует, что «ни одна культура не рождалась и не развивалась иначе, как вместе с религией» (Уотсон П. *эпоха пустоты*. М., 2017. С.646). «Всемирная история направляется с Востока на Запад, т.к. Европа есть безусловный конец всемирной истории, а Азия её начало» (Гегель Г. *Философия истории // Гегель Г. Сочинения*. Т.8. М.-Л., 1936. С.98). Как отмечает А.Н. Мещеряков, автор целого ряда книг, посвящённых истории и культуре Японии, «в Европе видна «антропо-генизация ландшафта», там доминирует идея торжества по поводу победы человека над природой, что видно и в «геометричности» западного искусства... такой «искусственный» сад убивает природную красоту» (Мещеряков А.Н. *Terra Nirponica*. М., 2014. С.402). В отличие от европейского сада, японский сад заключает идею «очищения и идеализации красоты природного начала» (Там же. С. 402) и воплощает совсем иной принцип: «из хаотичной и неупорядоченной природы создать порядок и закономерность» (Там же. С. 402-203).

С точки зрения тех принципов, которые полагаются в основание аксиологии и антропологии, символическая деятельность человека в мире отмечена маркером своей безусловной метафизической значимости. Истинное творческое вдохновение имеет своим метафизическим истоком ту окрылённость в сфере интуиции и мирозерцания, которая исходит от причастности к религиозному чувству. По этой причине поэзия подготовила «возникновение философии в Греции» (Дильтей В. *Сущность философии // Философия в систематическом изложении*. М., 2006. С.66). В воззрениях Вильгельма Дильтея поэзия имеет шанс обладать даже особым преимуществом перед философией: «Поэзия выражала идеал высшего человечества свободнее, радостнее и человечнее, чем на это когда-либо была способна философия» (Там же. С.66). Немецкая классическая философия, как в своё время античная греческая философия, была инспирирована наследием великих немецких поэтов. «Там, где греки пришли к концу своего развития, немцы положили новое начало. Немецкие философы были наследниками греческих» (Тиллих П. *Избранное. Теология культуры*. М., 1995. С.355). История новой философии и история современной культуры иллюстрируют отношение человека к феномену жизни, универсальную значимость которой «философы признавали в качестве фундаментального принципа и к которой интеллектуалы апеллировали в поисках новых форм поэзии, романа, искусств и музыки» (Аббаньяно Н. Му-

дрость философии и проблемы нашей жизни. СПб., 2000. С.104). Эта «жизнь» в своём основном экзистенциальном потоке была лишена подлинно фундаментальных онтологических начал, той метафизической устойчивости, которую ей могла сообщить причастность к высшей неизменной реальности бытия, источником которой на протяжении христианской истории Европы был Бог. Для большинства современных людей их «жизнь» не знала целеустремлённости и святости, не имела познания Бога, не переживала религиозного вдохновения, не подзревала бытия бессмертной души и не жаждала вечного спасения, не имела понятия об ответственности и благодарности за дар бытия как высшей и ни с чем не сравнимой привилегии. Люди продолжают жить надеждой на будущее: самое главное в их жизни будет впереди, и оно станет вершинным переживанием счастья. С точки зрения религиозного сознания там, где действует зло, рождается надежда на торжество добра. «Следует, однако, обладать мужеством, чтобы связать зло с эпопеей надежды; более того, зло неизвестным для нас образом содействует пришествию Царства Божия» (Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2002. С.531). Жизнь людей наполнена «изменением, преобразованием, развитием, непрерывной чередой рождений и смертей» (Аббаньяно Н. Мудрость философии и проблемы нашей жизни. СПб., 2000. С.104). Вопреки христианскому принципу религиозной ответственности, необходимо предполагающему память о часе смертном, люди гонят от себя мысль о неизбежности смерти и ведут жизнь праздную, суетную, рассеянную, часто безнравственную, нерелигиозную, не благодатную. Перед лицом смерти нерелигиозного человека охватывает ужас перед ничто, от которого «человеку делается жутко» (Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С.21). «Ужасом приоткрывается Ничто» (Там же. С.21). Человек понимает, как это ужасно: ждать смерти и ничего не видеть впереди. И при этом упрекать себя за свою духовную слепоту, за свою инертность, косность и несостоятельность, когда без веры в Бога, без надежды на

его безмерную благодать вступает он в свой предсмертный час и не видит озаряющего его божественного света, не видит светлого небесного чертога, а только ощущает в душе холод, мрак и полную пустоту. «Глубокая тоска, бродящая в безднах нашего бытия, словно глухой туман» (Там же. С.20) охватывает его. Без дороги, без путеводной звезды, без проблеска света, без ангела хранителя он гибнет навечно и бесповоротно, без всякой надежды снова вернуться в этот мир, в сферу духовного становления. П. Уотсон назвал наше время «эпохой пустоты». Именно, как полагает В. Франкл, «редукционизм со своей тенденцией реификации, овеществления и деперсонализации человека действует на руку экзистенциальному вакууму» (Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С.47). Указание на вакуум здесь представляется вполне симптоматичным. По предположению В.Франкла, «агрессивные импульсы разрастаются прежде всего там, где налицо экзистенциальный вакуум» (Там же. С.33). Но там, где в душе человека находит своё место вера, там «за человеческим «сверх-Я» стоит божественное «Ты»: совесть – это трансцендентное «Ты» (Frankl V. E. Der unbewußte Gott. Wien, 1948. S. 85). По замечанию Гордона Олпорта, в любой значимой ситуации, «в любой момент сознание человека управляется определённой интенцией» (Allport G. W. Personality and Social Encounter. Beacon Press. Boston, 1960, p.60). Актуализация нравственного и творческого начал в человеческой жизни означает путь к трансценденции, к преодолению дефицита благородства, доблести и достоинства, путь к нравственному преображению мира как величайшему событию, которым завершится история человечества в его земном предназначении с его порядком рождений и умираний. События последнего времени приобретают характер эсхатологического масштаба, предвещая и подготавливая вековые обетования всеобщего воскресения и жизни будущего века, находящегося за пределами исторического времени, за теми гносеологическими горизонтами, которые доступны лишь метафизическому сознанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аббаньяно Н. Мудрость философии и проблемы нашей жизни. СПб., 2000.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
4. Бодрияр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2015.
5. Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
6. Гартман Н. Этика. СПб., 2002.
7. Гартман Э. Философия бессознательного. М., 1875.
8. Гегель Г. Философия истории // Гегель Г. Сочинения. Т.8. М, Л., 1936.
9. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб., 1999.
10. Деррида Ж. Поля философии. М., 2012.
11. Левицкий С.А. Трагедия свободы. М., 2008.
12. Леонтьев Д.А. Виктор Франкл. Вступительная статья. М., 1990.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

14. Мещеряков А. Terra Nipponica. М., 2014.
15. Платон, митрополит Московский Сочинения. Т.1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010.
16. Поросенков С.В. Существование и деятельность в определении ценностного отношения. Пермь, 2002.
17. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
18. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995.
19. Тураев Б.А. История Древнего Востока. Ч.1. СПб., 1913.
20. Уотсон П. Эпоха пустоты. М., 2017.
21. Философия в систематическом изложении. М., 2006.
22. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
23. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
24. Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006.
25. Эйкен Р. Философия истории // Философия в систематическом изложении. М., 2006.
26. Allport G.W. Personality and Social Encounter. Beacon Press. Boston, 1960.
27. Doerne M. Der Mensch im Urteil der Bibel. Potsdam, 1939.
28. Foucault M. Order of Things. New York, 1970.
29. Frankl V.E. Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn. München, Piper, 1979.
30. Frankl V.E. Der unbewußte Gott. Wien, 1948.
31. Müller M. Der Kompromis oder Vom Unsinn und Sinn menschliches Leben. München / Alber, 1980.
32. Schoonenberg P. Theologie der Sünde. Einsiedeln Benzinger, 1966
33. Zulehner P.M. Umkehr Prinzip und Verwirklichung am Beispiel Beichte. Frankfurt a. M., 1979.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsrvy@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

ЕДИНСТВО ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО В ЧЕЛОВЕКЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ОБЩЕСТВА

Скопа Виталий Александрович

Д.и.н., профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
sverhtitan@rambler.ru

THE UNITY OF NATURAL AND CULTURAL IN A PERSON IN THE CONTEXT OF MODERN TRANSFORMATIONAL PROCESSES OF SOCIETY

V. Skopa

Summary: The article deals with the problem of the unity of natural and cultural in man in the context of modern transformational processes of society. Special attention is paid to education as an institution that forms a social personality. Within the framework of the educational environment, everyone creates their own «cultural system». It has been determined that consciousness and morality should act as defining elements of social regulation of people's behavior. The analysis of the doctrines about man allows us to single out several models of the interpretation of human nature: the naturalistic version of understanding the nature of man; evolutionary theory of Darwin; instinctiveism; social version; gene-cultural coevolution and biocultural anthropology. It is revealed that human nature is a single biocultural integrity. The biocultural approach views humans as a biological, social and cultural being. This includes considering biological variability as a function of response and adaptation to the environment in terms of taking into account the needs of the socio-cultural sphere.

Keywords: man, culture-centricity, anthropology, co-evolution, globalization, society.

Аннотация: В статье рассматривается проблема единства природного и культурного в человеке в условиях современных трансформационных процессов общества. Отдельное внимание уделено образованию как институту, формирующему социальную личность. В рамках образовательной среды каждый создает свою «систему культуры». Определено, что сознание и мораль должны выступать в качестве определяющих элементов социального регулирования поведения людей. Анализ учений о человеке позволяет выделить несколько моделей трактовки природы человека: натуралистическая версия осмысления природы человека; эволюционная теория Дарвина; инстинктивизм; социальная версия; гено-культурная коэволюция и биокультурная антропология. Раскрыто, что природа человека представляет собой единую биокультурную целостность. Биокультурный подход рассматривает человека как биологическое, социальное и культурное существо. Это включает рассмотрение биологической изменчивости как функции реагирования и адаптации к окружающей среде в условиях учета запросов социально-культурной сферы.

Ключевые слова: человек, культуранцентричность, антропология, коэволюция, глобализация, общество.

На рубеже столетий произошли серьёзное изменение в научно-философской ментальности, что характеризуется переходом от статической картины мира к динамическому образу. С началом нового столетия практически во всех областях социально-гуманитарного знания существенным методологическим принципом становится релятивизм, утверждающий относительность истины и проистекающий из одностороннего акцентирования постоянной изменчивости действительности и отрицания относительной устойчивости вещей и явлений [7, с. 112-115]. Вне поля научного интереса не остался и человек, сочетающий в себе природное и культурное, что отражается в категории заложенного и развитого.

Система образования на сегодняшний день представляет собой один самых важных институтов общественного воспроизводства: от нее зависит как уровень интеллектуального, физического, нравственного

развития будущих поколений, так и жизнеспособность, эффективность самого общества и его составляющих элементов. Образование вооружает людей навыками и базовыми знаниями, необходимыми для общества, что, в свою очередь, предоставляет субъектам социальных отношений возможности определять и преследовать свои собственные цели, а также активно участвовать в общественной жизни в качестве полноценных автономных личностей [11].

Обострение экологической ситуации в мире, а также реальная угроза дальнейшего ухудшения ставят проблему сохранения природной среды обитания социума на одно из первых мест в ряду глобальных проблем человечества, выводит проблему на первое место в контексте глобализации образования, взаимодействия социальных институтов – а это почва самосознания гражданина, нации, государства, и наконец, мирового сообщества [16]. Процесс глобализации, получивший сегодня обще-

мировой масштаб, порождает новые противоречивые последствия. Отсюда становится очевидным, что человечество нуждается в новой парадигме, касающаяся отношений между народами и государствами, новой геополитической конструкции мироздания, безопасной для всего мира и составляющих его частей [12].

Своеобразие социумов сказывается на отношении к многочисленным проблемам – правам человека, политическим режимам, торговли, образования, охраны окружающей среды. В рамках образовательной среды каждый создает свою «систему культуры», которая может столкнуться с другими, непонятными ей системами. Отсюда становится очевидным, что межцивилизационная проблематика превращается в проблематику человеческих отношений [8]. Односторонность во взглядах на человека, а это касается биологического и социологического подходов, в частности, в образовательном когнитивном пространстве, привела к формированию в XX веке идеи отсутствия субстанциального закрепления бытия человека. Исходя из этого формируется концепция новой плюралистической идентичности, что отражено в исследовании Т. Даниловой и закреплено следующим образом «человечество все больше испытывает влияние со стороны сил, которые являются не вполне рациональными, и предпочитают миф над историей, религию над наукой, циклическое времени над линейным» [1]. Таким образом, фрагментация общества в сочетании с возрождением интереса к коллективной идентичности, мифа, религии и циклического времени требуют идеи, сложной и глубокой, чем просто «Смерть собственного Я». Они требуют осознания возрождения плюралистической самости, множественного «Я» [2]. Однако человек, как и раньше, остается предметным, материальным существом, живущим в созданном его мире культуры, вследствие чего природа человека требует другого, более широкого понимания. Становится очевидным, что влияние деятельности людей на окружающую среду не просто превращается в фактор, определяющий его эволюцию, но и растет настолько быстро, что говорить о любом равновесии биосферы и одновременно о сохранении гомеостаза вида «*homo sapiens*» уже не представляется возможным [6].

Сегодня, в образовательном процессе каждого государства, тема природы человека получает новое звучание благодаря синтезу многовековых философских традиций в осмыслении человека и комплекса современных обществоведческих наук, а также благодаря развитию новых наук о поведении высших животных, биология которых наиболее подобна биологии человека. Кроме того, основательного мультидисциплинарного исследования требуют современные биотехнологии и психотехнологии, которые могут быть использованы для изменения человеческой природы – основы при реализации процессов глобализации социальных институтов.

Главной задачей образования в проблемном поле ее глобализационных подходов ныне – необходимость создания новой научной парадигмы, которая целостно отражает специфику природы человека, его причастность и к миру природы, и к миру культуры, характеризующие человека в качестве самостоятельной формы бытия [9].

Проблема природы человека на протяжении веков исследовалась представителями разных временных эпох – Античность (Платон, Аристотель); Средневековье (А. Блаженный, Ф. Аквинский); Новое время (Т. Гоббс, Р. Декарт). В период XVIII-XIX столетий процесс познания человека усиливается посредством различных концептуальных подходов и представлен отдельными работами К. Маркса, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, З. Фрейда, Э. Фромма. Значительный вклад в осмысление природы человека сделали К. Юнг, А. Адлер, Э. Кассирер, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, М. Бахтин, А.Ф. Лосев, Ю. Лотман.

Благодаря многочисленным исследованиям мировое сообщество начинает осознавать, что моральные принципы и поведение людей в биосфере больше не соответствуют тем условиям жизни, в которые пребывает общество. Наступает осознание того, что только коэволюция с биосферой позволит всему человечеству разумно вписаться в природные циклы, подняться к пониманию универсальных законов, которые царят в мире [10]. Подобные тенденции выводят на первый план научного поиска вопрос, который касается безопасного развития цивилизации, образования человека, как социальной категории, а также его воздействие на окружающую действительность.

Сознание и мораль, которые осуществляют свою регулятивную функцию посредством надления человеческой деятельности правовым и духовно-нравственным содержанием, должны выступать в качестве определяющих элементов социального регулирования поведения людей. Таким образом, общество встало перед фактом: необходимо научиться управлять собой и соотносить свои действия с природными возможностями, тем самым обеспечив такое взаимодействие с окружающей средой, которая позволит гармонично развиваться всей социоприродной целостности.

Для своего экологического выживания человечество должно разработать и активно реализовывать единую глобальную стратегию общемирового развития на почве общемирового сотрудничества в образовании, что обеспечит качество окружающей среды для цивилизации XXI века. Исходя из этого встал вопрос о формировании более широкой экологизации общественного сознания, которая включает в себя развитие экологического сознания как самостоятельной формы общественного, а также внесение экологического аспекта в другие формы и уровни общественного сознания – как элемент подсистемы.

Потребность в формировании экологической культуры как решающего фактора в гармонизации отношений общества и природы становится в наше время все более актуальной проблемой, особенно в глобализационных процессах трансформации образования. Осознание всей сложности социоприродной ситуации существенно зависит от уровня нравственных ценностей, степени образованности человека, культурного развития [4, 13, 14]. Мировоззрение, определяя ценностные ориентации бытия, интересы человека и общества в целом, влияет не только на систему нравственных ценностей и ориентиров, но и обуславливает развитие представлений об идеальном, приводит стратегию развития социума.

Поскольку разные народности различно воспринимают естественные ограничения, приоритетным при решении экологических проблем должен стать пересмотр ценностной иерархии в общественном сознании и во всех сферах социальной жизни, особенно в образовательном пространстве.

Анализ учений о человеке позволяет выделить несколько моделей трактовки природы человека, сложившихся в философской, физической, биологической, культурной антропологии и по-разному оценивать степень единения человека с миром природы и культуры. Натуралистическая версия осмысления природы человека предполагает ее укорененность именно в природе. Философия природы рассматривается как целостная система общих законов естествознания. В различных аспектах идея биологической природы человека разрабатывалась на протяжении всей истории философской и научной мысли. В разные времена природу человека сводили к телу страстей и влечений, инстинктов и пытались обосновать естественное происхождение морали, разумности и социальности человека. В XIX веке эволюционная теория Дарвина становится естественно-научным обоснованием биологического представления о человеке. В предельном случае этот подход приводит к отождествлению биологии высших животных и биологии человека в инстинктивизм. В классическом облике инстинктивизм был сформулирован в начале XX века шотландским психологом и социологом Макдугаллом [5]. Представители данного направления исследуют филогенетические корни поведения людей, истоки которых сводятся к сознательному. Социальная версия природы человека основывается на признании общих социальных установок, присущих всем индивидам. Согласно сути данного подхода, сущность человека не может быть выведена из биологии человека, следовательно, особенности человека как социокультурного существа представляют собой интериоризированные общественные отношения. Эта модель природы человека разрывает филогенетическую преемственность животного мира и человека, поскольку считается, что социализации подверглись все стороны биологии человека и в человеке не осталось ничего от

животного [8]. Теория генно-культурной коэволюции и биокультурная антропология утверждают, что человек органично вплетен как в мир природы, так и в мир культуры. Его потребности, тело, психика, поведение имеют хотя и окультуренную, но биологическую базу, возникшую эволюционным путем.

Своеобразная попытка синтеза биологического и социального в человеке была сделана представителями социобиологии, которые утверждают, что типы социального поведения человека имеют биологическое происхождение. Социобиологическая теория основывается на теории генно-культурной коэволюции. Эта теория описывает сложные взаимодействия, в результате которых культура генерируется и оформляется биологическими императивами, одновременно в генетической эволюции в ответ на культурные нововведения меняются биологические свойства [3]. По мнению американских обществоведов Ч. Ламсдена и Э. Уилсона, генно-культурная коэволюция одна и без посторонней помощи создала человека [4, 5]. В свою очередь японский ученый И. Масуда подробнее описывает теорию генно-культурной коэволюции, показывая, как поступки животных односторонне определяются генами, а человек создает культуру на основе действия мозга и умственных способностей. Биокультурную трактовку «Homo sapiens» разработал Э. Фромм, который стремился к всестороннему рассмотрению биологических, социальных и экзистенциальных аспектов бытия человека. С одной стороны, по Э. Фромму, человек представляет собой один из биологических видов, а с другой – ему присущи специфические свойства (разум, самосознание, воображение), отличающие его от животных и связанные с его социальной жизнью [15].

Итак, природа человека представляет собой единую биокультурную целостность, «человеческая натура – это не сумма врожденных, биологически закрепленных побуждений, но и не мертвый слепок с матрицы социальных условий». Если социобиология ищет источник, мотивы человеческого поведения, исходя из биологической подоплеки существования человека, то биокультурная антропология пытается понять, как культура влияет на наши биологические возможности и ограничения. Культура превратилась в важный аспект нашей окружающей действительности за последние несколько тысяч лет, и ее значение продолжает расти быстрыми темпами.

Биокультурный подход рассматривает человека как биологическое, социальное и культурное существо. Это включает рассмотрение биологической изменчивости как функции реагирования и адаптации к окружающей среде в условиях учета запросов социально-культурной среды [3, 8]. Значение биокультурного подхода заключается в создании модели для понимания динамики взаимодействия между человеческими биологически-

ми, психологическими и социально-культурными особенностями в ответ на изменения окружающей среды. Антропологи всего мира сегодня делают акцент на необходимости большей интеграции культурной и биологической антропологии. Биокультурный подход обеспечивает базовую основу для преодоления разрыва между культурной и биологической антропологией, тем самым описывая истинную природу антропологии как научной дисциплины.

Таким образом, в рамках очерченной парадигмы человек находится на пересечении мира природы и мира

культуры. Человек выступает связующим звеном, а человеческое начало определяется одновременно двумя составляющими – биологической и культурной, при этом ни одна из них не превалирует. Биологическое и культурное в человеке не находятся в иерархической зависимости, а пересекаются, создавая предельное биокультурное начало. Становится очевидным, что специфика формирования экологического сознания в проблемном поле глобализации предопределяет представления о той существенной роли, которую во всех процессах и явлениях объективной реальности играет информационное взаимодействие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Danylova T. Approaching the East: Briefly on Japanese Value Orientations // Research Revolution. International Journal of Social Science & Management. - Vol. II. Issue 8. 2014 – P. 4-7.
2. Danylova T. Overcoming the Cultural Differences: Parable as a Means of Intercultural Dialogue // Антропологические измерения философских исследований. Вып. 3. 2013 – С. 42-51.
3. Kelso J. Principles of Biocultural Anthropology: URL <http://spot.colorado.edu/~kelso/Biologicalanth.html> (дата обращения 15.10.2021)
4. McElroy A. Bio-cultural models in studies of human health and adaptation // Medical Anthropology Quarterly. 1990. Vol. 4. – P. 243-265.
5. Szathmáry E. J. E. A view on the science: Physical anthropology at the millennium // American Journal of Physical Anthropology. 2000. 111. – P. 149-151.
6. Антропологические измерения философских исследований. Вып. 7. 2015. – С. 28-35.
7. Бакач Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа. Автореф. дисс. ... к.ф.н. Волгоград, 1998.
8. Данилова Т.В. Проблема человеческой идентичности в постмодернистской картине мира // Антропологические измерения философских исследований. Сборник научных трудов. Днепропетровск, 2012. – С. 16-22.
9. Демин А.И. Парадигма дуализма: Пространство – время, информация – энергия. М., 2007. – 195 с.
10. Коваленко Е.М. Когнитивная теория культуры в контексте информационного подхода // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 12-4. С. 741-744.
11. Кондаков И.В. Самосознание культуры на рубеже тысячелетий // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С. 138-147.
12. Пелипенко А.А. Смыслогенетический подход // Вопросы социальной теории. 2009. Т. III. Вып. 1(3). С. 318-339.
13. Порус В.Н. Онтология культуры В.С. Соловьева // Соловьевские исследования. 2009. Вып. 3 (23) С. 4-13
14. Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. – 247 с.
15. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1980. – 272 с.
16. Штеренберг М.И. Синергетическое понимание и системные программы эволюции // Сборник Научно технической информации РАН. Сер. 2. 2014. № 6. С. 1-11.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕМИОТИЧЕСКАЯ МИМИКРИЯ В СИНКРЕТИЧЕСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ НА ПРИМЕРЕ «МИХАЙЛОВСКОЙ ОБИТЕЛИ» Г. ПЕНЗЫ

SEMIOTIC MIMICRY IN SYNCRETIC RELIGIOUS ORGANIZATIONS ON THE EXAMPLE OF THE ST. MICHAEL'S MONASTERY IN PENZA

M. Fedyashkin (hieromonk Tikhon)

Summary: The article describes the author's personal experience in the study of semantic mimicry in syncretic religious organizations, gives an example of the study of mimicry in the Mikhailovsky Monastery, operating on the territory of the Penza diocese, and the peculiarities of adapting this organization to the conditions of existence in different periods of its activity. An assessment of the activities of such structures for the life of society is given, and a justification for the definition of such organizations as extremist. In the context of the study, the author proposes a deeper study of extremist pseudo-religious organizations in order to develop adequate social measures to counter this phenomenon in society.

Keywords: semantic mimicry, syncretic religious organizations, religious extremism, Mikhailovskaya monastery, marginal religious movements.

Федяшкин Михаил Владимирович (иеромонах Тихон)

Священнослужитель, Русская Православная Церковь Пензенской епархии; старший преподаватель, Пензенская Православная Духовная семинария; судья, коллегия церковного епархиального суда Пензенской епархии
o_tihon@mail.ru

Аннотация: В статье излагается личный опыт автора в исследовании семантической мимикрии в синкретических религиозных организациях, приводится пример исследования мимикрии в действовавшей на территории Пензенской епархии «Михайловской обители» и особенности приспособления этой организации к условиям существования в разные периоды ее деятельности. Дается оценка деятельности подобных структур для жизни общества, и обоснование для дефиниции таких организаций как экстремистских. В контексте проведенного исследования, автором предлагается более глубокое изучение псевдо-религиозных организаций экстремистской направленности с целью выработки адекватных общественных мер противодействия этому явлению в обществе.

Ключевые слова: семантическая мимикрия, синкретические религиозные организации, религиозный экстремизм, Михайловская обитель, маргинальные религиозные течения.

Во все времена истории, рассматривая жизнедеятельность фундаментальных религиозных течений, всегда обращает на себя внимание возникновение групп, периодически откалывающихся от общего религиозного фундамента. Как правило, причины таких явлений – достаточно однообразны, и заключаются в рефлексии части религиозного общества на какие-то перемены в религиозном сознании, возникающие на фоне глобального перестроения общества, либо вызванные конфронтацией с клерикальным устройством церковной организации, часто – появлением иного понимания религиозных догматов, либо ассимиляцией религиозных учений. Часто расколы возникают под влиянием лидеров, не могущих законным путем получить лидерство в религиозной организации, или просто – банально, из-за корысти. Хотя этот мотив, наверное, исключителен в числе лидирующих, но, в процессе развития маргинальной организации, в большом числе их становится определяющим. Также здесь нужно привести процент тех организаций, которые возникают под влиянием психически неуравновешенных, либо просто больных, но очень активных личностей. Этот момент достоин особого исследования, и его, если нужно сейчас упомянуть, то, просто как факт, не углубляясь в подробности.

Феномен мимикрии синкретических религиозных объединений, с одной стороны, является необычным явлением, поскольку, по сути своей, религиозные догмы, в своем ортодоксальном большинстве, исключают всяческий обман в вероучении и декларируют его как отступление от веры, попросту говоря – грех. С другой стороны, если мы говорим об общинах, которые откололись от среды общепризнанной, глобальной религиозной организации, то перед ними стоит задача, как минимум – выживания, а в идеале – роста и распространения. А этого достичь можно, лишь скрыв свою маргинализацию от потенциальных адептов. По крайней мере, на первоначальном этапе. Ведь, синкретические общины прибегают к увеличению своей численности, в первую очередь, за счет приверженцев той религии, от которой они откололись. Но фундаментальные религии отличаются консервативностью и отступление от устоявшихся догм и порядка в них – неприемлемо. Поэтому, на каком-то этапе своего развития, маргинальные религиозные общины стараются отождествить себя с фундаментальной религией, декларируя, что она исповедуется ими наиболее правильно. Конечно, это, если говорить честно – обман, то, что всегда и в уме этих людей тоже, считалось большим грехом. Но феномен – он потому и феномен,

что выбивается из рамок общечеловеческого мировоззрения. В первую очередь маргиналы обманули самих себя, последуя искривленному сознанию в собственной мысли. Они объявили отступниками всех остальных, себя же – защитниками веры и единственными борцами за правду. Этим можно и объяснить и оправдать фанатизм и экстремизм их учений.

Говоря в целом о мимикрии синкретических религиозных общин, думается, будет правильным для этого явления ввести понятие – семиотическая мимикрия, поскольку именно внешние черты, систему организации, культовую часть и многое другое, что составляет эстетическую часть религии, синкретическая община копирует у фундаментальной религиозной организации. По сути своей, семиотическая мимикрия нацелена на контингент, который далек в исповедании своих религиозных убеждений от глубокого догматического познания, и оценка деятельности религиозной группы выносится индивидуумом исходя из эстетического восприятия жизни общины, при полной невозможности критической теологической оценки ее вероучения [1, с. 139-140]. Такой подход к деятельности религиозных организаций – наиболее распространен, тем более, что всеобщая нелюбовь к изучению догматики свойственна последователям большинства фундаментальных вероучений. При этом, говоря о синкретизме, именно принятие в свое вероучение элементов, неприемлемых для фундаментальной религиозной структуры, и являющихся несовместимыми с ее догматикой и принципиальным устройством, в синкретических общинах выступает главным принципом, который на первоначальном этапе должен быть тщательно замаскирован. Это – аллогизм, но он вполне объясним: догматика ортодоксальных вероучений весьма сложна и полемична. Человеческий разум желает выйти из этой полемики в зону комфорта, которую и составляют синкретические, облегчающие принятие и понимание, учения. Сложен догмат о Троице – веруй проще. Под этим лозунгом прошли антитринитарные учения древности. Сегодня и не об этом речь. Сложно общество – объяви его врагом и веруй в то, что делает тебя выше его. Веруй, что ты лучше, осведомленнее, благочестивее остальных, и ты – спасен. Соблазнительная приманка современности. Но здесь – опять эти же принципы эстетического восприятия религии, выраженные в словесной характеристике организации: «Церковь» или «секта». Невозможно создать религиозную общину, назвав ее «сектой», никто не захочет быть ее последователем. Поэтому и важно, не имея признаков и организационной структуры «Церкви», внешне изобразить ее, и назваться ее именем.

Здесь же необходимо отметить, что явление семиотической мимикрии – наиболее распространенное явление, возникающее при столкновении маргинализованной части религиозного общества с ортодоксаль-

ной Церковью, и, в случае образования раскола, при котором, обычно, маргиналы лишаются своего положения в религиозной организации, мимикрия становится фактором самоуверенности их в правоте своих действий, позволяя вести привычный образ жизни и деятельности (например – это касается священнослужителей, извергнутых из сана, либо получивших его незаконно, но продолжающих совершать привычные священнодействия, несмотря на то, что для их совершения они уже не имеют канонической церковной связи).

В свете распространения в наше время множества псевдо-православных организаций, коим в большой степени присуща семиотическая мимикрия, видится логичным изучить этот феномен на конкретном примере.

Очень ярким примером семиотической мимикрии является маргинальная псевдо-православная община, действующая в Пензенской области, известная в определенных кругах как «община старца Алексия», или «Михайловская обитель», по названию храма в честь архистратига Михаила, который был построен в центре «монастыря». Автору статьи в 2009-2010 годах пришлось состоять в межведомственной группе Правительства Пензенской области по вопросу деятельности этой организации, и выступать в качестве эксперта по оценке ее деятельности. Поэтому, в области заявленной темы, семиотической мимикрии псевдо-православных религиозных организаций, будут использованы данные собственной работы, полученные путем изучения литературы, издаваемой этой организацией и опросом большого количества людей, имевших отношение к «общине».

Эта группа зародилась в г. Пензе в 80-х годах, когда уроженец с. Лунино Пензенской области, Михаил Шумилин (будущий «старец Алексей») переехал в город. Сам Михаил с детства был разбит параличом, не передвигался без посторонней помощи, не мог внятно говорить, но обрел любовь пензенцев своей молитвенностью. Его охотно брали многие верующие к себе в дома, и вместе с ним посещали пензенские храмы. Так образовался круг почитателей. Все было бы хорошо, но в начале 90-х годов в среде почитателей образуется активная группа, которая приобретает для инвалида дом, организует «прием» богомольцев, для перевода невнятной речи «старца» на ходяться и «толковники». И на этой стадии еще нет образования отдельной общины, это было явление, которое всегда характерно для Православия: люди, имеющие какой-либо дар рассуждения, мудрости, либо просто – добрые люди, искренно исповедующие веру, всегда привлекали к себе других верующих, которым хотелось на живом примере научиться практике православного благочестия. Имя Михаила Шумилина было известно всему городу, он пользовался всеобщим уважением, в том числе и правящего архиерея Пензы – архиепископа Серафима (Тихонова). Но через некоторое время, как ча-

сто это и бывает, нашлись люди, которые увидели в том, что дом «старца» всегда полон богомольцами – источник большого дохода, если все это дело развернуть в нужное русло. С этого момента, незаметно для окружающих, начинается работа по организации «общины». Инвалид Михаил Шумилин, с рождения и до смерти прикованный к инвалидному креслу – не мог быть клириком Православной Церкви, и, правдой будет сказать, что самого его это вполне устраивало. Но для развития общины этого было мало. Нужен был священный сан, высокий монашеский чин. Для пущего авторитета Михаила Шумилина облачают в схиму, нарекая новое имя – Алексей, и посвящают в сан пресвитера в известной раскольнической «Церкви» Филарета Денисенко, бывшего митрополита Киевского и всея Украины РПЦ, лишённого сана в 1992 году и отлученного от Церкви Собором архиереев в 1997г. Там же принимает священство и несколько из приближенных. С этого момента община разрывает связь с официальной Церковью и, будучи уже финансово обеспеченной, организует свою «обитель», построив комплекс зданий напротив Успенского храма пос. Победа в пригороде Пензы. Как относился к этому сам Михаил – сказать сложно. Есть фотоматериалы, где он в священнических ризах преподаёт подобие благословения, есть описание его «рукоположения» и «богослужений», совершаемых им. Но сколько здесь правды – одному Богу известно. По своей кончине, он завещал похоронить себя не в «общине», а у православного Успенского храма, что и было исполнено. Так что глубина духовной жизни этой личности так и останется загадкой. Факты же выводят нас к иным людям – его ближайшим адептам, создавшим «Михайловскую обитель».

Автору этих строк приходилось беседовать с теми, кто приезжал в «обитель старца». Семиотическая мимикрия, которая «разыгрывала карту» эстетического тождества с Православной Церковью была выстроена самым тщательнейшим образом. Никто из паломников, и даже людей, работающих в «обители», даже не знал о том, что имеет дело с самосвятами. Это были обычные прихожане разных храмов Русской Православной Церкви. Как выяснилось, «священнослужители», полностью копируя богослужение, возносят за ними имена и Патриарха и правящего Пензенского архиерея. Это обычно является большим камнем преткновения для раскольнических сообществ, поскольку является принципиальным признаком канонической принадлежности организации, но приближенные «старца Алексия» кроме того, что желали самостоятельности от какой-либо епархии, не желали терять своих адептов, которые явно не пришли бы к ним, узнав, откуда они получили свое ложное «посвящение». В связи с этим они и пошли на этот шаг, что лишний раз свидетельствует о беспринципности подобных маргинальных течений. Поэтому эта «обитель» и ее «филиалы», а таких храмовых и полумонастырских комплексов по области было несколько, называли себя домашними

церковками, которые не входят в состав епархии лишь в силу своей «домашности». Часто, в качестве аргумента о самостоятельности, приводился довод, что епархия будет собирать с них большой налог, а также вмешиваться во внутренние дела, что преподносилось как очень не-полезное действие. Вместе с этим, антураж был полностью соблюден: поминовение Патриарха и Пензенского архиерея за богослужениями создавало крепкую иллюзию связи раскольников с канонической Церковью. Таким образом, семиотическая мимикрия данной организации позволила не просто создать общину с большим числом адептов, но и незаметно вписаться в структуру самой епархии, ведь тем, кто посещал «Михайловскую обитель» не приходило в голову, что они стали адептами секты. Из других городов организовывались паломнические маршруты, и приезжающие также не подозревали, что «обитель» - самозваная. Эти люди не просто становились последователями культа «старца», они привносили информацию, влагаемую в их уши – в самые недра Православной Церкви, распространяли тайно, как было заведено, литературу «Михайловской обители». Таким образом, культ обрастал коммерцией. Фото Михаила Шумилина и книги о нем стали распространяться за пределами Пензенской епархии в огромных количествах, а ложные грифы о благословении разными архиереями, которые и не подозревали об этом, позволяли сектантским книгам занимать полки весьма уважаемых издательских магазинов. Автор этой статьи встречал эти книги на полках издательства и Троице-Сергиевой Лавры и иных известных книжных магазинов Москвы.

Закономерно может возникнуть вопрос о том, зачем мы затронули эту «тихую обитель» в контексте исследования семиотической мимикрии. Ведь, по сути, это внутрицерковное дело, не затрагивающее общество. В нашей стране существует свобода вероисповедания, а значит, и подобные «общины», тихо и мирно проводящие свою жизнь, имеют право на существование. Мало ли противоречивых мнений в Православной Церкви о разных предметах. Но дело в том, что подобный обман, кажущийся вполне безобидным для обывателя, несет в себе скрытую общественную опасность. Ведь эта мимикрия под добродетельных и истинных пастырей, позволяла им внушать своей, а по факту – не своей, а всероссийской пастве те вещи, которые послужили основанием признать «общину» не просто синкретической религиозной группой, а экстремистской организацией: отказ от государственных документов, удостоверяющих личность, призыв к недоверию официальным священнослужителям, пропаганду недоверия власти, а также гражданского неповиновения и т.п. Члены обители вымогали у граждан деньги, убеждая их переселиться в пос. Победа, убеждали отдавать свои дома и землю, а самим переселяться в обитель, где их ждало нищенское существование без прав и надежды на будущее. Были заведены уголовные дела, а городским судом было вы-

несено решение о ликвидации нескольких объектов недвижимости, построенных на территории «обители» без надлежащих прав. В адрес судебных приставов посыпались угрозы, в которых жители «тихой обитинки» обещали поднять в населенном пункте бунт и 200 человек положить под колеса техники, которая приедет сносить эти здания. Тогда судебная власть отступила. Стало ясным, что «Михайловская обитель» превратилась в горячую точку на карте области. Такое противостояние продолжалось несколько лет. После этого миссионерскому отделу Пензенской епархии удалось убедить жителей города и области в нелегитимности этой организации, а судебным приставам – ликвидировать незаконные объекты. Сейчас община практически прекратила свое существование.

Подобные примеры – не единичны. Такое, пожалуй, можно найти в каждой области. Общее здесь одно – притворяясь истинными служителями Бога, люди работают против общества – совершают мошеннические действия, распространяют пропаганду антиобщественных и антицерковных идей, подрывая авторитет Церкви и ее вероучения, и наполняя умы верующих сомнительным суррогатом, приводя некоторых в агрессивные псевдо-православные секты, некоторых оставляя без жилья и

средств к существованию, а некоторых и вовсе – к лишению себя жизни.

Таким образом, семиотическая мимикрия в псевдо-православных религиозных объединениях является весьма многогранным и интересным с точки зрения религиоведения, этики, права - феноменом, который являет собой широкое поле для исследования в более глубоком формате явления псевдо-религиозного экстремизма как рефлексии общественных проблем в обществе. К сожалению, заметный иногда поверхностный подход к этому вопросу не позволяет объективно и глубоко, а значит – правильно оценить этот опасный процесс. Тем не менее, глубокий анализ проявлений экстремизма и синкретизма в религии может дать объективные данные, которые помогут в процессе борьбы с этим негативным явлением. В данном исследовании рассмотрен единственный пример развития современного религиозного синкретического сообщества и технологии его влияния на социум. Думается, что сопоставление ряда таких примеров, и глубокое и беспристрастное их исследование, позволит выработать систему, которая бы могла бы противодействовать подобным процессам в обществе и остановить их негативное влияние в условиях бытия современного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.Ю. Лебедев, А.М. Прилуцкий Семиотическая мимикрия и функционирование религиозных знаковых систем: постановка проблемы. // Вестник ТГУ. Серия «ФИЛОСОФИЯ», 2018, №1

© Федяшкин Михаил Владимирович (иеромонах Тихон) (o_tihon@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОШЛОСТЬ КАК ЯВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

VULGARITY AS A PHENOMENON IN THE FIELD OF EDUCATION AND CULTURE

A. Frolov

Summary: The article discusses the phenomenon of vulgarity. The definition of the concept corresponding to this phenomenon is given and the features of its manifestation in modern education and culture are analyzed. The article substantiates the position that due to the radical changes taking place in modern capitalism, there is a danger of global and irreversible vulgarization of education and culture. The idea is expressed about the basic condition of opposing the process of vulgarization of education and culture.

Keywords: education, culture, vulgarity, identity, authenticity.

Фролов Анатолий Серафимович

Д.ф.н., профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
asfrolof@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается феномен пошлости. Дается определение понятия, соответствующего данному феномену, и анализируются особенности его проявления в современном образовании и культуре. Обосновывается положение о том, что в связи с происходящими в современном капитализме радикальными изменениями существует опасность глобальной и необратимой вульгаризации образования и культуры. Высказывается мысль об основном условии противостояния процессу вульгаризации образования и культуры.

Ключевые слова: образование, культура, пошлость, идентичность, подлинность.

Образование как органичная часть культуры и всей общественной жизни, с одной стороны, является отражением наличной социальной реальности, с другой, – одним из основных средств активного формирования будущего. В своей первой ипостаси оно отвечает на текущие запросы общества, связанные с интеллектом и профессиональной подготовкой; во второй – в значительной мере определяет фундамент и обличья культуры будущего общественного устройства.

Подобно всей культуре, образование несет на себе глубокую печать времени. Так, например, годы, связанные «хрущевской оттепелью», освоением целинных и залежных земель, массовыми «комсомольскими стройками», породили тип культуры с явным преобладанием романтического пафоса. Невозможно представить композитора А.Н. Пахмутову, чей творческий дар оказался наиболее созвучным самому романтическому периоду советской истории, создающей музыку на тему «чёрного передела» общественной собственности и рейдерских захватов периода первоначального накопления капитала.

Точно такой же вектор развития в этот романтический период имела и система образования, которая готовила не зашоренного сугубо профессиональными знаниями и узко прагматически ориентированного специалиста, а формировала личность, сочетающую специальную подготовку с гармоничным развитием, активным участием в общественной жизни и социальным оптимизмом.

Что же касается условий «номенклатурно-родового» капитализма, то здесь было бы неуместным ожидать, чтобы на всех каналах радио, телевидения и в Интернет-паутине звучали песни: «А я еду, а я еду за туманом, За туманом и за запахом тайги» или: «Люди идут по свету,

Им, вроде, немного надо: Была бы прочна палатка, Да был бы нескучен путь...». Такой же чуждой данным социально-экономическим условиям является и установка системы образования на всестороннее, целостное развитие личности.

В полном соответствии с этим законом общественной детерминации культуры и образования указанный тип капитализма, характеризующий социально-экономическую основу современного российского общества, определяет тотальность и абсолютное господство «эстетики безобразного» и пошлости в культуре, а в образовании – ориентацию на фрагментарное, усечённое, клиповое сознание и сиюминутный, вульгарно интерпретируемый прагматизм.

Пошлость и её синоним – вульгарность (от английского - vulgarity) являются понятиями, которые, на первый взгляд, выступают едва ли не антиподами образованности и образования. Однако более глубокий взгляд на образование приводит к иному выводу. Но для такого взгляда требуется и более глубокая, метафизическая оценка феномена пошлости.

Если обращаться к наиболее распространенному толкованию пошлости, то совершенно очевидным является то, что содержание соответствующего данному феномену понятия не только в современном языке повседневности, но часто и в научном дискурсе основывается на методе неполной индукции и ограничивается бытовой сферой. Это содержание сводится к приземлённости идеалов и базовых ценностей, неполноценной социализации личности, отсутствию хороших манер и умения вести себя в обществе, различным формам нарушения идентичности практического и речевого поведения и

т.п. Вместе с тем, обращение к классической российской литературной и философской традиции приводит к более глубокому пониманию этого феномена и дает возможность сформулировать такое определение пошлости, которое позволяет обнаружить её в том или ином виде практически во всех сферах общественной жизни, включая образование и культуру.

Обратившись к первому русскому автору, для которого пошлость явилась самостоятельным и фактически основным предметом художественно-философского осмысления, - Н.В. Гоголю, мы обнаружим, что классик отечественной литературы понимал пошлость, в первую очередь, как «приземленность», «ничтожность», «скуку» и «бездуховность» в человеческом существовании; как ограничение человеческого бытия узким горизонтом земного, телесного. Как утверждает О.С. Рудова, говоря о творчестве Н.В. Гоголя, «В понимании классика пошлость – это, прежде всего, бездуховность, грубая телесность существования мира и обывателя в нём» [1, с. 134].

Аналогичное понимание феномена пошлости разделял один из наиболее глубоких аналитиков творчества Н.В. Гоголя, - В. Набоков, который вместе с тем расширил объем этого понятия, вынеся его за узкие рамки «ничтожного» существования обывателя, «маленького человека». Поднявшись на уровень метафизических обобщений, в литературно-критических «Николай Гоголь», «Пошляки и пошлость» [2] В. Набоков сформулировал понимание пошлости как качественную деформацию человеческой сущности и природы вещей, которая принципиально искажает их подлинность, делая их ложными, фальшивыми.

Близкое такому пониманию было толкование этого феномена Н.А. Бердяевым, который писал: «Пошлость есть совершенная удовлетворённость, довольство и даже веселье от плоскости небытия, окончательное выбрасывание на поверхность, окончательный отрыв от всякой глубины, от ядра бытия, боязнь всякого возвращение к глубине» [3, с. 158]. Эта линия в определении феномена пошлости была продолжена в наиболее аргументированных и убедительных публикациях современных российских авторов (В.И. Толстых, И.Б. Левонтина, В.В. Глебкин, В.П. Козырьков и др.) [4, 5, 6, 7].

Обобщая этот опыт осмысления феномена пошлости, можно предложить следующее его определение: Пошлость есть сознательное, преднамеренное искажение, частичная или полная утрата своей идентичности (подлинности, тождественности) человеческой личностью, социальной группой, обществом, государством и деформация человеком идентичности предметного, вещного мира в отношении к нему. Такое философское определение понятия пошлости даёт основание, сузив его содержание, в соответствии с законами логики прин-

ципиально расширить его объём и онтологию, область бытования.

Рассматривая современную социальную реальность через призму данной дефиниции, мы уже в первом приближении, во-первых, – убедимся в том, что феномен пошлости не просто присутствует в этой реальности, а чаще всего господствует в ней. Поэтому далеко не случайно В.И. Толстых, говоря о пошлости как старой теме, отметил; «Старая тема светских разговоров ныне приобрела «вселенский» масштаб и остроту в связи с тотальностью самого процесса опошления социальной реальности» [3, с. 105]. Во-вторых, – обнаружим, что, подобно неразрывной связи различных сфер общественной жизни, тесно связаны и различные виды пошлости. Поэтому характеристика пошлости и ее причин в культуре и образовании была бы неубедительной, если это делать вне связи с пошлостью в области экономических, политических и правовых решений. Тем более, что основной причиной существования пошлости в культуре и образовании является деформация и утрата своей идентичности, подлинности экономикой и политикой. Причём, это относится к социальной реальности как России, так и зарубежных стран.

Обращаясь к российской реальности, мы без труда, но с полным основанием приходим к выводу о том, что качественно деформировала свою идентичность (следовательно, стала неподлинной, опошлилась) экономика и в первую очередь, - реальная экономика, связанная со сферой материального производства. В отличие от материального производства современного Запада, переживающего перманентные технологические перестройки и модернизации, отечественная реальная экономика во многом деиндустриализировалась и принципиально усилила свой колониально-сырьевой характер. Качественно деградировали не только те области материального производства, которые определяют темпы экономического развития и конкурентноспособность страны на мировом рынке, но и лёгкая промышленность. Потребность в одежде и обуви значительной, если не абсолютно преобладающей части российского населения, удовлетворяет китайский производитель. И едва ли не основным «брендом» современной российской экономики стал печально знаменитый, виртуальный ё-мобиль. К такой, абсолютно не соответствующей современным задачам экономике страны, которая в недалёком прошлом значительное время лидировала в освоении космоса, принципиально не применимо понятие подлинности, идентичности.

Однако и экономика современного Запада утратила свою идентичность. Но здесь опошление этой базовой сферы имеет совершенно иное содержание. В соответствии с парадигмой постмодерна экономика стран Запада трансформировалась из механизма удовлетворения

жизненных потребностей, – в чём и состоит сущность экономики в её классическом понимании, – в машину по удовлетворению искусственно формируемых желаний. Обозначая такой мутировавший, утративший идентичность тип экономики понятиями «трансэкономика», «вирусная экономика» [8, с. 115], современный французский философ Ж.Бодрийяр утверждает, что это – «...триумф экономики, освобожденной от экономических законов и предоставленной чистой спекуляции», что «экономика становится ареной современной жизни именно в качестве арены спецэффектов, непредсказуемых результатов иррациональной игры» [8, с. 115].

Подобное же утверждение неподлинного, поддельного произошло в политической жизни. Причем, это тоже относится не только к России, но ко всем развитым странам, в которых на смену классическому пришло общество, маркируемое западными философами понятием «общество постмодерна». Так, например, электоральный процесс основывается уже не на принципах репрезентативных отношений между избирателями и кандидатами (когда кандидат представляет объективные потребности и интересы избирателя), – как это вытекает из самой сущности, неискажённой подлинной, идентичной системы политического представительства, а на символическом «удовлетворении» этих потребностей с помощью действующего на подсознание избирателей «текста», – броского имиджа, громко и пламенно произнесённой предвыборной фразы, пафосного спича в Парламенте и т.п.

Политическое пространство современной России является объёмной «энциклопедией» крайне многообразных форм такого символического «удовлетворения» потребностей и интересов электората, или деформации идентичности, подлинности политики, то есть, политической пошлости. Как писал об этой трансформации политики в современном мире, включая Россию, проницательный философ и социолог А.С. Панарин, обращаясь к термину «текст» в его постмодернистской интерпретации, – «Отсюда понятие интертекстуальности – взаимной наложенности множества текстов, которые легитимируются не по критерию своей соотнесённости с реальностью, но по критерию соотнесённости с другими, «авторитетными» текстами» [7, с. 66]. Иными словами идентичность, подлинность политических отношений принципиально деформируется, заменяясь имитацией и игрой и превращается в пошлость.

Вполне комфортно пошлость себя чувствует и в законотворческой сфере, где продукты «творчества» слишком часто находятся в антагонизме со своим общественным назначением. Так, обратимся для примера к Федеральному закону от 2013/06/30, который в публичностической практике получил краткое название закона «о защите религиозных убеждений и чувств верующих». В этом правовом акте идентичность закона как правового

го нормативного акта искажается, как минимум, дважды: Во-первых, природа правовой нормы категорически исключает неопределённость понятий, в которых он формулируется. Но о какой определённости в данном случае можно говорить, если в научной литературе до сих пор отсутствует чёткое и общепринятое определение понятия «религиозного чувства»...

Во-вторых, – идентичность, тождественность закона самому себе предполагает в качестве обязательного условия равенство перед ним всех граждан. Именно на этот принцип указывает римское «Dura lex, sed lex» – «Закон суров, но это закон». Односторонняя декларация правовой защиты «религиозного чувства» верующих без аналогичной правовой гарантии для «атеистического чувства» неверующих в светском, нетеократическом государстве, которым, согласно Основному Закону страны, пока ещё является Россия, есть также грубое искажение идентичности закона как правовой нормы.

Изложенное выше делает вполне объяснимым, что в культуре (в широком смысле), отношения которой с политикой и правом в современной России выстраиваются по принципу жёсткой субординации, пошлость не просто доминирует, она часто торжествует. Именно культура, которая по своей природе и сущности является возделыванием человеческого ума и души (римское cultura означает возделывание, улучшение), более всех других сфер общественной жизни деформировала свою идентичность, подлинность, тождественность трансформировавшись в нечто постыдное и непристойное. Это же, но только значительно раньше, произошло и в странах «цивилизованного» Запада.

Русский философ В.С. Соловьев сформулировал собственное понимание морали, основой которой, по его мнению, должны быть чувство стыда, чувство жалости (сострадания) и чувство благоговения и которая должна быть фундаментом подлинной культуры [8, с. 51-52]. Утративший свою идентичность, подлинность и абсолютно господствующий в современном обществе тип «культуры» даже «не догадывается» об этих чувствах. Семантически ёмкий и ценный для теоретических обобщений фактический материал, связанный с тотальным опощением отечественной культуры в постсоветской России содержится в книге известного отечественного реставратора и общественного деятеля, всеми своими силами защищавшего подлинную культуру, С.В. Ямщикова [9].

Трагично то, что к такому типу «культуры» в современной России человек начинает приобщаться с младенчества. Здесь, к какому бы виду детской культуры мы не обратились, практически везде торжествует «эстетика безобразного», которая уже в самом раннем возрасте блокирует возможность формирования у детей базовых нравственных ценностей, о которых писал В.С. Соло-

вьев и которые являются духовной основой созидательно-конструктивной и целостной личности. Достаточно в этой связи обратиться к такому наиболее массовому виду современной детской культуры, которая охватывает самое раннее детство, начиная с однолетнего возраста, - к культуре детской раскраски. Нельзя переоценить нравственную и духовную функции этого вида детской культуры. Но у нравственно позитивно сформированного взрослого человека, который начинает приобщать своих детей и внуков к этой культуре на практике, при первом посещении с этой целью книжного магазина возникает шок: среди сотен маленьких и больших, тонких и толстых книжек-раскрасок, которыми заполнены полки современного книжного магазина, абсолютно преобладают раскраски, созданные в формате «эстетики безобразного»!!!

Белоснежки и зайчики, котята и утята практически полностью вытеснены образами агрессивных уродцев, монстров, киборгов, приведений и прочей inferнальной нечисти! Едва ли не самыми «человечными» здесь являются образы роботов и различных машин и механических устройств! Если иметь в виду исключительную образовательно-воспитательную роль данного вида детской культуры в раннем детстве, то становится понятной прямая корреляция между торжеством в ней агрессивной пошлости и ростом детской и подростковой «немотивированной» жестокости, агрессивности и преступности. А трагическим аргументом, иллюстрирующим эту связь на практике, являются резко участвовавшие случаи расстрелов учащихся в российских школах, колледжах и вузах.

Если обращаться к специфике феномена пошлости в сфере образования, то нельзя не заметить, что еще в 1974 году в отечественной литературе появился термин, которым А.И. Солженицын обозначил тип образования с утраченной идентичностью, подлинностью. Таким термином является «образованщина». Этим термином писатель обозначал образование, в котором сочетаются поверхностные знания, ложные духовные и нравственные установки, ориентация на получение вузовского диплома как основную цель и «духовное высокомерие» [10]. И хотя использование термина «образованщина» не стало устойчивой традицией в отечественной научной и публицистической литературе, связанное с его происхождением эссе А. И. Солженицына сыграло свою конструктивную роль в осмыслении и системном научном анализе глубинных, базовых причин искажения идентичности, подлинности культуры и образования.

Исследование конкретного эмпирического материала, связанного с развитием в течение последних трёх десятилетий отечественного образования, позволяет сделать вывод, что из многообразных типов пошлости,

доминирующих в системе современного образования (прежде всего высшего) и приведших к наибольшим деструктивным последствиям, особенно выделяются два тесно взаимосвязанных типа. Один из них основан на принципе сознательного упрощения сложного, к чему сводится буквальное значение термина «вульгаризация». В основе другого лежит формально противоположный принцип преднамеренного усложнения простого.

Обращаясь к первому из выделенных типов искажения идентичности образования, мы обнаруживаем, что в современной России утвердилась крайне упрощенная образовательная стратегия, которая заключается в жёсткой привязанности системы образования к потребностям предельно деформированной, колониально-сырьевой экономики и связанного с этой экономикой «номенклатурно-родового» капитализма, породившего соответствующий, - «дикий» рынок. Сущность этого рынка заключается в том, что крупный капитал задействует ресурсы политической власти для освобождения экономического пространства от своих реальных и потенциальных конкурентов.

Социальный заказ господствующего класса системе образования в таком контексте определяется жёсткой привязанностью к императиву сиюминутной прибыли, тупой ориентацией на конъюнктуру. В такой ситуации авторов заказа на подготовку специалистов абсолютно не интересует долгосрочная экономическая перспектива, требующая больших инвестиций, и принципиально меняющих номенклатуру специальностей формируемых системой образования кадров высшей квалификации. Для превратившейся в «сферу услуг» системы высшего образования заказ на подготовку специалистов для крупного капитала, процветающего без конкуренции, носит императивный характер. Так неподлинная, утратившая идентичность, опошленная экономика современной России искажает идентичность, опошляет всю систему образования и прежде всего высшего, лишая его должной динамики, ориентации на перспективу конструктивного, органичного и целостного развития общества.

Одной из вызывающих наибольшую тревогу у научно-педагогического сообщества страны опасностей радикальной вульгаризации высшего образования является резкая, катализируемая ковидной эпидемией активизация адептов перевода системы образования, включая высшее, в дистанционный формат. Причем, этот формат позиционируется не как временный и обусловленный форс-мажорными обстоятельствами, а в качестве нормы, открывающей неограниченные возможности и творческие перспективы.

Обращает на себя тот факт, что в последнее время различные представители российского топменеджмен-

та, политической элиты активно прессингуют общественное мнение, рекламируя дистанционную форму обучения в качестве прогрессивной и имеющей несомненные преимущества перед классической формой образования. Можно вполне согласиться с такой пафосной, эмоционально возвышенной рекламой, но только при одном обязательном условии: если адепты «дистанционки», проведя множество экспериментов, безусловно, используя себя и своих сторонников в качестве материала, убедительно докажут, что дистанционный, «бесконтактный» обед гораздо прогрессивнее и полезнее, чем обед в традиционной, «контактной», то есть нормальной, естественной форме!

Уместно заметить, что идея дистанционного обучения как массовой модели для «плебса» имманентна той модели нового глобального общественного устройства, которую сегодня активно навязывают миру её пассионарные идеологи, проектировщики и технологи в интересах «глобального бизнеса» и в формате концепции «золотого миллиарда». Возможность утверждения такого «мирового порядка» и адекватного ему «трансгуманистического» общества предполагалась и жила в интеллектуальных интуициях западных и отечественных ученых и литераторов еще в прошлом веке. Так, например, Жак Эллюль вопреки преобладавшим при его жизни оптимистическому пафосу и демократическим настроениям утверждал, что в будущем человек будет жить «(...) в тоталитарном государстве, которым правит гестапо в бархатных перчатках» [11, с. 288].

Идея создания с помощью ставших реальностью био-, инфо- и медицинских технологий касты «служебных людей», обслуживающих касту «господ» – идея, пережившая из романов-антиутопий недавнего прошлого в проекты глобального общественного переустройства, по мнению ряда отечественных социальных философов и политологов, предполагает и радикальное упрощение, вульгаризацию сформировавшейся за многие века сложной системы образования западных стран. Серьезным катализатором активного обсуждения этой проблемы в России является по различным каналам доходящая до российского научно-педагогического сообщества информация о пока лишь фрагментами переведённой на русский язык книге профессора Гарвардского университета Шошаны Зубофф «Эпоха надзирающего капитализма» [12]. Из этой книги следует такой же вывод о качественной вульгаризации, ополчении системы образования в случае утверждения данной модели капитализма. Если учитывать предельно вульгаризованную социальную философию и философскую антропологию, лежащие в основе данной модели, то есть все основания утверждать, что глобальная вульгаризация образования и культуры не приведёт «золотой миллиард» к «золотому веку» и гарантированно вечной земной «нирване», а неизбежно обернется для челове-

ческого рода всеобщей катастрофой.

Упрощение сложного как тип искажения подлинности образовательного процесса в российском контексте выражается также в свертывании образования до обучения и фактическом отказе от воспитания, что оборачивается формированием ограниченной, односторонней, «усечённой» личности, нечувствительной к нравственным и духовным ценностям, – личности, для которой на порядок затрудняется процесс социализации, адаптации к динамично меняющейся социальной реальности, а также становится проблематичным участие в подлинной межличностной и межкультурной коммуникации.

Другой тип нарушения подлинности, идентичности российского образования, особенно высшего, заключается в искусственном усложнении простого. Прежде всего, он выражается в прочно утвердившемся приоритете форм, методик, технологий над содержанием. Непрерывное мельтешение различных инструкций, постоянный самоценный пересмотр образовательных стандартов, доходящее до абсурда отсутствие разумной стабильности в перечне компетенций и их соотносённости с определёнными дисциплинами, когда даже по близким направлениям подготовки в одних и тех же дисциплинах указываются совершенно различные компетенции, – это и многое-многое другое создаёт путаницу, искусственно усложняет образовательный процесс, уводя в сторону от его содержания.

Лихорадочное утверждение инноваций, – болезнь, получившая название «неопатии», о зарождении которой писал ещё Ф.М. Достоевский, сегодня поразила образовательный процесс, особенно его высшую ступень, подобно ковидной эпидемии, искажая его подлинность, идентичность и заслоняя главное, – содержание, которое, как правило, можно оптимально транслировать обучающимся на порядок более простыми способами, методами и технологиями.

Подлинное, истинное образование и культура в современном мире являются необходимыми условиями обеспечения идентичности человека как социального и духовного существа, как личности. Минимизация неподлинного, ложного, пошлого в культуре и образования позволяет человеку находить оптимальные пути реализации как своей родовой сущности, так и индивидуальности, личностной уникальности, неповторимости.

Но всё это требует одного фундаментального и обязательного условия: Бытие человека как существа сверхбиологического не должно находиться в жёстком формате сугубо физического выживания, – что, как это ни парадоксально, имеет место для значительной части населения современной России с её громадными природными и духовно-интеллектуальными ресурсами.

Поэтому обеспечение подлинности образования и культуры предполагает принципиальную смену социально-экономического курса, его переориентацию с вектора, качественно усиливающего и без того «зашкаливающие» социальные контрасты и пропасти, разделяющие уров-

ни материального благополучия различных социальных групп, на вектор противоположный, способный обеспечить восстановление подлинной, идентичной экономики и политики России как единой, целостной и процветающей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рудова О.С. Проблема пошлости: взгляды Н.В. Гоголя и В.В. Набокова // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. 2016. Т. 4. №1. – С. 134-138.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Книжный клуб; Республика, 1998. – 382 с.
3. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1981. – С. 20-130.
4. Толстых В.И. Пошлость как нашествие // Свободная мысль. 2009. № 4. – С. 103-112.
5. Левонтина Б.И. «Осторожно, пошлость!» [электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://ec-dejavu.ru/t/Triteness_a/html (дата обращения - 25.10.2021)
6. Глебкин В.В. Пошлость [электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://otimk.ru/files/Poshlost'.doc> (дата обращения - 25.10.2021)
7. Козырьков В.П. Социокультурные аспекты пустоты // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобочевского. Серия Социальные науки. 2021. № 1 [25] – С. 57-64.
8. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: АЛГОРИТМ, 2006. – 352 с.
9. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения в 2 т. Т. 1. - М.: Мысль, 1988. – 892 с.
10. Ямщиков С.В. Антикультурная революция в России. М.: Алгоритм, 214. – 224 с.
11. Солженицын А.И. Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. – С. 28-46.
12. Цит. По: Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. ООО «Издательство АСТ», 2001. – 560 с.
13. Эпоха надзирающего капитализма. Борьба за будущее человечества на грани реальности. (Перевод Сергея Каткуова из книги Шошаны Зубофф) [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://litbook.ru/article/14498/> (дата обращения - 27.10.2021)

© Фролов Анатолий Серафимович (asfrolof@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Алтайский государственный педагогический университет

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ВОЛИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

THE PROBLEM OF FREEDOM OF WILL
IN DOMESTIC PHILOSOPHY

S. Chugunov

Summary: The article is devoted to the consideration of the problem of free will in Russian philosophy. Special attention in the process of research is paid to the study of the semantic content of the concept of «will» in the historical and paradigmatic retrospective. The ways and methods of strengthening and enriching faith are also indicated. More close attention in the article is paid to the key conditions and concepts that a person needs for his own self-realization. Particular emphasis is placed on the obstacles for a person to achieve freedom and ways to overcome them.

Keywords: God, man, freedom, will, responsibility.

Чугунов Сергей Владимирович

к.филос.н., доцент, ФГАОУ ВО «Севастопольский
Государственный университет»
serzh.chugunov.62@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблемы свободы воли в отечественной философии. Отдельное внимание в процессе исследования уделено изучению смыслового содержания понятия «воля» в исторической и парадигмальной ретроспективе. Также обозначены способы и методы укрепления и обогащения веры. Более пристальное внимание в статье уделено ключевым условиям и концептам, которые необходимы человеку для собственного самоосуществления. Особый акцент сделан на препятствиях для достижения человеком свободы и способах их преодоления.

Ключевые слова: Бог, человек, свобода, воля, ответственность.

Вопрос о свободе воли является одной из центральных проблем в религиозной философии, в том числе, и в отечественной философской мысли. Решение этой проблемы требует от философов ответа, по крайней мере, на три основных вопроса. Во-первых, как соотносятся необходимость и свобода, то есть, является ли действие человека, действительно свободным? Во-вторых, какова степень ответственности человека за индивидуальные действия и поведение? В-третьих, если личность совершает своевольное действие, то какое следует наказание за него.

Неоднозначность смыслового содержания понятия «воля» привели к возникновению позиций, отрицающих свободу воли, как реальный процесс. Например, Сеченов И.М. утверждал, что воля, как психический процесс зависит от множества факторов, как внутренних, так и внешних. В связи с этим, применять понятие свобода к волевым процессам нельзя. П.Л. Лавров считал, что действия человека определяются долгом, как основой нравственного поведения, поэтому, нет и не может быть свободы в проявлении воли.

Воля – это действительная сущность человека, отмечал А.С. Хомяков. По его мнению, она не всегда, доступна рассудочной деятельности и сознательному анализу, занимая особое место в человеческом духе. Понимание воли, как указывал философ, не дается человеку из окружающего его мира. Функция воли заключается в возможности устанавливать различие между действительным предметом и его фантастическим представлением или образом, то есть, как утверждал философ, между тем, что исходит от человека и тем, что ему не принадлежит. Она не порождается никаким миром явлений и не может в него перейти. Личность не в состоянии перенять волю

из чужого опыта, так как опытным путем она не передается. Человек никогда не встретит вольный предмет, не увидит его, ибо ни один предмет вольным действием не обладает. Отсутствие воли или болезненное состояние препятствует процессу мышления, так как личность не может различить реальный предмет, от воображаемого образа. Воля, как указывал философ, способствует формированию понятий, раскрывая их источник и ограничивая пределы действий личности.

Существование воли, как силы, не вызывает сомнения, считал Хомяков. Но, в тоже время, как силы свободной, ее проявления не так являются характерными и определенными. Философ писал: «Мнимое и на словах высказываемое сомнение объясняется, во-первых, тем, что свободная воля, как до – предметная сила мысли, никогда не может перейти в предмет, познаваемый диалектическим рассудком; во-вторых потому, что она в человеке не полна и не совершенна, как сам разум, и что частное (человек) стремится воли, как оно стремится разуметь; ибо оно само есть только стремление, а не бытие в смысле сущего.» [1, с.201].

Русский философ не отрицал возможность возражения по отношению к его позиции. По его мнению, противоположный аргумент сводится к следующим положениям. Человек – это центр всех сил, которые осознаются им как внешние и как необходимость, имеющие самостоятельное значение. Сознание признает влияние этих сил и реакцию на них как отдельную от воли. На самом деле, как считал философ — это не так. Воздействие внешних сил не может быть самостоятельным. Оно всегда имеет причину, но индивидуальный разум не всегда ее может установить. Поэтому, воля, пусть и минимально, участвует в любом процессе, который, осознается чело-

веком и требует от него принятия решения и обратного действия.

Человеку свойственно осознавать или чувствовать свои физические пределы и недостатки, но не в границах воли, а в результате впечатлений. Эти впечатления, как утверждал Хомяков, носят двойственный характер, так как связаны с деятельностью различных органов чувств. Поэтому, опираясь на свои внутренние впечатления, человек не всегда их связывает с действием воли. Например, судорогу, мигание, по мнению философа, люди не относят к волевым процессам. Воля – это основа творческой активности разума и возможности логически отражать внешний мир рассудком.

Условием укрепления и «обогащения» воли является вера. Вера – это внутреннее, истинное знание. Оно не доступно тем людям, которые, по мнению философа, отреклись от душевной любви и лишили себя божественной благодати, поэтому им доступно, только «внешнее знание». «Внешнее знание» не раскрывает смысл бытия, не способствует достижению духовных тайн. Вера сдерживает личные страсти, воспитывая терпение. Она требует уважения и искренности. Ее нельзя использовать, как средство устрашения или защиты.

Человек ничтожен и мал, по сравнению с другими божественными творениями, например, с тем, что изучает астрономия. В тоже время, как утверждал русский философ, человек – это венец творения. Он является смыслом того, что сотворено Богом, поэтому воплощает в себе свою завершенность. Только человеческая личность способна реализовать тот божественный замысел, который вложил создатель в мироздание. Задача человека заключается в сохранении и спасении мира, путем внесения в него силы любви и гармонии.

Для собственного самоосуществления, любой человек имеет два направления: мир индивидуальный и единый соборный мир. В первом мире человек не развивается полноценно, осознает свою ограниченность, и не всегда может удержать себя в границах духовного согласия. Противостоящий мир предметов и физических сил влияют на жизнь людей и «заставляют» их проявлять активность. Но в этой активности проявления воли нет.

В мире соборном, человек чувствует себя индивидуальностью, которая свободно находит себя в единстве любви. Хомяков убежден, что свобода не проявляется как стихийная сила, а является неотъемлемым качеством личности, получившим в христианстве высокое развитие через истинное понимание смысла свободного действия. Личность в христианстве возвышена над земным миром и нравственно, бесконечно развивается по закону любви. «Лишь в Церкви, т.е. в свободном, проникнутом братской любовью к другим людям единении

во имя Христа, – только здесь личность обретает все свои дары, всю полноту своего личного богатства. Разум, совесть, художественное творчество вне Церкви реализуют себя всегда частично и неполно» – писал В.В. Зеньковский, оценивая идеи Хомякова [2, с.185].

Проблема свободы в философии всеединства – это, прежде всего, процесс свободного самоосуществления человека перед лицом Бога. Как неотъемлемый элемент всеединства, человек сам себя определяет, сам себя утверждает. Но, в этом случае, он подлежит миру необходимости, а необходимость является одним из состояний существования, в которых может пребывать личность. Человек выше своих состояний, ведь, свободное существование по законам собственного бытия, позволяет ему, в конечном итоге, быть независимым от Божественного откровения. Осуждая себя и свои действия, человек в отличие от других земных существ относится к себе критически, подвергая оценке сам способ своего существа Разум, как считал Соловьев, указывает человеку о факте его возможного несовершенства. Совесть, как внутренний голос говорит ему, что этот факт не является только внешней необходимостью, а зависит от него самого, от его активной воли. Человек – это связь условного и безусловного, ничтожного и божественного.

Ф.М. Достоевский признавал свободу и зло равноправными. Соловьев не согласился с этим утверждением, полагая, что свобода не всегда сопровождается злым началом. Злом нельзя назвать, свободное стремление каждого существа к независимости. Злым не может быть и желание обрести единство с миром, стать частью всего. Правда, как подчеркивал философ, это желание, является правильной целью нашей свободы. Только в условиях сотворенного мира, разделенного на отдельные элементы, эта цель реализуется через подчинение этих элементов мира себе, а это уже является злом. Отечественный философ, таким образом, сделал вывод, что, зло связано с «неправильной» реализацией нашей свободы, и причина этой «неправильности» заключается в жестком разделении друг от друга существ, обладающих свободой.

Соловьев указывал, что для объективного подхода к решению проблемы свободы воли, необходимо дать научное определение понятия воли. Анализируя различные степени проявления воли, отечественный философ пришел к выводу, что воля, как акт решения характерна для существ, обладающих способностью отвлеченного мышления. Философ объяснял, человек может иметь множество желаний, стремлений, поэтому ему предстоит выбор между ними. Этот выбор свободен, так как он определяется не актом желания, а известным принципом или идеей. Но этот выбор не свободен, если под свободой понимать отсутствие мотива, как причины или способность решиться на какое – то действие без должного основания.

Все подходы к решению проблемы свободы воли, философ разделил на две большие группы: не философские и философские. К первой группе русский философ отнес распространенные среди людей, представления о свободе действий и возможного наказания за него.

Так, одно из представлений, например, было названо криминальным подходом. Соловьев отмечал: «Если свободы воли нет, говорят представители этой точки зрения, то нет и вменяемости: если человек действует не по свободному выбору, а по безусловной необходимости, то он не может быть виновен в тех или других своих действиях, так как он не мог не совершить этих действий» [2, с.130].

Истоки философского решения проблемы свободы воли, по мнению русского философа, можно найти уже в античности и носят нравственно – психологический характер. Для Сократа путь к разумной свободе сводился к процессу поиска знания добра. Аристотель утверждал, что для разумного выбора необходима воля. Благодаря воле человек, отличает предметы и имеет возможность совершать нравственные действия, не нарушая гармонии.

Для философии христианства, воля – это естественное качество человека, приближающее его к Богу. Человек обладает свободой выбора, он имеет множество способов достичь поставленной цели. Соловьев пришел к выводу, что для христианства свобода воли заключается в поиске решения и ответственности за него.

Характерной чертой философского подхода в период Нового времени, русский философ считал поиск ответа на вопрос о соотношении между свободой и необходимостью. Не занимая определенной позиции, философ указывал, что свободу можно определить, как один из видов необходимости. Если под свободой понимать процесс или желание подчинить личные стремления, каким-либо высшим мотивам, то человек, действительно, свободен. Но, как подчеркивал Соловьев, эта свобода человека вообще. Если говорить о конкретной личности, то можно ли утверждать, что любое индивидуальное действие согласуется с нравственными нормами, а не противоречит им. Но, чаще всего человек не следует по этому пути, поэтому, сделал вывод русский философ, вопрос о свободе воли не может иметь однозначного решения.

Н.А. Бердяев подверг критике подход, определяющий свободу воли как процесс необходимого выбора между добром и злом. По его мнению, такая позиция, скорее свидетельствует о порабощении человека, чем о процессе его освобождения. Философ объяснял, что человек вынужден выбирать то, что ему навязано, и следовать нормам под страхом ответственности. Но, индивидуальная свобода может проявляться не только

в действиях, ведущих к общему благу или следованию нравственным нормам, вытекающих из свободной воли. Свобода может проявляться как активная творческая деятельность, как создание духовных или материальных ценностей. Свобода воли как свобода выбора ограничивает потенциальные возможности личности и не ведет к истинному освобождению. Наоборот, личность может почувствовать себя освобожденной, когда ей не надо выбирать, и оказаться в двойственной ситуации, когда выбор уже сделан. Философ подчеркивал, что такой подход к решению проблемы свободы воли, унижает человека, лишает его творческой активности и представляет сложный процесс личного становления, как стремление что-либо принять или отвергнуть. Человек, по-настоящему, свободен, когда ему не надо выбирать.

В человеке, как утверждал Бердяев, могут сосуществовать два порыва, один ведет его к свободе, второй к рабству. Господин и раб, как две структуры осознания своей жизни уживаются в человеке и не существуют друг без друга. Человек может проявить слабость, отказаться от свободы, ради спокойствия. Свободный не только существует сам по себе, но и не нуждается в какой-либо противоположности. Чтобы быть свободным, человек обязан изменить свою жизнь, установки и мотивы своей деятельности, признать новые ценности. Свободная личность отказывается от власти социальных мифов, отвергает их. Для нее не существуют универсальные законы и нормы, которым надо подчиняться. Философ писал: «Свобода есть внутренняя энергия человека. Через свободу человек может творить новую жизнь, новую жизнь общества и мира» [3, с.325].

Свобода иррациональна, она предшествует бытию, поэтому не должна рассматриваться как условие построения и достижения совершенного социального строя. Свобода не может быть правом, гарантии которого предоставляет общество или зависят от него. Русский философ подчеркивал, что свобода – это тяжелая обязанность. Обязанность заключается в том, что человек, добровольно, принимает перед Богом долг быть свободным человеком, а не рабом. Поэтому составляющей частью свободы является сопротивление, как форма проявления силы воли. Проявляя силу воли, человек противостоит внешним для него воздействиям, и познает границы своей свободы. Для того, чтобы человек проявлял желание бороться, по мнению философа, необходимо наличие уверенности в реальности личной свободы, а не чувство, так как оно может быть иллюзорным.

Свобода противоречива. Люди, стремясь сохранить какие-либо социальные ценности воспринимают свободу, как неподвижность и неизменность, а ее движение и рост как отрицание свободы. Статичность губительна для свободы, так как рождает стремление к разрушению основ творческой активности людей.

Бердяев выделял различные ступени социальной свободы. Увеличивается свобода по мере приближения к духу, а уменьшается, приближаясь к материи. Любая попытка возвысить материальную сторону жизни, ведет, к позиции превосходства материального богатства над духовными ценностями. Материальная свобода заключается в постоянном стремлении к обладанию чем – либо, но владеть еще не означает быть свободным. Богатство не освобождает личность, а, наоборот, подавляет ее. Поэтому, как утверждал русский философ, экономическая свобода должна быть ограничена, иначе она станет условием эксплуатации народа.

Свобода – это процесс духовного подъема. Этот процесс не заключается в отходе от реальности, а, наоборот, предполагает взаимодействие с ней, с целью освобождения от всего враждебного. Духовное освобождение заключается в саморазвитии личности, преодоления страха в себе, путем поиска истины. Философ подчеркивал, что познание истины ведет к познанию смысла свободы. А истиной, по мнению Бердяева, является любовь к Богу. Вера способствует пониманию человеком своих недостатков. Любовь ведет к желанию борьбы с ними, так как пороки мешают осознанию, что любовь – это не только счастье, но и сострадание, соучастие в жизни другого человека, единство с ним. Вера не принуждает человека, она не терпит влияния авторитета, поэтому, она всегда содержит в себе свободное действие. Вера всегда содержательна и конкретна, отрицает любой формализм, в том числе, и в вопросе религиозной свободы.

Самоопределяясь, человек расширяет границы своего внутреннего мира. Человек в своей индивидуально-неповторимой жизни может рассматриваться как носитель божественного начала, Абсолют, определяющий все, что существует в действительности. Только при полном развитии сил свободы, человек, а благодаря его внутренней активности, весь мир, смогут достичь идеального состояния, который уже невозможно будет уничтожить.

Л. Шестов считал проблему свободы воли одним, из самых сложных вопросов, как в философии, так и в теологии. По его мнению, для решения этой проблемы необходимо, либо исказить действительность, либо прибегать к парадоксальным противоречиям, либо, как Платон, использовать мифы. Используя различные примеры, в том числе и исторического характера, философ сделал вывод, что действия людей являются проявлением индивидуальной, свободной жизни. Перед личностью всегда стоит вопрос: могу ли я поступить иначе или должен поступать определенным образом? Поэтому, как отмечал философ, проблема свободы воли подвергалась пересмотру в те исторические периоды, когда вставал вопрос об истоках и условиях бытия. Человек – это образ и подобие Бога, он имеет право, как творческая

индивидуальность, вступать в спор с Богом, проявляя стремление к самоосуществлению. В подходе к отношению к Богу, философ видел основу решения проблемы свободы воли.

С целью, более подробного анализа подходов к решению проблемы свободы воли, Шестов дал краткую характеристику ряду концепций. Первую концепцию, условно, можно назвать «традиционной», так как, по мнению философа, она имеет глубокие исторические корни. В ее основе лежит утверждение, что свобода воли – это действия для выполнения, которых у человека есть все «основания». Свобода, в этом случае, рассматривается как процесс, разложенный на бесконечное количество бесконечно малых элементов. Но, какими должны быть эти «основания»? Вспоминая притчу о Буридановом осле, отечественный философ, воспользовался примером. Представим ситуацию, что перед очень голодным человеком лежат два куска хлеба. Какие есть «основания» у него, чтобы выбрать один кусок и отвергнуть второй, при этом не остаться голодным. Характерная особенность данной позиции – признание индивидуального, особенного чем–то не реальным или не заслуживающим внимания. Даже простые действия, считал Шестов, могут не зависеть от желания что–либо принять. Жизнь людей полна неожиданностями, даже, при одних и тех же условиях, один человек может поступать свободно, а другой нет.

Концепции, отрицающие свободу воли, Шестов, рассмотрел более подробно. Их основу составляет положение: свободная воля у Бога и только у Бога. Он писал: «Было бы безумием предоставить человеку «свободно» принимать какие бы то ни было решения. Бог дал уже однажды свободу первому человеку – и увидел, что все лучше, чем такое положение: человек променял рай на нашу жалкую, земную жизнь!» [4, с. 207]. Философ объяснял, что утрата свободы человеком предопределена историей развития человечества. Утратив связь с божественным миром, люди поверили, что свобода заключается в возможности выбора между добром и злом. Но, в божественном мире нет зла, поэтому и не может быть выбора, так как выбирать не было необходимости. Свобода заключается во власти над злом, в стремлении не допустить его в мир людей.

Более близкой к собственным взглядам, Шестов считал позицию М. Лютера. По его мнению, Лютер, отрицая какие–либо философские или религиозные традиции, несколько иначе ставил вопрос о свободе воли. Так, большинство философов утверждали, что человек, либо свободен, либо нет, а если нет, то его действия включены в непрерывную цепь явлений, определяемую совокупностью причин. Лютер допустил свободу воли человека в мире явлений. Люди свободно могут решать проблемы, связанные с их обыденной жизнью,

принимать решения по различным вопросам. Отечественный философ пришел к выводу, что для Лютера, закономерности мира не являются препятствием для свободы человека. Наоборот, люди свободно действуют в закономерном мире, так как могут не знать механизмы и принципы его строения. Но из того, что человек свободен во многих отношениях, для Лютера не следовало, что его можно считать абсолютно свободным существом.

Шестов утверждал, что возможности жизни ограни-

чены, трудно все понять или ответить на все вопросы. Слабость человеческой воли заключается в том, что люди не хотят действовать. Человек, часто к чему-либо стремится, но достигнуть приемлемого результата не может. В этом случае, как утверждал отечественный философ, энергия воли и страсти направляется не на созидание, а на поддержание внутренних сил. Внутренняя работа разрушает дух человека и является причиной ослабления его воли. Люди не только перестают бороться, но, даже, не могут противостоять внешним условиям своей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хомяков А.С. Избранные философские произведения. / А.С. Хомяков – Харьков: АСТ, 1996 – 458 с.
2. Соловьев В.С. Избранные статьи и письма / В.С. Соловьев. – М.: ЭКСМО, 2001. – 654 с.
3. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. / Н.А. Бердяев – М.: Республика, 1995. – 383 с.
4. Шестов Л. Сочинения в 2-х томах. / Л. Шестов. – М.: Наука. - 1993. – Т. 2 – 557 с.

© Чугунов Сергей Владимирович (serzh.chugunov.62@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Севастопольский государственный университет

Наши авторы

Our authors

Afinogenova V. – PhD in Psychological sciences, Researcher at the Institute of Psychology Russian Academy of Sciences (Moscow)

Agafonov E. – PhD, Associate Professor, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

Alieva Z. – Honored Worker of Education of the Republic of Crimea, Professor, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Alymov M. – Moscow State Linguistic University

Aydarova E. – educational psychologist, MBOU Zalarinskaya secondary school

Bernatskiy V. – Omsk State Technical University

Byundyugova T. – Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences Southern University (IMBL)

Chugunov S. – kand. philos. Sci, Sevastopol state University, Sevastopol

Devletov O. – Ph.D. History, associate Professor, Institute of Economics and Culture, St. Petersburg

Dubovik E. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk

Dubrovina S. – Associate Professor, Irkutsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Fedyashkin M. – Clergyman of the Russian Orthodox Church, Penza diocese, senior lecturer in the history of the Russian Orthodox Church of the Penza Orthodox Theological Seminary, judge of the collegium of the church diocesan court of the Penza diocese

Frolov A. – Doctor of Philosophy, Professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Gvozdeva K. – Senior lecturer, Moscow Polytechnic University

Ignatov K. – Moscow Industrial College

Izvekova T. – Cand. of Sc. (Philology), Assistant Professor, Novosibirsk State Medical University

Kirillova N. – Doctor of Cultural Studies, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Kolomyts D. – Kazan (Volga Region) Federal University

Kolomyts O. – Kazan (Volga Region) Federal University

Kovalenko N. – PhD, Saint-Petersburg State Agrarian University

Kozhevina A. – Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Baikal State University (Irkutsk)

Kulichenko T. – Associate Professor Gagarin Saratov State Technical University

Kulichenko T. – Associate Professor Gagarin Saratov State Technical University

Maksimova D. – Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Makuhin P. – Omsk State Technical University

Mironova N. – k. philos. n., associate professor, Bashkir State University (Ufa)

Mokina Ya. – Head of the department, psychiatrist, Chelyabinsk Regional Clinical Specialized Neuropsychiatric Hospital No. 1, Chelyabinsk

Muftakhova A. – Senior Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg

Muhammad L. – Ph.D., Professor, Moscow State Linguistic University; Peoples' Friendship University of Russia

Ovchinnikov M. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Chelyabinsk State University», Chelyabinsk

Pechkovskaya E. – graduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Pisarevskaya N. – Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow International University

Savrey V. – PhD in philosophy, Moscow State University

Sazbandyan T. – Ph.D. Philosophy, associate Professor, Institute of Economics and Culture, St. Petersburg

Shevelenkova T. – candidate of psychological sciences (Phd), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow; Institute of Psychology. L.S. Vygotsky

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Stepanova N. – PhD, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tarasova S. – Postgraduate student, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk

Zhakupova Ya. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "South Ural State Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Chelyabinsk

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).